ЗВЕЗДЫ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ
18+
РИЧАРД МОРГАН
СЛОМЛЕННЫЕ АНГЕЛЫ
ВСЕЛЕННАЯ «ВИДОИЗМЕНЕННОГО УГЛЕРОДА»

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

После событий «Видоизмененного углерода» Такеси Ковач, бывший чрезвычайный посланник и бывший частный детектив, оказывается далеко от Земли, на планете Санкция IV, где участвует в операции по подавлению революционного мятежа, которая вскоре переходит в полномасштабную бойню. Но именно в этом изуродованном войной мире таится сокровище, способное перевернуть человеческую историю: портал к действующему кораблю инопланетной цивилизации. Почти все археологи, обнаружившие его, погибли, кто-то явно хочет скрыть находку от людей и ради этого пойдет на любые жертвы. Вместе с отрядом наемников Ковач отправляется на поиски артефакта, еще не зная, что за секреты исчезнувшей расы пришельцев придется заплатить самую высокую цену, а при столкновении с технологиями, чьи возможности невероятны, а тайны чудовищны, не помогут навыки даже самых опытных солдат.

- Ричард Морган
  -
  -
  -
  - БЛАГОДАРНОСТИ
  - ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА
  - ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
  - ЧАСТЬ ВТОРАЯ
  - ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
  - ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
  - ЧАСТЬ ПЯТАЯ
  - ЭПИЛОГ

Ричард Морган
Сломленные ангелы

Richard Morgan
BROKEN ANGELS
Печатается с разрешения издательства Orion при содействии литературного агентства Синопсис
Copyright © 2003 by Richard K. Morgan
First published by Gollancz London
© Ирина Тан, перевод, 2018
© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Смесь изощренного сюжета, гипернасилия, политики, философии и психологии, «Сломленные ангелы» – это стремительный НФ-роман, который стоит вашего самого пристального внимания.
SF Bookshelf

«Сломленные ангелы» – это прекрасный НФ-роман со сложным, проработанным сюжетом и убедительно прописанными персонажами.
The Wertzone

Продолжение «Видоизмененного углерода» искрится энергией и интеллектом… превосходный киберпанк-роман с атмосферой нуара.
Publishers Weekly

В «Сломленных ангелах» Морган говорит не только о людях. Он погружается в практически лавкрафтовский ужас, когда речь заходит об инопланетянах и о том, что находится по ту сторону портала.
Agony Column

Если вы ищете захватывающую и жесткую научную фантастику XXI века, то Морган – это тот, кто вам нужен.
SFFReviews

Морган значительно расширил масштаб мира Ковача, детально показав весь хаос, в который погрузилась человеческая цивилизация после открытия межзвездных путешествий.

Kirkus Review

* * *

Вирджинии Коттинелли —
моей compañera,
afileres, camas, sacapuntas

БЛАГОДАРНОСТИ

И снова я благодарю свою семью и друзей за то, что терпели меня все то время, пока я писал «Сломленных ангелов». Это явно было непросто. Снова благодарю своего агента Кэролин Уитакер за терпение, а Саймона Спэнтона и его команду, в особенности самоотверженную Николу Синклэр, за то, что их стараниями «Видоизмененный углерод» взлетел, точно беркут на сульфатах.

Этот роман написан в жанре научной фантастики, но многие книги из тех, что на него повлияли, фантастикой не были. В частности, я бы хотел выразить свое глубочайшее почтение двум авторам нон-фикшн из того множества книг, что послужили для меня источником вдохновения: мои благодарности Робин Морган за «Любовника-демона», где содержится самая, возможно, четкая, полная и конструктивная критика политического насилия, которую мне приходилось читать, и Джону Пилджеру за «Героев», «Далекие голоса» и «Тайные умыслы», которые в совокупности представляют собой последовательное и бескомпромиссно честное осуждение бесчеловечности, творимой во всех уголках земного шара людьми, которые называют себя нашими вождями. В отличие от меня авторы этих книг ничего не придумали. Они все видели и пережили сами, и нам стоит прислушаться к их словам.

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА

Для читателей, не знакомых со вселенной Такеси Ковача, впервые описанной в моем дебютном романе «Видоизмененный углерод», кратко замечу, что технология оцифровки личности, возможность ее передачи, загрузки и скачивания довольно значительно – по нашим стандартам – увеличивает продолжительность жизни обитающих в этой вселенной людей. Действие «Сломленных ангелов» происходит через тридцать лет после событий «Видоизмененного углерода», но для Ковача это не слишком много. Ему было чем заняться все эти годы – лучше не уточнять, чем именно, – но при регулярном переоблачении (смене физического тела) годы на человеке сказываются не сильно. По крайней мере что касается внешности. Что до изменений внутренних – что ж, продолжительная жизнь не означает «простая», и Ковач знает об этом не понаслышке.

Приятного чтения…

РКМ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ПОСТРАДАВШИЕ СТОРОНЫ

Война ничем не отличается от прочих зашедших в тупик отношений. Разумеется, вы хотите их закончить, но какой ценой? И, возможно, еще более важный вопрос: выиграете ли вы от того, что они закончатся?

Куэллкрист Фальконер.

Военные дневники

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В первый раз я встретился с Яном Шнайдером в густом мареве боли, в орбитальном госпитале Протектората, в трехстах километрах над рваной линией облаков, окутывавших Санкцию IV. Формально говоря, вся система Санкции должна быть полностью свободна от присутствия Протектората – засевшие в бункерах остатки планетарного правительства громко настаивали, что все происходящее является вопросом внутренней юрисдикции, и региональные корпорации молчаливо согласились принять такие условия игры.

Поэтому судам Протектората, которые болтались в системе с тех пор, как Джошуа Кемп поднял знамя революции в Индиго-сити, сменили идентификационные коды, после чего корабли, по сути, были проданы по долгосрочному лизингу многочисленным участвующим в сделке корпорациям, а те ссудили их осажденному правительству по программе фонда регионального развития, не облагаемой налогом. При этом подразумевалось, что суда, которым удастся избежать встречи с бомбами-«мародёрами» Кемпа, неожиданно эффективными для секонд-хенда, Протекторат выкупит обратно до истечения срока лизинга, а общая стоимость потерь пойдет опять же в зачет налогов. Со всех сторон все чисто. А тем временем шаттлы уносили с арены боевых действий офицеров, получивших ранения во время сражений с Кемпом, что в свое время послужило для меня основным соображением при выборе сторон. Война обещала быть

кровавой.

Шаттл оставил нас прямо в ангаре госпиталя, с несколько бесцеремонной поспешностью выгрузив десятки медицинских капсульных каталок с помощью устройства, смахивающего на огромную пулеметную ленту. Еще не успел окончательно затихнуть надсадный вой двигателей, а мы уже громыхали и дребезжали, съезжая с крыла на ангарную палубу. Затем моя капсула открылась, и легкие обожгло холодом открытого космоса, который еще недавно заполнял помещение. На всем, включая мое лицо, мгновенно образовалась ледяная корка.

– Вы, – раздался напряженно-резкий женский голос. – Боль чувствуете?

Я сморгнул наледь с глаз, перевел взгляд на свою запекшуюся от крови униформу и прохрипел:

– Угадайте.

– Санитар! Эндорфин и противовирусную общего назначения.

Женщина снова склонилась надо мной. Пальцы в перчатках дотронулись до моей головы, и в ту же секунду безыгольник холодно ткнулся в шею. Облегчение наступило моментально.

– Вы с Ивенфолльского фронта?

– Нет, – выдавил я. – Участвовал в наступлении на Северный предел. А что? Что там, в Ивенфолле?

– Какой-то конченый мудила только что дал отмашку на тактический ядерный удар.

В голосе доктора зазвучали ледяные ноты гнева. Ее руки ощупывали мое тело, оценивая тяжесть ранений:

– Ну, значит, радиационных поражений нет. Как насчет химических?

Я слегка склонил голову к лацкану кителя:

– Посмотрите… на датчике…

– Датчика нет, – отрезала она. – Вместе с немаленьким куском плеча.

– Ах вот оно что, – я с трудом собрался с мыслями. – Думаю, я чист. А что, вы не можете провести клеточное сканирование?

– Нет, здесь не могу. Клеточные сканеры есть в палатах. Так что, возможно, мы вас просканируем, когда удастся расчистить там место, – она убрала руки. – Где ваш штрихкод?

– На левом виске.

С виска вытерли кровь, по коже невесомо скользнул лазерный сканер. Прибор одобрительно пискнул, после чего меня оставили в одиночестве. Обработка закончена.

Какое-то время я просто лежал, с облегчением предоставив стимулятору эндорфина избавить меня от боли и сознания – что он и проделал с учтивой расторопностью дворецкого,

принимающего шляпу и пальто. Какая-то часть меня задавалась вопросом, удастся ли сохранить тело, которое на мне сейчас надето, или понадобится переоблачение. Я знал, что у «Клина Карреры» есть небольшой запас клонов для так называемых незаменимых сотрудников, и я как один из пяти бывших чрезвычайных посланников среди наемников Карреры, разумеется, входил в эту элитную группу. К сожалению, незаменимость – палка о двух концах. С одной стороны, лучшее медицинское обслуживание, включая полную смену тела. С другой, единственная цель этого обслуживания – при первой же возможности забросить меня обратно в мясорубку. У рядового пехотинца, чья оболочка получила безнадежные повреждения, просто извлекут стек памяти из маленькой полости на верхушке позвоночного столба, после чего бросят стек в контейнер, где он, скорее всего, и пролежит до самого конца войны. Не идеальный вариант, к тому же – при всей репутации «Клина» как организации, которая заботится о своих, – без фактической гарантии переоблачения, но после безумного хаоса последних месяцев такой переход в небытие хранилища казался почти привлекательным.

– Полковник! Эй, полковник!

То ли это спецподготовка не давала полностью погрузиться в забытье, то ли меня выдернул из него голос, раздавшийся откуда-то сбоку. Я медленно повернул голову, чтобы увидеть говорившего.

Судя по всему, мы все еще находились в ангаре. На соседней каталке лежал атлетичный молодой парень, с копной жестких черных волос и живым, умным лицом, которое не потеряло осмысленного выражения даже после инъекции эндорфина. На нем тоже была форма «Клина», как у меня, только сидела неважно, да и дыры в ней, похоже, не соответствовали дырам в нем. На его левом виске, на месте штрихкода, по удобному совпадению был ожог от бластера.

– Вы ко мне обращаетесь?

– Так точно, сэр.

Он приподнялся на локте. Ему, по всей видимости, вкололи куда меньшую дозу, чем мне.

– Ну что, заставили мы таки Кемпа улепетывать, да?

– Интересная трактовка событий, – перед моим мысленным взором пронеслись обрывки воспоминаний о том, как 391-й взвод превращался в кровавую кашу. – И *куда* же, вы считаете, он будет улепетывать? То есть принимая во внимание, что это его планета.

– Ну, я думал…

– Не советую этим заниматься, солдат. Вы что, не читали свой

контракт? Закройте рот и поберегите силы. Они вам понадобятся.

– Э-э, слушаюсь, сэр.

Он выглядел слегка ошарашенным и, судя по тому, сколько народа посмотрело в мою сторону, был не единственным, кого удивили подобные речи из уст офицера «Клина Карреры». Как и прочие войны, война на Санкции IV вызывала у людей самые сложные чувства.

– И еще одно.

– Да, полковник?

– На мне лейтенантская форма. В воинском формировании «Клин» нет звания полковника. Постарайтесь запомнить.

Тут волна чудовищной боли, прикатившаяся из какой-то изувеченной части моего тела, скользнула под заграждающие руки эндорфинных охранников, дежурящих у двери в мозг, и принялась пронзительно истерить, стремясь донести свою оценку ущерба до всех имеющих уши. Моя улыбка, приклеенная к лицу, исчезла – как, наверное, исчез Ивенфолл, – и я мгновенно потерял интерес к чему бы то ни было, кроме крика.

* * *

Когда я снова очнулся, где-то прямо подо мной плескалась вода, а лицо и руки грел мягкий солнечный свет. Кто-то снял с меня изрешеченную шрапнелью армейскую штормовку, оставив в форменной майке. Я пошевелил рукой, и пальцы ощутили отполированную годами поверхность деревянных досок, тоже нагретую солнцем. На обратной стороне сомкнутых век плясали цветные пятна.

Боли не было.

Я сел, чувствуя себя лучше, чем когда-либо за последние месяцы. Я находился на небольшом грубо сколоченном пирсе, выдававшемся метров на десять в морской залив. С обеих сторон залив окаймляли низкие горы с округлыми вершинами, по небу беззаботно неслись пушистые белые облака. Недалеко от берега из воды высунуло головы семейство тюленей и принялось сосредоточенно меня разглядывать.

Мое тело, целое и невредимое, было все той же афро-карибской оболочкой армейского образца, в которой я участвовал в атаке на Северный предел.

Ну что ж.

Позади меня от чьих-то шагов заскрипели доски деревянного настила. Я дернулся на звук, рефлекторно вздернув руки для защиты. С изрядным отставанием от инстинктивной реакции в

голову пришла мысль, что в реальности моя оболочка обнаружила бы присутствие постороннего задолго до того, как тот успел бы подойти так близко.

– Такеси Ковач, – произнесла стоящая надо мной женщина в форме, правильно выговорив мягкое славянское «ч» на конце имени. – Добро пожаловать в оздоровительный стек.

– Мило, – я поднялся, игнорируя предложенную для помощи руку. – Я по-прежнему на борту госпиталя?

Женщина покачала головой и откинула назад длинные медно-рыжие волосы, обрамлявшие резко очерченное лицо:

– Ваша оболочка все еще находится в отделении интенсивной терапии, но ваше текущее состояние сознания загружено в цифровое хранилище «Клин-1» и будет храниться там до тех пор, пока вы не будете готовы к физическому воскрешению.

Я огляделся и снова поднял лицо к солнцу. На Северном пределе постоянно идут дожди.

– А где находится хранилище «Клин-1»? Или это секретная информация?

– Боюсь, что да.

– И как я только догадался?

– Из опыта сотрудничества с Протекторатом вам, несомненно, известно…

– Не продолжайте. Это был риторический вопрос.

Я и без ее ответа имел мало-мальское представление о том, где находится этот виртуальный формат. Обычно во время планетарной войны станции с малым альбедо втихую размещали на замысловатых эллиптических орбитах где-нибудь подальше и надеялись, что корабли местного флота на них не наткнутся. Шансы обнаружения довольно низкие. Космос, как принято писать в учебниках, очень велик.

– Какое соотношение вы тут поддерживаете?

– Формат функционирует в реальном времени, – ответила она тут же. – Но я могу поменять установки, если хотите.

Мысль о том, чтобы растянуть процесс моего, конечно же, недолгого выздоровления раз где-нибудь в триста, представлялась соблазнительной, но, если мне в ближайшем будущем суждено было снова тащиться на поле боя, не следовало терять формы. Кроме того, я не был уверен, что командование «Клина» позволит мне злоупотреблять подобными манипуляциями. Пара месяцев отшельнической праздности на лоне такой чудесной природы неминуемо плохо скажется на готовности участвовать в массовой бойне.

– Разместиться можно вот там, – сказала женщина. – При желании можно заказать модификации.

Я взглянул туда, куда указывала ее рука, и у кромки воды на длинной полосе покрытого галькой пляжа увидел двухэтажное здание из стекла и дерева с загибающимися кверху краями крыши.

– Выглядит неплохо, – во мне вдруг зажглись слабые искры сексуальной заинтересованности. – Как я понимаю, вы воплощаете мой идеал межличностного взаимодействия?

Женщина снова покачала головой:

– Я внутренний сервисный конструкт этого формата, осуществляющий контроль над системами «Клина-1». Моим физическим прототипом является подполковник Люсия Матаран из Верховного командования Протектората.

– С такими-то роскошными волосами? Вы шутите.

– Я располагаю определенной свободой действий. Желаете ли, чтобы я создала для вас идеал межличностного взаимодействия?

Как и предложение об изменении временного соотношения, мысль была соблазнительной. Но после шести недель, проведенных в компании буйных клиновских головорезов, больше всего на свете мне хотелось побыть в одиночестве.

– Я подумаю об этом. Что-нибудь еще?

– Для вас есть запись брифинга Айзека Карреры. Загрузить ее в системы дома?

– Нет. Проиграйте здесь. Если мне что-то еще понадобится, я вас позову.

– Как пожелаете.

Конструкт склонила голову и исчезла. На ее месте возникла фигура мужчины в черной форме «Клина». Короткая стрижка, черные волосы, припорошенные сединой, изрезанное морщинами лицо стареющего патриция; темные глаза, взгляд одновременно жесткий и понимающий; под кителем – тело офицера, никогда не прикрывавшегося рангом, чтобы отсидеться в стороне от передовой. Айзек Каррера, орденоносный экс-капитан вакуум-коммандос, а впоследствии основатель одного из самых смертоносных подразделений наемников в Протекторате. Образцовый солдат, командир и тактик. Время от времени, в отсутствие иного выбора, умелый политик.

– Приветствую вас, лейтенант Ковач. Прошу прощения, что это только запись, но, в связи с Ивенфоллом, ситуация сложная, и у нас не было времени установить связь. Медицинский рапорт говорит, что вашу оболочку восстановят дней через десять, так что клонирование в вашем случае не понадобится. Я хочу, чтобы вы вернулись на Северный предел как можно скорее, но, говоря откровенно, сейчас боевая обстановка вынудила нас

приостановить наступление, и пару недель без вас здесь переживут. К этой записи приложены последние данные, включая информацию о потерях, понесенных в ходе последней атаки. Я хочу, чтобы вы просмотрели их, пока находитесь в виртуале, задействовали вашу знаменитую интуицию посланника. Видит бог, нам пригодятся свежие идеи. В глобальном контексте захват территорий Предела представляет одну из девяти основных задач, решение которых необходимо для разрешения этого конфлик…

Я уже шел прочь, миновал пирс, а затем двинулся по уходящему вверх берегу к ближайшим холмам. Небо над головой превратилось в одно сплошное мятое облако, но еще недостаточно потемнело, чтобы разразиться грозой в ближайшем будущем. Если вскарабкаться повыше, наверняка откроется прекрасный вид на весь залив.

Позади меня ветер развеивал по пирсу голос Карреры. Проекция обращалась к пустому пространству и, вероятно, тюленям – в твердой уверенности, что у них не найдется занятий поинтереснее, чем слушать ее разглагольствования.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Продержали меня в итоге около недели.

Ничего особенного я не пропустил. Где-то подо мной, над северным полушарием Санкции IV, неслись клубы облаков, изливая дождь на убивающих друг друга мужчин и женщин. Конструкт регулярно наносила мне визиты, сообщая наиболее интересные новости. Союзники Кемпа безуспешно попытались прорвать блокаду Протектората извне, лишившись при этом пары межпланетных кораблей. Несколько умных – умнее среднего – бомб-«мародеров», вылетевших из некоего неуказанного пункта, испепелили дредноут Протектората. Правительственные войска удерживали позиции в тропиках, в то время как «Клин» и другие наемнические формирования отступали на северо-востоке под натиском элитной Президентской гвардии Кемпа. Руины Ивенфолла все еще тлели.

Как я и сказал, ничего особенного я не пропустил.

Когда я пришел в сознание в камере переоблачения, то просто купался в блаженстве. Природа блаженства, по большей части, была химической: в военных госпиталях принято непосредственно перед загрузкой всаживать в оболочку пациента изрядный заряд кайфа. Это их способ поздравить вас с возвращением, а заодно заставить почувствовать, что тебе ничего

не стоит выиграть сраную войну *в одиночку*, дайте только дорваться до всех этих гадов. Полезный, конечно же, эффект. Но рядом с коктейлем из патриотических чувств плескалось и простое наслаждение от того, что находишься в целом и невредимом теле с полным комплектом исправно функционирующих конечностей и органов.

После разговора с доктором, однако, блаженство мое поумерилось.

– Мы выпускаем вас раньше положенного, – в ее голосе снова, как при нашем первом разговоре на ангарной палубе, звенела ярость, но уже менее отчетливо. – По приказу командования «Клина». Похоже, на полное восстановление для вас нет времени.

– Чувствую я себя отлично.

– Ну разумеется. Вы накачаны эндорфинами по самую макушку. Когда их действие ослабеет, вы обнаружите, что функции левого плеча восстановились лишь на две трети. Да и повреждения в легких тоже никуда не делись. Ожоги от «Герлена-20».

Я удивленно поднял брови:

– Не знал, что его распыляли.

– Да уж. По всей видимости, никто не знал. Как мне объяснили, это была триумфально успешная секретная операция. – Она сдалась, даже гримасу не смогла толком скорчить – слишком устала. – Мы основную часть вычистили, подвергли биорегенерации самые очевидные участки, уничтожили вторичные инфекции. После нескольких месяцев отдыха вас, скорее всего, ожидало бы полное выздоровление. При нынешнем раскладе… – она пожала плечами. – Постарайтесь не курить. Обеспечьте себе легкую физическую активность. Ох, да к такой-то матери…

Я попытался обеспечить себе легкую физическую активность. Прогуливался по палубе госпиталя. Вдыхал воздух в обожженные легкие. Разминал плечо. Тут яблоку негде было упасть: вокруг раненые мужчины и женщины занимались тем же самым, что и я. Некоторых я даже знал.

– Эй, лейтенант!

Большая часть лица Тони Ломанако превратилась в маску из обнаженного мяса, испещренную зелеными ярлычками биостимуляторов ускоренной регенерации. Впрочем, обычная ухмылка Тони была по-прежнему при нем, вот только обнажала слишком много зубов с левой стороны.

– Вы целы, лейтенант! Вот молодчага!

Он обернулся и поискал кого-то в толпе:

– Эй, Эдди! Квок! Лейтенант живой.

Обе глазницы Квок Юэнь Йи были залиты оранжевым гелем для инкубации ткани. Закрепленная на черепе внешняя камера передавала в мозг изображение. На каркасе из черного углеволокна росли новые руки. Свежая ткань влажно блестела.

– Лейтенант. А мы думали…

– Лейтенант Ковач!

Эдди Мунхарто передвигался с помощью экзокостюма, а бионити восстанавливали ему правую руку и обе ноги из рваных кусков, оставленных «умной» шрапнелью.

– Рад вас видеть, лейтенант! Видите, мы все тут идем на поправку. Можете не сомневаться, через пару месяцев триста девяноста первый взвод вернется и надерет задницу кемпистам.

Армейские оболочки для «Клина Карреры» в настоящее время поставляет «Хумало биосистемс». Новейшие военные биотехнологии от «Хумало» включают в себя несколько очаровательных модификаций, вроде системы блокировки серотонина, повышающей уровень бездумной агрессии, а также толики волчьих генов, которые увеличивают скорость и жестокость, а также усиливают стайный инстинкт, от него больно, как от подступающих слез. Глядя на изувеченные остатки взвода, столпившиеся вокруг меня, я почувствовал, как у меня начинает саднить горло.

– Эх, а хорошо мы их расчехвостили, да? – произнес Мунхарто, взмахнув своей единственной оставшейся конечностью, точно ластой. – Видел вчера в военсводке.

Микрокамера Квок повернулась, послышался тихий звук работающего гидропривода.

– Примете командование новым триста девяносто первым, сэр?

– Я не…

– Эй, Наки! Где ты там, чувак? Тут лейтенант.

Больше я на полетной палубе не появлялся.

* * *

Шнайдер отыскал меня на следующий день. Я сидел в офицерской палате для выздоравливающих, глядя в иллюминатор и дымя сигаретой. Глупо, но, как выразилась доктор, *да к такой-то матери*. Не так уж много смысла в том, чтобы беречь себя, когда с этого самого тебя в любой момент может содрать мясо с костей летящая навстречу сталь или уничтожить химическое оружие.

– О, лейтенант Ковач.

Я его не сразу узнал. От боли лица людей сильно меняются, а, кроме того, мы оба были тогда залиты кровью. Я уставился на него, не вынимая изо рта сигареты, мрачно гадая, кто еще из тех, кого подстрелили по моей милости, хочет поздравить меня с успехом на поле боя. Затем что-то в его облике показалось мне знакомым, и я вспомнил нашу встречу в погрузочной зоне. Слегка удивленный тем, что он все еще на борту, а еще больше тем, что блеф помог ему пробраться даже сюда, я жестом пригласил его садиться.

– Спасибо. Меня зовут, э-э, Ян Шнайдер, – он протянул руку для приветствия, на что получил кивок в ответ, затем угостился одной из моих сигарет, лежавших на столе. – Я очень ценю, что вы не, э-э, не…

– Забудьте об этом. Я вот забыл.

– Ранения… Э-э, ранения странно влияют на мозг… на память. Потому я и спутал звания и, э-э, все такое…

Я нетерпеливо заерзал:

– Слушайте, Шнайдер, мне в общем-то до этого нет дела, – потом набрал полные легкие не рекомендованного мне сигаретного дыма и закашлялся. – Единственное, до чего мне дело есть, так это протянуть на этой войне достаточно долго, чтобы спасти шкуру. Так что, если не сменишь пластинку, отправлю тебя под расстрел, а так можешь делать что тебе, на хрен, угодно. Ясно?

Он кивнул, но его поведение неуловимо изменилось. Нервозность свелась к простому покусыванию ногтя, а во взгляде, которым он меня буравил, появилось нечто хищное. Когда я закончил говорить, он отнял от губ большой палец и, ухмыльнувшись, взамен сунул в рот сигарету. Почти что беспечно выпустил дым в сторону иллюминатора и видневшейся из него планеты.

– Именно, – сказал он.

– Что «именно»?

Шнайдер заговорщически огляделся, но остальные обитатели палаты собрались в другом ее конце, поглощенные просмотром латимерского голопорно.

Шнайдер снова ухмыльнулся и наклонился ближе:

– Именно то, что я искал. Человек с головой на плечах. Я хотел бы кое-что вам предложить, лейтенант Ковач. Кое-что, что поможет вам выйти из этой войны не просто живым, но еще и богатым – богаче, чем вы можете вообразить.

– У меня хорошее воображение, Шнайдер.

Он пожал плечами:

– Ну ладно. Значит, просто с большими деньгами. Интересно

это вам?

Я задумался, пытаясь прикинуть, что стоит за этим предложением:

– Если это подразумевает смену сторон, то не интересно. Не имею ничего против Джошуа Кемпа лично, но считаю, что он проиграет, и…

– Политика, – Шнайдер пренебрежительно махнул рукой. – Политика к этому никакого отношения не имеет. И война тоже, разве что в качестве сопутствующего обстоятельства. Я говорю о чем-то более основательном. О товаре. За обладание которым любая корпорация заплатит процентов десять своей годовой прибыли.

Я здорово сомневался, что такой товар может существовать в глухомани, вроде Санкции IV, и еще сильнее сомневался, что кто-то вроде Шнайдера может иметь к нему доступ. Но, с другой стороны, просочился же этот тип на военный корабль Протектората и получил медицинское обслуживание, о котором – по утверждениям проправительственных источников – безнадежно мечтают полмиллиона человек на планете. *Что-то* у него, возможно, и было, а сейчас что угодно, способное вызволить меня с этого комка грязи до того, как он разлетится на части, заслуживало внимания.

Я кивнул и затушил сигарету:

– Хорошо.

– Вы в деле?

– Я слушаю, – ответил я мягко. – В деле я или нет, зависит от того, что я услышу.

Шнайдер втянул щеки:

– Не уверен, что мы можем продолжать на таких условиях, лейтенант. Мне нужно…

– Тебе нужен я. Это очевидно, иначе этот разговор вообще бы не затевался. Так как, будем продолжать на означенных условиях или мне вызвать охрану «Клина», чтобы информацию из тебя выбили?

Повисла напряженная тишина. По лицу Шнайдера, точно кровь, растекалась усмешка.

– Что ж, – произнес он наконец. – Вижу, что недооценил тебя. В твоем личном деле нет ничего об этом, м-м, аспекте твоей личности.

– Любые данные обо мне, к которым ты мог получить доступ, не дают и половины реальной картины. К твоему сведению, Шнайдер, моей последней официальной военной должностью была служба в Корпусе чрезвычайных посланников.

Я подождал его реакции, пытаясь понять, удалось ли мне его

припугнуть. Посланники имеют почти что мифологический статус в пределах Протектората, и славятся они отнюдь не мягкостью характера. Эта часть моей биографии не была секретом на Санкции IV, но я старался не афишировать ее без нужды. В лучшем случае из-за такой репутации в столовой воцарялось напряженное молчание при каждом моем появлении, а в худшем свежеоблаченные юнцы, в которых нейрохимии и пересаженных мускулов больше, чем здравого смысла, решали бросить мне вызов. После третьего летального исхода (с сохранением стека) Каррера вызвал меня на ковер. Командование, как правило, неодобрительно относится к убийствам внутри личного состава. Такого рода энтузиазм следует приберегать для врага. Было решено, что вся информация о моем прошлом в Корпусе посланников будет погребена в базе данных «Клина», а во всех прочих записях я буду проходить как профессиональный наемник, бывший морпех Протектората. Достаточно распространенная здесь карьера.

Но если мое прошлое посланника и напугало Шнайдера, он этого никак не выказал. Он снова склонился ко мне, и в его проницательном взгляде читалась напряженная работа мысли.

– Посланник, значит? И когда служил?

– Довольно давно. А что?

– При Инненине довелось быть?

Огонек его сигареты ярко светился перед моими глазами. На какое-то мгновение мне показалось, что я проваливаюсь в этот огонь. Красная точка расплылась, превратившись в узоры лазерного огня, хлещущего по разрушенным стенам, в чавкающую под ногами грязь, где умирал раненый Джимми де Сото, вырываясь из моих рук и крича от боли, и распадающуюся вокруг нас линию обороны на Инненинском плацдарме.

Я на секунду прикрыл глаза.

– Да, я был при Инненине. Так ты будешь рассказывать об этом своем сказочно выгодном деле, или как?

Желание поделиться секретом буквально распирало Шнайдера. Он вытянул еще одну сигарету из моей пачки и откинулся на стуле.

– Тебе известно, что на взморье Северного предела, чуть подальше Заубервиля, находится одно из старейших марсианских поселений, известных археологам?

Ну все ясно. Я вздохнул, и мой взгляд скользнул с его лица обратно к иллюминатору с видом на Санкцию IV. Конечно, чего-то этакого и следовало ожидать, но почему-то я разочаровался в Яне Шнайдере. За недолгие минуты нашего знакомства мне показалось, что в нем чувствуется некий твердый стержень,

обещавший что-то более сто́ящее, чем всякая фигня о затерянных цивилизациях и зарытых техносокровищах.

Прошло уже добрых полтысячелетия со времени, когда перед нами открылся мавзолей марсианской цивилизации, а люди все никак не поймут, что артефакты, оставшиеся от вымерших соседей по Солнечной системе, по большей части либо нам совсем не по зубам, либо находятся в нерабочем состоянии. (А очень может быть, и то и другое, откуда же нам знать.) Практически единственной по-настоящему полезной находкой были астронавигационные карты, люди разобрали их с большим трудом, но в результате смогли послать колонизационные корабли в точки, где гарантированно располагались планеты земного типа.

Этот успех плюс разрозненные руины и артефакты, обнаруженные на планетах, которых удалось достичь с помощью карт, породили огромное количество самых разнообразных теорий, идей и верований. За время, что я бороздил просторы Протектората, я ознакомился почти с каждой. В некоторых регионах в уши мне лилась параноидальная белиберда о том, что вся история придумана ООН для прикрытия, а на самом деле астронавигационные карты получены от пришельцев из нашего же собственного будущего. Существовала также стройная религиозная доктрина, приверженцы которой считали людей затерянными потомками марсиан и ожидали воссоединения с духами предков после достижения достаточного кармического просветления. Некоторые ученые с затаенной надеждой разрабатывали относительно перспективные теории, полагавшие Марс всего лишь одним из аванпостов, колоний, отрезанных от материнской культуры, и утверждавшие, что сама эта культура по-прежнему существует где-то на другом краю Вселенной. Согласно еще одной, моей любимой версии, марсиане переехали на Землю и стали дельфинами, чтобы стряхнуть с себя оковы технологической цивилизации.

Как бы то ни было, суть одна. Их больше нет, а мы всего-навсего подбираем оставшиеся крохи.

Шнайдер ухмыльнулся:

– Думаешь, я спятил, да? Несу что-то в духе детских голографсказок?

– Что-то вроде того.

– Ты сначала послушай, – он делал короткие и быстрые затяжки, не прекращая говорить, так что дым сочился изо рта при каждом слове. – Понимаешь, все думают, будто марсиане были похожи на нас. В смысле, не физически, нет, мы считаем, что у их цивилизации были такие же культурные основы, как и у нашей…

Культурные основы? Такие обороты были не в стиле Шнайдера. Это он услышал от кого-то другого. Во мне шевельнулась легчайшая тень любопытства.

– А значит, когда мы исследуем мир, подобный этому, то все в штаны кончают от радости, когда удается обнаружить центры расселения. Это города, тут же решают все. Мы находимся на расстоянии двух световых лет от основной системы Латимера – а это две пригодные к обитанию биосферы и три условно пригодные; и в каждой есть марсианские руины, – но, однако же, стоит только зондам добраться до этого места и зафиксировать что-то, смахивающее на города, все немедленно бросают свои дела и несутся сюда.

– Ну, «несутся» – это, я бы сказал, преувеличение.

На субсветовых скоростях даже самой навороченной колонизационной барже потребуется почти три года, чтобы преодолеть расстояние, отделяющее двойные солнца Латимера от этой звезды-недоростка с незамысловатым названием. В межзвездном пространстве ничего не происходит быстро.

– Да? А ты знаешь, сколько времени прошло? С момента получения данных от зонда до инаугурации правительства Санкции?

Я кивнул. Как региональный военный советник знать такие вещи я был обязан. Заинтересованные в ситуации корпорации ускорили подготовку Хартии Протектората до одной недели. Но это случилось около века назад и имело мало отношения к тому, о чем сейчас собирался поведать мне Шнайдер. Жестом я попросил его продолжать.

– Дальше, – он наклонился вперед и вскинул руки, точно собрался дирижировать оркестром, – в дело вступают археологи. Порядок обычный: право собственности принадлежит нашедшему, правительство выступает в роли посредника между ним и корпорацией-покупателем.

– За процент.

– За процент. Плюс право на экспроприацию – цитирую – «с соответствующей компенсацией стоимости любой находки, которая может быть расценена как представляющая особенную важность для интересов Протектората», и так далее и тому подобное. Понятно, что любой приличный археолог, желающий озолотиться, отправится прямиком в эти самые центры расселения, и именно так они все и поступили.

– Откуда тебе-то это все известно, Шнайдер? Ты-то не археолог.

Он вытянул левую руку и оттянул рукав, демонстрируя свернувшуюся кольцом крылатую змею, вытатуированную

иллюминиевой краской. Чешуя змеи мерцала и переливалась, а крылья еле заметно двигались вверх и вниз, так что, казалось, можно расслышать их сухой шелест. Между зубами змеи вилась надпись: «ГИЛЬДИЯ МП-ПИЛОТОВ САНКЦИИ IV», и все это окаймлял девиз: «ЗЕМЛЯ – ЭТО ДЛЯ ПОКОЙНИКОВ». Выглядела татуировка практически свежей.

Я пожал плечами:

– Красиво. И?

– Я занимался перевозкой грузов для группы археологов, работавших на побережье Дангрека к северо-западу от Заубервиля. По большей части скребуны, но…

– Скребуны?

Шнайдер моргнул:

– Да. И что?

– Я родом с другой планеты, – заметил я терпеливо. – Здесь я просто воюю. Что за «скребуны»?

– А… Ну молодняк. – Он неопределенно покрутил руками. – Только что из Академии, их первые раскопки. Скребуны.

– Понял. Скребуны. Ну и кто из них не?

– Что? – он снова сморгнул.

– Кто не был скребуном? Ты сказал, «по большей части скребуны, но…». Но кто?

На лице Шнайдера читалось недовольство. Ему не нравилось, что я его сбиваю.

– Люди с опытом там тоже имелись. Скребунам обычно оставляют участки, где не предполагается значительных находок, но и среди ветеранов всегда есть люди, которые стараются мыслить нестандартно.

– Или заявляются уже после того, как все лучшие делянки расхватаны.

– Ну да, – по какой-то причине эта острота ему тоже не пришлась по душе. – Иногда и так. Короче говоря, мы – они – кое-что обнаружили.

– Что?

– Марсианский корабль. – Шнайдер затушил сигарету. – Целехонький.

– Брехня.

– Нет, в самом деле.

Я снова вздохнул:

– Предлагаешь мне поверить, что вы откопали целый космический корабль – нет, пардон, целый звездолет, – и о нем никто не узнал? Никто не увидел. Никто не обнаружил, что он там лежит. И как же вы его спрятали, баббл-тент над ним натянули?

Шнайдер облизнул губы и усмехнулся. Неожиданно он снова начал упиваться собой.

– Я не говорил, что мы его откопали, я сказал, мы *обнаружили*. Ковач, он размером со сраный астероид, и находится на окраине системы Санкции на парковочной орбите. А откопали мы портал, который к нему ведет. Швартовочную систему.

– Портал? – произнося это слово, я почувствовал, как по моей спине поползли еле ощутимые мурашки. – Ты имеешь в виду гиперпространственный передатчик? Ты уверен, что вы правильно разобрали техноглифы?

– Ковач, это *портал*, – сказал Шнайдер тоном, каким разговаривают с маленькими детьми. – Мы его открыли. И видели, куда он ведет. Похоже на дешевый спецэффект из эксперии. По картине звездного неба понятно, что корабль находится где-то в этой системе. Все, что нам оставалось сделать, – это войти внутрь.

– Внутрь корабля?

Против собственной воли я был заинтригован. В Корпусе чрезвычайных посланников учат лгать: лгать под детектором лжи, лгать в условиях жесточайшего стресса, лгать при любых обстоятельствах – и делать это со стопроцентной искренностью. Посланники умеют лгать лучше кого угодно в Протекторате, в естественном ли состоянии или в аугментированном, и, глядя сейчас на Шнайдера, я видел, что он говорит правду. Что бы там с ним на самом деле ни произошло, он твердо верил своим словам.

– Нет, – покачал головой он. – Не внутрь корабля. Портал ведет в точку, расположенную километрах в двух от корпуса. Ходит по достаточно близкой орбите с периодом четыре с половиной часа. Нужен скафандр.

– Или шаттл, – я кивнул в сторону его татуировки. – У тебя что был за корабль?

Он сморщился:

– Дерьмовый суборбитальный «Мовай». Размером с долбаный дом. В портал он не пролез.

– Что? – у меня неожиданно вырвался смешок, отозвавшийся болью в груди. – Не пролез?

– Смейся-смейся, – угрюмо буркнул Шнайдер. – Если бы не эта небольшая логистическая загвоздка, я бы в этой сучьей войне не завяз. Щеголял бы в сделанной на заказ оболочке в Латимер-сити. Клоны в холодильнике, цифровое хранение, гребаное, блин, бессмертие… Полный набор.

– И что, ни у кого не нашлось скафандра?

– С какой бы стати? – Шнайдер развел руками. – Полет суборбитальный. Никто не собирался выбираться за пределы

орбиты. На самом деле никто и не *мог* выбраться за пределы орбиты, минуя межпланетные порты в Лэндфолле. Все найденное на раскопках должна была освидетельствовать Экспортно-карантинная служба. А эта идея тоже ни у кого восторга не вызвала. Пункт об экспроприации помнишь?

– Угу. Любые находки, которые могут быть расценены как представляющие особенную важность для интересов Протектората. Вариант с «соответствующей компенсацией» тебя не манил? Или ты не считал, что она будет соответствовать?

– Да ну брось ты, Ковач. Какова должна быть компенсация, чтобы соответствовать такой находке?

Я пожал плечами:

– Зависит от множества факторов. В частном секторе в основном от того, к кому надумаешь обратиться. С большой вероятностью можно получить пулю в стек.

Шнайдер натянуто усмехнулся:

– Полагаешь, нам не удалось бы продать его корпорациям?

– Полагаю, сделка вышла бы вам боком. А остались бы вы при этом в живых или нет, зависит от того, с кем иметь дело.

– Ну и к кому бы ты пошел?

Я вытряхнул из пачки новую сигарету, дав вопросу повисеть в воздухе, прежде чем удостоил его ответом:

– Это, Шнайдер, мы с тобой сейчас обсуждать не будем. Мои расценки как консультанта тебе слегка не по карману. А вот как партнер, с другой стороны… – я в свою очередь расщедрился на улыбку. – Я все еще слушаю. Что было дальше?

Горький смех Шнайдера был таким громким, что заставил даже зрителей голопорно в другом конце палаты на секунду оторваться от проектора, где извивались яркие, отполированные спецэффектами человеческие 3D-тела в натуральную величину.

– Дальше? – Шнайдер снова понизил голос и дождался, когда любители плотских наслаждений отвернутся. – Дальше? Да война эта сраная, вот что было дальше.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Где-то плакал ребенок.

Какое-то время я висел на руках, держась за комингс двери, давая экваториальному климату проникнуть на борт. Из госпиталя меня выписали с формулировкой «годен к службе», но состояние моих легких было не так безупречно, как хотелось бы, и во влажном воздухе я начинал задыхаться.

– Жарковато тут.

Шнайдер заглушил двигатель шаттла и навис над моим плечом. Я спрыгнул вниз, освобождая ему проход, и прикрыл глаза от солнца. С высоты лагерь для интернированных выглядел так же невинно, как выглядит большая часть типовых застроек, но вблизи это впечатление аккуратного единообразия таяло под напором реальности. Установленные наспех бабблы потрескивали от жары; в проходах между ними текли ручьи жидких отходов. Слабый ветерок обдавал смрадным запахом горящих полимеров: при посадке шаттл взметнул мусор, распластав его по ограждению, и теперь электричество поджаривало бумагу и пластик, превращая их в труху. За забором, как железные сорняки, на высушенной земле росли автоматические турели. Сонный гул конденсаторов служил неумолкающим фоном к людскому шуму на территории лагеря.

Приплелся небольшой отряд местного ополчения, возглавляемый сержантом, смутно напомнившим мне отца в его лучшие дни. При виде униформы «Клина» отряд застыл на месте. Сержант неохотно отдал честь.

– Лейтенант Такеси Ковач, «Клин Карреры», – коротко бросил я. – Это капрал Шнайдер. Мы здесь для того, чтобы забрать для допроса одну из ваших интернированных, Таню Вардани.

Сержант нахмурился:

– Мне об этом не сообщали.

– Так я вам сейчас и сообщаю, сержант.

В таких ситуациях обычно хватает униформы. На Санкции IV широко известно, что серьезные ребята из «Клина» неофициально представляют интересы Протектората, и обычно получить желаемое не представляло проблемы. Даже другие наемники шли на попятный, когда доходило до стычек из-за порядка реквизиции. Но этому сержанту, похоже, попала под хвост какая-то вожжа. То ли смутная память о святости устава, внушенная на плацу в пору, когда это и в самом деле что-то значило, задолго до войны. То ли, может, просто зрелище соотечественников, страдающих от голода в своих баббл-тентах.

– Мне нужно видеть приказ.

Я щелкнул пальцами, и Шнайдер вложил мне в руку документы. Раздобыть их не составило особенного труда. В военных конфликтах планетарного масштаба вроде нынешнего Каррера предоставлял своим младшим офицерам такую свободу действий, которая и не снилась дивизионным командирам Протектората. Никто даже не спросил, для чего мне понадобилась Вардани. Всем это было безразлично. Пока самым сложным делом оказалось заполучить шаттл; межпланетных кораблей не хватало, они были нужны всем. В итоге мне пришлось вытрясать его под

дулом пистолета из полковника регулярной армии, заведовавшего полевым госпиталем к юго-востоку от Сучинды, о котором нам кто-то рассказал. Неприятностей из-за этого в конечном счете не избежать, но, как любил говорить сам Каррера, это же война, а не конкурс зрительских симпатий.

– Этого достаточно, сержант?

Тот принялся изучать бумаги с такой тщательностью, словно надеялся, что при близком рассмотрении печати на них окажутся наклейками-фальшивками. Я переступил с ноги на ногу в нетерпении, которое было лишь наполовину притворным. Атмосфера лагеря действовала угнетающе; где-то продолжал надрываться невидимый мне ребенок. Хотелось убраться отсюда как можно быстрее.

Сержант поднял голову, возвращая документы.

– Вам придется обратиться к коменданту, – произнес он деревянным голосом. – Лагерь находится под правительственным контролем.

Я бросил взгляд через его левое, затем правое плечо, после чего снова посмотрел ему в лицо.

– Ясно, – мои губы скривились в усмешке, и через какое-то мгновение сержант отвел глаза. – Что ж, пошли к коменданту. Капрал Шнайдер, подождите здесь. Это не займет много времени.

Офис коменданта располагался в двухэтажном баббле, отгороженном от остального лагеря еще одной линией высоковольтного ограждения. Автотурели размером поменьше угнездились на верхушках конденсаторов, подобно горгульям начала тысячелетия; у ворот застыли затянутые в униформы рекруты, еще не вышедшие из подросткового возраста. В руках они сжимали здоровенные плазменные винтовки. Юные физиономии под увешанными датчиками армейскими шлемами были воспаленными и исцарапанными. Для чего вообще понадобилось ставить часовых, для меня оставалось загадкой. Либо автотурели представляли собой муляж, либо в лагере наблюдался серьезный переизбыток персонала. Мы молча прошли за ограждение и поднялись по лестнице из легкого сплава, кое-как приклеенной к стенке баббла эпоксидкой. Сержант нажал на кнопку звонка. На секунду ожила установленная над дверью камера наблюдения, после чего дверь раскрылась. Я шагнул внутрь, с облегчением набрав в грудь охлажденного кондиционированного воздуха.

Основное освещение в офисе исходило от мониторов системы видеонаблюдения на дальней стене. Рядом стоял стол из гнутого пластика, добрую половину которого занимал дешевый голопроектор и клавиатура. Остальная поверхность была усеяна

бумагами, норовящими свернуться в трубку, маркерами и прочим канцелярским хламом. Тут и там посреди завалов, словно градирни в индустриальных зонах, высились забытые кофейные кру́жки. Тонкая змейка кабеля протянулась к руке скособоченной фигуры, сидевшей за столом.

– Комендант?

На паре мониторов сменилась картинка, и в отраженном свете блеснула сталью рука сидящего.

– В чем дело, сержант?

Говорил он невнятно, в голосе слышались скука и безучастность. Я шагнул в прохладный полумрак, и человек за столом слегка приподнял голову. Я различил синий фоторецепторный глаз и лоскуты протезного сплава, покрывавшие одну сторону лица и шеи, а массивное левое плечо выглядело как боевой скафандр, но все же им не было. Почти вся левая сторона тела отсутствовала, ее место от бедра до подмышки занимали сочлененные сервоблоки. Рука представляла собой несколько стальных гидравлических систем, на конце которых находилась черная клешня. Запястье и предплечье были оборудованы полудюжиной блестящих серебряных разъемов, в один из которых и был воткнут лежавший на столе кабель. Рядом с этим разъемом лениво пульсировал маленький красный огонек. Индикатор тока.

Я подошел к столу и отдал честь.

– Лейтенант Такеси Ковач, «Клин Карреры», – сказал я негромко.

– Ну что ж, – комендант с трудом выпрямился в кресле. – Наверное, вам хочется, чтобы здесь было посветлее, лейтенант? Я-то люблю темноту, но, – он хмыкнул, не разжимая губ, – у меня к ней приспособлены глаза. А у вас, скорее всего, нет.

Он пошарил по клавиатуре и с третьей попытки включил основные светильники, расположенные в углах комнаты. Фоторецептор потускнел, и на меня уставился мутный человеческий глаз рядом с ним. То немногое, что осталось от лица, имело тонкие черты, которые могли бы выглядеть привлекательно, если бы долгое злоупотребление электричеством не лишило мелкую мускулатуру способности верно реагировать на нервные импульсы и не придало коменданту вялый и туповатый вид.

– Так лучше? – комендант скорее осклабился, чем улыбнулся. – Думаю, да, вы ж все-таки уроженец Внешнего Мира.

В заглавных буквах «внешнего мира» сквозила ирония.

Комендант жестом указал на мониторы в противоположном конце комнаты:

– Мира, которого не видят их маленькие глазенки и который превосходит все, о чем только могут мечтать их злобные умишки. Скажите-ка, лейтенант, мы все еще воюем за нашу на все лады перетраханную, то есть я хотел сказать «перепаханную», полную археологических сокровищ, вдоль и поперек перепаханную землю нашей дорогой планетушки?

Мой взгляд скользнул к разъему с воткнутым кабелем и к мерцающему рядом рубиновому огоньку, затем вернулся к лицу коменданта.

– Мне понадобится все ваше внимание, комендант.

Какое-то время он смотрел на меня, затем голова его склонилась – так, словно была механической полностью, а не частично, – к разъему с кабелем.

– А, – прошептал он. – Вы об этом.

Он резко развернулся и уставился на сержанта, который маячил у самого порога вместе с двумя ополченцами.

– Покинуть помещение.

Сержант повиновался с живостью, которая давала понять, что он в принципе не больно-то хотел здесь оставаться. Статисты в формах последовали за ним, аккуратно закрыв за собой дверь. После того как щелкнул замок, комендант вновь обмяк в кресле, положив правую руку на разъем. С его губ слетел то ли вздох, то ли кашель, то ли смешок. Я ждал. Комендант поднял голову.

– Теперь там еле капает, могу вас уверить, – сказал он, указывая на по-прежнему мигающий индикатор. – Если его совсем отключить, на настоящем этапе меня это, думаю, прикончит. Если лягу, вряд ли уже встану. Вот и остаюсь в этом… кресле… Дискомфорт меня будит… время от времени… – с видимым усилием он попытался сосредоточиться. – Ну так что же от меня нужно «Клину Карреры», позвольте спросить? Ценного у нас ничего нет. Медикаменты закончились уже несколько месяцев назад, даже продовольствия, что нам привозят, и то еле хватает на рационы. Для моих людей, разумеется, – я говорю о доблестных бойцах, вверенных моему командованию. Обитателям лагеря достается и того меньше, – еще один жест рукой, на этот раз в сторону мониторов. – А вот машины, конечно, есть не просят. Они самодостаточны, непритязательны и не обременены неудобным свойством сопереживать тем, над кем поставлены надзирать. Отличные солдаты, все как на подбор. Как видите, я пытался стать одним из них, но пока не очень преуспел…

– Я не претендую на ваши материальные резервы, комендант.

– Так что тогда, карательная миссия? Я что, не вписался в какой-то новый поворот в планах Картеля? Или, может быть, подрываю боевой дух армии? – идея, по-видимому, его

позабавила. – Ты ассасин, что ли? Клиновский киллер?

Я отрицательно качнул головой:

– Я прибыл за одной из ваших интернированных – Таней Вардани.

– А, ну да, археолог.

В моей груди шевельнулось нехорошее предчувствие. Я молча положил на стол перед комендантом бумагу с приказом и стал ждать. Комендант неловко взял документ и принялся изучать его, театрально склонив голову и подняв бумагу высоко, словно какую-то голоигрушку, разглядывать которую подобало снизу. Кажется, он что-то бормотал себе под нос.

– Что-то не так, комендант? – осведомился я негромко.

Он опустил руку и, опершись на локоть, потряс бумагой. За мелькающим листком я увидел, что во взгляде человеческого глаза внезапно появилась осмысленность.

– А зачем она вам понадобилась? – спросил он так же негромко. – Танюшка-поскребушка. На что она сдалась «Клину»?

Я холодно взвесил возможность его убийства. Это не составит труда – через пару месяцев с ним и так расправится электричество, но за дверью стоял сержант с парочкой солдат. Без оружия шансы у меня были так себе, да и параметров автотурелей я пока не знал и холодно ответил:

– А вот это, комендант, касается вас еще меньше, чем меня. У меня есть свой приказ, а у вас теперь есть ваш. Находится в вашем лагере Вардани или нет?

Однако этот, в отличие от сержанта, глаз отводить не стал. Возможно, его подстегивало нечто, вынырнувшее из пучины аддикции, какой-то тугой комок горечи в разлагающейся оболочке, облекающей его «я». А возможно, это был уцелевший осколок того гранита, из которого комендант некогда состоял целиком. Он не собирался уступать.

Моя правая ладонь за спиной сжалась и снова разжалась, готовясь нанести удар.

Поднятая рука коменданта вдруг рухнула на стол, словно взорванная башня, и документ вылетел из пальцев. Моя рука метнулась вперед, пригвоздив бумагу к столу прежде, чем она успела упасть на пол. Из горла коменданта вырвался короткий сухой звук.

Какое-то мгновение мы оба молча смотрели на мою ладонь, прижимавшую к столу листок. Затем комендант опять обмяк в кресле.

– Сержант, – позвал он хрипло.

Дверь открылась.

– Сержант, отправляйтесь в баббл номер восемнадцать и

доставьте Вардани к шаттлу лейтенанта.

Сержант отдал честь и отбыл. Оттого что решение пришлось принимать не ему, на его лице читалось такое же облегчение, как у раненого после приема болеутоляющего.

– Благодарю вас, комендант.

В свою очередь отсалютовав, я взял со стола документ и повернулся к двери. Я уже почти перешагнул порог, когда комендант заговорил снова:

– Востребованная женщина.

Я обернулся:

– Что?

– Вардани, – в его глазах блеснула искра. – Вы не первый.

– Не первый что?

– Меньше трех месяцев назад, – он увеличил ток в левой руке, и его лицо дернулось судорогой. – Случился у нас тут небольшой рейд. Кемписты. Прорвали периметр и проникли на территорию. И оборудование у них было отличное, хотя в наших краях дела у кемпистов плохи.

Его голова безвольно откинулась на спинку кресла, из груди вырвался протяжный вздох:

– Отличное оборудование. Хотя в наших. Пришли. За ней.

Я ждал продолжения, но он лишь уронил голову набок. Я заколебался у порога. Стоявшие внизу двое солдат посмотрели на меня с любопытством. Пройдя обратно к столу, я обхватил лицо коменданта ладонями. Зрачок в человеческом глазу закатился, обнажив белок, и болтался у границы верхнего века, как воздушный шарик, что тычется в потолок комнаты, где давным-давно окончилась вечеринка.

– Лейтенант?

Оклик с лестницы снаружи. Еще несколько секунд я всматривался в отрешенное лицо коменданта. Его дыхание было слабым, рот полуоткрыт, а в углах губ притаилась тень улыбки. На периферии моего зрения вспыхивал и гас рубиновый огонек.

– Лейтенант?

– Иду.

Я отпустил голову коменданта и вышел обратно навстречу жаре, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Вернувшись к шаттлу, я обнаружил, что Шнайдер сидит на одном из передних посадочных модулей и развлекает фокусами группу оборванных ребятишек. Из-под навеса ближайшего баббл-тента за ним наблюдала пара военных. Я приблизился, и Шнайдер поднял на меня взгляд.

– Что-нибудь не так?

– Все в порядке. Разгоняй малышню.

Шнайдер недоуменно поднял бровь и стал неторопливо заканчивать трюк. В финале он вытащил из-за уха каждого зрителя по маленькой игрушке с памятью формы. Шнайдер начал показывать, как они работают, и дети разом примолкли, словно не могли поверить своим глазам. Если игрушки расплющить, а потом резко свистнуть, то увидишь, как они медленно, точно амебы, расправляются обратно. Какой-нибудь корпоративной генлаборатории пора уже разработать таких вот солдат. Дети застыли с раскрытыми ртами. Получился отдельный фокус. Я-то ребенком бы посчитал такую неуничтожимую штуку настоящим ночным кошмаром, но, с другой стороны, каким бы безрадостным ни казалось мне детство, оно выглядело просто праздником по сравнению с этим местом.

– Напрасно ты внушаешь им мысль, что не все люди в форме поголовно плохие, – тихо произнес я.

Шнайдер бросил на меня удивленный взгляд и громко хлопнул в ладоши:

– Ну все, малышня. Брысь отсюда. Давайте, давайте, представление окончено.

Дети побрели прочь, с неохотой покидая свой маленький оазис развлечений и бесплатных подарков. Скрестив на груди руки, Шнайдер смотрел ребятишкам вслед. Лицо его было непроницаемо.

– Откуда у тебя эти штуки?

– Нашел в грузовом отсеке. Была там пара ящиков с гуманитарной помощью для беженцев. Похоже, госпиталю, у которого мы попятили этот корабль, они особо не пригодились.

– Да уж, они там уже всех беженцев успели пристрелить, – я кивнул в сторону удалявшихся детей, которые весело щебетали, обсуждая полученные сокровища. – Лагерное ополчение, скорее всего, конфискует все это, как только мы отчалим.

Шнайдер пожал плечами:

– Да знаю. Но я все равно уже раздал шоколад и болеутоляющее. Что тут поделаешь?

Это был резонный вопрос, на который имелось множество нерезонных ответов. Уставившись на ближайшего ополченца, я прокрутил в голове самые кровавые варианты.

– А вот и она, – сказал Шнайдер, указывая куда-то в сторону.

Проследив направление его руки, я увидел сержанта с еще одной парой военных в униформах. Между военными шагала стройная фигура со скованными впереди руками. Глядя против солнца, я сощурился и повысил кратность увеличения нейрохим-модифицированного зрения.

В дни своей археологической деятельности Таня Вардани,

полагаю, выглядела получше. Ее изящная оболочка казалась, наверное, не такой истощенной, а темные волосы, наверное, были как минимум вымыты и, например, собраны в пучок. Синяки под глазами, наверное, тоже отсутствовали, а, завидев нас, она могла бы, наверное, даже слегка улыбнуться или хотя бы просто дернуть уголком большого, чуть скошенного рта в знак узнавания.

Вардани покачнулась, споткнулась и упала бы, если бы ее не удержал один из конвойных. Стоящий рядом со мной Шнайдер дернулся было вперед, но тут же остановился.

– Таня Вардани, – сухо объявил сержант, извлекая белую пластиковую ленту, сплошь испещренную полосами штрихкодов, и сканер. – Мне понадобится подтверждение вашей личности.

Я ткнул пальцем в код на виске и спокойно подождал, когда красный луч считает его. Сержант отыскал на пластиковой ленте соответствующую Вардани полоску и провел по ней сканером. Шагнув вперед, Шнайдер взял женщину за руку и потащил к шаттлу, изображая равнодушие и бесцеремонность. На лице самой Вардани не отразилось ни малейшей эмоции. Когда я повернулся, чтобы последовать за ними, сержант окликнул меня голосом, из твердого вдруг ставшим надтреснутым.

– Лейтенант.

– Да, в чем дело? – я позволил растущему нетерпению отразиться в моем тоне.

– Она вернется?

Стоя в проеме, я повернулся к нему, выгнув бровь той же замысловатой дугой, что Шнайдер за несколько минут до этого. Сержант нарушал всю мыслимую субординацию и сам прекрасно это понимал.

– Нет, сержант, – сказал я, словно обращаясь к маленькому ребенку. – Она не вернется. Ее забирают для допроса. Просто забудьте о ее существовании.

Я закрыл дверь.

Но когда шаттл оторвался от земли, я бросил взгляд в иллюминатор и увидел, что сержант так и стоит на прежнем месте, в самом сердце бури, вызванной нашим взлетом.

Он даже не попытался закрыть лицо, чтобы защитить его от пыли.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Включив гравитягу, мы полетели на запад. Под нами тянулась пустыня – скудная растительность с вкраплениями зелени более насыщенных цветов в местах, где водоносный слой

залегал неглубоко. Двадцатью минутами позже мы оказались над береговой линией и заскользили над открытым морем, над водами, которые, по данным военной разведки «Клина», кишели «умными» минами кемпистов. Все это время Шнайдер поддерживал дозвуковую скорость. Отслеживать нас должно было быть нетрудно.

Бóльшую часть полета я провел в главном отсеке, делая вид, что просматриваю сведения о текущем положении дел, которые поступали на шаттл с одного из спутников Карреры, а на самом деле натренированным глазом бывшего чрезвычайного посланника пытался оценить состояние Тани Вардани. Она ссутулилась в самом дальнем от входной двери кресле, рядом с иллюминаторами правого борта, и прижалась лбом к стеклу. Ее глаза были открыты, но смотрела ли она на проплывавший под нами пейзаж, сказать было трудно. Я не пытался заговорить с ней: в этом году мне довелось видеть тысячи похожих лиц, на которых застыла точно такая же маска, и я знал, что женщина перестанет за ней прятаться, только когда будет готова, – чего может не случиться никогда. Вардани облачилась в подобие эмоционального вакуумного костюма; это единственное средство, которое остается в человеческом арсенале, когда моральные параметры окружающей обстановки становятся настолько нестабильными, что сознание больше не может функционировать без хоть какой-то защиты. Такое состояние с некоторых пор стали именовать «военной психотравмой» – широкий термин, за которым стоит мрачное, но довольно недвусмысленное предупреждение для всех, под чье попечение попадает такой пациент. Существует множество более или менее эффективных психологических приемов, призванных выправить положение, но достижение конечной цели любой медицинской философии, считающей профилактику лучшим методом лечения, в данном случае определенно лежит за пределами человеческих возможностей.

Ничего удивительного, что мы по-прежнему бродим по изящным развалинам марсианской цивилизации, размахивая неандертальскими орудиями труда и не имея ни малейшего представления об устройстве этой древней культуры. Вы же не ждете от мясника способности понять или повторить действия бригады нейрохирургов. Невозможно наверняка сказать, какой непоправимый ущерб мы уже нанесли тому корпусу знаний и технологий, который марсиане так опрометчиво предоставили в наше распоряжение. В конечном счете, мы мало чем отличаемся от стаи шакалов, шныряющих среди обломков и трупов на месте крушения самолета.

– Подлетаем, – сообщил по интеркому Шнайдер. – Зайти не хочешь?

Я оторвал голову от голографического дисплея, смахнул инфогранулы к основанию и посмотрел на сидящую напротив Вардани. Она слегка шевельнулась от голоса Шнайдера, но взгляд, устремленный на вмонтированный в потолок динамик, по-прежнему оставался потухшим. Вытрясти из Шнайдера правду о его прошлых отношениях с этой женщиной не составило труда, но я до сих пор точно не понимал, как они повлияют на нынешнее положение дел. По его уверениям, их связь продлилась недолго, резко оборвавшись с началом войны два года назад, и сейчас никаких проблем доставить не могла. Моим же самым мрачным сценарием была версия о том, что вся история о звездолете окажется изощренной аферой, затеянной Шнайдером с единственной целью: освободить археолога и убраться с планеты вместе с ней. Ведь если верить коменданту лагеря, Вардани уже пытались освободить, и какая-то часть моего сознания задавалась вопросом, а не были ли те загадочные прекрасно экипированные коммандос предыдущими облапошенными жертвами Шнайдера. Если так оно в конце концов и окажется, я буду очень рассержен.

Впрочем, той части моей интуиции, к которой стоило прислушиваться, такая идея не казалась очень уж правдоподобной; слишком много деталей подтвердилось с тех пор, как мы покинули госпиталь. Даты и имена были верными – на побережье к северо-западу от Заубервиля действительно проводились археологические раскопки, и руководителем числилась Таня Вардани. Транспортным агентом значился пилот Гильдии Иэн Мендель, но на снимке было лицо Шнайдера, а в спецификации фигурировал серийный номер и данные о рейсах громоздкого суборбитального «Мовай» десятой серии. Даже если Шнайдер уже и пробовал вытащить Вардани, делал он это в силу куда более приземленных причин, а не из простой симпатии.

А если он тут ни при чем, значит, в игру приняли кого-то еще.

Так или иначе, за Шнайдером стоит приглядывать.

Я опустил панель дисплея и поднялся – в тот самый момент, когда шаттл накренился, выполняя разворот в сторону моря. Ухватившись рукой за багажную полку, я опустил взгляд на археолога:

– Советую пристегнуться. Сейчас несколько минут будет немного потряхивать.

Она не ответила, но ее руки, лежавшие на коленях, шевельнулись. Я направился к кабине пилота.

Сидевший в кресле ручного управления Шнайдер и поднял

голову при моем появлении. Его ладони расслабленно лежали на подлокотниках. Он кивнул на максимизированный цифровой дисплей в верхней части приборной проекционной сетки.

– Счетчик глубины по-прежнему показывает меньше пяти метров. Уклон пологий, и глубоководья мы достигнем только через несколько километров. Ты уверен, что это говно так близко не подплывает?

– Если бы подплывало, то торчало бы из воды, – сказал я, опускаясь в кресло второго пилота. – Управляемая мина не сильно меньше бомбы-«мародера». Практически автоматизированная мини-подлодка. Система работает?

– Ага. Можешь надевать маску. Пульт управления оружием на правом подлокотнике.

Я натянул на лицо эластичную стрелковую маску и коснулся висков, включая изображение. Вокруг меня возникло яркое море первичных цветов – бледно-синяя вода, темно-серое дно. Электроника отображалась красным, насыщенность которого определялась заданными мной параметрами. Основная часть была светло-розовой – мертвый металлический хлам, не проявлявший никакой электроактивности. Я погрузился в виртуальное отображение данных, идущих от сенсоров шаттла, заставил себя не вглядываться в дно и перешел в состояние дзена.

Чрезвычайных посланников не учили тралению, но предельная бдительность, которая достигается, как ни парадоксально, через полное отсутствие каких-либо ожиданий, была краеугольным камнем основной подготовки. Чрезвычайный посланник Протектората, когда его как ОЧС – оцифрованное человеческое сознание – пересылают гиперпространственным пробоем, должен ожидать в буквальном смысле чего угодно. Обычно ты оказывался в незнакомом теле в незнакомом мире, под огнем противника. Даже при благоприятных обстоятельствах никакой инструктаж не в силах подготовить человека к такой радикальной смене обстановки. Что уж говорить о тех по меньшей мере нестабильных, а по большей – смертельно опасных ситуациях, для разрешения которых был создан Корпус чрезвычайных посланников.

Вирджиния Видаура, инструктор Корпуса, руки в карманах комбинезона, спокойным, задумчивым взглядом изучает наши лица. Первый день тренировок.

«Поскольку логистически невозможно предугадать все, – спокойно сообщила она, – мы научим вас не предугадывать в принципе. Тогда вы будете готовы ко всему».

Мое сознание даже не успело зафиксировать появление первой мины. Когда я краем глаза заметил красную вспышку,

руки уже захватили цель и запустили самонаводящиеся микроракеты. Малютки прочертили зеленые трассы над виртуальной морской гладью, вонзились в воду, как острые ножи в мякоть, и прошили притаившуюся в глубине мину, прежде чем та смогла уклониться или провести ответную атаку. Последовал взрыв, и поверхность моря выгнулась вверх, как человеческое тело на столе для допросов.

В незапамятные времена люди управляли своими системами вооружения самостоятельно. Они поднимались в воздух на летательных аппаратах размером не больше корыта с крыльями и оборудованных немногим лучше и использовали то немудрящее оружие, что удавалось уместить рядом с собой в кокпите. Позже для этих целей были разработаны машины, которые делали свое дело быстрее и гораздо точнее, чем это было по плечу человеку, и на какой-то период небо целиком принадлежало им. Затем на сцену вышла биотехнология, которая вернула людям конкурентоспособность, и внезапно они снова сравнялись с машинами в скорости и меткости. С тех пор это превратилось в своеобразную технологическую гонку, ход которой определялся тем, что же удастся усовершенствовать первым – автоматику или человеческий фактор. И психодинамика чрезвычайных посланников была резким и неожиданным рывком по полосе обгона.

Существуют военные машины быстрее меня, но нам не повезло: на борту таких не было. Реквизированный у госпиталя шаттл был судном обеспечения, и его чисто оборонительное вооружение сводилось к турели в носовой части и установке для запуска ложных целей, которой я не доверил бы защиту воздушного змея. Придется поработать самим.

– Одна есть. Остальные где-то неподалеку. Сбавь ход. Снижайся и готовь хлопушки.

Они появились с запада, ползли по дну, похожие на толстых бочкообразных пауков, привлеченных жестокой смертью собрата. Я почувствовал, как нос шаттла опустился вниз – это Шнайдер пошел на снижение, выровняв судно, когда между ним и морской поверхностью оставалось каких-нибудь десять метров; затем последовал сильный глухой удар – это выдвинулись бомбодержатели с хлопушками. Я не сводил глаз с приближавшихся мин. Их было семь, и все направлялись к нам. Обычно они ходят пятерками, так что это, видимо, были остатки двух групп, хотя кто смог так существенно проредить их ряды, оставалось для меня загадкой. Судя по тому, что я прочел в рапортах, с начала войны в эти воды заходили исключительно рыболовецкие суда. Морское дно густо усеивали их обломки.

Я взял на прицел головную мину и уничтожил ее почти небрежным движением. Оставшиеся шесть выпустили свои первые торпеды. Вырвавшись из-под воды, те устремились к нам.

– Мы на мушке.

– Вижу, – коротко бросил Шнайдер, и шаттл дернулся, заходя на вираж. Я сыпанул в воду щепотку самонаводящихся микроракет.

«Умные» мины на самом деле довольно глупы. И это понятно: диапазон задач, для которых они спроектированы, настолько узок, что слишком продвинутый интеллект им противопоказан. Закрепившись на морском дне при помощи клешни, чтобы обеспечить стабильность запуска, они ждут, когда над ними пройдет цель. Некоторые способны зарываться достаточно глубоко, чтобы ускользнуть от внимания спектросканеров; некоторые камуфлируются под обломки. По сути, это стационарное оружие. Они могут вести огонь и в движении, но точность при этом страдает.

Что еще лучше, их система устроена по принципу «или-или», перед выстрелом определяя цель либо как наводную, либо как воздушную. Против последних они используют микроракеты класса «земля-воздух», против первых – торпеды. При необходимости торпеды превращаются в ракеты, сбрасывая двигатель при выходе из воды и в воздухе используя примитивное сопло, но они *медленные*.

Мы шли почти вплотную к воде, снизив скорость практически до нуля, и поэтому мины решили, что мы – корабль. Торпеды вынырнули в тени шаттла, не обнаружили цели, и, пока стряхивали с себя двигатели, с ними расправились наши самонаводящиеся ракеты. Тем временем россыпь снарядов, которую я сбросил в море, уже отыскала и уничтожила две – нет, постойте, три – мины. Если так пойдет дело…

СБОЙ СИСТЕМЫ.

СБОЙ СИСТЕМЫ.

СБОЙ СИСТЕМЫ.

В правом верхнем углу зрения запульсировал световой индикатор и поползли строки сообщения об ошибке. Времени читать его у меня не было. Пульт не подавал признаков жизни, управление оружием было намертво заблокировано, очередная пара микроракет покоилась в пусковых трубах. «*Сраное ооновское старье*», – подобно падающему метеору, промелькнуло в голове. Я ударил по кнопке аварийного устранения неполадок. Система мобилизовала свои рудиментарные диагностические способности и начала выискивать причину неисправности. Не успеть. На поиски могут уйти целые минуты. Оставшиеся три мины

выпустили против нас ракеты «земля-воздух».

– Шн…

Шнайдер, при всех своих недостатках, был хорошим пилотом. Я еще не успел выговорить первый слог его имени, а он уже резко задрал нос шаттла, и мы устремились вверх, сопровождаемые шлейфом ракет «земля-воздух».

– Заклинило.

– Знаю, – его голос был напряжен.

– Выпускай «хлопушки»! – прокричал я, пытаясь перекрыть сигналы тревоги. Показатели высоты на альтиметре перевалили за километр.

– Понял.

Шаттл загрохотал, выбрасывая бомбовые кассеты. Они взорвались за нашим хвостом через две секунды после запуска, испестрив небо крошечными электронными обманками. Ракеты израсходовали себя в этом облаке. Краем глаза я увидел, что индикатор на панели управления орудиями вспыхнул зеленым, и, словно в подтверждение, пусковая установка исполнила последнюю, необработанную команду, запустив пару ждавших своей очереди микроракет в свободное от каких бы то ни было целей пространство позади нас. Сидящий рядом Шнайдер издал победный возглас и развернул корабль. Стабилизационное поле компенсировало маневр с запозданием, и, почувствовав, как заходили ходуном кишки, я понадеялся, что Таня Вардани перед вылетом ничего не ела.

Несколько секунд мы парили на крыльях антигравитационных полей шаттла, после чего Шнайдер пошел на снижение. Мы почти отвесно спикировали к поверхности моря, где нас встретила вторая волна ракет.

– Хлопушки!!!

Снова бухнули, выдвигаясь, бомбодержатели. Выцелив три оставшихся мины, я выпустил последние микроракеты и затаил дыхание. Запуск прошел чисто. В тот же самый момент Шнайдер снова врубил гравполя, и наше суденышко содрогнулось всем корпусом. Хлопушки, падающие теперь быстрее, чем выпустивший их шаттл, включивший аварийный реверс, сдетонировали почти перед самым нашим носом. Экран перед моими глазами сплошь залило багрянцем ложных сигналов, испускаемых ловушками, и взрывов накинувшихся на них ракет «земля-воздух». Наши микроракеты, по моему точному расчету, покинувшие борт за считаные мгновения до того, как сдетонировали хлопушки, были уже далеко, устремляясь к минам, притаившимся где-то внизу.

Шаттл спустился вслед за обломками хлопушек и

сдетонировавших ракет. Буквально перед тем как мы коснулись морской поверхности, Шнайдер запустил еще одну, произведенную по особому рецепту, пару хлопушек. Они сдетонировали сразу после того, как мы скрылись под водой.

– Погрузились, – сообщил Шнайдер.

Бледно-голубой на моем экране становился все более насыщенным, по мере того как мы отвесно уходили вглубь. Я повертел головой, разыскивая мины, и, к своему удовлетворению, не обнаружил ничего, кроме хлама. Я наконец выдохнул – вдыхал я в последний раз еще тогда, когда небо вокруг кишело ракетами, – и откинулся на спинку кресла.

– Вот это, – сказал я в пространство, – была заваруха так заваруха.

Мы достигли дна, уперлись в него на мгновение, затем снова чуть подались вверх. Вокруг нас медленно оседала шрапнель, оставшаяся от последней пары хлопушек. Я окинул внимательным взглядом окрашенные в розовый осколки и улыбнулся. Эту пару я собрал лично. Собственно производство заняло у меня меньше часа в ночь перед тем, как мы отправились за Вардани, – зато больше трех дней ушло на то, чтобы облазить бывшие зоны боевых действий и разбомбленные взлетно-посадочные поля и насобирать частей для корпуса и электронику для начинки.

Я содрал с головы стрелковую маску и потер глаза:

– Сколько нам добираться?

Шнайдер протянул руку к приборному дисплею:

– Часов шесть при сохранении нынешней плавучести. Если помогу течению гравами, прибудем вдвое раньше.

– Угу, или взлетим на воздух. Я пережил последние две минуты не для того, чтобы снова стать мишенью. Поля не включай, а время используй для того, чтобы почистить базы данных этого корыта.

Шнайдер строптиво взглянул на меня:

– А ты чем собираешься заниматься?

– Ремонтом, – бросил я, направляясь к Тане Вардани.

ГЛАВА ПЯТАЯ

В отсветах пламени ее лицо казалось камуфляжной маской, сотканной из света и тьмы. До того как лагерная жизнь наложила на него свой отпечаток, это лицо могло считаться красивым. Суровые условия, в которых содержались политзаключенные, превратили его в обтянутый кожей череп. Запавшие глаза, ввалившиеся щеки. Отблески огня плясали в глубоком колодце взгляда, в неподвижных зрачках. Спадавшие на лоб волосы напоминали солому. В углу рта была зажата одна из моих сигарет, так и не зажженная.

– Не хотите такое курить? – спросил я.

Разговор происходил словно по каналу плохой спутниковой связи – прошло две секунды, прежде чем искры, отражавшиеся в ее глазах, переместились вверх и сосредоточились на мне. Голос, ослабевший от долгого неупотребления, был бесцветен:

– Что?

– Я о сигаретах. «Сайт Севен». Лучшее, что я смог раздобыть за пределами Лэндфолла.

Я протянул ей пачку, и Таня покрутила ее в руках. Она дважды перевернула ее туда-сюда, прежде чем смогла отыскать полоску прикуривателя и приложить ее к зажатой во рту сигарете. Ветер унес почти весь дым, но какую-то его часть Вардани вдохнуть успела. Она поморщилась.

– Спасибо, – она держала пачку в сложенных ковшом ладонях, словно та была каким-то зверьком, которого она только что спасла, вытащив из воды.

Я молчал, курил, скользя взглядом по деревьям, стеной выстроившимся вдоль берега. Рефлекторная осторожность без всякого фактического повода для беспокойства – посланнический аналог расслабленного постукивания пальцами в такт музыке. Посланник помнит об опасности вокруг так же, как большинство людей знает, что, если выпустить предмет из рук, он упадет на землю. Навыки посланника закладываются на инстинктивном уровне. Посланник никогда, ни при каких условиях не теряет бдительности, так же как нормальный человек не разожмет пальцев, держа на весу наполненный стакан.

– Вы что-то со мной сделали.

Она произнесла эти слова тихо, как и предыдущие, но когда я перевел на нее взгляд, то увидел, что ее глаза уже не пусты. Ее фраза не была вопросом.

– Я это чувствую, – она прикоснулась к голове широко

растопыренными пальцами. – Вот здесь… как будто бы… отверстие.

Я кивнул, пытаясь подобрать верные слова для объяснения. В большинстве миров, на которых мне довелось побывать, вторжение в чужое сознание расценивается как серьезное нарушение моральных норм, и только государственным органам позволяется заниматься этим на регулярной основе. Не было никаких оснований полагать, что сектор Латимера, Санкция IV или Таня Вардани отнесутся к этому иначе. Техники кооптации, используемые чрезвычайными посланниками, позволяют довольно бесцеремонно вторгнуться в глубокие колодцы психосексуальной энергии, управляющей человеком на генетическом уровне. Должным образом разработанная материнская порода животной силы, залегающая в этих колодцах, ускоряет психологическое исцеление на несколько порядков. Процесс начинается с легкого гипноза, затем устанавливается поверхностная эмоциональная связь, а затем следует стадия тесного телесного контакта, который отличается от сексуальной прелюдии только названием. Слияние обычно завершается мягким, гипнотически вызванным оргазмом, но в случае Вардани что-то заставило меня отказаться от этого последнего этапа. Процедура и без того слишком походила на сексуальное насилие.

С другой стороны, Вардани мне была нужна в хорошей психической форме, а в нормальных обстоятельствах восстановление этой формы заняло бы месяцы, если не годы. У нас не было этого времени.

– Это особая техника, – сказал я осторожно. – Терапевтическая система. Я в прошлом был чрезвычайным посланником.

Она затянулась сигаретой:

– Я считала, что посланники – машины для убийства.

– Это Протекторат хочет, чтобы вы так считали. Они внушают это людям, чтобы держать колонии в подсознательном страхе. На самом деле все гораздо сложнее и, в конечном счете, если вдуматься, намного страшнее, – я пожал плечами. – Бóльшая часть людей вдумываться не любит. Слишком велик труд. Куда лучше полагаться на отредактированные и примитивные выжимки.

– И что же это за кадры?

Разговор завязывался. Я склонился к пламени костра.

– С Шарии. Адорасьона. Посланники, большие, грозные, высокотехнологичные, они прямо с луча гиперсвязи загружаются в наисовременнейшие модели биотехоболочек, чтобы сокрушить любые силы сопротивления. Конечно, бывало и такое, но

большинство людей не знают, что пять наших самых удачных операций прошли практически бескровно, исключительно дипломатическими средствами, пусть и под прикрытием. Политическая инженерия. Мы появлялись, исчезали, и никто даже не замечал нашего присутствия.

– Похоже, вы этим гордитесь.

– Вовсе нет.

Она пристально посмотрела на меня:

– Потому и «бывало»?

– Вроде того.

– Ну и каким образом покидают ряды чрезвычайных посланников?

Я ошибался. Это был не разговор. Таня Вардани меня прощупывала.

– Ты сам подал в отставку? Или тебя выперли?

Я слабо улыбнулся:

– Если не возражаешь, я бы предпочел сменить тему.

– Сменить тему? – она не повысила голоса, но в нем зазвенели ледяные отзвуки ярости. – Черт тебя подери, Ковач. Кого ты из себя строишь? Заваливаешься на эту планету со своим сраным оружием массового поражения и мордой профессионального убийцы и пытаешься изобразить тут передо мной глубокую душевную травму? В жопу тебя и твою боль. Я чуть не умерла в том лагере. Видела, как умирают другие женщины и дети. Мне насрать, через что ты там прошел. Отвечай. Почему ты ушел из Корпуса?

Наступившую тишину нарушал только треск костра. Я нашел взглядом тлеющий в его сердцевине уголек и некоторое время наблюдал за его янтарным мерцанием. Я снова видел лазерный огонь, полосующий грязь, и изуродованное лицо Джимми де Сото. Эта картина всплывала в моей голове бессчетное число раз, но я так и не смог к ней привыкнуть. Какой-то идиот как-то сказал, что время лечит все раны, но в его времена еще не было посланников. Наша подготовка посланников включала в себя фотографическую память, и уход из Корпуса не помогает от нее избавиться.

– Ты знаешь что-нибудь об Инненине? – спросил я.

– Разумеется, – было бы странно, если бы не знала: Протекторат не так часто получал по морде, так что, когда это случалось, новости разлетались быстро, даже и на межгалактические расстояния. – Ты там был?

Я кивнул.

– Я слышала, что все погибли в результате вирусной атаки.

– Не совсем так. Вся вторая волна, да. Вирус запустили

слишком поздно, чтобы накрыть первый плацдарм, но какая-то его часть просочилась через коммуникационную сеть и поджарила бóльшую часть оставшихся. Мне повезло. Мой коммуникатор был неисправен.

– Ты потерял товарищей?

– Да.

– И подал в отставку?

Я покачал головой:

– Был списан по инвалидности. Психопрофиль показал непригодность к службе в Корпусе.

– Ты же сказал, что твой коммуникатор…

– От вирусной атаки я не пострадал, меня вывело из строя то, что случилось после, – я говорил медленно, стараясь не растревожить осевшую в глубине горечь. – Была назначена следственная комиссия – об этом ты, должно быть, тоже слышала.

– Они предъявили обвинение Верховному командованию, так?

– Ну да, и обвинение продержалось минут десять. После чего дело закрыли. Вот примерно тогда я и стал не годен к службе в Корпусе. Можно сказать, у меня произошел кризис веры.

– Очень трогательно. – Вспышка гнева израсходовала силы Вардани, ярость в ее голосе внезапно сменилась усталостью. – Жалко, что он недолго продлился, да?

– Я больше не работаю на Протекторат, Таня.

Она кивнула на мой китель:

– Эта униформа говорит об обратном.

– Эта униформа, – я прикоснулся к черной ткани и поморщился, – исключительно временное явление.

– Не думаю, Ковач.

– На Шнайдере такая же, – напомнил я.

– Шнайдер… – его имя неуверенно слетело с ее губ. О том, что его зовут не Мендель, она определенно услышала впервые. – Засранец твой Шнайдер.

Я повернул голову в сторону шаттла. Грохот, доносившийся оттуда, явно был неоправданно громким. Методы, которыми я вывел Вардани из ступора, Шнайдер воспринял довольно болезненно; еще меньший восторг вызвала у него просьба оставить нас у костра наедине.

– Вот как? Я считал, что вы с ним…

– Ну… – с минуту она молча смотрела на огонь. – Он привлекательный засранец.

– Ты знала его до раскопок?

Она покачала головой:

– До раскопок никто никого не знал. Обычно просто

получаешь назначение и надеешься на лучшее.

– И ты получила назначение в Дангрек? – спросил я небрежно.

– Нет, – она поежилась, словно от холода. – Я мастер Гильдии. Могла остаться на равнине, если бы захотела. Я сама выбрала Дангрек. Остальные в команде были скребунами, которым выбирать не приходилось. В причины моего прихода они не поверили, но были молоды и полны энтузиазма. Наверно, подумали, что даже раскопки в компании эксцентрика лучше, чем никаких раскопок.

– А что у тебя были за причины?

Наступила долгая пауза, во время которой я мысленно проклинал себя за оплошность. Мой интерес был искренним: о Гильдии археологов я знал только по популярным изданиям, пересказывающим основные моменты ее истории и нечастые успехи. Мне не доводилось встречать мастера Гильдии прежде, а то, что смог сообщить о раскопках Шнайдер, по всей очевидности, он почерпнул из постельных разговоров с Вардани и переврал из-за поверхностности собственных знаний. Мне хотелось услышать полную версию. Но если Таня Вардани чего-то и успела хлебнуть с избытком во время своего заключения, то это допросов. Даже та крохотная толика настойчивости, что проступила в моем голосе, должна была подействовать на нее как разорвавшаяся бомба-«мародер».

Пока я соображал, как бы половчее прервать наступившую паузу, Таня заговорила сама. Голос ее при этом дрожал лишь самую малость:

– Ты хочешь добраться до корабля? Менде… – она запнулась. – Шнайдер тебе о нем рассказал?

– Да, но рассказ был довольно невнятный. Вы что, знали, что он там окажется?

– Не то чтобы знали. Но обнаружив, не удивились. Рано или поздно такое должно было случиться. Тебе доводилось читать Вычинского?

– Доводилось о нем слышать. Теория центров, верно?

Она натянуто улыбнулась:

– Теория центров не принадлежит Вычинскому; она просто всем ему обязана. Вычинский, впрочем, не только он, в свое время утверждал: все находки, связанные с марсианами, указывают на то, что их общество было куда более атомизированным, чем наше. Ну ты понимаешь – крылатые плотоядные существа, ведущие свое происхождение от летающих хищников; практически никаких культурных свидетельств стайного поведения, – ее речь стала гладкой, разговорная манера непроизвольно все больше

сменялась лекторской. – Из этого вытекает, что им было нужно куда больше личного пространства, чем нам, а также ослабленная тенденция к социальному взаимодействию в целом. Можешь думать о них как о хищных птицах, если угодно. Агрессивные одиночки. Тот факт, что у них вообще были города, говорит о том, что им удалось, по крайней мере частично, преодолеть это генетическое наследие – возможно, таким же образом, каким человечеству удалось худо-бедно обуздать ксенофобию, следствие стайного поведения. В чем Вычинский расходится с остальными экспертами, так это в своей уверенности в том, что такая тенденция подавлялась лишь до степени, необходимой, чтобы социализация была достаточно желательной, а по мере технологического развития начала высвобождаться обратно. Пока все понятно?

– Более-менее.

На самом деле с пониманием у меня проблемы не было, и основные положения мне уже в том или ином виде приходилось слышать раньше. Но чем больше говорила Вардани, тем свободнее себя чувствовала, и чем дольше продолжался рассказ, тем больше была вероятность, что ее стабильное состояние закрепится. Даже за те недолгие мгновения после того, как она вошла в лекторский режим, она успела оживиться: жестикуляция стала активной, отрешенность на лице сменилась сосредоточенностью. С каждой секундой Таня Вардани все больше становилась собой.

– Ты упомянул теорию центров. Это фуфловая производная от взглядов Вычинского: ее состряпали говнюки Картер и Богданович, решившие попаразитировать на его работах по марсианской картографии. Дело в том, что одна из особенностей марсианских карт – отсутствие на них общих центров. Куда бы ни отправлялись археологические команды, они всегда обнаруживали, что в центре карт, которые им удавалось найти на раскопках, находится само место раскопок. Любой населенный пункт помещал себя аккурат в сердцевину карт, обозначая себя самой крупной блямбой, вне зависимости от истинного размера или очевидного значения. Вычинский утверждал, что в этом нет ничего удивительного, поскольку это хорошо увязывается с уже имеющимися у нас предположениями об устройстве марсианского мышления. Для любого марсианина, составляющего карту местности, самым важным пунктом на ней неизбежно был тот, где находился составитель. Все, что сделали Картер и Богданович, – распространили эту логику на астронавигационные карты. Если каждый марсианский город полагал себя центром планетарной карты, то каждая колония, в

свою очередь, считала себя центром марсианской гегемонии. Поэтому тот факт, что Марс на всех этих картах обозначен большой точкой в абсолютном центре, объективно говоря, ничего не значит. Марс легко мог быть недавно колонизированным захолустьем, а настоящий центр могла скрывать за собой буквально любая другая маленькая отметина, – она презрительно поморщилась. – Вот в чем состоит теория центров.

– Похоже, тебе она не кажется очень убедительной.

Вардани выдохнула дым в ночную темноту:

– Нет, не кажется. Как сказал в свое время Вычинский, какая, на хер, разница. Картер с Богдановичем совершенно упустили главное. Признавая справедливость предположения Вычинского о марсианском восприятии пространства, они должны были также понять, что вся концепция гегемонии как таковая была, по всей вероятности, чужда марсианскому мышлению.

– О как.

– Ну да, – еще одна натянутая улыбка, более принужденная, чем предыдущая. – Вот тут-то дело начало принимать политический оборот. Вычинский официально заявил, что, в каком бы месте ни зародилась марсианская раса, нет никакой причины полагать, что значение ее изначального мира в общем порядке вещей превосходило – я цитирую – «необходимый фактический общеобразовательный минимум» – конец цитаты.

– «Мама, а откуда мы взялись?» Что-то вроде этого?

– Именно. Можно указать это место на карте со словами «вот откуда мы когда-то вышли», но, поскольку «где мы находимся сейчас» намного важнее, дань уважения родине этим и исчерпывается.

– Вычинский навряд ли думал о том, чтобы отказаться от своих взглядов как категорически противных человеческой природе?

Вардани пристально посмотрела на меня:

– Сколько тебе на самом деле известно о Гильдии, Ковач?

Я отмерил большим и указательным пальцем скромный отрезок:

– Извини, просто люблю повыделываться. Я с планеты Харлан. Процесс Минору и Гретцки пришелся на мои подростковые годы. Я в то время состоял в банде. Тогда, чтобы показать, какой ты антисоциальный, проще всего было нарезать воздушные граффити на тему суда там, где народу побольше. Мы все знали тексты протоколов наизусть. «Категорически противны человеческой природе» часто повторялось в отречении Гретцки. Похоже, это была шаблонная формула Гильдии, чтобы обеспечить сохранность исследовательских грантов.

Вардани опустила взгляд:

– Какое-то время так и было. И нет, Вычинский не стал плясать под эту дудку. Он любил марсиан, восхищался ими и говорил об этом публично. Поэтому его имя тебе известно лишь в связи с говнотеорией центров. Его лишили финансирования, изъяли из печати бóльшую часть его работ и передали эстафету Картеру и Богдановичу. И эти две шлюхи с удовольствием отсосали в ответ. В тот же год комиссия ООН одобрила семипроцентное увеличение стратегического бюджета Протектората исключительно из-за параноидальной предпосылки, что где-то там за углом нас поджидает Марсианская Сверхкультура и готовится напасть.

– Мило.

– Ага, и опровергнуть невозможно. Все астронавигационные карты, обнаруженные на других планетах, подтверждают изыскания Вычинского: каждая планета помещает себя в центр, так же как это сделал Марс, и этим единственным фактом запугивают ООН, которая поддерживает большой стратегический бюджет и усиленное военное присутствие на всех территориях Протектората. Никто не желает знать о том, в чем истинный смысл теории Вычинского, а те, кто говорит об этом слишком громко или пытается применить его результаты в собственных исследованиях, либо немедленно лишаются финансирования, либо подвергаются осмеянию, что в итоге означает одно и то же.

Она швырнула сигарету в огонь, наблюдая, как ее пожирает пламя.

– Это и с тобой произошло? – спросил я.

– Не совсем.

С последним слогом она плотно сомкнула губы, словно навешивая на тему замок. За спиной я услышал шаги Шнайдера, у которого исчерпался список ремонтных работ или терпение. Я пожал плечами:

– Договорим позже, если будет желание.

– Может быть. Ну а теперь выкладывайте, два мачо, что это за фигню с гравитационными маневрами вы сегодня устроили?

Я взглянул на Шнайдера, присаживающегося к костру:

– Слышал? Поступила жалоба на развлекательную программу рейса.

– Суки всё-таки эти пассажиры, – хмыкнул Шнайдер, опускаясь на песок и на лету подхватывая шутку. – Ничего не меняется.

– Ты будешь рассказывать или я?

– Твоя же была идея. «Севен» еще остались?

Вардани подняла пачку и бросила Шнайдеру. Повернулась ко

мне:

– Итак?

– Какими бы там археологическими достоинствами ни обладало побережье Дангрека, – начал я медленно, – оно все-таки находится на территории Северного предела, а Северный предел для «Клина Карреры» – это одна из девяти ключевых целей, необходимых для победы в войне. И, судя по количеству органических повреждений, нанесенных в этом регионе к настоящему моменту, кемписты пришли к такому же заключению.

– И?

– И организация археологической экспедиции на территорию, за которую сражаются Кемп с «Клином», не вписывается в мое представление о мудрых поступках. Нам нужно, чтобы боевые действия перенесли.

– *Перенесли?*

Я с большим удовольствием услышал недоверие в ее голосе. Желая усилить эффект, я продолжил, снова пожав плечами:

– Перенесли или отложили. Как получится. Так или иначе, нам нужна помощь. И единственное место, где мы можем получить помощь такого рода, – это корпорации. Мы направляемся в Лэндфолл, а раз я в настоящий момент, предположительно, должен находиться на фронте, Шнайдер – кемпистский дезертир, ты – военнопленная, а наш шаттл – чужая собственность, нам не помешает оставить кое-какой ложный след. Спутниковое наблюдение покажет, что встреча с «умными» минами закончилась для нас печально. Обломки, найденные при осмотре морского дна, подтвердят эту версию. Если никто не вознамерится копать слишком уж глубоко, нас посчитают пропавшими без вести или погибшими, что меня устраивает как нельзя лучше.

– Ты рассчитываешь, что они на этом остановятся?

– Ну, война есть война. Смерть тут дело обычное, – я вытянул из костра ветку и принялся набрасывать на песке карту континента. – Может, конечно, вызвать вопросы, что это я вообще здесь делал, вместо того чтобы принимать командование на Пределе, но такого рода детали обычно начинают анализировать только после боевых действий. Сейчас у «Клина Карреры» мало сил на севере, а кемписты продолжают теснить их к горам. С фланга наступает Президентская гвардия, – я ткнул в песок своей импровизированной указкой, – а отсюда наносит ракетные удары флот ледоколов Кемпа. У Карреры есть занятия поважнее, чем разбираться в обстоятельствах моей кончины.

– И ты правда полагаешь, что Картель все это поставит на паузу исключительно ради тебя? – горящий взгляд Тани Вардани

переместился с моего лица на Шнайдера. – Ты же на это не купился, правда, Ян?

Тот неопределенно махнул рукой:

– Просто выслушай его, Таня. Он в системе, так что он знает, о чем говорит.

– Ага, *как же*, – беспокойный, обжигающий взгляд снова вернулся ко мне. – Не думай, будто я не признательна за то, что ты вытащил меня из лагеря, – я признательна. Думаю, ты даже не представляешь насколько. Но теперь, когда я оттуда выбралась, я бы очень хотела остаться в живых. Это вот все, весь этот *план* – полная лажа. Ты просто нас всех угрохаешь – нас либо прихлопнет корпоративный самурай в Лэндфолле, либо мы поляжем под перекрестным огнём у Дангрека. Не станут они…

– Ты права, – сказал я терпеливо, и она удивленно смолкла. – В какой-то степени ты права. Крупные корпорации из Картеля даже слушать нас не будут. Им проще убить нас, устроить тебе виртуальный допрос, как следует надавить, пока ты не выложишь все, что им нужно, а потом придержать информацию до конца войны, который будет для них победным.

– Если будет.

– Будет, – уверил я. – Они всегда побеждают, так или иначе. Но мы не станем обращаться к крупным корпорациям. Мы поступим умнее.

Я сделал паузу и принялся ворошить костер, выжидая. Углом глаза я видел, как напряженно склонился вперед Шнайдер. Без Тани Вардани план ничего не стоил, и мы все это понимали.

Раздавался шепот прибоя. Что-то хрустело и потрескивало в пламени костра.

– Ладно, – она слегка шевельнулась, словно прикованный к постели больной, который пытается устроиться поудобнее. – Продолжай. Я слушаю.

У Шнайдера вырвался вздох облегчения. Я кивнул:

– Мы сделаем вот что. Мы возьмем в оборот одну конкретную корпорацию – из тех, что помельче и поголоднее. Прощупывание ситуации может занять какое-то время, но сложностей, думаю, не будет. А после того как определим цель, мы сделаем им предложение, от которого они не смогут отказаться. Уникальную сделку с ограниченным сроком действия, завлекательной скидкой и гарантированным удовольствием от покупки.

Я заметил, как Вардани переглянулась со Шнайдером. Возможно, она вспомнила о нем из-за всех этих товарно-денежных метафор.

– Какой бы маленькой и голодной ни была эта корпорация, Ковач, она все равно остается корпорацией, – ее глаза смотрели

прямо в мои. – Финансовые возможности планетарного масштаба. А убийство и виртуальный допрос вряд ли обходятся дорого. Как ты намереваешься исключить этот вариант?

– Просто. Напугать их.

– *Напугать* их, – она на мгновение замолчала, а затем издала короткий непроизвольный смешок. – Ковач, тебя надо записывать и продавать. Ты идеальное средство для выхода из посттравматического синдрома. Ну поведай же. Как ты собираешься *напугать* корпоративный блок? Покажешь им кукольный спектакль в жанре слэшера?

Мои губы тронула неподдельная улыбка:

– Что-то вроде того.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Половину утра следующего дня Шнайдер провозился, зачищая базу данных шаттла, пока Таня Вардани бесцельно нарезала круги по песку или присаживалась у открытого люка, чтобы поговорить с пилотом. Я предоставил их самим себе и ушел на дальний конец берега, к мысу, оканчивающемуся черной скалой. Взобраться на нее не составило труда, и вид, открывшийся оттуда, искупал те несколько царапин, которых стоило восхождение. Я прислонился к скале и взглянул на горизонт, вспоминая обрывки сна, который привиделся мне предыдущей ночью.

Харлан по стандартам пригодной для обитания планеты невелик, и его моря безостановочно ходят ходуном под влиянием трех его лун. Санкция IV намного больше, даже больше, чем Латимер или Земля, и не имеет естественных спутников, из-за чего океаны на ней огромны, а воды в них спокойны. На фоне воспоминаний о годах моей юности на Харлане эта тишь и гладь всегда казалась мне слегка подозрительной, как будто море затаило свое соленое дыхание в ожидании какого-то катаклизма. Чувство нельзя было назвать приятным, и подготовка его, как правило, блокировала, попросту не давая подобным сравнениям всплывать в мозгу. Во время сновидений подготовка работает не так эффективно, и, очевидно, в эти моменты что-то в моей голове и начинало проверять ее защитный барьер на прочность.

Во сне я стоял на покрытом галькой берегу где-то на Санкции IV, глядя на безмятежную морскую гладь, когда ее поверхность вдруг начала набухать и вздыматься. Мои ноги словно приросли к месту, а перед глазами росли, двигались, перекатывались огромные горы воды, словно зловещие черные

мускулы. Гулявшие по поверхности волны исчезли, поглощенные этим странным брожением. А во мне назревало понимание, в равных долях окрашенное в тона ледяного ужаса и щемящей печали. Безоговорочное знание. Из пучины восставало что-то чудовищное.

Но я проснулся прежде, чем оно успело подняться на поверхность.

Свело ногу, и я раздраженно сел. Сон плескался в глубине разума жидким осадком, и сознание пыталось найти ему рациональное обоснование.

Может быть, это было следствие поединка с «умными» минами. Я видел, как вздымалось море, когда под водой детонировали наши ракеты.

«Ага, как же. Невообразимо травматичный эпизод».

Мозг принялся быстро перебирать другие сцены, отложившиеся в памяти после недавних боев, пытаясь подыскать соответствие. Я немедленно заставил себя прекратить это бессмысленное занятие. Полтора года грязной работы на «Клин Карреры» подарили мне столько травмирующих переживаний, что их не разгрести и целому взводу психохирургов. Без пары ночных кошмаров не обойтись. Если бы не подготовка посланника, я бы, наверное, еще несколько месяцев назад сошел с ума. И предаваться боевым воспоминаниям сейчас не намеревался.

Я заставил себя снова откинуться назад и расслабиться. Утреннее солнце уже начинало потихоньку разогреваться, готовясь к полуденной субтропической жаре, и каменная поверхность была теплой на ощупь. Блики света пробивались сквозь полусомкнутые веки, словно я опять оказался на берегу озера в виртуальном формате для выздоравливающих. Я позволил себе забыться.

Потекли минуты.

Телефон тихонько загудел. Не открывая глаз, я сжал его, принял вызов… Отметил усилившуюся жару, тонкую пленку пота на ногах.

– Все готово, – сообщил голос Шнайдера. – Ты все еще торчишь на скале?

Я автоматически принял сидячее положение:

– Угу. Ты уже позвонил?

– Все чисто. Тот передатчик со скремблированным сигналом из военного резерва, что ты стащил? Отлично сработал. Все чисто как стеклышко. Нас ждут.

– Иду.

Осадок никуда не делся. Сон по-прежнему был со мной.

Что-то надвигается.

Я отодвинул эту мысль, сунул в карман телефон и начал спускаться вниз.

* * *

Археология – наука неаккуратная.

Казалось бы, при всем технологическом прогрессе последних столетий мы должны были уже довести искусство разграбления могил до совершенства. Мы же в конце концов теперь научились обнаруживать следы марсианского присутствия в самых отдаленных уголках Вселенной. Спутниковое наблюдение и дистанционное зондирование позволили нам исследовать затерянные города, невзирая на метры твердой породы или километровые толщи воды. Располагая без малого полутысячелетним опытом, пора было уже хорошенько поднатореть в этом деле.

Но все дело в том, что, как бы мы ни умели обнаруживать археологические объекты, по обнаружении их по-прежнему предстоит извлекать на поверхность. И, несмотря на все финансы, вбуханные корпорациями в борьбу за первенство в разгадке марсианских тайн, процесс раскопок своей деликатностью не сильно превосходит вечеринку в борделе мадам Ми. Главное – это сенсационные открытия и большие дивиденды; ну и тот факт, что над душой не стоят – насколько мы знаем – марсиане с жалобами на экологический ущерб, тоже не улучшает ситуацию. Корпорации заявляются на планеты, оставленные прежними обитателями, сшибают, так сказать, с дверей замки и отступают в сторонку, пока Гильдия археологов обдирает эти миры как липку. А после того как основные разработки подходят к концу, наведением порядка, как правило, никто себя не утруждает.

В итоге мы имеем места вроде Участка 27.

Не самое изобретательное имя для города, но зато довольно точное. Участок 27 образовался при раскопе с одноименным названием, в течение пятидесяти лет служил спальней, кафетерием и центром досуга для археологических работников, а сейчас, когда слой ксенокультурной руды был окончательно выработан, стремительно приходил в упадок. К городу мы подлетали с востока. Сам раскоп протянулся поперек горизонта скелетом-сороконожкой, составленным из неподвижно замерших подъемных устройств и покосившихся опорных конструкций. Под свисающим хвостом этой сороконожки брал начало город, хаотично и бессистемно разрастаясь в разные стороны, словно чахлая бетонная грибная колония. Редко попадались на глаза

здания выше пятиэтажных, а те, что попадались, выглядели явно заброшенными, будто все их силы ушли в рост, не оставив резерва на поддержание внутренней жизнеспособности.

Обогнув вымерший раскоп со стороны «черепа», Шнайдер выровнял шаттл и начал снижаться, нацеливаясь на кусок пустыря между трех накренившихся конусов, которые, по всей видимости, определяли границу летного поля Участка 27. Над феррокритовым покрытием, не блистающим чистотой, взметнулись клубы пыли, обнажив неровные трещины. В коммуникаторе засипел дряхлый навигационный маяк, требуя идентификации. Проигнорировав его, Шнайдер заглушил основные двигатели и, зевая, выбрался из кресла.

– Всё, ребятки, приехали. Давайте на выход.

Мы прошли вслед за ним в главный отсек и стали наблюдать, как он пристегивает к поясу обрез, сделанный из метателя частиц, который мы экспроприировали в комплекте с шаттлом. Подняв голову, Шнайдер наткнулся на мой взгляд и подмигнул.

– Я думала, это твои друзья, – судя по выражению лица, Вардани была встревожена.

Шнайдер пожал плечами.

– Были друзьями, – обронил он. – Но лишняя осторожность не помешает.

– Замечательно, – она повернулась ко мне. – У тебя для меня не найдется чего-нибудь полегче этой пушки? Такое, чтобы я смогла оторвать от земли.

Я распахнул куртку, демонстрируя пару нейроинтерфейсных «калашниковых» клиновской модификации.

– Я бы одолжил один, но у них персонализированный код доступа.

– Да бери бластер, Таня, – сказал Шнайдер, не отрываясь от приготовлений. – Хотя бы больше шансов в кого-нибудь попасть. Пулеплюйками пусть забавляются жертвы моды.

Археолог подняла бровь. Я чуть улыбнулся:

– Может, он и прав. Держи. К поясу пристегивать не обязательно. Ремни можно закрепить вот так. Перекинь через плечо.

Я шагнул вперед, чтобы помочь ей надеть оружие. Она повернулась ко мне, и в тесном пространстве между нашими телами проскочила искра чего-то, не поддающегося определению. Я закрепил кобуру под грудью Тани, она подняла голову, и наши взгляды встретились. Ее глаза были цвета нефрита под рябью текущей воды.

– Удобно?

– Не особенно.

Я протянул руку, чтобы поправить кобуру, но Вардани подняла ладонь, останавливая меня. На фоне пыльно-черной ткани моего рукава ее хрупкие, худые пальцы смотрелись как кости.

– Не надо, сойдет.

– Хорошо. Смотри, тянешь вниз – и оружие высвобождается. Поднимаешь – и кобура его опять фиксирует. Вот так.

– Ясно.

Возникшая между нами искра не ускользнула от внимания Шнайдера. Он громко прочистил горло и направился к люку. Распахнув его, он ухватился за поручень у носка крыла и спрыгнул вниз с отточенной небрежностью бывалого пилота. Эффект слегка смазался, когда, приземлившись, он зашелся в кашле из-за облака пыли, так и не успевшей осесть после нашей посадки. Я подавил ухмылку.

Вслед за Шнайдером начала неловко опускаться Вардани, опираясь ладонями о пол. Я выглянул из проема и, сощурившись, стал всматриваться в пыльную пелену, стараясь разглядеть, не готовят ли нам встречу.

И да, оказалось, что готовили.

Они появились из пылевого облака, словно фигуры на фризе, который потихоньку расчищает кто-нибудь вроде Тани Вардани. Я насчитал семь массивных силуэтов, облаченных в пустынный камуфляж и ощетинившихся оружием. Центральная фигура казалась деформированной; возвышаясь над остальными на полметра, от пояса и выше она выглядела раздутой и изуродованной. Силуэты молча приближались.

Я скрестил на груди руки, так что пальцы коснулись рукояток «калашниковых».

– Джоко? – Шнайдер снова закашлялся. – Это ты, Джоко?

Ответом по-прежнему было молчание. Сквозь оседающую пыль я рассмотрел тусклый металлический блеск стволов и маски улучшенного зрения на лицах каждого из семерых. Свободный покрой камуфляжа вполне оставлял место для бронежилета.

– Джоко, кончай херней страдать.

Огромная деформированная фигура в центре рассмеялась – удивительный, до неправдоподобности писклявый смех.

– Ян, Ян, дружище, – это был голос ребенка. – Неужто это ты из-за меня так нервничаешь?

– Ну а ты как думал, мудачина?

Шнайдер шагнул вперед, и громадная фигура на моих глазах содрогнулась и, казалось, распалась надвое. Изумившись, я включил нейрохимическое зрение и различил маленького мальчика лет восьми, который слезал с рук мужчины,

прижимавшего его к груди. После того как мальчик опустился на землю и побежал к Шнайдеру, мужчина выпрямился и странно застыл. Мои мускулы непроизвольно напряглись. Я еще немного подкрутил зрение и осмотрел ничем теперь не примечательную фигуру с головы до ног. На этом не было УЗ-маски, а его лицо…

Я стиснул зубы, осознав наконец, на что смотрю.

Шнайдер с мальчишкой обменивались замысловатыми рукопожатиями и загадочными репликами. В самом разгаре этого ритуала мальчик повернулся к Тане Вардани, с церемонным поклоном взял ее за руку, сопроводив приветствие каким-то пышным комплиментом, который я не расслышал. Он определенно не собирался прекращать паясничать, этот Джоко. Он прямо-таки искрился безобидностью, словно фонтан мишуры в День Харлана. А когда бóльшая часть пыли снова оказалась на положенном ей месте, остальные члены приветственной делегации тоже утратили тот смутно-угрожающий вид, каким отличались их силуэты. Теперь, когда я мог их видеть ясно, моим глазам предстала группа испуганных, преимущественно молодых солдат-нерегулярщиков. Один, белый парень с тощей бороденкой, стоявший слева, грыз губу, что сильно контрастировало с бесстрастной непроницаемостью УЗ-маски. Другой переминался с ноги на ногу. Оружие было либо закинуто за плечо, либо заткнуто за пояс. Когда я спрыгнул на землю, все они дружно отпрянули.

Я вскинул руки ладонями вперед, демонстрируя миролюбие:

– Прошу прощения.

– Нечего извиняться перед этим идиотом, – сказал Шнайдер, без особого успеха пытаясь отвесить мальчику подзатыльник. – Джоко, иди поздоровайся с настоящим живым чрезвычайным посланником. Это Такеси Ковач. Он воевал при Инненине.

– Вот как? – мальчик подошел, протягивая мне руку. Темнокожая и тонкокостная, его оболочка уже сейчас отличалась привлекательностью – еще через несколько лет она приобретет настоящую андрогинную красоту. Она была одета в безупречно пошитый бледно-лиловый саронг и стеганую куртку того же цвета.

– Джоко Роспиноджи, к вашим услугам. Приношу извинения за излишний драматизм, но в нынешние неспокойные времена осторожностью пренебрегать нельзя. Ваш звонок транслировался на спутниковой частоте, к которой имеет доступ только «Клин Карреры», а Ян, притом, что я люблю его как брата, никогда не мог похвастаться связями наверху. Это могло оказаться ловушкой.

– Передатчик со скремблированным сигналом из армейского резерва, – важно объяснил Шнайдер. – Украли его у «Клина». В этот раз, Джоко, если я говорю, что все схвачено, значит, так оно

и есть.

– А кто может попытаться подстроить вам ловушку? – поинтересовался я.

– Ох, – во вздохе мальчика слышалась бесконечная усталость на несколько десятков лет старше его внешнего вида. – Никогда не угадаешь. Правительственные агентства, Картель, корпоративные силовые аналитики, кемпистские шпионы. Ни у кого из них нет причин любить Джоко Роспиноджи. Политика нейтралитета во время войны, вопреки ожиданиям, не страхует от появления врагов. Скорее, приводит к потере друзей и служит источником подозрений и презрения со всех сторон.

– Так далеко на юг война еще не зашла, – заметила Вардани.

Джоко Роспиноджи с серьезным видом прижал к груди руку:

– За что мы все бесконечно признательны. Но в наше время если ты не стоишь на передовой, то, значит, находишься под оккупацией того или иного сорта. Лэндфолл в каких-то восьмистах километрах к западу. Мы достаточно близко, чтобы считаться периметром обороны, что влечет за собой присутствие гарнизона правительственного ополчения и периодические визиты политинспекторов из Картеля, – он снова вздохнул. – Все это обходится *очень* дорого.

Я бросил на него подозрительный взгляд:

– Гарнизон? Где?

– А вон, – мальчик ткнул большим пальцем в сторону жалкой кучки нерегулярщиков. – А, ну еще сколько-то осталось в бункере связи, согласно предписаниям, но в принципе то, что стоит перед вами, и есть гарнизон.

– *Это* правительственное ополчение? – спросила Таня Вардани.

– Оно самое, – Роспиноджи недолго рассматривал их с печальным взглядом, затем снова повернулся к нам. – Конечно, когда я говорил о дороговизне, я в основном имел в виду расходы на то, чтобы визиты политинспектора проходили в приятной обстановке. Приятной для него и для нас. Инспектор не отличается большой утонченностью, но, кхм, аппетиты у него внушительные. Ну и, разумеется, нам необходима уверенность, что он остается *нашим* инспектором, а это подразумевает дополнительные затраты. Инспекторы, как правило, сменяются раз в несколько месяцев.

– Он сейчас здесь?

– Если бы был здесь, я бы вряд ли вас сюда пригласил. Он отбыл на прошлой неделе, – плотоядная улыбка смотрелась жутковато на таком юном лице. – Удовлетворенный, так сказать, результатами своего посещения.

Я и сам улыбнулся. Не мог удержаться.

– Похоже, мы обратились по адресу.

– Ну, это будет зависеть от того, за чем вы решили обратиться, – сказал Роспиноджи, покосившись на Шнайдера. – Ян выражался весьма туманно. Но пойдемте же. Даже в Участке 27 для обсуждения дел найдутся местечки поуютней.

Мы зашагали за ним. Приблизившись к ожидавшему отряду ополчения, он резко щелкнул языком. Тот, кто его сюда доставил, неловко наклонился и снова поднял его на руки. Я услышал, как у шедшей за мной Тани Вардани на секунду перехватило дыхание, когда она увидела, что представлял собой этот мужчина.

Это, безусловно, не самое худшее из того, что может произойти с человеческим существом, я видел вещи и пострашнее – если уж на то пошло, я видел вещи пострашнее совсем недавно; тем не менее вид развороченной головы, зацементированной серебристым композитом, производил зловещее впечатление. Если бы спросили меня, я бы сказал, что эта оболочка стала жертвой шрапнели. После любого выстрела из оружия направленного действия просто нечего было бы восстанавливать. А так кто-то где-то взял на себя труд скрепить череп, залить прорехи полимерной смолой, а на место глаз вставить фоторецепторы, которые теперь сидели в провалах, словно пара серебряных пауков-циклопов, поджидающих добычу. После чего, судя по всему, ствол головного мозга частично реанимировали, так, чтобы он мог поддерживать деятельность вегетативной системы и базовую двигательную активность, а также, возможно, выполнять несколько запрограммированных команд.

Давно, задолго до того, как меня подстрелили у Предела, со мной служил сержант, чья афро-карибская оболочка действительно была его собственным телом. Как-то ночью, когда мы пережидали спутниковую бомбардировку в руинах какого-то храма, он пересказал мне миф, который его предки, брошенные в оковах в трюмы кораблей, некогда перевезли через земной океан, а позже, ведомые надеждой на новое начало, через бескрайние просторы марсианских астронавигационных карт – в мир, позже получивший имя Латимер. Это была история о том, как колдуны создавали для себя рабов, оживляя тела мертвых. Я забыл, как капрал называл таких существ, но уверен, что он причислил бы к ним то создание, на руках которого восседал Джоко Роспиноджи.

– Нравится? – мальчишка, пристроившийся в неприятной близости к изувеченной голове, наблюдал за мной.

– Не особенно.

– Ну, с точки зрения эстетики, конечно… – Мальчик

деликатно замолчал. – Но если подбинтовать в нужных местах и подобрать мне подходящие лохмотья, из нас получится поистине жалостное зрелище. Калека и невинное дитя выбираются из-под обломков разрушенных жизней – идеальный камуфляж для критических ситуаций.

– Все тот же старина Джоко, – Шнайдер подошел к нам и ткнул меня в бок. – Как я тебе и говорил. Все просчитывает наперед.

Я пожал плечами:

– Я знавал случаи, когда колонны беженцев расстреливали просто для того, чтобы попрактиковаться в стрельбе по движущимся мишеням.

– О, об этом мне известно. Этот вот наш дружок был тактическим морпехом вплоть до своей печальной кончины. На его подкорке – или где там они хранятся – осталось немало неизжитых рефлексов, – мальчик подмигнул мне. – Я бизнесмен, а не технарь. Я подрядил софтверную компанию в Лэндфолле сделать из его остатков нечто пригодное к употреблению. Смотрите.

Рука парня нырнула в карман куртки, и мертвец вытащил из чехла за спиной длинноствольный бластер. Произошло это чрезвычайно быстро. Зажужжали фоторецепторы, сканируя пространство слева направо. Роспиноджи широко ухмыльнулся и вынул из кармана руку с зажатым в ней пультом управления. Большой палец мальчика шевельнулся, и бластер аккуратно вернулся в чехол. Рука, державшая Роспиноджи, даже не шелохнулась.

– Таким образом, – весело прощебетал тот, – если не получится сыграть на жалости, мы всегда можем избрать более прямолинейные варианты. Но вообще я настроен оптимистично. Удивительно, но даже в наше непростое время найдется не так уж много солдат, которым не составит труда выстрелить в ребенка. Ну да хватит разговоров: не пора ли нам подкрепиться?

Роспиноджи занимал верхний этаж и пентхаус обшарпанного офисного здания в двух шагах от «хвоста» раскопа. Оставив сопровождение ополченцев снаружи, за исключением двоих, мы двинулись сквозь прохладный полумрак к грузовому лифту, расположенному в углу. Ходячий мертвец отодвинул рукой решетку двери. Ее грохот раскатился эхом по пустым помещениям над нашими головами.

– Помнится, – сказал мальчик, когда лифт поехал вверх, – когда-то все здесь было завалено археологическими находками первой категории, упакованными и готовыми к отправке в Лэндфолл. Кладовщики пахали круглыми сутками, посменно.

Работы на раскопе не прекращались ни на миг, их шум не затихал ни днем ни ночью. Как биение сердца.

– Вы тоже этим занимались? – спросила Вардани. – Складированием археологических находок?

В полутьме я увидел, как по губам Шнайдера скользнула улыбка.

– Когда был помоложе, – ответил Роспиноджи, подтрунивая сам над собой. – Но я действовал в более… скажем так, организаторском качестве.

Лифт прошел сквозь потолок склада и с лязгом остановился. Мы очутились в неожиданно ярко освещенном помещении, отделенном от остальной площади этажа перегородками янтарного цвета. Солнечный свет сочился в окна сквозь тканевые шторы. Свозь лифтовую решетку я увидел пестрые узорчатые ковры, паркет из черного дерева и длинные низкие диваны, расставленные вокруг того, что я поначалу принял за небольшой бассейн с внутренней подсветкой. Войдя внутрь, я осознал, что углубление в полу содержит не воду, а широкий горизонтальный экран, на котором открывала рот поющая женщина. В двух углах комнаты то же изображение воспроизводилось уже в более удобном для просмотра формате на вертикально установленных друг над другом экранах размером поскромнее. У дальней стены располагался длинный стол, уставленный едой и напитками, которых хватило бы на целый взвод.

– Устраивайтесь, – сказал Роспиноджи, направляясь со своим мертвецом-телохранителем к арке дверного проема. – Я на минуту. Еда и напитки вон там. А, да, звук, если нужен.

Динамики неожиданно ожили, и я сразу узнал песню Лапине – правда, не ее дебютный кавер хитовой джанк-сальсы «Открытое пространство», который наделал столько шума в прошлом году. Композиция, которую она исполняла сейчас, была медленней, с отдельными вкраплениями практически предоргазменных стонов. На экране Лапине висела вниз головой, обхватив ногами ствол танка-паука, и томно мурлыкала, глядя в камеру. Вербовочный гимн, судя по всему.

Шнайдер прошагал к столу и принялся наваливать на тарелку всё подряд, не пропуская ни единого блюда. Я проследил глазами, как ополченцы встали на пост около лифта, пожал плечами и присоединился к Шнайдеру. Таня Вардани последовала было за нами, но внезапно изменила курс и подошла к одному из зашторенных окон. Ее тонкая рука потянулась к вытканным на материи узорам.

– Я же говорил, – бросил мне Шнайдер. – Если в этой части планеты кто-то и может подключить нас к системе, то это Джоко.

Он поддерживает связь со всеми деловыми Лэндфолла.

– Ты хочешь сказать, поддерживал до войны?

Шнайдер покачал головой:

– И до, и во время. Ты же слышал, что он рассказывал насчет политинспектора. Такую штуку он точно не смог бы провернуть, если бы не был в системе.

– Если он до сих пор в системе, – спросил я терпеливо, по-прежнему глядя на Вардани, – что ж застрял в этой дыре?

– Может, ему тут нравится. Он здесь вырос. Да и вообще, ты в Лэндфолле-то бывал? Вот уж где настоящая дыра.

Лапине исчезла с экрана, и взамен пошло что-то документальное на тему археологии. Мы со своими тарелками устроились на одном из диванов. Шнайдер уже приготовился было приступить к еде, когда вдруг заметил, что я с этим не спешу.

– Давай-ка подождем, – произнес я негромко. – Чисто из вежливости.

Он фыркнул:

– Что, думаешь, он нас *отравить* собрался? С чего бы? Какой в этом смысл?

Но тарелку отставил.

Изображение на экране снова сменилось, на этот раз кадрами военной хроники. Праздничные вспышки лазерного огня на какой-то темной равнине и карнавальная иллюминация разрывающихся реактивных снарядов. Звук отредактировали, наложив на гром отдаленных раскатов бесстрастный голос комментатора, начитывающего текст, составленный в максимально безобидных выражениях. «Сопутствующий ущерб», «противник нейтрализован».

Джоко Роспиноджи вынырнул из дверного проема в противоположной стене. Он был уже без куртки, зато с двумя женщинами, выглядевшими так, словно они материализовались из софта для виртуального борделя. Их задрапированные в муслин фигуры с не поддающимися законам гравитации формами были так же ненатурально безупречны, а выражения лиц так же безучастны. Восьмилетка Роспиноджи, стоящий между этими двумя лакомыми кусочками, смотрелся комично.

– Иванна и Кэс, – представил он спутниц. – Мои постоянные компаньонки. Любому мальчику нужна мамочка, правда же? Или две. Ну а теперь… – он неожиданно громко щелкнул пальцами, и женщины прошествовали в другой конец комнаты, к накрытому столу.

Джоко сел на соседний с нами диван:

– …к делу. Чем конкретно я могу быть полезен тебе и твоим

друзьям, Ян?

– А вы перекусить не хотите? – спросил я.

– А, – Роспиноджи улыбнулся и указал на своих компаньонок. – Ну, вот они будут, а я искренне привязан к обеим.

На лице Шнайдера проступило смущение.

– Что, нет? – Роспиноджи вздохнул и протянул руку к моей тарелке. Взяв первую попавшуюся булочку, он откусил от нее кусок. – Ну вот. Теперь-то мы можем перейти к делу? Ян? Пожалуйста?

– Мы хотим продать тебе шаттл, Джоко, – проговорил Шнайдер, вгрызаясь в куриную ногу. – С бешеной скидкой.

– Неужели?

– Угу. Считай, что он из армейского резерва. «Ву Моррисон ISN-70», очень малый износ, никакой официальной информации о прежних владельцах.

Роспиноджи улыбнулся:

– Сильно в этом сомневаюсь.

– Проверь, если хочешь, – Шнайдер проглотил прожеванный кусок. – База данных подчищена лучше, чем твои налоговые декларации. Дальность полета шестьсот тысяч километров. Универсальная конфигурация, полет в дальнем космосе, суборбитальный полет, передвижение под водой. Послушен в управлении, как бордельная подстилка.

– Да, я припоминаю, что семидесятки – неплохие машины. Или это ты же мне и говорил, Ян? – мальчик погладил свой лишенный растительности подбородок жестом, явно перешедшим по наследству от предыдущей оболочки. – Ну, да не важно. Орудиями, я так полагаю, предмет этой сногсшибательной сделки оснащен?

Шнайдер кивнул, не прекращая жевать:

– Микроракетная турель на носу. Плюс система запуска хлопушек. Полный программный пакет автоматизированной защиты, очень достойная версия.

Я подавился булочкой.

Женщины проплыли к дивану, где сидел Роспиноджи, и симметрично расположились по бокам от него, словно эффектное обрамление. С момента их появления я не слышал от них не только ни слова, но даже ни звука. Женщина слева от Роспиноджи начала кормить его со своей тарелки. Привалившись к женщине, он принялся жевать, задумчиво глядя на меня.

– Ну хорошо, – произнес он наконец. – Шесть миллионов.

– Ооновских? – спросил Шнайдер, и Роспиноджи рассмеялся:

– Санов. Шесть миллионов санов.

Стандартная Археологическая Находка, денежная единица,

учрежденная в ту пору, когда правительство Санкции представляло собой лишь мелкую шестеренку глобального административного механизма, а в настоящее время – непопулярная мировая валюта. По сравнению с латимерским франком, сан напоминал болотную пантеру, карабкающуюся по грузовому пандусу с антифрикционным покрытием. Сейчас один доллар Протектората (ООН) стоит двести тридцать санов.

Шнайдер пришел в ужас, возмущенный до глубины своей скупердяйской души:

– Ты издеваешься, что ли, Джоко? Даже шесть миллионов ооновских – только половина его настоящей цены. Это же «Ву Моррисон», чувак.

– А криокапсулы в нем есть?

– Э-э-э… нет.

– Ну и на кой хер он мне тогда сдался, Ян? – спросил Роспиноджи спокойно. Он бросил взгляд на женщину справа, и та безмолвно протянула ему бокал вина.

– Видишь ли, сейчас единственное, ради чего кому-то, кроме военных, может понадобиться космический корабль, – это вылететь отсюда, прорваться сквозь блокаду и вернуться на Латимер. Я понимаю, что заявленные шестьсот тысяч километров дальности полета для умелого пилота не предел и что навигационные системы у «Ву Моррисонов» пристойные, я в курсе; но при скоростях, которые можно выжать из «ISN-70», притом левой комплектации, все равно понадобится в лучшем случае тридцать лет, чтобы добраться до Латимера. Для этого нужны криокапсулы, – он поднял руку, останавливая протесты Шнайдера. – И я не знаю никого, буквально никого, кто мог бы их достать. Ни за баб, ни за бабки. Лэндфоллский Картель понимает, что к чему, Ян, и все ходы и выходы перекрыл наглухо. Никто не выберется отсюда живым – по крайней мере, до конца войны. Вот и весь сказ.

– Можно без проблем продать его кемпистам, – заметил я. – Военная техника им нужна как воздух; они заплатят.

Роспиноджи кивнул:

– Да, мистер Ковач, они заплатят, и заплатят они в санах. Потому что ничего другого у них нет. Ваши «клиновские» дружки об этом позаботились.

– Они мне не дружки. Я просто ношу их форму.

– Однако же она хорошо на вас сидит.

Я пожал плечами.

– Как насчет десяти? – с надеждой спросил Шнайдер. – Кемписты платят впятеро больше за восстановленные суборбитальники.

Роспиноджи вздохнул:

– Ну да, а тем временем мне придется его где-то прятать и давать на лапу тем, кто его обнаружит. Это же тебе не скутер-внедорожник. Кроме того, придется устанавливать контакт с кемпистами, что, как ты, возможно, знаешь, в наши дни карается принудительным стиранием. Надо будет устраивать секретную встречу – причем брать с собой вооруженную охрану на случай, если эти горе-революционеры вздумают реквизировать товар, вместо того чтобы раскошеливаться. Как они, скорее всего, и поступят, если прийти безоружным. Оцени организационные расходы, Ян. Я тебе услугу оказываю, помогая сбыть его с рук. К кому еще ты с ним пойдешь?

– Восемь…

– Шесть нас устроит, – вклинился я. – И мы благодарны за услугу. Но как насчет того, чтобы подсластить сделку, подбросив нас в Лэндфолл и снабдив кое-какой бесплатной информацией? Просто в качестве дружеского одолжения.

Взгляд мальчика стал острым, переместился на Таню Вардани.

– Бесплатной информацией, значит? – он комически подергал бровями. – Такой, знаете ли, не существует в природе. Но разве что в качестве дружеского одолжения. Что вы хотите знать?

– Лэндфолл, – сказал я. – Кто там самая шустрая рыба-бритва за пределами Картеля? Я имею в виду корпорации второй, возможно, даже третьей величины. Какая новая звезда собирается вспыхнуть на горизонте ближайшего будущего?

Роспиноджи задумчиво отхлебнул вина:

– Хм-м. Рыбы-бритвы. Не думаю, что у нас на Санкции IV они водятся. Да и на Латимере, если уж на то пошло.

– Я с планеты Харлан.

– Ах вот как. Но не из куэллистов, я так полагаю, – он кивнул на форму «Клина». – Принимая во внимание вашу нынешнюю политическую позицию, я имею в виду.

– Не стоит слишком уж упрощать куэллизм. Кемп постоянно цитирует Куэлл, но, как большинство людей, он избирателен.

– Ну, мне трудно судить, – Роспиноджи поднял ладонь, останавливая наложницу, протягивавшую ему очередной кусок. – Касательно бритв. По моим прикидкам, их найдется максимум штук шесть. Из тех, кто прибыл в последних рядах, в основном с Латимера. Межпланетники начали подпускать к кормушке местных конкурентов лишь лет двадцать назад. К тому времени, разумеется, у них уже были в кармане и Картель, и правительство. На долю остальных пришлись жалкие крохи. Большинство игроков третьего эшелона уже готовятся

разъезжаться по домам; война им попросту не по карману, – он огладил несуществующую бороду. – Что касается второго эшелона… Пожалуй, «Сатакарн Ю ассошиэйтс», «PKN», «Мандрейк корпорейшн». Все они довольно плотоядны. Возможно, смогу нарыть еще парочку. Вы планируете что-то им предложить?

Я кивнул:

– Косвенным образом.

– Ну что ж, в таком случае присовокуплю к бесплатной информации бесплатный совет. Скармливайте им свое подношение на длинной палке, – отсалютовав мне бокалом, Роспиноджи осушил его и дружелюбно улыбнулся. – Потому что, если вы этого не сделаете, они отхватят вам руку по локоть.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Как у многих других городов, обязанных своим существованием наличию космопорта, у Лэндфолла не было центра как такового. Вместо этого город беспорядочно расползся по полупустынной равнине в южном полушарии, там, где столетие назад приземлились первые колонизационные баржи. Каждая корпорация, имевшая долю в освоении планеты, просто строила в произвольном месте равнины свое собственное летное поле, окружая его кольцом служебных строений. Со временем эти кольца расширились, пересеклись друг с другом и в конце концов слились, образовав лабиринтообразную, лишенную центра конурбацию с самыми зачаточными следами общего городского планирования, призванного увязать их воедино. Прибыла вторая волна инвесторов, которые начали арендовать или покупать землю у первой волны, обустраивая себе ниши как на финансовом рынке, так и в быстро разрастающейся метрополии. Тем временем в других местах планеты уже возникали новые города, но пункт Устава о карантине экспортируемых товаров гарантировал, что все доходы археологической индустрии Санкции IV в какой-то момент непременно должны проходить через Лэндфолл. Отъевшись на неограниченной диете, включавшей экспорт археологических находок, распределение земельных участков и выдачу лицензий на раскопки, бывший космопорт разбух до чудовищных размеров. Сейчас он занимал две трети равнины, а его двенадцать миллионов жителей составляли почти тридцать процентов того, что осталось от общего населения Санкции IV.

Это была преисподняя.

Мы со Шнайдером шагали по грязным улицам, засыпанным мусором и красноватым песком. Воздух был сухим и горячим, а

тени от зданий не хватало для того, чтобы укрыться от стоящего высоко над горизонтом солнца. Я чувствовал, как по лицу течет пот, а мокрые волосы липнут к шее. В окнах и зеркальных фасадах, бок о бок с нами шествовали наши двойники в черных униформах. Я был почти что рад их компании. Кроме них, вокруг не было ни души, и мерцающая неподвижность застывшего в полуденном зное города действовала мне на нервы. Под ногами отчетливо хрустел песок.

Найти нужное место не составило труда. Башня возвышалась в конце квартала, словно отполированная бронзовая боевая рубка, вдвое превосходящая высотой окружающие здания и абсолютно безликая внешне. Как у большинства архитектурных сооружений Лэндфолла, у нее был зеркальный фасад, и отраженный солнечный свет не давал смотреть на него прямо. Это была не самая большая высотка в Лэндфолле, но в ней чувствовалась стихийная мощь, пульсация которой распространялась на все близлежащие объекты и позволяла составить неплохое представление о ее создателях.

«Проверка человеческого тела на прочность».

Фраза вывалилась из моей памяти, точно спрятанный труп из шкафа.

– Как близко ты хочешь подойти? – нервно спросил Шнайдер.

– Чуть ближе.

Оболочка от «Хумало», как все спецмодификации, разработанные для «Клина Карреры», снабжена стандартным дисплеем для вывода спутниковых геолокационных данных, довольно удобным в использовании, если не засирать его заглушками и антизаглушками, которыми забиты практически все частоты на Санкции IV. Я моргнул, наводя резкость, и всю левую часть поля зрения заняла сетка перекрестков и кварталов. На одной из улиц монотонно мерцали две точки.

«Проверка человеческого…»

Я слегка подкрутил масштаб, и изображение принялось с головокружительной скоростью увеличиваться, пока я не обнаружил, что рассматриваю собственную макушку с высоты многоэтажного здания.

– Черт.

– Что? – Шнайдер напрягся, застыв, как ему явно казалось, в боевой стойке ниндзя. Его закрытое солнечными очками лицо приняло комически встревоженное выражение.

«Проверка…»

– Ничего, – я уменьшил изображение, и на краю дисплея вновь показалась башня. Кратчайший путь услужливо высветился желтым, предлагая пересечь два перекрестка. – Нам сюда.

«Проверка человеческого тела на прочность – лишь одно из передовых направлений…»

По желтой линии через пару минут мы вышли к узкому подвесному мосту, перекинутому через высохший канал. Двадцатиметровый мост плавно уходил вверх, упираясь противоположным концом в бетонный выступ. По обе стороны от моста параллельно располагались еще два. Дно канала покрывал обычный городской мусор: выброшенная бытовая техника с торчащими из потрескавшихся корпусов проводами, пустые упаковки из-под еды, скомканная, выцветшая на солнце одежда, напоминающая безжизненные тела, искромсанные пулеметным огнем. Надо всем этим, по другую сторону свалки, нас поджидала башня.

«Проверка человеческого…»

Шнайдер топтался перед мостом:

– Ты идешь?

– Угу, и ты тоже. Мы же партнеры как-никак, – я слегка подтолкнул его в спину и двинулся вперед, наступая ему на пятки, так что ему волей-неволей тоже пришлось перебирать ногами. Подготовка посланника пыталась совладать с неслабыми дозами гормонов, которые выбросила моя оболочка, приводя меня в боевую готовность; и на этом фоне мое настроение становилось все более приподнятым, на слегка истерический лад.

– Мне просто не кажется, что…

– Если что-то пойдет не так, вали все на меня, – я подтолкнул его снова. – Давай, давай.

– Если что-то пойдет не так, мы покойники, – пробормотал он угрюмо.

– Ага, как минимум.

Пока мы шли вперед, Шнайдер так цеплялся за перила, словно мост сотрясали яростные порывы ветра.

С противоположной стороны выступ оказался краем ничем не примечательной пятидесятиметровой площади. Мы остановились, созерцая бесстрастную громаду башни. Намеренно или нет, но эта бетонная площадка, окаймлявшая здание, представляла собой прекрасное стрельбище. Нигде в поле зрения не наблюдалось ни единого укрытия, а единственными путями отступления были либо узкий, идеально простреливающийся мост, либо головоломный прыжок на дно высохшего канала.

«Со всех сторон открыты, и карты наши биты», – тихонько пропел Шнайдер, повторяя мелодию и слова кемпистского революционного гимна. Я не мог его винить. С момента как мы очутились в свободном от глушилок радиоэфире города, я и сам пару раз ловил себя на том, что мычу это сраное «Открытое

пространство»; версия Лапине неслась отовсюду, достаточно близкая к кемпистскому оригиналу, чтобы воскресить воспоминания годичной давности. Тогда оригинал раздавался на пропагандистских каналах повстанцев каждый раз, когда правительственные глушилки делали перерыв. В гимне шла речь об истории – по всей очевидности, назидательной – обреченного на смерть взвода добровольцев, удерживающих позицию под натиском преобладающих сил противника во имя любви к Джошуа Кемпу и революции. Исполнялось это дело на мотив привязчивой джанк-сальсы, которая намертво застревала в голове. Почти все мои люди на Северном пределе могли спеть ее от начала до конца – что они часто и делали, к ярости политофицеров Картеля, которые испытывали слишком сильный страх перед формами «Клина» и не осмеливались хоть что-то предпринять по этому поводу.

Действие мелодии оказалось столь вкрадчиво-ядовитым, что даже наиболее прокорпоративно настроенные граждане не могли не мычать ее себе под нос. Этот факт плюс сеть информаторов Картеля, работавщих за комиссию, привел к тому, что пенитенциарные учреждения по всей Санкции IV вскоре лопались по швам от музыкально одаренных политзаключенных. Учитывая возросшие сложности в поддержании порядка, было принято решение нанять дорогостоящую консалтинговую команду, которая быстро разродилась новой, перелицованной версией текста, и ее положили на оригинальную мелодию. Певицу-конструкт Лапине разработали и запустили именно для того, чтобы презентовать хит о мальчике, который осиротел во время предательской атаки кемпистов, но был усыновлен добрым корпоративным блоком, вырос и полностью реализовал свой потенциал, став топ-менеджером планетарного уровня.

Этой балладе недоставало военной романтики оригинала, но, так как некоторые места кемпистского текста были умышленно продублированы, люди, как правило, не отличали разные версии друг от друга и напевали гибрид, слепленный из обрывков обеих и нанизанный на мотивчик сальсы. В таких куплетах любой революционный подтекст сходил на нет. Консалтинговая команда получила премию, а также отчисления с доходов Лапине, которую крутили сейчас по всем государственным каналам. В ближайшем будущем планировался выход альбома.

Шнайдер прекратил напевать:

– Как думаешь, у них тут все схвачено?

– Полагаю, да.

Я кивнул на башню, в сторону отполированных дверей метров в пять высотой. По обе стороны этого внушительного

портала находились произведения абстрактного искусства, каждое из которых заслуживало названия «Симметрия сталкивающихся яиц» или – я увеличил кратность нейрохимического зрения, чтобы убедиться наверняка, – «Избыточная огневая мощь в боевой полуготовности».

Шнайдер проследил направление моего взгляда:

– Автотурели?

Я кивнул:

– Две автоматических пушки и, по крайней мере, четыре лучевых орудия, насколько я могу разглядеть отсюда. Оформление сделано с большим вкусом. Среди скульптур и не заметишь.

В каком-то смысле это был хороший знак.

За те две недели, что мы успели провести в Лэндфолле, я не заметил на улицах ни единого признака войны, кроме чуть большего, чем обычно, числа людей в униформах по вечерам да наростов в виде автотурелей быстрого реагирования кое-где на высотных зданиях. Сплошь и рядом могло показаться, что вся заваруха происходит на какой-то другой планете. По крайней мере «Мандрейк корпорейшн» выглядела готовой ко встрече с Джошуа Кемпом в случае, если ему удастся дойти до столицы.

Проверка человеческого тела на прочность – лишь одно из передовых направлений, являющихся на сегодняшний день ключевыми в исследовательских программах «Мандрейк корпорейшн». Наша конечная цель – достижение максимальной утилитарности всех *ресурсов.*

«Мандрейк» приобрела этот участок десять лет назад. Тот факт, что они строили здание, закладываясь на вооруженное восстание как возможный вариант развития событий, говорил о стратегическом расчете гораздо более дальнего прицела, чем у любого другого конкурента. Корпоративным логотипом «Мандрейк» являлся фрагмент спирали ДНК на фоне микросхем; пресс-релизы агрессивно вопили о «больших дивидендах» и «радикально новом подходе». Финансовые дела компании с началом войны резко пошли в гору.

Подходяще.

– Как думаешь, они на нас сейчас смотрят?

Я пожал плечами:

– Всегда кто-нибудь да смотрит. Так устроена жизнь. Вопрос в том, обращают ли они на нас внимание?

Шнайдер раздраженно поморщился:

– Ладно, в таком случае как думаешь, *обратили* они на нас внимание?

– Сомневаюсь. Вряд ли у автоматических систем такие

настройки. Война идет слишком далеко отсюда. На нас форма дружественных войск, а комендантский час начинается только в десять. Мы ничего необычного из себя не представляем.

– Пока что.

– Пока что, – согласился я, отворачиваясь. – Ну что ж, пошли обращать на себя внимание.

Мы зашагали по мосту в обратную сторону.

* * *

– Вы не похожи на творческих личностей, – заметил промоутер, загружая последний из наших файлов. Мы пришли в гражданской одежде, купленной утром взамен униформы, нам вынесли оценку прямо на пороге, и, похоже, она была явно невысока.

– Мы охрана, – сообщил я любезно. – Это она вот творческая личность.

Его взгляд скользнул к сидящей напротив Тане Вардани, прячущейся за темными очками и непроницаемым молчанием. За последнюю пару недель ее формы уже начали потихоньку округляться, но под длинным черным плащом этого было не увидеть, а лицо ее по-прежнему оставалось исхудавшим. Промоутер хмыкнул, явно удовлетворенный увиденным.

– Ну, – он развернул на весь экран индикатор трафика и какое-то время изучал его. – Не знаю, что у вас там за продукт, но хочу заметить, что у вас будет предостаточно конкурентов, имеющих финансовую поддержку государства.

– Что, вроде Лапине?

Насмешка в голосе Шнайдера была бы слышна и на межгалактических расстояниях. Промоутер пригладил свою треугольную, в подражание армейской моде бородку, откинулся в кресле и уперся ботинком в военном стиле о край стола. У основания бритого черепа красовались три или четыре разъема с боевым софтом быстрой загрузки, слишком блестящие, чтобы не быть дизайнерскими копиями.

– Не стоит смеяться над мейджорами, друг мой, – бросил он небрежно. – Имей я хоть два процента с проекта Лапине, сейчас жил-поживал бы в Латимер-сити. Знаете самый лучший способ в военное время держать искусство на коротком поводке? Скупить его на корню. Корпорации прекрасно об этом знают. У них есть технические возможности, чтобы торговать искусством по-крупному, и влияние, чтобы задушить конкурентов цензурой. Так что, – он постучал пальцем по экрану, на котором маленькой

фиолетовой торпедой светился наш пакет файлов, словно торпеда, ждущая запуска, – что бы у вас там ни было, оно должно быть прямо-таки охеренно чумовым, чтобы проплыть против такого сильного течения.

– Вы всех клиентов так обнадеживаете? – спросил я.

Он мрачно улыбнулся:

– Я реалист. Вы платите, я ваше добро проталкиваю. Для того чтобы доставить его по назначению в целости и сохранности, к вашим услугам лучший софт для обхода ограничения доступа, который только есть на Лэндфолле. Как и заявлено на вывеске: «Мы сделаем вас заметным». Но не ждите, чтобы я вас при этом еще и обхаживал, это в набор услуг не входит. Там, куда вы хотите впрыснуть эту свою штуку, происходит слишком много всякого-разного, чтобы испытывать оптимизм по поводу ваших шансов.

В раскрытые окна третьего этажа вливался уличный шум. Воздух снаружи стал прохладней с приближением вечера, но в кабинете промоутера по-прежнему стояла духота. Таня Вардани нетерпеливо поерзала.

– Это нишевая вещь, – проскрежетала она. – Может, уже начнем?

– Да, конечно, – промоутер еще раз бегло взглянул на экран, где виднелись четкие зеленые цифры суммы, которую нам предстояло заплатить. – Ну что ж, пристегните ремни. Вашим кредитам предстоит стремительный полет.

Он нажал на кнопку. Экран тронула легкая рябь, и лиловая торпеда исчезла. Рассыпавшись спиралевидными завитками, она растаяла за стеной корпоративной системы защиты данных, где ее след затерялся даже для хваленого софта промоутера. Зеленые цифры счетчика бешено закрутились, превратившись в одни сплошные размытые восьмерки.

– Ну я же говорил, – промоутер осуждающе покачал головой. – Системы ограничения доступа аналогичного уровня стоили бы им годовых прибылей за одну только установку. Но экономия дорого обходится, друзья мои.

– Оно и видно, – заметил я, глядя, как тают, будто неэкранированный сердечник из антиматерии, наши кредиты, и подавил неожиданно возникшее желание вырвать промоутеру горло голыми руками. Не то чтобы дело было в деньгах – их хватало. Возможно, за шаттл «Ву-Моррисон» шести миллионов санов было мало, но в Лэндфолле на них мы могли жить по-королевски.

Дело было не в деньгах.

Дело было в дизайнерских псевдовоенных безделушках и

ленивых рассуждениях о том, что делать с искусством военного времени, во всей этой напускной пресыщенности в стиле «плавали-знаем», тогда как мужчины и женщины по другую сторону экватора рвали друг друга на части ради незначительных изменений в системе, обеспечивавшей сытую жизнь Лэндфолла.

– Готово, – руки промоутера отбили на консоли короткую барабанную дробь. – Насколько я могу судить, отбыло по назначению. Пора отбывать и вам, девочки и мальчики.

– Насколько ты можешь судить? – повторил Шнайдер. – Это что еще за херня?

Ответом ему была еще одна мрачная улыбка:

– Так. Вы контракт-то прочитайте. Выполняем ваш заказ наилучшим возможным образом. Ну так вот это и есть наилучший возможный образ на Санкции IV. Вы покупали последнее слово техники, а не гарантии.

Он вытащил из машины наш выпотрошенный кредитный чип и перебросил через стол Тане Вардани, которая невозмутимо положила чип в карман.

– Ну и сколько нам ждать? – спросила она, зевая.

– А я что, ясновидящий? – промоутер вздохнул. – Ответ может быть через пару дней, может, через месяц. Может, никогда. Все зависит от вашей демки, а ее я не видел. Я всего-навсего почтальон. Идите домой, ждите почты.

Наше отбытие сопровождалось тем же напускным отсутствием интереса, что прием и обслуживание. Оказавшись снаружи и окунувшись в вечерние сумерки, мы свернули налево, перешли на другую сторону улицы и поднялись на террасу кафе. Кричащая головывеска промоутерской конторы оказалась прямо перед нами, метров на двадцать ниже. На носу был комендантский час, и кафе уже практически опустело. Мы сбросили сумки под стол и заказали кофе ристретто.

– Сколько ждать? – снова спросила Вардани.

– Минут тридцать, – я пожал плечами. – Зависит от их ИИ. Самое большее сорок пять.

Они прибыли прежде, чем я успел допить кофе.

Это был непримечательный фургон коричневого цвета, неуклюжий и маломощный с виду, но опытному взгляду было очевидно, что он бронированный. Фургон обогнул угол, проскользил метров сто по улице и медленно подполз к зданию, где находился офис промоутера.

– Ну вот и пожаловали, – пробормотал я, чувствуя, как растеклась по венам нейрохимия «Хумало». – Ждите здесь оба.

Я неторопливо поднялся и пересек улицу, засунув руки в карманы и склонив голову набок, изображая зеваку. Плотно

прижавшись к обочине, фургон остановился у двери промоутерского офиса. Боковая дверь открылась. Оттуда выбрались пять одетых в комбинезоны фигур, чьи движения отличала профессиональная скупость. Фигуры скрылись внутри здания, дверь фургона снова закрылась.

Лавируя в потоке прохожих, спешивших за последними покупками, я слегка ускорил шаг, и мои пальцы сомкнулись вокруг лежавшего в кармане предмета.

Лобовое стекло фургона выглядело прочным и почти непрозрачным. С помощью нейрохим-зрения я смог различить сквозь него две сидящие фигуры и смутные очертания еще одной, приподнимающейся с места, чтобы выглянуть наружу. Глядя на фасад магазина, я преодолел последние метры, отделявшие меня от фургона, и оказался прямо перед ним.

Пора.

Моя левая рука выскользнула из кармана. Плотно прижав к ветровому стеклу плоский диск термитной гранаты, я немедленно переместился вперед и вбок.

Бах!

Пуская в ход термитную гранату, отступать нужно очень быстро. Новые модели разработаны так, что все осколки и девяносто пять процентов огня направлены к поверхности контакта, но пяти процентов с другой стороны хватит, чтобы превратить в кровавую кашу любого, кто стоит на пути.

Фургон содрогнулся. Взрыв внутри бронированного корпуса прозвучал негромко и глухо. Я нырнул в здание промоутера и взбежал по ступенькам.

На площадке первого этажа вытащил из кобуры нейроинтерфейсники; пластины из биосплава, вшитые под кожу моих ладоней, уже напряглись в предвкушении действия.

На третьем этаже они выставили часового, но не ожидали нападения сзади. Я выстрелил ему в затылок, взлетел по ступеням последнего лестничного марша – *брызги крови и ошметки белого вещества изукрасили стену* – и оказался на площадке следующего этажа еще до того, как тело парня коснулось пола, и ворвался в дверь офиса за углом.

Эхо первого выстрела, обжигающее, словно первый глоток виски…

Обрывки изображения.

Промоутер, пытающийся подняться со стула, на котором его удерживают двое. Одна рука высвобождается и указывает на меня:

– Вот о…

Ближний к двери громила разворачивается…

Уложить его. Очередь в три патрона, с левой руки.

Кровь веером разлетается в воздухе – гипербыстрое за счет нейрохимии движение, чтобы увернуться от брызг.

Командира взвода узнать легко. Выше, внушительнее, еще что-то неуловимое. Вопль: «Какого ху…»

Выстрелить в корпус. В грудь и руку с оружием. Разнести эту руку *в клочья*.

«Калашников» в правой плюет огнем и свинцом.

Оставшиеся двое бросают прижатого к креслу, вырывающегося промоутера, тянутся за оружием…

Теперь с обеих рук – в голову, корпус, куда попало.

«Калашниковы» издают отрывистый лай, как два жаждущих крови пса.

Тела дергаются, валятся на пол…

Кончено.

На крошечный офис обрушилась тишина. Промоутер съежился под трупом одного из нападавших. Где-то в консоли что-то искрило и потрескивало – там, где прошла по касательной или насквозь одна из моих пуль. С лестницы донеслись голоса.

Я опустился на колени рядом с телом главаря и положил на пол оружие. Я вытащил из-за ножен, висевших на пояснице и прикрытых курткой, вибронож. Включив его, с силой уперся в позвоночник мертвеца свободной рукой и принялся за работу.

– Ох, мать твою, – горло промоутера сдавил спазм, после чего его вырвало прямо на консоль. – Твою же мать.

Я поднял на него взгляд:

– Заткнись, это не так-то просто.

Тот снова вжался в кресло.

После пары неудачных попыток вибронож вгрызся в кость и начал перерезать позвоночный столб на несколько позвонков ниже места его соединения с основанием черепа. Я прижал череп к полу коленом, снова уперся мертвецу в спину и начал новый надрез. Нож снова соскользнул с кости.

– Черт.

Голосов на лестничной площадке становилось все больше, и их обладатели, похоже, подходили все ближе. Я прервал свое занятие, левой рукой подобрал один из «калашниковых» и несколько раз выстрелил сквозь дверной проем в стену напротив. Голоса сменились топотом сбегающих по ступенькам ног.

Я снова взялся за нож. Мне удалось загнать острие в кость и сделать разрез. С помощью лезвия я поддел отсеченный участок позвоночника, отделив его от окружающих мышечных тканей. Грубая работа, но времени было мало. Засунул отрезанную кость

в карман, отер руки о чистый участок на одежде покойника и зачехлил нож. После чего поднял интерфейсники и осторожно направился к двери.

Тишина.

На пороге я оглянулся на промоутера. Тот смотрел на меня так, словно у меня внезапно прорезались клыки морского демона.

– Иди домой, – сказал я. – Они снова заявятся. Насколько я могу судить.

По дороге вниз мне не встретилось ни души, хотя я непрерывно ощущал на себе чужие взгляды из-за запертых дверей. Снаружи я осмотрелся, убрал «калашниковы» и двинулся прочь, скользнув мимо раскаленного дымящегося остова взорванного фургона. Тротуар опустел метров на пятьдесят в обе стороны, а на зданиях справа и слева от места происшествия были опущены аварийные жалюзи. Через дорогу уже собиралась толпа, но никто, похоже, не знал, что предпринять. Несколько прохожих, обративших на меня внимание, поспешно отводили взгляды, когда я проходил мимо.

Безупречно.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

По дороге в отель мы не обменялись практически ни словом.

Бóльшую часть пути мы проделали пешком, стараясь выбирать крытые галереи и торговые центры, чтобы ускользнуть от систем спутникового слежения, к которым могла иметь доступ «Мандрейк корпорейшн». Сгибаясь под весом сумок, под конец мы совсем запыхались. Через двадцать минут мы остановились под широким козырьком здания холодильного склада. Помахав транспортным пейджером, я в конце концов поймал-таки такси. Мы нырнули в салон прямо из-под козырька и молча откинулись на сиденьях.

– Должна предупредить вас, – занудно сообщила машина, – что через семнадцать минут начинается комендантский час.

– Ну, в таком случае придется доставить нас домой побыстрее, – сказал я, давая ей адрес.

– Расчетное время пути – девять минут. Пожалуйста, произведите оплату.

По моему кивку Шнайдер достал неиспользованный кредитный чип и вставил его в терминал. Такси чирикнуло в ответ, и мы плавно поднялись в почти уже опустевшее ночное небо и заскользили в западном направлении. Я откинул голову и, повернувшись к окну, стал смотреть на проплывавшие под нами

городские огни, мысленно прокручивая в голове события последнего часа, проверяя, достаточно ли хорошо мы замели следы.

Когда я повернулся обратно, то наткнулся на прямой взгляд Тани Вардани. Она не отвела глаз.

Я снова уставился на огни и не отрывался от них, пока мы не начали снижаться им навстречу.

Отель мы подобрали идеальный. Самый дешевый из своих собратьев, выстроившихся в ряд под коммерческой грузовой трассой. Клиентурой его были практически сплошь проститутки и электронарки. Парень за стойкой администратора был облачен в дешевую «Синтету», силикоплоть которой протерлась на суставах пальцев, а на правой руке виднелась свежая заплатка. Стойку покрывали глубоко въевшиеся пятна грязи, а по ее внешнему краю через каждые десять сантиментров стояли генераторы силового поля. В полумраке вестибюля, словно бледные тени, скользили женщины и парни с пустыми лицами.

Логотипированные глаза портье скользнули по нам, будто влажная тряпка.

– Десять санов в час, пятьдесят – залог авансом. За душ и доступ к экрану еще пятьдесят.

– Мы на всю ночь, – сказал Шнайдер. – Если ты не заметил, уже комендантский час начался.

На лице портье не отразилось ровным счетом ничего, но, возможно, проблема была в оболочке. «Синтета» славилась своей экономией на нервно-мышечных интерфейсах для мелкой лицевой мускулатуры.

– Значит, восемьдесят санов плюс пятьдесят залог. Душ и экран еще пятьдесят.

– Скидки за длительное пребывание не предусмотрено?

Его глаза переместились на меня, а рука исчезла под стойкой. Все еще взвинченный после перестрелки, я ощутил прилив нейрохимии.

– Вам нужна комната или нет?

– Нужна, – сказал Шнайдер, бросив на меня предупреждающий взгляд. – Чип-ридер имеется?

– Еще десять процентов, – портье напряг память. – Комиссия.

– Ладно.

Портье разочарованно поднялся и отправился в соседнюю комнату за ридером.

– Наличные, – пробормотала Таня Вардани. – Надо было об этом позаботиться.

Шнайдер пожал плечами:

– Нельзя позаботиться обо всем. Ты когда в последний раз

хоть что-нибудь покупала без чипа?

Она покачала головой. В моей голове промелькнуло воспоминание о том, как тридцать лет назад, за много световых лет отсюда, мне приходилось пользоваться физическими деньгами вместо кредитов. Я даже успел привыкнуть к этим старомодным пластиковым банкнотам с их замысловатым дизайном и голографическими панелями. Но то было на Земле, а Земля вообще напоминает эксперии о доколониальных временах. Я даже недолго воображал себя влюбленным и под влиянием любви и ненависти натворил глупостей. На Земле умерла какая-то часть меня.

Другая планета, другая оболочка.

Я тряхнул головой, отгоняя образ, несправедливо глубоко отпечатанный в памяти, и огляделся, пытаясь снова вернуться к реальности. Плохо различимые в полумраке грубо размалеванные лица поворачивались, чувствуя мой взгляд, затем отворачивались обратно.

«Да уж, подходящие воспоминания для борделя. Бог ты мой».

Портье вернулся, считал один из чипов Шнайдера и швырнул на стойку исцарапанную пластиковую карточку-ключ.

– В боковую дверь и вниз по лестнице. Четвертый уровень. Душ и экран я включил до конца комендантского часа. Захотите продлить, надо будет спуститься и доплатить, – силиконлоть сморщилась в некоем подобии ухмылки. Мог бы и не стараться. – Комнаты звукоизолированы. Ни в чем себе не отказывайте.

Коридор и стальная лестница были освещены еще хуже, чем вестибюль, если такое вообще возможно. Иллюминиевая плитка на стенах и потолке местами облупилась, местами просто перегорела. Перила были покрыты слоем светящейся краски, но слой этот уже почти сошел, теряя микроны всякий раз, когда чья-то очередная рука скользила по металлу.

По пути мы прошли мимо нескольких шлюх, по большей части с клиентами на поводу. Вокруг них, легонько позвякивая, плыли мыльные пузырьки напускной веселости. Бизнес, судя по всему, шел бойко. Среди клиентов я приметил пару военных и задумчиво курившего на лестничной площадке второго этажа мужика, смахивавшего на политофицера Картеля. В нашу сторону никто и ухом не повел.

Комната была вытянутой в длину, с низким потолком, имитациями карниза и колонн из быстротвердеющей смолы, прилепленными прямо на голые бетонные стены, а потом вместе со стенами выкрашенными в чистейший буйно-красный. Примерно в центре комнаты от стен друг напротив друга торчали две кровати, между которыми оставалось не больше полуметра. К

углам одной из них были прикреплены пластиковые цепи. В дальнем конце помещения стояла закрытая душевая кабина, достаточно большая, чтобы вместить троих, если потребуют обстоятельства. Напротив каждой кровати располагался широкий экран, на бледно-розовом фоне которого светилось меню.

Я осмотрелся, с шумом выдохнул в теплый, как кровь, воздух и склонился к стоящей на полу сумке:

– Проверьте, дверь заперта?

Я вытащил из сумки детектор и обвел комнату. В потолке обнаружилось три «жучка», по одному над кроватями и один в душе. До чего изобретательно. Шнайдер прилепил рядом с каждым «улитку»-нейтрализатор клиновского стандарта. «Улитки» залезут в память «жучков», вытащат записи последней пары часов и начнут гонять по кругу. Более продвинутые модели могут даже сканировать содержимое и вполне убедительно импровизировать на его основе, но в нашем случае это вряд ли могло понадобиться. По виду портье не сложилось впечатления, что за ним стоит серьезная система безопасности.

– Куда класть? – спросил Шнайдер у Вардани, которая распаковывала на одной из кроватей вторую сумку.

– Прямо сюда, – отозвалась она. – Погоди, давай я сама. Это, м-м, непросто.

Шнайдер вздернул бровь:

– Ясно. Ладно. Ничего не трогаю.

Просто или непросто, но на сборку оборудования у археолога ушло около десяти минут. Закончив, она достала из обмякшей шкурки опустевшей сумки УЗ-окуляры и надела их. Затем повернулась ко мне:

– Ты мне ничего не хочешь дать?

Сунув руку в карман куртки, я вынул фрагмент позвоночника. На крохотных впадинах и выпуклостях все еще виднелась невысохшая кровь, но Вардани взяла его без всякого видимого отвращения и бросила внутрь прибора для очистки артефактов, который она только что собрала. Под стеклянным колпаком вспыхнул бледный фиолетовый свет. Шнайдер и я завороженно смотрели, как Таня подключает к машине УЗ-окуляры, берет пульт, усаживается по-турецки и приступает к работе. Машина тихонько затрещала.

– Все нормально? – спросил я.

Вардани коротко хмыкнула.

– Много времени на это уйдет?

– Больше, чем надо, если будешь приставать ко мне с дурацкими вопросами, – бросила она, не отрываясь от своего занятия. – У тебя других дел не найдется?

Краем глаза я поймал ухмылку Шнайдера.

К тому времени как мы собрали другой аппарат, Вардани практически закончила. Заглянув через ее плечо в пурпурное свечение, я увидел, что от фрагмента позвоночника осталось немного, и последние его части понемногу сходили, обнажая маленький металлический контейнер стека памяти. От зрелища было невозможно оторваться. Я не первый раз наблюдал, как извлекают стек памяти из позвоночника мертвого человека, но на моей памяти эта операция была самой грациозной. Кость постепенно истаивала, еле заметно уменьшаясь с каждым движением инструментов в Таниных руках, а из-под нее высвобождался контейнер со стеком, блестящий, как свежее олово.

– Я знаю свое дело, Ковач, – голос Вардани был тих и сосредоточен. – По сравнению с очисткой марсианской электроники это, считай, работа пескоструем.

– Да я не сомневаюсь. Просто восхищаюсь мастерством.

На этот раз она подняла голову и, задрав окуляры на лоб, пристально посмотрела на меня, чтобы убедиться, что в моих словах нет насмешки. Когда поняла, что я не шучу, она снова опустила очки, подкрутила какие-то настройки, потом откинулась назад. Фиолетовый свет погас.

– Готово, – она достала из машины стек, зажав его между большим и указательным пальцами. – Кстати говоря, аппаратура не бог весть. Такую обычно покупают скребуны для дипломных работ. Точность сенсоров довольно низкая. На Пределе мне понадобится что-нибудь получше.

– Не волнуйся, – я взял у нее стек памяти и повернулся к прибору, лежащему на другой кровати. – Если все получится, тебе аппаратуру смонтируют по индзаказу. А теперь слушайте внимательно, вы оба. Этот стек вполне может быть оснащен трекером виртуальной среды. Его вшивают многим корпоративным самураям. Не факт, что она есть у этого, но мы будем исходить из обратного. А значит, безопасного доступа в нашем распоряжении около минуты, по истечении которой трекер активируется и пошлет сигнал. Таким образом, когда вот тот счетчик отсчитает пятьдесят секунд, вырубайте всё. Это всего лишь УЛПиО, но тем не менее, задрав соотношение по максимуму, мы получим тридцать пять к одному относительно реального времени. Немногим больше получаса, но этого должно хватить.

– Что ты с ним собираешься делать? – безрадостно поинтересовалась Вардани.

Я протянул руку к шлему:

– Ничего. Времени мало. Просто поговорю.
– Поговоришь? – ее глаза странно заблестели.
– Иногда, – сказал я ей, – большего и не требуется.

* * *

Вход был жестким.

УЛПиО, установление личности погибшего и оценка, – относительно новая процедура в военной бухгалтерии. При Инненине у нас ее не было; первые прототипы появились, когда я уже покинул Корпус, и даже после этого прошли десятки лет, прежде чем ее смогли себе позволить где-либо, кроме элитных частей Протектората. Относительно дешевые модели были разработаны около пятнадцати лет назад, на радость всем военным аудиторам, хотя, конечно же, не им приходилось входить в систему. УЛПиО, как правило, выпадает на долю полевых медиков, которые пытаются, зачастую под огнем, вытащить мертвых и раненых. В таких обстоятельствах плавность входа расценивается как несколько избыточная роскошь, а модель, которую мы умыкнули вместе с госпитальным шаттлом, определенно была лишена каких бы то ни было наворотов.

Бросив последний взгляд на бетонную стену комнаты, я закрыл глаза. Подключение врезало по мозгам, словно тетраметовый приход. Пару секунд я беспомощно тонул в океане статического шума, затем резко вынырнул, оказавшись в бескрайнем и ненатурально неподвижном пшеничном поле, залитом лучами предвечернего солнца. Мои подошвы ударились обо что-то твердое, меня слегка подбросило вверх, после чего я оказался на широком деревянном крыльце, с которого открывался вид на поле. Дом, которому принадлежало крыльцо, оказался за моей спиной – одноэтажное каркасное строение, старое с виду, но слишком безупречно отделанное, чтобы и в самом деле быть старым. Стыки досок отличались геометрическим совершенством, и нигде не было видно ни трещин, ни изъянов. Дом выглядел так, словно его скомпилировал из стоковых картинок искусственный интеллект, не имеющий протоколов взаимодействия с людьми; именно так, скорее всего, и было на самом деле.

Полчаса, напомнил я себе.

Пора устанавливать личность и производить оценку.

Специфика современной войны такова, что зачастую от мертвых солдат почти ничего не остается, и это может усложнить жизнь аудиторам. Ведь переоблачение некоторых из убитых может оказаться финансово оправданным; опытные офицеры – это

ценный ресурс, да и среди младшего состава попадаются специалисты с незаменимыми навыками или знаниями. Проблема заключается в том, как быстро отделить таких солдат от тех, чье переоблачение будет невыгодным. Как же решить эту задачу в условиях дикого хаоса, который царит на поле боя? Штрихкоды обгорают вместе с кожей, идентификационные жетоны плавятся от жара или страдают от шрапнели. Иногда помогает сканирование ДНК, но это непростой химический процесс, и на передовой провести его трудно; к тому же кое-какие из самых неприятных видов химического оружия могут вообще запороть на результаты.

Что еще хуже, анализ ДНК не даст никакой информации о том, пригоден ли убитый к переоблачению психологически. Характер смерти – быстрой она была или медленной, в одиночестве ли находился человек или в компании товарищей, испытывал ли агонию или пребывал в болевом шоке – не может не влиять на степень полученной психологической травмы. А степень травмы влияет на боеспособность. Как влияет и индивидуальная история переоблачений. Слишком много оболочек приводят к синдрому множественных переоблачений, проявление которого мне доводилось видеть год назад у сержанта-подрывника «Клина». Его перезагрузили – в девятый раз с начала войны – в свежеклонированную оболочку двадцатилетнего возраста, и он сидел в ней, как младенец в собственном дерьме: бессвязно вопил, рыдал или задумчиво разглядывал свои пальцы, словно порядком надоевшие игрушки.

Упс.

Одним словом, нет никакого способа извлечь хоть сколько-нибудь достоверную информацию из искалеченных и обгорелых останков, с которыми зачастую приходится иметь дело медикам. Однако, к счастью для бухгалтеров, технология стека памяти дает возможность не только установить личность и определить ценность погибшего, но и установить, не ввергся ли тот в пучину необратимого безумия. Этому «черному ящику» сознания в позвоночном столбе, прямо под черепом, обеспечена максимальная сохранность. Окружающая стек костная ткань сама по себе обладает удивительной стойкостью к механическим повреждениям; а чтобы не полагаться на одну только старую добрую эволюционную инженерию, стек памяти изготавливают из самых прочных искусственных материалов, известных человечеству. Можно спокойно, не опасаясь повредить стек, подвергнуть его пескоструйной очистке, подключить к любому генератору виртуальной среды под рукой, после чего просто нырять туда за объектом. Необходимое для этого оборудование

влезает в одну большую сумку.

Я подошел к идеально гладкой деревянной двери. Рядом с ней висела медная табличка, на которой был выбит восьмизначный серийный номер и имя: *Дэн Чжао Юн*. Я нажал на ручку. Дверь бесшумно растворилась, пропуская меня внутрь, в стерильно чистое помещение, большую часть которого занимал длинный деревянный стол. Сбоку от него, перед камином, в котором потрескивал несильный огонь, располагалась пара кресел, обитых горчичного цвета тканью. Двери в задней стене вели, по всей видимости, на кухню и в спальню.

Он сидел у стола, уронив лицо в ладони. Очевидно, он не слышал, как я вошел. Аппаратура должна была подключить его на несколько секунд раньше, чем меня, так что в его распоряжении имелась пара минут, чтобы справиться с первоначальным потрясением и осознать, где он находится. Теперь ему оставалось только свыкнуться с этим осознанием.

Я негромко кашлянул.

– Добрый вечер, Дэн.

Он поднял голову и, увидев меня, уронил руки на стол. Слова хлынули из него сплошным потоком:

– Нас подставили, чувак, это была сраная подстава. Нас там ждали. Передай Хэнду, что его системы безопасности накрылись. Похоже, кто-то…

Поток слов пересох, а глаза расширились, когда он узнал меня.

– Да.

Он вскочил:

– Да кто ты, сука, такой?

– Это не важно. Послушай…

Но было поздно, он уже огибал стол, сощурив глаза от ярости. Я сделал шаг назад.

– Слушай, нет никакого смысла…

Он сократил дистанцию и устремился на меня: выпад ногой на уровне колена и удар кулаком в корпус. Я заблокировал выпад, взял руку в захват и бросил парня на пол. Приземлившись, он попытался снова достать меня ногой, и мне пришлось уклониться, чтобы не получить в лицо. Поднявшись одним прыжком, он снова ринулся на меня.

На этот раз я принял бой и стал отражать атаки блоками и вертушками, потом завалил его снова коленями и локтями. Он тяжело ухал в такт ударам, и наконец рухнул на пол, прижав корпусом собственную руку. Я приземлился ему на спину, захватил свободное запястье и заломил руку вверх так, что она хрустнула.

– Так, ну все, хорош. Это же *виртуальность*, мать твою, – я восстановил дыхание и заговорил тише. – Кроме того, еще одна такая мудацкая попытка, и я ломаю тебе руку. Уяснил?

Он кивнул, как мог, прижатый лицом к полу.

– Ладно, – я ослабил хватку на миллиметр. – Сейчас я тебя отпущу, и мы поговорим, как цивилизованные люди. Мне нужно задать тебе несколько вопросов, Дэн. Можешь на них не отвечать, если не хочешь, но это не в твоих интересах, так что слушай внимательно.

Я поднялся и отступил в сторону. Мгновение спустя он встал и, массируя руку, прохромал к своему стулу. Я сел в другом конце стола.

– У тебя установлен трекер виртсреды?

Дэн отрицательно мотнул головой.

– Нет, ну понятно, что ты будешь отрицать, даже если установлен. Но да все равно. У нас работает зеркальный скремблер кода. Значит, так. Мне нужно имя твоего старшего.

Он уставился на меня:

– С какого хера я тебе буду что-то рассказывать?

– Потому что в этом случае я верну «Мандрейк» твой стек памяти, и тебя, скорее всего, переоблачат, – я склонился вперед. – Это особое разовое предложение, Дэн. Воспользуйся, пока его срок не истек.

– Если ты меня убьешь, «Мандрейк»…

– Нет, – я покачал головой. – Давай будем реалистами. Ты ведь кто? Начальник отдела безопасности? Глава тактического подразделения? «Мандрейк» тут же найдет тебе на замену дюжину претендентов. Многие взводные сержантики из правительственных войск отсосать готовы за возможность унести ноги с передовой. Любой из них может исполнять твои обязанности. И, кроме того, мужчины и женщины, на которых ты работаешь, собственных детей бы продали в бордель, чтобы заполучить то, что я им сегодня показал. Ну и, помимо всего этого, дружок, ты – не представляешь – никакой – ценности.

Тишина. Он молчал, пронзая меня ненавидящим взглядом.

Я прибегнул к хрестоматийному приему.

– Они, конечно, могут в общем порядке устроить трюк с показательным возмездием. Дать понять, что любой, кто тронет их оперативников, столкнется с самыми серьезными последствиями. Многие жесткие организации любят гнуть эту линию, и, полагаю, «Мандрейк» не исключение, – я взмахнул ладонью. – Но в данном-то случае мы находимся вне контекста общих принципов, не правда ли, Дэн? Ты же явно это понимаешь. Тебя раньше хоть раз посылали на такой срочный выезд? Ты

получал такие исчерпывающие инструкции? Что там было? Найти тех, от кого исходил сигнал, и любой ценой доставить с неповрежденными стеками? Что-то вроде этого?

Вопрос повис в воздухе между нами, точно переброшенная веревка, только и ждущая, чтобы ее подхватили.

«Ну давай. Хватай. Достаточно лишь одного слова».

Но пауза затягивалась. Приглашение согласиться, заговорить, уступить и ответить болталось в воздухе, поскрипывая под собственным весом. Дэн плотно сжал губы.

Попробуем еще раз.

– Что-то вроде этого, Дэн?

– Можешь сразу меня убить, – произнес он напряженным голосом.

Я медленно растянул губы в улыбке…

– Я не собираюсь тебя убивать, Дэн.

…и стал ждать ответа.

Как будто у нас и в самом деле есть зеркальный скремблер. Как будто нас нельзя отследить. Как будто мы располагали временем. *Верь* этому.

Сколько угодно времени.

– Ты не?.. – наконец сказал он.

– Не собираюсь тебя убивать, Дэн. Именно так я и сказал. Я – не – собираюсь – тебя – убивать, – я пожал плечами. – Это было бы слишком просто. Как выключателем щелкнуть. Так легко тебе в корпоративные герои не угодить.

Я увидел, что озадаченность сменяется тревогой.

– И да, на пытки можешь тоже не рассчитывать. Тут я пас. Ну, в смысле, кто там знает, что за софт в тебе установлен, какая сопротивляемость. Слишком грязно, слишком долго, слишком неопределенно. А ответы на свои вопросы я, если что, получу и в другом месте. Как я и говорил, это особое разовое предложение. Ответь на мои вопросы, пока у тебя еще есть такая возможность.

– А не то что?

Почти непробиваемая бравада, но в очередной раз опрокинутые расчеты размыли ее фундамент. Уже дважды ему удавалось подготовить себя к тому, что, как он полагал, на него надвигалось, и оба раза его предположения не оправдывались. Страх в нем пока еле теплился, но постепенно разгорался.

Я передернул плечами:

– А не то я оставлю тебя здесь.

– *Что?*

– Оставлю здесь. Вот мы с тобой сейчас находимся в Керисетской пустоши. В каком-то заброшенном городишке на месте старых раскопок, я даже не уверен, что у него есть

название. На тысячу километров во всех направлениях ничего, кроме пустыни. Я просто оставлю тебя подключенным.

Он заморгал, пытаясь осознать, к чему я клоню. Я снова склонился вперед.

– Ты в системе установления личности и оценки. Она подключена к полевому аккумулятору. Аккумулятора при нынешних установках хватит на десятки лет. На сотни лет виртуального времени. Которое покажется тебе ни хера не виртуальным, а довольно-таки реальным. Будешь тут сидеть и смотреть, как растет пшеница. *Если* она растет в таком-то простеньком формате. Голод тебе не грозит, жажда тоже, но готов поспорить, что ты сойдешь с ума еще до того, как подойдет к концу первое столетие.

Я опять откинулся на спинку. Дал ему переварить услышанное.

– Или можешь ответить на мои вопросы. Разовое предложение. Ну так как?

Снова наступило молчание, но на этот раз не похожее на прежнее. С минуту я предоставил ему возможность сверлить меня взглядом, после чего пожал плечами и поднялся:

– Возможность у тебя была.

Я почти дошел до двери, когда он наконец раскололся.

– Ладно! – его голос сорвался, словно лопнувшая фортепианная струна. – Ладно, ты добился своего. Добился.

Я подождал, потом взялся за дверную ручку. Его голос стал громче:

– Я сказал, ты добился своего, чувак. Хэнд, чувак. *Хэнд*. Матиас Хэнд. Это он, он нас послал, хорош уже, чувак. Я все скажу.

Хэнд. Имя, которое вырвалось у него какое-то время назад. По всему было похоже, что он действительно раскололся. Я медленно повернулся обратно.

– Хэнд?

Он судорожно кивнул.

– Матиас Хэнд?

Он поднял голову. По взгляду было видно, как у него что-то сломалось внутри.

– Я могу положиться на твое слово?

– Раз такое дело, то можешь. Твой стек будет доставлен «Мандрейк» в целости и сохранности. Итак. Хэнд.

– Матиас Хэнд. Отдел слияний и поглощений.

– Он твой старший? – я нахмурился. – Начальник отдела?

– Вообще-то нет. Все тактические группы подчиняются главе Службы безопасности, но с начала войны семьдесят пять

оперативников были определены под непосредственное командование Хэнда в отдел слияний и поглощений.

– Почему?

– А я, сука, знаю?

– А ты предположи что-нибудь. Это была инициатива Хэнда? Или шло сверху?

Он заколебался:

– Говорят, что Хэнда.

– Как давно он работает на «Мандрейк»?

– Не знаю, – он увидел выражение моего лица. – Блин, да не знаю я. Дольше меня.

– Что у него за репутация?

– Он крут. С ним шутки плохи.

– Ну да, ну да. Как и со всяким другим корпоративным начальничком чуть поболе главы отделения. Они все такие крутые сукины дети. Ты мне расскажи что-нибудь, о чем я сам не могу догадаться.

– Это не просто слова. Два года назад один проектный менеджер из отдела разработок подавал заявление правлению о нарушении Хэндом корпоративной этики…

– Корпоративного *чего-о*?

– Смейся-смейся. В «Мандрейк» за это можно попасть под стирание, если обвинение подтвердится.

– Но оно не подтвердилось.

Дэн отрицательно качнул головой:

– Хэнд договорился с правлением, никто не знает как. А того менеджера нашли мертвым на заднем сиденье такси, и нутро у него было разворочено, словно внутри что-то взорвалось. Поговаривают, что Хэнд одно время был хунганом в Братстве Карфура на Латимере. Всякая эта вудуистская хрень.

– Вудуистская хрень, – повторил я, больше изображая безразличие, чем чувствуя его.

Религия есть религия, под каким бы соусом ее ни подавали, и, как говорит Куэлл, увлеченность миром иным свидетельствует о неспособности нормально устроиться в мире нашем. Тем не менее Братство Карфура ничем не уступало любым другим серьезным бандам вымогателей, с которыми мне довелось столкнуться на своем скорбном пути, а в их число входили, наряду с прочими, якудза Харлана, религиозная полиция Шарии и, конечно, сам Корпус посланников. Если Матиас Хэнд был экс-карфурцем, он представлял собой нечто посложней и посерьезней среднестатистического корпоративного боевика.

– Ну а помимо «всякой этой вудуистской хрени», что еще о нем говорят?

Дэн пожал плечами:

– Что он умен. Прямо перед войной его отдел заполучил много правительственных контрактов. Из разряда таких, которые мейджоры даже не рассматривали. По слухам, Хэнд заявил правлению, что через год в этот же самый день у них будет место в Картеле. И никто из тех, кого я знаю, не считает это смешным.

– Ну еще бы. Украшать салон такси своими кишками – слишком уж резкий поворот карьеры. Я думаю, нам…

Падаю.

Покидать формат УЛПиО оказалось столь же невеликим удовольствием, как и заходить в него. Как будто под моим стулом распахнулся люк, и я провалился в тоннель, пронизывающий планету насквозь. Море помех надвигалось со всех сторон, пожирая темноту с жадным похрустыванием и терзая все мои органы чувств разом, как резкий отходняк с эмпатина. Когда этому пришел конец и море отступило, подарив новую порцию столь же малоприятных ощущений, я снова вернулся в реальность, обнаружив себя лежащим на кровати головой вниз, со стекающей из угла рта тонкой ниточкой слюны.

– Ты как, Ковач?

Шнайдер.

Я моргнул. После купания в море помех комната показалась неожиданно сумеречной, как будто я слишком долго глядел на солнце.

– Ковач? – на этот раз это был голос Тани Вардани.

Я вытер рот и огляделся. Рядом со мной тихо гудел УЛПиО-аппарат, зеленые цифры замерли на сорока девяти. Вардани и Шнайдер стояли по обе стороны от него, уставившись на меня с почти комической озабоченностью. Расположенная за их спинами лепная пошлятина бордельных апартаментов придавала всей сцене вид дурно срежиссированного фарса. Подняв руку, чтобы снять шлем, я почувствовал, что мои губы начинают кривиться в ухмылке.

– Ну? – Вардани слегка отодвинулась от меня. – Хватит скалиться, рассказывай. Что удалось узнать?

– Достаточно, – ответил я. – Думаю, теперь мы готовы к сделке.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
КОММЕРЧЕСКИЕ СООБРАЖЕНИЯ

Всякая программа, политическая или любая другая, имеет свою цену. Всегда интересуйтесь, какова цена и кто будет платить. Иначе те, кто стоит за этой программой, учуют ваше молчание, как болотные пантеры – запах крови, и не успеете вы глазом моргнуть, как счет предъявят именно вам. И вы его можете не потянуть.

Куэллкрист Фальконер.

То, что я уже должна была понять. Том второй

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

– Дамы и господа, прошу внимания.

Аукционер деликатно постучала пальцем по гарнитуре микрофона, и громкий «пум-пум» раскатился под сводами зала над нашими головами, подобно приглушенному раскату грома. В соответствии с традицией, она была облачена в некое подобие вакуумного костюма, минус шлем и перчатки, но костюм этот своим фасоном вызывал у меня ассоциации скорее с модными домами Нового Пекина, чем с марсианскими раскопками. Ее голос был приятен, как теплый кофе с несколькими каплями крепкого рома.

– Лот семьдесят семь. Раскопки на Нижнем Данангском поле, недавняя находка. Трехметровый пилон с техноглифами на основании, нанесенными методом лазерной гравировки. Начальная цена – двести тысяч санов.

– Это вряд ли, – Матиас Хэнд отхлебнул чай и лениво поднял взгляд к краю клирингового балкона, где вращалось увеличенное голографическое изображение выставленного лота. – Не сегодня и не с этой чертовой трещиной на втором глифе.

– Ну, всякое бывает, – легко ответил я. – Мало ли в таком месте бродит идиотов, не знающих, куда потратить деньги.

– Что верно, то верно, – он слегка поерзал на сиденье, словно сканируя разрозненную толпу потенциальных покупателей, рассеянных по балкону. – Но я думаю, вы сами увидите, как эта штука уйдет меньше чем за сто двадцать.

– Как скажете.

– Вот так и скажу.

Чеканные черты его европеоидного лица тронула скупая улыбка. Как большинство корпоративных управленцев, он был высоким, привлекательным, но незапоминающимся.

– Мне, конечно, случалось и ошибаться в прошлом. Нечасто. А, отлично, похоже, это наше.

Прибыла еда. Официанта заставили нацепить более дешевую и менее качественную версию костюма аукционера. Несмотря на это, он выгрузил наш заказ с замечательной ловкостью. Мы молча ждали, когда он закончит, и с симметричной осторожностью проводили его взглядами.

– Не ваш? – спросил я.

– Едва ли, – Хэнд подозрительно поворошил палочками содержимое бэнто. – Вообще-то могли бы выбрать и другую кухню. Я имею в виду, война же, а до ближайшего океана больше тысячи километров. Вы правда считаете, что суши были хорошей идеей?

– Я с планеты Харлан. Мы там едим суши.

Мы оба не затрагивали тот факт, что суши-бар располагался в самом центре клирингового балкона, представляя собой прекрасную мишень для снайпера, который в этом просторном помещении мог находиться где угодно. В одной из таких позиций и притаился сейчас Ян Шнайдер с короткоствольным лазерным карабином с закрытым излучателем, глядя через оптический прицел в лицо Матиасу Хэнду. Я не имел представления, сколько других мужчин и женщин в этот момент выцеливали меня.

На голодисплее над нашими головами замерцали оранжевые цифры: начальная цена заскользила вниз и прошла отметку в сто пятьдесят, невзирая на умоляющие ноты в голосе аукционера. Хэнд кивнул в сторону экрана:

– Ну вот. Начался процесс распада, – он приступил к еде. – Не пора ли нам перейти к делу?

– В самом деле, – я перебросил ему через стол цилиндр. – Полагаю, это ваше.

Цилиндр подкатился к Хэнду, и тот остановил его свободной рукой. Сжав стек своими безупречно отманикюренными пальцами, он озадаченно на него уставился.

– Дэн?

Я кивнул.

– Что удалось из него вытрясти?

– Немного. Как вы понимаете, не было времени, учитывая, что при активации виртуальной среды срабатывал трекер, – я пожал плечами. – Он обронил ваше имя, прежде чем понял, что я не мандрейковский психохирург, но потом уже держал рот на замке. Крепкий оказался сукин сын.

Лицо Хэнда приняло скептическое выражение, однако он опустил стек памяти в нагрудный карман без дальнейших комментариев. Положив в рот сасими, он принялся медленно жевать.

– А что, действительно было так уж необходимо убивать их всех? – спросил он наконец.

Я пожал плечами:

– Так теперь делаются дела у нас на севере. Возможно, вы не в курсе. Идет война.

– А, ну да, – казалось, он впервые обратил внимание на мою униформу. – Значит, вы из «Клина». Интересно, как отреагирует Айзек Каррера на новости о вашей вылазке в Лэндфолл. Вы как считаете?

Я снова пожал плечами:

– Офицерам «Клина» предоставляется достаточная свобода действий. Объяснить это, возможно, будет не так-то просто, но я всегда могу сказать, что действовал под прикрытием, проявляя стратегическую инициативу.

– В самом деле?

– Нет. Мои мотивы исключительно личные.

– А если я запишу наш разговор и дам ему прослушать?

– Ну, будучи под прикрытием, я же должен для прикрытия что-нибудь для вас сочинить, не так ли? Таким образом, наша беседа превращается в двойной блеф. Вы не согласны?

Наступила пауза, в течение которой мы непроницаемо смотрели друг на друга через стол, после чего на лице менеджера из «Мандрейк» снова медленно проступила улыбка. Я отметил, что на этот раз она продержалась дольше и была неподдельной.

– Да, – пробормотал он. – Очень изящно. Мои поздравления, лейтенант. Это так складно, что я и сам не знаю, чему верить. Вы же, если на то пошло, и вправду можете работать на «Клин».

– Могу, – улыбнулся я в ответ. – Но, видите ли, какая штука. У вас нет времени этим озадачиваться. Поскольку та же самая информация, что вы получили вчера, находится в режиме необратимого отложенного запуска в пятидесяти разных точках инфопотока Лэндфолла, запрограммированная на мгновенную отправку в каждую корпоративную базу данных Картеля. И отсчет уже идет. На то, чтобы все провернуть, у вас есть примерно месяц.

Ну а потом все ваши крупные конкуренты будут знать то, что знаете вы, и некий участок побережья станет похож на бульвар Тачдаун в канун Нового года.

– Потише, – голос Хэнда по-прежнему оставался любезным, но под учтивостью тона внезапно обнаружились стальные ноты. – Мы тут не одни. Если вы собираетесь вести дела с «Мандрейк», вам придется научиться вести себя осмотрительней. Больше никакой конкретики, пожалуйста.

– Хорошо. При условии, что мы понимаем друг друга.

– Думаю, что понимаем.

– Надеюсь, – я добавил металла в голос. – Вы недооценили меня вчера, напустив на нас свою банду громил. Не делайте так больше.

– Даже и в мыслях не…

– Вот и хорошо. Даже и в мыслях этого не допускайте, Хэнд. Потому что вчерашний инцидент с Дэном и его приятелями даже близко не стои́т с теми неприятными событиями, в которых мне приходилось принимать участие за последние полгода на севере. Вы можете считать, что война сейчас от вас далеко, но, если «Мандрейк» снова попытается кинуть меня или моих партнеров, вы получите такой «Клин» в задницу, что у вас собственное дерьмо застрянет в глотке. Так что, мы понимаем друг друга?

Хэнд состроил обиженную мину:

– Да. Вы обозначили свою позицию весьма недвусмысленно. Могу вас заверить, никаких попыток оттереть в сторону вас и ваших партнеров больше предприниматься не будет. При условии, разумеется, что ваши требования будут разумными. Какую посредническую комиссию вы собирались запросить?

– Двадцать миллионов долларов ООН. И не надо на меня так смотреть, Хэнд. Это меньше одной десятой процента того, что в случае успеха выручит с этой сделки «Мандрейк».

Цена на голодисплее, похоже, наконец притормозила на отметке сто девять, и аукционер потихоньку начала двигать ее обратно вверх.

– Хм-м, – Хэнд задумчиво прожевал и проглотил очередной кусок. – Оплата при получении?

– Нет. Авансом, на депозит в «Латимер-сити банк», односторонний перевод, стандартный семичасовой лимит возврата платежа. Номер счета я сообщу позже.

– Довольно дерзко с вашей стороны, лейтенант.

– Будем считать это подстраховкой. Не то чтобы я вам не доверял, Хэнд, но мне будет спокойнее, если я буду знать, что оплата уже проведена. Таким образом, вероятность, что «Мандрейк» пошлет меня в жопу по окончании всего

предприятия, будет равна нулю. Вам ничего с этого не выгадать.

Менеджер недобро осклабился:

– Доверие – вещь обоюдная, лейтенант. С какой стати нам с вами рассчитываться прежде, чем проект будет реализован?

– С той стати, что я сейчас просто могу встать из-за этого стола и уйти, а вы останетесь в стороне от самого крупного научно-исследовательского переворота в истории Протектората, – я дал ему переварить сказанное, после чего вколол дозу успокоительного. – Ну хорошо, посмотрите на это вот как. Пока идет война, отсюда мне до денег не добраться, и это гарантирует Директива о чрезвычайных полномочиях. Таким образом, вы расстаетесь с деньгами, но и ко мне они не переходят. Чтобы их получить, мне нужно будет попасть на Латимер. Вот вам и гарантия.

– Так вы еще и на Латимер желаете попасть? – Хэнд поднял бровь. – Двадцать миллионов долларов ООН и межпланетная доставка?

– Не глупите, Хэнд. А вы чего ожидали? Думаете, я буду ошиваться здесь до тех пор, пока Кемп с Картелем не решат наконец, что пора заканчивать воевать и начинать переговоры? У меня не такой большой запас терпения.

– Итак, – Хэнд отложил палочки, переплел пальцы рук и облокотился на стол. – Проверим, правильно ли я понимаю. Сейчас мы выплачиваем вам двадцать миллионов долларов ООН. Это не обсуждается.

Я молча смотрел на него, ожидая продолжения.

– Верно?

– Не волнуйтесь, я прерву, если что-нибудь перепутаете.

По его лицу снова скользнула беглая улыбка:

– Благодарю. Затем, после успешного завершения проекта, мы отправляем пробоем вас и, как я полагаю, ваших партнеров на Латимер. Это все требования?

– Плюс выгрузка.

Хэнд смерил меня странным взглядом. Наверное, он не привык к тому, чтобы переговоры принимали подобный оборот.

– Плюс выгрузка. Здесь будут какие-то особые оговорки?

Я пожал плечами:

– Оболочки высшего качества, разумеется, но нюансы мы можем обсудить и позднее. Индивидуальный заказ не обязателен. Конечно, модели лучшие, но сгодятся и серийные.

– Сгодятся, да? Вот замечательно.

Я почувствовал щекотку зарождающейся где-то в районе живота усмешки и позволил ей всплыть на поверхность:

– Да ладно вам, Хэнд. Это очень выгодная сделка, и вы это

знаете.

– С ваших слов. Все не так-то просто, лейтенант. Мы проверили регистрационные записи Лэндфолла за последние пять лет, и в них нет ничего похожего на объект, который вы описали, – он развел руками. – Никаких свидетельств его существования. Можете понять мое положение.

– Могу. Где-то через две минуты вы упустите самый крупный археологический куш за последние пятьсот лет, и произойдет это потому, что в ваших *записях* нет о нем информации. Если это и есть ваша позиция, Хэнд, я обратился не по адресу.

– Вы хотите сказать, что эту находку не зарегистрировали? Прямо нарушив Хартию?

– Я хочу сказать, что это не имеет значения. Я хочу сказать, что посланные нами файлы выглядели достаточно реалистичными, чтобы вы или ваш ручной ИИ в течение получаса отправили взвод коммандос для полноценной боевой операции. Может, записи были потерты, может, повреждены или украдены. Да чего я вообще это с вами обсуждаю? *Будете раскошеливаться, или вы пас?*

Наступила тишина. Он был хорош: я до сих пор не мог определить, к чему он склоняется. С тех пор как мы сели за стол, он не позволил себе ни единого искреннего проявления эмоций. Я ждал. Он откинулся на спинку стула и смахнул с колен невидимую пылинку.

– Боюсь, мне понадобится обсудить этот вопрос с коллегами. Я не уполномочен заключать сделки такого масштаба при почти полном отсутствии встречных обязательств. Одно только разрешение на ОЧС-пробой потребует…

– Бред, – сказал я дружелюбно. – Ну да ладно. Обсуждайте. Могу дать вам полчаса.

– Полчаса?

Испуг – лишь крохотная искорка, сверкнувшая в уголках его сузившихся глаз, но она там была, и я почувствовал, как вслед за усмешкой из глубины живота стала подниматься волна удовлетворения, смешанного с подавляемой почти что два года яростью.

«Попался, сучий ты потрох».

– Ага. Тридцать минут. Буду ждать здесь. Я слышал, здесь подают отличный сорбе из зеленого чая.

– Вы шутите.

Я дал ярости слегка прорезаться в голосе:

– Разумеется, я не шучу. Я же вас предупреждал. Не надо недооценивать меня, Хэнд. Либо в течение тридцати минут я получаю ответ, либо я выхожу из этого зала и отправляюсь к

другим людям. Может, еще и счет предоставлю оплачивать вам.

Он раздраженно мотнул головой:

– И куда же вы пойдете?

– К «Сатакарн Ю»? «PKN»? – я взмахнул палочками. – Кто знает? Но вы за меня не волнуйтесь. Что-нибудь придумаю. А вы вот будете заняты под завязку, пытаясь объяснить правлению, как это вы упустили такую сделку. Не правда ли?

Матиас Хэнд коротко выдохнул и поднялся. Он выжал из себя вымученную улыбку и одарил меня ею:

– Что ж, хорошо. Я скоро вернусь. Но вам не мешало бы немного поучиться искусству переговоров, лейтенант Ковач.

– Возможно. Как я уже сказал, я слишком долго пробыл на севере.

Я проследил взглядом, как он удаляется, лавируя между потенциальными покупателями на балконе, и почувствовал невольный озноб. Если моей физиономии и впрямь было суждено расплавиться под огнем лазера, скорее всего, это случится именно сейчас.

Практически все мои расчеты были построены на предположении, что правление наделило Хэнда неограниченными полномочиями. «Мандрейк» представлял собой коммерческий эквивалент «Клина Карреры», а значит, предоставлял аналогичную свободу действий людям, занимающим руководящие должности. По сути, только таким образом и может эффективно функционировать любой высокоразвитый организм.

Не ожидайте ничего и будете готовы ко всему. В духе Корпуса снаружи я оставался спокойным и расслабленным, но мой мозг тем временем сновал, как крыса, перебирая каждую мелочь.

Двадцать миллионов по корпоративным понятиям – сумма небольшая, тем паче за такой гарантированный результат, каким он выглядел в моей подаче. И, будем надеяться, предыдущим вечером я достаточно эффектно выступил, чтобы пресечь новые попытки захапать товар бесплатно. Напирал я довольно энергично, но все это в итоге должно было склонить весы в нужную сторону. Для них было логичней заплатить.

«Так ведь, Такеси?»

Мое лицо дернулось.

Если меня подвела хваленая интуиция посланника, если менеджеры в «Мандрейк», вопреки ожиданиям, сидят на более коротком поводке, чем я предполагал, и если Хэнду не удастся получить добро на сделку, он может все-таки взять и пойти напролом. Начав с моего убийства с последующим переоблачением в конструкт для допросов. И, если

гипотетические корпоративные снайперы решат меня сейчас уложить, Шнайдер и Вардани мало что смогут сделать, кроме как ретироваться и залечь на дно.

«Не ожидайте ничего и…»

И залегать они на этом дне смогут недолго. Хэнд об этом позаботится.

«Не…»

Достигать состояния безмятежности на Санкции IV становилось все труднее.

«Сучья война».

И в этот момент Матиас Хэнд появился снова. Он шел, лавируя в людском потоке, с тенью улыбки на губах и решением, читающимся в каждом шаге так отчетливо, как если бы оно было написано на рекламном щите. Над его головой на голодисплее с вращающимся марсианским пилоном застыли оранжевые цифры, а затем окрасились в кроваво-красный. Цвет окончания торга. Сто двадцать три тысячи семьсот санов.

Продано.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Дангрек.

Берег, съежившийся под натиском холодного седого моря; исхлестанные дождями и ветрами гранитные холмы, поросшие чахлой растительностью; несколько разрозненных участков леса. Чем выше, тем меньше оставалось на земле этих зеленых одежек, и их место занимали лишайник и голая горная порода. В десяти километрах от берега земля обнажалась до костей – там, где глазам представали осыпавшиеся утесы и каньоны древней горной цепи, хребта Дангрека. Лучи предвечернего солнца копьями пронзали лоскуты облаков, застрявшие на тех немногих зубьях, которыми еще мог похвастаться ландшафт, и окрашивали море в цвет грязной ртути.

Легкий бриз, налетевший с океана, добродушно похлопал нас по щекам. Шнайдер бросил взгляд на руки и, не увидев на них мурашек, нахмурился. Он был без куртки, в одной только надетой утром футболке с изображением Лапине.

– Тут должно быть холоднее, – сказал он.

– Тут к тому же все должно быть усеяно останками мертвых коммандос «Клина», Ян, – обогнув его, я подошел к Матиасу Хэнду, который стоял, засунув руки в карманы своего топ-менеджерского костюмчика, и смотрел в небо, будто ожидая дождя. – Стоковая модель, так? Сохраненная копия, без

обновления в реальном времени?

– Пока без, – Хэнд перевел взгляд на мое лицо. – Вообще говоря, эту модель разработал военный ИИ. Климатические протоколы еще не подключены. Она пока довольно примитивная, но для того, чтобы сориентироваться на местности…

Он выжидательно посмотрел на Таню Вардани, которая стояла к нам спиной, созерцая поросшие травой холмы. Она, не оборачиваясь, кивнула:

– Сойдет, – сказала она сдержанно. – Думаю, ВИИ немного упустил.

– В таком случае, полагаю, вы сможете показать, где находится то, что мы ищем.

Ответом было такое долгое и мертвое молчание, что я уже начал гадать, не закончилось ли действие моего интенсивного курса терапии. Но тут археолог повернулась к нам:

– Да, – еще одна пауза. – Конечно. Сюда.

Она двинулась вперед. Ее шаг был широк, полы куртки развевались по ветру. Я обменялся взглядом с Хэндом, который пожал плечами в безукоризненно пошитом костюме и жестом руки изобразил галантное «после вас». Шнайдер уже шел за археологом, так что нам оставалось только последовать за ними. Я пропустил Хэнда вперед и забавлялся, наблюдая, как он оскальзывается на склоне в своих не подходящих случаю офисных туфлях.

Через сотню метров Вардани обнаружила узкую тропинку, протоптанную каким-то травоядным животным, и зашагала по ней к берегу. Ветер не отставал, колыхал длинную траву и заставлял паучьи розы сонно и уступчиво кивать жесткими бутонами. Сквозь рваную пелену облаков просвечивало безмятежно-серое небо.

Мне было трудно увязать эту картину с тем, что осталось в памяти от последнего посещения Северного предела. Пейзаж был тем же – на тысячу километров в обе стороны береговой линии, – вот только все вокруг было залито кровью и рабочими жидкостями из гидравлических систем мертвых военных машин. Я помнил свежие гранитные раны на боках холмов, шрапнель и выжженную траву, и смертоносный залп протонных пушек над нашими головами. А еще я помнил крики…

Мы достигли вершины последнего ряда холмов, закрывавших береговую линию, и окинули взглядом цепочку каменных мысов, которые, накренившись, сползали в море, словно тонущие авианосцы. В нешироких мелководных заливах, зажатых между этими искривленными пальцами суши, блестел бирюзовый песок. Чуть дальше из воды выступали отдельные островки и рифы, а

берег дугой загибался к востоку, где…

Я остановился и прищурился. На восточном конце длинной береговой линии ткань виртуального полотна словно расползлась, обнажив фрагмент серого расфокуса, похожего на пласт старой стальной ваты. Время от времени серое озарялось изнутри неяркими красными вспышками.

– Хэнд, это что такое?

– «Это»? – он посмотрел, куда я показывал. – А, это. Серая зона.

– Это я вижу, – Вардани и Шнайдер тоже остановились и стали всматриваться. – Что она там делает?

Но та часть меня, что еще совсем недавно заныривала в темноту и зеленую паутину голокарт и геолокационных моделей Карреры, уже начинала понимать, каким будет ответ. Я чувствовал, как крупицы истины ссыпаются по желобкам и изгибам моего сознания, подобно мелкой крошке, предваряющей большой камнепад.

Таня Вардани на мгновение опередила меня.

– Это Заубервиль, – произнесла она безо всякого выражения. – Так ведь?

Хэнд обладал достаточно хорошими манерами, чтобы изобразить смущение:

– Все верно, госпожа Вардани. ВИИ предполагает пятидесятипроцентную вероятность того, что в течение ближайших двух недель Заубервиль будет подвергнут тактической ликвидации.

В воздухе повеяло зловещим холодком, и взгляд, которым обменялись мы со Шнайдером и Вардани, походил на электрический разряд. Население Заубервиля составляло сто двадцать тысяч человек.

– Каким образом? – спросил я.

Хэнд пожал плечами:

– Зависит от того, кто это сделает. Если Картель, они, вероятнее всего, используют одну из своих орбитальных протонных пушек. Что довольно аккуратно и не доставит неудобства вашим друзьям из «Клина», если они уже успели пробиться настолько далеко. Если за дело возьмется Кемп, процесс будет не столь изящен и не столь аккуратен.

– Тактический ядерный удар, – бесцветно произнес Шнайдер. – Средство доставки – система «Мародер».

– Ну, ничего другого у него нет, – снова пожал плечами Хэнд. – И, говоря начистоту, если делать это придется ему, он в любом случае не захочет заботиться об аккуратности. Так как он будет отступать, то постарается растянуть зону заражения на весь

полуостров, чтобы не дать его занять Картелю.

Я кивнул:

– Да, пожалуй. С Ивенфоллом он поступил именно так.

– Мудак долбанутый, – сказал Шнайдер, обращаясь, по всей видимости, к небу.

Таня Вардани промолчала, но выглядела при этом так, будто пыталась достать языком застрявший между зубов кусок мяса.

– Итак, – произнес Хэнд с наигранной оживленностью. – Госпожа Вардани, вы, кажется, собирались нам кое-что показать.

Вардани отвернулась.

– Это на берегу, внизу, – сказала она.

Тропинка, по которой мы шли, огибала один из заливов и заканчивалась на небольшом скальном выступе, с края которого на затененный бледно-голубой песок сыпалось каменное крошево. Вардани спрыгнула вниз, натренированным движением согнув ноги в коленях при приземлении, и побрела вперед – туда, где камни были крупнее, а скальные выступы нависали над головами на высоте, превышавшей человеческий рост впятеро. Я последовал за Таней, с профессиональным беспокойством то и дело оглядываясь на холмы, возвышавшиеся за нашими спинами. Горные склоны сужались, формируя длинный треугольный альков размером с причальную палубу госпиталя, где я впервые увидел Шнайдера. Альков был почти доверху завален огромными валунами и мелкими осколками породы.

Вардани остановилась, и мы столпились вокруг нее. Она застыла перед завалом, как разведчик в дозоре.

– Здесь, – кивком указала она. – Мы спрятали его тут.

– Спрятали? – Матиас Хэнд оглядел нас по очереди с выражением, которое в других обстоятельствах могло бы показаться комичным. – Как это?

Шнайдер жестом указал на груду обломков возле одной из каменных стен:

– Глаза разуй, чувак. Как ты думаешь?

– Взорвали?

– Просверлили отверстия и заложили взрывчатку, – объяснил Шнайдер с видимым удовольствием. – На два метра вглубь, по самую верхушечку. Видел бы ты, как шарахнуло.

– Вы… – слова выпадали изо рта Хэнда с таким трудом, словно он только учился их выговаривать, – взорвали… артефакт?

– Ой, ну ради бога, Хэнд, – Вардани не скрывала раздражения. – А где, вы полагаете, мы этот сучий артефакт вообще нашли? Пятьдесят тысяч лет назад на него обрушилась целая скала, а когда мы его откопали, он по-прежнему был в рабочем состоянии. Это же вам не глиняный горшок – это

гипертехнологическое оборудование. Сконструировано на совесть.

– Будем надеяться, вы правы, – Хэнд обошел завал по краю, заглядывая в каждую широкую щель. – Потому что «Мандрейк» не станет платить двадцать миллионов долларов ООН за испорченный товар.

– А что вызвало обвал? – спросил я внезапно.

Шнайдер с ухмылкой обернулся:

– Я же сказал, чувак. Просверлили…

– Нет, – сказал я, глядя на Таню Вардани. – Я имею в виду – изначально. Эти скалы – одни из древнейших на планете. На Пределе очень долго не было никакой серьезной геологической активности, больше пятидесяти тысяч лет. И море уж точно тут ни при чем, поскольку это бы означало, что весь этот берег образовался в результате обвала. Тогда получается, марсиане проводили строительные работы под водой, а с какой бы стати им это делать? Так что же тут произошло пятьдесят тысяч лет назад?

– Да, Таня, – энергично закивал Шнайдер. – Ты же этот орешек так и не расколола, а? Ну, в смысле, мы об этом говорили, но…

– Хороший вопрос, – Матиас Хэнд прервал свои исследования и снова подошел к нам. – Как вы это можете объяснить, госпожа Вардани?

Археолог обвела взглядом троицу окруживших ее мужчин и выдавила из себя смешок:

– Ну, могу вас уверить, что *я* этого не делала.

Осознав, что мы невольно взяли ее в кольцо, я разорвал его, присев на плоскую каменную плиту:

– Да уж, нельзя не признать, что это случилось задолго до вашего первого появления здесь. Но раскопки заняли не один месяц. У тебя же должны были появиться какие-то предположения.

– Да, Таня, расскажи им об утечке.

– Утечке? – с сомнением в голосе переспросил Хэнд.

Вардани наградила Шнайдера сердитым взглядом. Она тоже подыскала себе камень поудобнее, села, выудила из куртки сигареты, подозрительно похожие на те, что я купил сегодняшним утром. «Лэндфолл лайтс» – практически лучшее, что можно получить за деньги после того, как была запрещена продажа сигар «Индиго-сити». Вытряхнув сигарету, Вардани размяла ее в пальцах и нахмурилась.

– Слушайте, – произнесла она наконец. – Этот портал превосходит все наши технологии примерно настолько, насколько подводная лодка превосходит каноэ. Мы знаем его

предназначение – по крайней мере, *одно* из его предназначений. К сожалению, мы не имеем ни малейшего представления о его устройстве. Так что я могу только строить догадки.

Не дождавшись возражений, она перевела взгляд с сигареты на нас и вздохнула.

– Ну хорошо. Сколько обычно длится сессия гиперсвязи с большой нагрузкой? Я имею в виду серьезный групповой ОЧС-пробой. Секунд тридцать примерно? Максимум минуту? А установка и поддержание такой гиперсвязи потребует полной мощности наших лучших конверсионных реакторов.

Она сунула в рот сигарету и прикурила от полоски на пачке. По ветру потянулась ленточка дыма.

– Итак. Когда мы в прошлый раз открыли портал, то увидели место, куда он ведет. Стабильное изображение, несколько метров в диаметре, поддерживаемое бесконечно долго. Что в отношении гиперсвязи подразумевает *бесконечную* стабильную передачу данных, составляющих данное изображение, включая фотонный эквивалент каждой звезды в звездном поле и их координаты, посекундное обновление в реальном времени на протяжении всей работы портала. В нашем случае – два дня. Около сорока часов, то есть две тысячи четыреста минут. В две с половиной тысячи раз дольше самого долгого пробоя, который мы способны осуществить. И нет никаких оснований предполагать, что портал когда-либо выходил из режима ожидания. Улавливаете, к чему я веду?

– Огромные затраты энергии, – нетерпеливо ответил Хэнд. – Так что насчет утечки?

– Ну, я пытаюсь представить, какого рода сбой может произойти в подобной системе. При достаточно долгой передаче любого сигнала рано или поздно возникнут помехи. Такова неизбежная реальность царящего в космосе хаоса. Мы знаем, что это происходит при радиотрансляции, но пока не наблюдали ничего подобного при гиперсвязи.

– Может быть, это потому, госпожа Вардани, что в гиперпространстве нет помех. Как и написано в учебниках.

– Ну да, может быть, – Вардани равнодушно выдохнула дым в сторону Хэнда. – А может быть, это потому, что нам пока везло. С точки зрения статистики это было бы неудивительно. Мы занимаемся этим меньше пяти столетий, и средняя протяженность наших сессий не превышает нескольких секунд, что в общей сложности составляет не очень-то много времени. Но если марсиане поддерживали во включенном состоянии такие порталы на регулярной основе, суммарное время их сессий на порядки больше нашего; а притом что гипертехнология

насчитывала у них тысячелетнюю историю, можно ожидать, что время от времени случалась накладка. Проблема в том, что при тех уровнях энергетических затрат, о которых идет речь, накладка, которая вылезет из данного портала, может запросто расколоть эту планету.

– Упс.

Археолог бросила в мою сторону взгляд не менее уничижительный, чем дым, выпущенный в лицо Хэнду с его познаниями из курса школьной физики, утвержденного Протекторатом.

– Да уж, – сказала Вардани ядовито. – Упс. Пойдем дальше. Марсиане были не идиоты. Если их технология имела подобную уязвимость, они должны были предусмотреть предохранитель. Что-нибудь вроде автовыключателя.

Я кивнул:

– Чтобы портал вырубался при резком выбросе…

– И сам себя при этом погребал под пятью сотнями тонн горной породы? В качестве меры безопасности это, да простит меня госпожа Вардани, слегка непродуктивно.

Археолог досадливо махнула рукой:

– Я не говорю, что это было запланированным сценарием. Но если выброс энергии был слишком велик, автовыключатель мог среагировать недостаточно быстро, чтобы успеть его скомпенсировать.

– Или же, – живо добавил Шнайдер, – в портал угодил микрометеорит. Это была моя теория. В конце концов, эта штуковина ведет в дальний космос. Трудно сказать, что в нее рано или поздно могло запорхнуть, так ведь?

– Мы это уже обсуждали, Ян, – в голосе Вардани по-прежнему слышалось раздражение, но теперь к нему прибавилась еще и досада, оставшаяся от затяжного спора. – Это не…

– Это возможно, ясно?

– Да. Только маловероятно, – она повернулась от Шнайдера ко мне. – Утверждать наверняка не могу – многие глифы мне абсолютно незнакомы, да и разобрать их было нелегко, – но я более-менее уверена, что портал оснащен системой экстренного торможения. Ни один объект, превышающий определенный скоростной предел, сквозь него не пройдет.

– Стопроцентной уверенности у тебя в этом нет, – надулся Шнайдер. – Ты сама сказала, что не…

– Да, но это *логично*, Ян. Никто не строит дверь в глубокий космос, не озаботившись защитой от всего того, с чем там можно столкнуться.

– Ой, да ладно, Таня, а как же…

– Лейтенант Ковач, – громко произнес Хэнд. – Не могли бы вы спуститься со мной к берегу? Если не возражаете, мне хотелось бы услышать мнение военного о прилегающем участке местности.

– Да, конечно.

Оставив Вардани и Шнайдера препираться посреди груды камней, мы зашагали по окрашенному в голубые тона песку в темпе, который задавали туфли Хэнда. Поначалу мы оба молчали, и единственными звуками были тихое поскрипывание песка под ногами и ленивое шуршание прибоя. Затем Хэнд неожиданно произнес:

– Незаурядная женщина.

Я хмыкнул.

– Я к тому, что пройти правительственные лагеря для интернированных, не получив при этом серьезных психических травм, само по себе требует гигантской силы воли. И практически без передышки сразу взяться за нелегкий труд декодирования техноглифов…

– С ней будет все в порядке, – коротко ответил я.

– Да, не сомневаюсь, – деликатная пауза. – Несложно понять, отчего Шнайдер испытывает к ней такие сильные чувства.

– Это, по-моему, в прошлом.

– Вот как?

В его тоне прозвучала еле уловимая нота иронии. Я искоса посмотрел на него, но лицо Матиаса оставалось непроницаемым, а взгляд был устремлен в море.

– Так что там насчет мнения военного, Хэнд?

– А, да, – менеджер «Мандрейк» остановился в нескольких шагах от мелкой ряби, которая на Санкции IV считалась за волны, и, повернувшись к ним спиной, указал на вздымающиеся позади нас холмы. – Я, конечно, не солдат, но осмелюсь предположить, что это не самая идеальная позиция.

– В точку, – я обвел берег взглядом, безуспешно пытаясь обнаружить хоть что-то обнадеживающее. – Спустившись сюда, мы превратимся в легкую мишень для любого, засевшего на высотах с оружием хоть на толику получше заостренной палки. Весь участок отсюда до холмов простреливается на ура.

– Да еще и море.

– Да еще и море, – отозвался я мрачным эхом. – Мы прекрасная цель для любого десантного судна. Чем бы мы ни собирались тут заниматься, понадобится небольшая армия, чтобы прикрывать нас во время этих занятий. Если только не обойтись чисто разведывательной операцией. Прилетели, сфотографировали, улетели.

– Хм-м, – Матиас Хэнд присел на корточки и задумчиво

уставился на море. – Я тут пообщался с юристами.

– Продезинфицироваться потом не забыли?

– По нормам корпоративного права собственность на любой объект, находящийся за пределами орбитального пространства, закрепляется только после размещения стопроцентно функционирующего заявочного буя в километровом радиусе от данного объекта. Обойти этот пункт не получится, мы проверили. Если с другой стороны портала находится звездолет, нам придется войти в портал и поставить навигационный буй. А исходя из слов госпожи Вардани, это займет какое-то время.

Я пожал плечами:

– Ну, значит, небольшая армия.

– Небольшая армия привлечет немало внимания. Она будет выпирать из дисплеев спутникового слежения, как грудь голошлюхи. А мы не можем себе этого позволить, не правда ли?

– Грудь голошлюхи? Ну не знаю, разве пластические хирурги так много берут?

Хэнд вздернул голову, чтобы взглянуть на меня, после чего невольно усмехнулся:

– Весьма забавно. Благодарю вас. Мы не можем позволить, чтобы нас засекли спутники, не правда ли?

– Только если вам не нужен эксклюзив.

– Я думаю, это само собой разумеется, лейтенант, – Хэнд опустил руку и рассеянно провел пальцем по бороздке на песке. – Итак. Все должно быть аккуратно, компактно и не создавать слишком много шума. Что, в свою очередь, означает, что местность во время нашего визита должна быть свободна от оперативного состава.

– Да, если мы хотим вернуться живыми.

– Да.

Хэнд неожиданно покачнулся и сел на песок. Положив руки на колени, он, казалось, начал что-то сосредоточенно высматривать на горизонте. В своем темном костюме и с белым воротничком-бабочкой он словно сошел с наброска какого-нибудь представителя миллспортской абсурдистской школы.

– Скажите, лейтенант, – проговорил он наконец. – С допущением, что нам удастся расчистить полуостров, каков с вашей профессиональной точки зрения минимальный состав команды, необходимой для этого предприятия? Каким наименьшим числом мы можем обойтись?

Я обдумал его вопрос:

– При условии, что они хороши. Элита из спецподразделений, а не рядовой планктон. Скажем, шестеро. Пятеро, если взять Шнайдера пилотом.

– Ну, он и не производит впечатления человека, который станет ждать в сторонке, пока мы присматриваем за его инвестициями.

– Да, не станет.

– Вы упомянули спецподразделения. Речь идет о каких-то конкретных навыках?

– Да не особенно. Возможно, пригодится взрывник. Каменный завал выглядит довольно крепким орешком. И не помешает, если парочка из них окажется пилотами, на случай если что-нибудь случится со Шнайдером.

Хэнд повернул ко мне голову:

– А что, есть такая вероятность?

– Кто знает? – пожал плечами я. – Жить вообще вредно.

– Не спорю, – взгляд Хэнда вернулся к морю, туда, где над горизонтом виднелось серое пятно нерешенной судьбы Заубервиля. – Я так полагаю, подбором людей вы захотите заняться самостоятельно?

– Нет, можете заниматься вы. Но я хочу присутствовать при самом процессе, и я хочу право вето на любого отобранного вами кандидата. У вас есть идеи, где можно найти полдюжины спецов, готовых записаться в добровольцы? Не вызывая ни у кого подозрений, я имею в виду.

На мгновение мне показалось, что он меня не услышал, полностью растворившись в созерцании. Потом он слегка шевельнулся, и углы его рта тронула улыбка.

– В эти смутные времена, – пробормотал он тихо, будто разговаривал сам с собой, – несложно отыскать солдат, которых никто не хватится.

– Рад это слышать.

Он снова поднял на меня глаза. Улыбка еще не успела исчезнуть с его лица.

– Вас это задевает, Ковач?

– Вы полагаете, я бы достиг звания лейтенанта «Клина Карреры», если бы меня было так легко задеть?

– Я не знаю, – Хэнд снова повернулся к горизонту. – Пока вы полны сюрпризов. И, насколько мне известно, обычно чрезвычайные посланники – настоящие мастера адаптивного камуфляжа.

Вот, значит, как.

Меньше двух суток со времени нашей встречи в аукционном зале, а Хэнд уже успел проникнуть в базу данных «Клина» и взломать ту защиту, под которой находилось мое прошлое чрезвычайного посланника. И сейчас он просто давал мне об этом знать.

Я опустился на голубеющий песок рядом с ним и, выбрав подходящую точку на горизонте, в свою очередь устремил взгляд вдаль.

– Я больше не состою в Корпусе.

– Да. Я так и понял, – он не смотрел на меня. – Больше не в Корпусе, больше не в «Клине Карреры». Ваше нежелание принадлежать к группе граничит с патологией, лейтенант.

– Да почему же «граничит»?

– А. Вижу, что ваше происхождение с Харлана дает о себе знать. *Порочная природа толпы* – так, кажется, формулирует это Куэлл?

– Я не куэллист, Хэнд.

– Ну разумеется, – похоже, разговор доставлял ему удовольствие. – Это же подразумевает принадлежность к группе. Скажите-ка, Ковач, вы меня ненавидите?

– Пока еще нет.

– Правда? Вы меня удивляете.

– Ну я же полон сюрпризов.

– Вы в самом деле не испытываете ко мне никакой враждебности после той небольшой стычки с Дэном и его командой.

Я опять пожал плечами:

– Это же у них появились в теле новые вентиляционные отверстия, а не у меня.

– Но это же я их послал.

– Что свидетельствует о недостатке воображения, – я вздохнул. – Слушайте, Хэнд. Я знал, что *кто-нибудь* в «Мандрейк» вышлет команду, потому что так работают подобные организации. Предложение, которое мы вам отправили, было практически подначкой, приглашением пожаловать по наши души. Мы могли проявить бóльшую осторожность, избрать не такой прямой подход, но у нас не хватало времени. Так что я помахал рыбным пирогом перед носом местного хулигана и в итоге ввязался в драку. Испытывать к вам ненависть – все равно что испытывать ненависть к кулакам хулигана из-за удара, от которого удалось увернуться. Я добился, чего хотел, и вот мы с вами тут сидим беседуем. Я не питаю ненависти лично к вам, потому что вы пока не дали мне повода.

– Но вы ненавидите «Мандрейк».

Я покачал головой:

– У меня не хватает пыла на то, чтобы ненавидеть корпорации, Хэнд. Меня на всех них не хватит. Кроме того, как говорит Куэлл, «если вскрыть прогнившее сердце корпорации, что оттуда хлынет?»

– Люди.

– Правильно. Люди. Это всё люди. Люди с их мудацким желанием объединяться в группы. Покажите мне человека, принимающего решения, который создал мне проблемы, и я сделаю все, чтобы его стек превратился в пшик. Покажите мне группу людей, общая цель которых – создавать для меня проблемы, и я уничтожу каждого из них, если смогу. Но не ждите, что я стану тратить время и силы на абстрактную ненависть.

– До чего взвешенный подход.

– Ваше правительство назвало бы это антисоциальным расстройством и упекло бы меня в лагерь.

Хэнд скривил угол рта:

– Это не мое правительство. Мы нянчимся с этими клоунами до тех пор, пока не уймется Кемп.

– С чего брать на себя такой труд? Почему бы не иметь дело напрямую с Кемпом?

Я не смотрел на Хэнда, но мне почудилось, что из-за моих слов он на секунду отвернулся. Прошло какое-то время, прежде чем менеджер смог сформулировать удовлетворяющий его ответ.

– Кемп – это борец за правое дело, – произнес наконец Хэнд. – И набрал таких же людей. А борцы за правое дело обычно начинают проявлять здравый смысл, только если их приколотить к нему гвоздями. Прежде чем удастся усадить за стол переговоров кемпистов, над ними придется одержать победу, кровавую и безоговорочную.

Я усмехнулся:

– Значит, вы все-таки пытались.

– Я этого не говорил.

– Нет. Не говорили.

Отыскав в песке фиолетовый камешек, я бросил его в ленивую рябь, колыхавшуюся перед нами. Пора менять тему.

– А еще вы не говорили, где планируете набрать спецов в команду сопровождения.

– Угадайте.

– На Рынке душ?

– Имеете что-нибудь против?

Я покачал головой, но почувствовал, как в груди под внешним спокойствием что-то вспыхнуло, какие-то упрямые угольки.

– Кстати, – Хэнд развернулся всем корпусом, чтобы окинуть взглядом завал. – У меня есть альтернативное объяснение этому камнепаду.

– Не купились, стало быть, на версию с микрометеоритом?

– Я склоняюсь к тому, чтобы поверить в предположение

госпожи Вардани насчет экстренного торможения. Оно выглядит логичным. Как – за одним исключением – и ее теория автовыключателя.

– А в чем исключение?

– В том, что если бы такая развитая раса, как марсиане, позаботилась об автовыключателе, то он бы работал как надо. Безо всякой утечки.

– Согласен.

– Итак, вопрос остается. Почему пятьдесят тысяч лет назад обрушился этот утес? Или, скорее, почему его *обрушили*?

Я пошарил вокруг себя в поисках нового камешка:

– Угу, я тоже об этом задумывался.

– Открытая дверь, ведущая в любую точку на межпланетном, возможно, даже межзвездном расстоянии. Это опасно как теоретически, так и практически. Невозможно предугадать, что может пройти через такую дверь. Призраки, представители чуждого разума, чудища с полуметровыми клыками, – он покосился на меня. – Может, даже куэллисты.

Я отыскал за спиной второй камешек, побольше первого.

– Да, это и впрямь было бы фигово, – согласился я, зашвыривая находку подальше в море. – Конец цивилизации в ее нынешнем виде.

– Именно. Что, безусловно, приняли во внимание марсиане и против чего обеспечили защиту. Наряду с экстренным торможением и автовыключателем они, предположительно, должны были иметь и систему противодействия клыкастым чудищам.

Хэнд извлек откуда-то собственный камешек и запустил им в море. Из положения сидя это был хороший бросок, но волны получились все же не такие эффектные, как от моего последнего камня. Нейрохимию образца «Клина» трудно переплюнуть. Хэнд разочарованно крякнул.

– Ничего себе системка предохранения, – сказал я. – Похоронить свой портал под миллионами тонн скальной породы.

– Да уж, – он по-прежнему хмурился, глядя в точку, куда упал его камень, и наблюдая, как накладываются друг на друга круги на воде. – Трудно не задаться вопросом, чему же такому они пытались преградить путь, не правда ли?

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

– Тебе он нравится, правильно я понимаю?

Это было обвинение, открыто предъявленное в тусклом

свечении иллюминиевой барной стойки… Из динамиков, расположенных совсем не так высоко над нашими головами, как хотелось бы, лилась раздражающе приторная музыка. Под моим локтем примостился, точно большой жук в коме, персональный резонансный скремблер, с которым мы не расставались по настоянию «Мандрейк»; судя по зеленому индикатору, он прекрасно работал, но, очевидно, не умел блокировать внешний шум. Какая жалость.

– Кто нравится? – спросил я, повернувшись к Вардани.

– Хорош тупить, Ковач. Эта жидкая струйка отработанного тосола в костюмчике. Вы с ним скорешились по самые гланды.

Я почувствовал, что углы моего рта тронула улыбка. Если в ходе былого совместного времяпровождения археологические лекции Тани повлияли на речевые обороты Шнайдера, то и вклад пилота в Танин лексикон, похоже, был не меньшим.

– Он наш спонсор, Вардани. Как мне с ним, по-твоему, себя вести? Плевать ему в лицо каждые десять минут, чтобы напоминать о нашем моральном превосходстве? – я со значением потянул за нашивку «Клина» на рукаве формы. – Я наемный убийца, Шнайдер – дезертир, а ты, есть у тебя за душой грешки или нет, вместе с нами замешана в продаже крупнейшей археологической находки тысячелетия за билет с этой планеты и пожизненный пропуск в развлекательные парки правящей элиты Латимер-сити.

Она передернулась:

– Он пытался нас убить.

– Ну, учитывая, чем это кончилось, я склонен простить ему эту оплошность. Это Дэну с его командой сто́ит обижаться.

Шнайдер рассмеялся, но под ледяным взглядом Вардани его смех тут же оборвался.

– Вот именно. Послал людей умирать, а потом заключил сделку с человеком, который их угробил. Говна кусок.

– Если худшим, что сделал в своей жизни Хэнд, будут восемь человек, отправленных на смерть, – сказал я жестче, чем намеревался, – то он окажется намного чище меня. Как и любого другого офицера из тех, с кем мне довелось встречаться в последнее время.

– Видишь. Ты его защищаешь. Используешь ненависть к себе, чтобы снять его с крючка и не затрудняться моральным осуждением.

Пристально посмотрев на археолога, я осушил стопку и отставил ее в сторону с преувеличенной осторожностью.

– Я с пониманием отношусь к тому, – произнес я ровным голосом, – что тебе недавно пришлось через многое пройти,

Вардани. Это тебя слегка извиняет. Но тебя никто не назначал в эксперты по тому, что у меня в голове, и я бы предпочел, чтобы ты засунула свою любительскую психохирургию себе в жопу. Лады?

Губы Вардани сжались в тонкую линию:

– Факт остается ф…

– Ребят, – взяв бутылку рома, Шнайдер потянулся ко мне через сидящую между нами Вардани и наполнил мой стакан. – Ребят, мы же собирались отметить успех. Если у вас боевое настроение, езжайте на север, там это ценится. А здесь и сейчас я хочу отпраздновать то, что мне больше никогда воевать не придется, и нечего портить малину. Таня, давай-ка…

Он попытался подлить ей рому, но она оттолкнула бутылку ребром ладони и посмотрела на него с таким презрением, что я содрогнулся.

– Это все, что для тебя важно, Ян, да? – сказала она негромко. – Свинтить подальше с наваром покрупнее. Быстрый, легкий, короткий путь наверх. Пролеживать бока у бассейна. Что с тобой случилось, Ян? У тебя, конечно, всегда душа была мелковата, но…

Она беспомощно махнула рукой.

– Спасибо, Таня, – Шнайдер залпом опорожнил стопку, а когда опустил, на его лице появилась злая усмешка. – Ты права, я вел себя как последний эгоист. Надо было подольше повоевать у Кемпа. В конце концов, что такого страшного могло случиться?

– Не будь ребенком.

– Нет, правда, у меня прям все в голове теперь прояснилось. Пошли, Такеси, скажем Хэнду, что передумали. Рванем все на фронт, это ж куда важнее, – он наставил палец на Вардани. – Ну а ты. Ты можешь валить обратно в лагерь, из которого мы тебя вытащили, и продолжать там благородно страдать.

– Вы меня вытащили из лагеря, потому что я вам была нужна, Ян, так что не надо ломать комедию.

Раскрытая ладонь Шнайдера уже была на полпути, прежде чем я осознал, что он собирается ударить Вардани. Моей усиленной нейрохимией реакции хватило, чтобы успеть перехватить его руку, но из-за того, что Таня сидела между нами, я при рывке сбил ее со стула плечом. Она вскрикнула. Ее стакан опрокинулся, содержимое расплескалось по стойке.

– Завязывай, – сказал я Шнайдеру спокойно.

Одной рукой я прижал его предплечье к стойке, вторую, сжатую в кулак, поднял для удара. Наши лица были так близко друг к другу, что я мог видеть выступившие на его глазах слезы.

– Ты вроде говорил, что больше не хочешь воевать.

– Угу.

Голос Шнайдера звучал глухо. Он прочистил горло:

– Угу, больше не хочу.

Его мышцы расслабились, и я отпустил его руку. Обернувшись, я увидел, что Вардани встает с пола, одновременно поднимая упавший табурет. Несколько посетителей, вскочивших из-за столиков, неуверенно смотрели в нашу сторону. Я по очереди встретился с каждым из них взглядом, и они поспешно расселись по местам. Девушка-морпех с большими участками пересаженной кожи на лице, стоявшая в углу, продержалась дольше других, но наконец села и она, не решившись связываться с клиновцем. Я скорее почувствовал, чем увидел, как бармен позади меня вытирает со стойки разлитую выпивку Тани. Я оперся на свежевытертую поверхность.

– Я думаю, нам всем стоит успокоиться. Согласны?

– Я-то не возражаю, – археолог поставила табурет на место. – Это же ты меня отправил в партер. Вместе со своим спарринг-партнером.

Шнайдер схватил бутылку и налил себе новую порцию. Выпив, он ткнул пустой стопкой в сторону Вардани.

– Ты спрашивала, что со мной случилось, Таня?

– У меня смутное предчувствие, что ты меня сейчас просветишь.

– Тебе правда интересно? Я видел, как шестилетняя девочка умирает от осколочных ранений. Осколочных ранений, которые нанес ей *я*, потому что она пряталась в автоматизированном бункере, куда я вкатил сучьи гранаты, – он сморгнул и нацедил в стакан еще немного рома. – И видеть что-то подобное еще хоть раз в своей жизни мне на хер не всралось. Я пас, чего бы мне это ни стоило. Каким бы *мелким* я не казался. Это так, к твоему сраному сведению.

Он уставился на нас, пару секунд переводя глаза с лица Тани на мое, словно действительно не мог вспомнить, кто мы такие. Потом встал, практически не шатаясь, дошагал до двери и вышел. Его последняя невыпитая порция осталась стоять на слабо освещенной стойке.

– Черт, – произнесла Вардани, прерывая молчание, которое осталось после Шнайдера в придачу к напитку. Она вглядывалась в собственный пустой стакан так, будто пыталась найти на дне спасательный люк.

– Да уж, – в этот раз облегчать ей задачу я не собирался.

– Думаешь, мне стоит его догнать?

– Нет, думаю, не стоит.

Она отставила стакан и принялась шарить в карманах. Достав

пачку «Лэндфолл лайтс», которую я приметил в виртуальности, она механически сунула в рот сигарету.

– Я не хотела…

– Ну, я так и понял. Он тоже поймет, когда протрезвеет. Расслабься. Думаю, он воспоминание об этом событии носил с собой, как в герморюкзаке, с тех самых пор, как оно произошло. Ты просто скормила ему такую дозу катализатора, что его вырвало. Возможно, оно и к лучшему.

Сигарета пробудилась к жизни. Вардани затянулась и искоса взглянула на меня сквозь дым.

– А тебя вообще больше ничего не трогает? – спросила она. – Сколько же времени требуется, чтобы таким стать?

– Тут надо благодарить Корпус. Это их специализация. Вопрос «сколько времени» не имеет смысла. Это система. Психодинамическая инженерия.

Она развернулась на стуле и села ко мне лицом:

– А это тебя никогда не злит? Что тебя так перекроили?

Я протянул руку к бутылке и наполнил оба наших стакана. Вардани меня не останавливала.

– В молодости мне было наплевать. На самом деле я даже думал, что это здорово. Влажная фантазия мачо. Видишь ли, перед вступлением в Корпус я служил в регулярных частях и часто пользовался внешним софтом быстрой загрузки. Так что это казалось всего лишь суперпродвинутой версией того же самого. Броня для души. Ну а когда я повзрослел и изменил мнение, избавиться от подготовки уже было невозможно.

– Ты не можешь ее преодолеть? Подготовку?

Я пожал плечами:

– По большей части и не хочу. Это и есть часть хорошей подготовки. А в моем случае работу проделали первоклассную. Когда я ей подчиняюсь, то действую эффективнее. Бороться с ней тяжело, и это меня замедляет. У тебя откуда эти сигареты?

– Эти? – она рассеянно взглянула на пачку. – Да вроде бы от Яна. Ну да, это он мне их дал.

– До чего мило с его стороны.

Если она и заметила сарказм в моем голосе, то виду не подала:

– Хочешь?

– Почему бы и нет? Судя по тому, как развиваются события, моя нынешняя оболочка мне скоро больше не понадобится.

– Ты правда считаешь, что мы попадем в Латимер-сити? – спросила она, наблюдая, как я вытряхиваю из пачки сигарету и закуриваю. – Веришь, что Хэнд выполнит свою часть сделки?

– Да ему в общем-то мало смысла нас прокидывать.

Я выдохнул и проводил глазами уплывающее облако дыма. В разуме возникло странное ощущение, словно я от чего-то оторвался, лишь чего-то, не имеющего названия. Я принялся нащупывать нужные слова, чтобы снова скрепить всё воедино:

– Деньги уже ушли, «Мандрейк» их обратно не получит. Так что, если они решат отставить нас от дел, все, что сэкономит Хэнд, это стоимость гиперпереброски и трех стандартных оболочек. Но зато будет вечно переживать из-за автоматических контрмер.

Вардани опустила глаза на лежащий на стойке резонансный скремблер:

– Ты уверен, что нас не прослушивают?

– Нет, не уверен. Я его брал у независимого дилера, но рекомендовала дилера «Мандрейк», так что жучки там, конечно, могут быть. Не имеет значения. Я единственный, кто знает, какими будут контрмеры, и не собираюсь с тобой делиться.

– Спасибо.

В ее тоне не слышалось иронии. Лагерь для интернированных дает хорошее представление о ценности неведения.

– Не за что.

– А как насчет заставить нас замолчать после того, как все закончится?

Я развел руками:

– Зачем? «Мандрейк» молчание не нужно. Это будет величайшее за всю историю человечества предприятие, осуществленное отдельно взятой корпорацией. Они захотят огласки. Та наша информация с отложенной отправкой станет неприлично устаревшей, когда наконец попадет к адресатам. Как только «Мандрейк» упрячет твой звездолет в надежное место, они раструбят о находке по всем корпоративным каналам связи на Санкции IV. Хэнд использует эту возможность, чтобы безотлагательно получить членство в Картеле и, возможно, место в Торговом совете Протектората. «Мандрейк» моментально войдет в высшую лигу. Наша значимость в этом раскладе будет равна нулю.

– Все-то ты продумал, да?

Я снова пожал плечами:

– Ничего нового, мы все это уже обсуждали.

– Да, обсуждали, – ее жест выглядел странно беспомощным. – Я только не ожидала, что у тебя возникнет такая духовная близость с этим куском корпоративного говна.

Я вздохнул:

– Послушай. Мое мнение о Матиасе Хэнде не имеет значения. Он сделает то, что мы от него хотим. Вот что важно. Мы получили

деньги, мы в деле, а у Хэнда личность чуть ярче, чем у среднего корпоративного менеджера, что, на мой взгляд, только во благо. Мне он нравится достаточно, чтобы я с ним ладил. Если он попытается нас обмануть, я без проблем продырявлю ему стек. Такая беспристрастность тебе по нраву?

Вардани постучала по корпусу скремблера:

– Молись, чтобы он не прослушивался. Если Хэнд тебя слышит…

– Ну, – я перегнулся через нее и взял не тронутую Шнайдером выпивку. – Если слышит, то, полагаю, испытывает ко мне аналогичные чувства. Так что, Хэнд, если слушаешь, твое здоровье. Выпьем за недоверие и взаимное сдерживание.

Я выпил ром и, перевернув пустую стопку, поставил ее на скремблер. Вардани закатила глаза:

– Замечательно. Политика отчаяния. Только этого мне и не хватает.

– Чего тебе не хватает, – сказал я, зевая, – так это свежего воздуха. Хочешь, обратно к Башне пойдем пешком? Если выйдем сейчас, как раз успеем до комендантского часа.

– Я думала, в такой форме комендантский час не проблема.

Я окинул взглядом свою черную куртку и ковырнул пальцем ткань:

– Ну да… Наверное, не проблема, но нам лучше не привлекать к себе внимания. Кроме того, если наткнемся на автоматизированный патруль, то машины могут проявить несговорчивость. Лучше не рисковать. Ну что? Не желаешь прогуляться?

– А за ручку меня будешь держать?

Она сказала это в шутку, но та не удалась. Мы одновременно встали, резко и неловко вторгнувшись в личное пространство друг друга.

Повисла пауза, неуклюжая, как хорошо набравшийся пьянчужка.

Я повернулся раздавить в пепельнице сигарету.

– Само собой, – сказал я, пытаясь придать легкость тону. – Там же темно.

Одним движением я забрал скремблер, снова украл сигареты, но мои слова не сняли напряженности. Они висели в воздухе, как фантомное изображение, оставшееся от лазерного огня.

Там же темно.

Мы вышли наружу и зашагали вперед, засунув руки глубоко в карманы.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

На трех верхних этажах башни «Мандрейк» жили топ-менеджеры. Снизу туда доступа не было, а крышу превратили в многоуровневый комплекс садов и кафе. Экран с регулируемой проницаемостью, закрепленный на пилонах парапета, производил корректировку солнечного света, обеспечивая равномерное теплое сияние в течение всего дня. А в трех кафе можно было заказывать завтраки в любое время суток. Мы свой заказали в полдень, и все еще пытались с ним справиться, когда за нами пришел безупречно одетый Хэнд. Если он вчера и слышал мои подрывные речи, они его, похоже, не сильно расстроили.

– Доброе утро, госпожа Вардани. Джентльмены. Надеюсь, ваша вечерняя вылазка в город стоила того, чтобы рисковать ради нее безопасностью.

– Да, в общем было неплохо.

Я подцепил вилкой еще один дим-сам, не глядя на своих партнеров. Вардани, со своей стороны, спряталась за солнечными очками, сразу как села за стол, а Шнайдер угрюмо рассматривал кофейную гущу в чашке, не отрывая от нее глаз. Так что беседа до сих пор не отличалась оживленностью.

– Присаживайсяь, угощайся.

– Благодарю.

Хэнд взял стул и присоединился к нам. Вблизи стали заметны тени, залегшие у него под глазами.

– Я уже позавтракал. Госпожа Вардани, прибыли основные компоненты для оборудования из вашего списка. Я распорядился доставить их в ваши апартаменты.

Археолог кивнула и подняла лицо к солнцу. Когда стало понятно, что более развернутого ответа от нее ждать не приходится, Хэнд перевел взгляд на меня и слегка вздернул бровь. Я еле заметно качнул головой.

Даже не спрашивай.

– Ну что ж. Мы практически готовы заняться набором команды, лейтенант, если вы…

– Хорошо.

Я дожевал дим-сам, запил его глотком чая и поднялся. Атмосфера за столом начинала действовать мне на нервы.

– Пошли.

Никто не проронил ни слова. Шнайдер даже не оторвался от чашки, зато глаза Вардани, скрытые за непроницаемыми темными линзами, проследили за моим перемещением по террасе, словно сенсоры автоматической турели.

Мы поехали вниз на разговорчивом лифте, который объявлял номер каждого этажа, который мы проезжали, сопровождая его краткой справочной информацией по некоторым текущим

проектам «Мандрейк». Мы оба молчали. Через какие-то тридцать секунд двери раскрылись, и нашим глазам предстал подвальный этаж с низкими потолками и голыми стенами из расплавленного стекла. Иллюминиевые ленты бросали на стекло голубые отсветы, а яркое пятно солнечного света в противоположном конце открытого пространства обозначало выход. Нас поджидал неприметный катер палевого цвета, небрежно припаркованный у самого лифта.

– Поле Тайсавасди, – сказал Хэнд водителю. – Рынок душ.

Тихий шум работавшего на холостых оборотах двигателя превратился в ровный гул. Когда мы забрались в салон и откинулись на спинки подстраивающихся кресел, катер начал подниматься, поворачиваясь вокруг своей оси, как паук на нитке паутины. Мы быстро заскользили вперед. Глядя в неполяризованное стекло перегородки мимо бритой головы водителя, я наблюдал, как приближается навстречу солнечное пятно. В следующее мгновение свет взорвался вокруг нас ослепительным блеском металла, и мы стали по спирали подниматься к безжалостному синему небу пустыни. После приглушенных защитным экраном тонов верхнего уровня Башни перемена доставляла какое-то дикарское удовольствие.

Хэнд коснулся кнопки на двери, и стекло, поляризовавшись, посинело.

– За вами вчера была слежка, – сказал он буднично.

Я бросил на него взгляд через салон:

– Зачем? Мы же на одной стороне, разве нет?

– Слежку вели не мы, – он нетерпеливо отмахнулся. – Нет, ну мы, конечно же, тоже, с воздуха – так мы их и обнаружили. Но я говорю не об этом. За вами следили низкотехнологичным способом. Вы с Вардани возвращались отдельно от Шнайдера, – что, кстати говоря, не самое гениальное решение, – и за вами был хвост. Один увязался за Шнайдером, но отстал, надо полагать, когда понял, что Вардани с ним нет. Остальные шли за вами до переулка Находок, почти до самого моста.

– Сколько?

– Трое. Двое стопроцентные люди, один, судя по манере передвижения, боевой киборг.

– Взяли их?

– Нет, – Хэнд стукнул о боковое стекло кулаком. – Параметры дежурной машины включали в себя только защиту и заботу о сохранности стека. Когда информация поступила к нам, они уже скрылись из виду где-то возле места, где берет начало Латимерский канал, а когда мы туда *добрались*, их уже и след простыл. Мы искали, но…

Он развел руками. Происхождение синих кругов под глазами прояснилось. Он не спал всю ночь, пытаясь обеспечить безопасность своих инвестиций.

– Чего ты ухмыляешься?

– Пардон. Просто растрогался. Защита и забота, значит?

– Ха-ха, – его взгляд буравил меня до тех пор, пока моя ухмылка не начала потихоньку таять. – Так ты ничего не хочешь мне рассказать?

В голове промелькнуло воспоминание о коменданте лагеря, что-то там бормочущего сквозь электрический кайф о попытке освободить Таню Вардани. Я покачал головой.

– Уверен?

– Хэнд, ну серьезно. Ты же понимаешь, что, если бы я знал о хвосте, они бы сейчас были в той же форме, что и Дэн с сотоварищами.

– Так кто они такие?

– Я же вроде бы только что сказал, что не знаю. Может, мелкая шпана?

Он страдальчески закатил глаза:

– Мелкая шпана, увязавшаяся за офицером «Клина Карреры»?

– Ну может, это дело принципа. Защита территории. У вас же есть в Лэндфолле банды, нет?

– Ковач, бога ради. Ты теперь давай серьезно. Если ты их не смог засечь, какова вероятность того, что они мелочь?

Я вздохнул:

– Не очень большая.

– Именно. Так кто еще пытается урвать кусок археологического пирога?

– Не знаю, – признал я угрюмо.

Остаток полета прошел в молчании.

Наконец катер накренился, заходя на посадку. Я бросил взгляд в окно. Мы шли по спирали вниз навстречу чему-то, похожему на грязный лед, усыпанный пустыми бутылками и банками. Я нахмурился и откалибровал зрение.

– Это что, первые?..

Хэнд кивнул:

– Некоторые из них. Самые крупные. Остальное – конфискат, остался после того, как рынок артефактов упал ниже плинтуса. Как только у кого-то кончались деньги на оплату места на посадочной площадке, к его транспорту подгоняли гравподъемник и перемещали сюда, пока деньги появятся. Разумеется, тогда рынок был в таком состоянии, что никто даже не пытался выкупить свою собственность, и за дело взялись такелажные бригады Портового управления: с помощью

плазменных резаков вывели все это добро из эксплуатации.

Мы проплыли над ближайшей колонизационной баржей. Это было все равно что смотреть на огромное поваленное дерево. Пучки сопел, толкавших судно от Латимера до Санкции IV, прижатые к посадочной площадке и неподвижно застывшие под ярко-синим небом, походили на ветви, придавленные к земле весом ствола. Этой барже никогда больше не взлететь – она изначально предназначалась для путешествия в один конец. Построенная на орбите Латимера столетие назад, она была сконструирована исключительно для одного перелета через межзвездное пространство и единственной посадки, во время которой погорели все антигравы. Взрыв при соприкосновении реактивных струй репульсора с поверхностью пустыни оплавил песок, превратив его в стеклянный овал, который инженеры впоследствии расширили и соединили с другими такими же овалами, оставшимися от прочих барж. Так и возникло летное поле Тайсавасди, служившее новорожденной колонии первый десяток лет ее существования.

Ко времени, когда корпорации обзавелись своими собственными полями и соответствующими служебными строениями, баржи, должно быть, ободрали как липки – сначала для удовлетворения бытовых нужд, затем в качестве готового источника сплавов высокой очистки и оборудования. На Харлане мне довелось побывать на паре кораблей из колонизаторского флота Конрада Харлана, так вот там были освежеваны даже палубы – изрезаны так, что от них остались лишь многоуровневые металлические ребра, тянущиеся вдоль внутренней поверхности корпуса. Лишь сами корпуса и оставались нетронутыми из каких-то странных соображений псевдопочтительности – того сорта, что веками ранее заставляли целые поколения ухлопывать жизни на строительство храмов.

Катер перелетел через хребет баржи, заскользил вниз, следуя изгибу корпуса, и наконец мягко приземлился в тени навсегда осевшего на земле корабля. Снаружи нас встретила неожиданная прохлада и тишина, нарушаемая лишь шорохом ветра, веющего над стеклянной равниной, и приглушенным человеческим шумом торговли, доносящимся изнутри корпуса.

– Сюда, – Хэнд кивнул на возвышавшуюся перед нами баржу и зашагал в сторону треугольного грузового люка, находящегося практически на уровне земли. Я поймал себя на том, что осматриваю пространство, определяя точки, где могут размещаться снайперы, раздраженно подавил рефлекс и двинулся вслед за Хэндом. Ветер услужливо сметал песчаную пыль с пути, закручивая ее в вихри высотой мне по колено.

Вблизи грузовой люк оказался огромным – пара метров в поперечине у вершины и достаточно широкий внизу, чтобы свободно пропускать тележку с бомбой системы «Мародер». Ведущая ко входу погрузочная рампа, некогда складная, теперь навечно застыла, расставив в стороны свои массивные, давно не работающие гидравлические конечности. Над люком висели старательно размытые голографические изображения то ли марсиан, то ли парящих ангелов.

– Искусство раскопок, – пренебрежительно бросил Хэнд.

Миновав картины, мы вошли в полумрак проема.

Здесь ощущалась та же атмосфера запустения, что я видел на баржах Харлана, но если остовы кораблей харланского флота походили на музейные экспонаты, то здесь царило хаотическое смешение цветов и звуков. Вдоль изгиба корпуса и по бывшим главным палубам были прикручены и приклеены киоски из яркого пластика и проволоки, походившие на разросшуюся колонию ядовитых грибов. Элементы соединялись друг с другом посредством отпиленных секций трапов и сваренных из строительного профиля лестниц. Помимо ламп и иллюминиевых лент, свою лепту в освещение вносили развешанные здесь и там голографические картины, подобные уже виденной нами. Из закрепленных на стенах динамиков размером с ящик лился бессистемный набор высоких и низких нот. Высоко наверху в корпусе были пробиты метровые отверстия, сквозь которые почти отвесно падали солнечные лучи, прорезая сумрак насквозь.

В точке, куда вонзался один из таких лучей, стояла высокая фигура в лохмотьях. Усеянное каплями пота лицо было поднято к свету, словно человек принимал теплый душ. На голову был нахлобучен видавший виды черный цилиндр, тощее тело скрывалось под столь же поношенным черным пальто. На звук наших шагов он обернулся, раскинув руки так, словно на кресте висел.

– А, джентльмены! – пробулькал синтетический голос, шедший из довольно заметного модуля-прилипалы, закрепленного на покрытом шрамами горле. – Вы как раз вовремя. Я Могильéр. Добро пожаловать на Рынок душ!

* * *

Мы поднялись на полетную палубу, где как раз начинался процесс.

Когда мы вышли из лифта, Могильер сделал шаг в сторону и взмахнул рукой в перьях лохмотьев.

– Узрите! – воскликнул он.

Погрузчик на гусеничном ходу пятился по палубе с небольшим ковшом в манипуляторах. В следующее мгновение тот наклонился вперед, и из него посыпались какие-то мелкие предметы, заскакав по полу, словно градины.

Стеки памяти.

Нейрохим мог увеличить картинку, и без него трудно было сказать наверняка, но стеки явно не очистили, большая их часть казалась слишком объемной, их явно не очистили. Объемной и желтовато-белой от фрагментов кости и ткани, приставших к металлу. Ковш наклонился еще сильнее, и ручеек превратился в реку, заполнив помещение хриплым металлическим шелестом. Погрузчик продолжал пятиться, оставляя на полу плотный, расползающийся под собственным весом след. Стук падающих градин превращался в неистовую барабанную дробь, затем глох, когда льющийся каскад поглощали курганы стеков, уже скопившихся внизу.

Опустевший ковш опрокинулся. Наступила тишина.

– С пылу с жару, – объявил Могильер, ведя нас вдоль берега разлившейся на полу металлической реки. – В основном жертвы бомбардировки Сучинды, гражданские и военные, но, скорее всего, найдутся и коммандос из быстрого реагирования. Мы их подбираем по всей восточной части. Кто-то довольно сильно недооценил силы наземной обороны Кемпа.

– Не в первый раз, – пробормотал я.

– И, будем надеяться, не в последний.

Могильер присел и зачерпнул две пригоршни стеков памяти. Приставшие к ним фрагменты кости походили на иней с желтыми подтеками.

– Бизнес хорош как никогда.

Плохо освещенное помещение огласилось скрежетом и лязгом. Я резко вскинул голову на звук.

Со всех сторон к горе стеков сходились торговцы с лопатами и ведрами, толкая друг друга локтями, чтобы отхватить делянку получше. Врезаясь в металлический холм, лопаты издавали резкий скрежещущий звук, и с каждым новым взмахом в ведро летели все новые порции стеков, грохоча по стенкам, словно гравий.

Несмотря на конкуренцию, от Могильера, как я заметил, все старались держаться подальше. Мои глаза снова обратились на фигуру в цилиндре, сидевшую на корточках передо мной, и на покрытом шрамами лице Могильера расцвела вдруг довольная ухмылка, словно он почувствовал мой взгляд. Расширенное периферийное зрение, предположил я. Могильер с улыбкой

разжал пальцы, позволил стекам стечь обратно в общую кучу. Когда его руки опустели, он отряхнул ладони и поднялся.

– Большинство продает на вес, – пробормотал он. – Это дешево и просто. Обратитесь к ним, если желаете. Другие отбирают гражданских, отделяют военные зерна от плевел, их цена тоже довольно низкая. Возможно, для вас этого будет достаточно. А возможно, вам нужен Могильер.

– Ближе к сути, – резко бросил Хэнд.

Мне показалось, что глаза под полями потертого цилиндра чуть-чуть сузились, однако, если что-то и стояло за этим еле заметным признаком гнева, голос чернокожего человека в лохмотьях ничем того не выдал.

– Суть, – сказал он учтиво, – в том же, в чем и всегда. Суть – в предмете ваших желаний. Могильер продает только то, чего желают пришедшие к нему. Чего желаешь *ты*, человек из «Мандрейк»? Ты и твой волк «Клина»?

Я почувствовал, как по венам побежала ртутная дрожь нейрохимии. Униформы на мне не было. Какие бы модификации ни стояли у человека перед нами, они определенно были посущественнее одной лишь расширенной периферийки.

Хэнд произнес несколько слов на незнакомом мне глухо звучащем языке и сделал неприметный жест левой рукой. Могильер окаменел.

– Ты ведешь опасную игру, – тихо сказал Хэнд. – Заканчивай фарс. Это понятно?

Какое-то время Могильер стоял неподвижно, затем на его губах снова появилась ухмылка. Он засунул руки в карманы, и в пяти сантиметрах от его носа тут же возникло дуло нейроинтерфейсного «калашникова». Моя левая рука сделала это без малейшего участия сознания.

– Медленно, – посоветовал я.

– Все в порядке, Ковач, – голос Хэнда был мягок, но глаза по-прежнему не отрывались от Могильера. – Мы уже установили семейные связи.

Ухмылка Могильера говорила об обратном, но руки из карманов он вынул достаточно медленно. В каждой ладони было зажато нечто, напоминающее живого асфальтово-серого краба. Существа слабо шевелили сегментированными конечностями. Могильер перевел взгляд с одного краба на другого, затем снова посмотрел в дуло моего пистолета. Если он и испытывал страх, то никак этого не выказывал.

– Чего ты желаешь, корпоративный раб?

– Назовешь меня так еще раз, и я все-таки нажму на спусковой крючок.

– Он не к тебе обращается, Ковач, – Хэнд чуть заметно кивнул на «калашников», и я вложил оружие в кобуру. – Коммандос из спецназначения, Могильер. Свежие смерти, не более месячной давности. И мы торопимся. Всё, что есть в наличии.

Могильер пожал плечами.

– Самые свежие здесь, – произнес он и бросил крабов на гору стеков, где они тут же принялись деловито шарить, аккуратно подбирая клешнями один металлический цилиндр за другим, поднося каждый к синему свету объектива и бросая обратно. – Но если вас поджимает время…

Он подвел нас к стоящему в стороне киоску довольно мрачного вида, где, склонившись над столом, сидела худая женщина с лицом настолько же белым, насколько черным было лицо Могильера. Перед ней стоял плоский поддон со стеками. Тихий пронзительный визг инструмента, очищающего их от фрагментов кости, звучал еле слышным контрапунктом к басовым тонам хруста, скрежета, грохота лопат и ведер за нашими спинами.

Могильер обратился к женщине на языке, на котором ранее говорил с ним Хэнд, и та медленно поднялась из-за стола с инструментами. С полки в глубине киоска она взяла тусклый металлический контейнер размером примерно с наблюдательный дрон и вернулась обратно. Держа контейнер в вытянутых руках, она постучала невероятно длинным ногтей с черным лаком по символу, выгравированному на металле. Затем произнесла несколько раскатывающихся эхом слогов, принадлежащих тому же незнакомому языку.

Я взглянул на Хэнда.

– Избранные Огона, – объяснил он без всякой иронии. – Облачены в железо в честь покровителя железа и войны. Воины.

Он кивнул, и женщина поставила контейнер. Взяв с одного конца стола чашу с ароматизированной водой, она омыла руки и запястья. Как зачарованный, я смотрел, как она кладет влажные пальцы на крышку контейнера, закрывает глаза и нараспев произносит еще несколько слов. Закончив, женщина открыла глаза и сняла крышку.

– Сколько кило вам нужно? – на фоне всей этой церемониальной почтительности вопрос Могильера выглядел неуместно прагматичным.

Хэнд протянул руку и зачерпнул из контейнера пригоршню серебристо-чистых стеков.

– А сколько ты с меня собираешься содрать?

– Семьдесят девять пятьдесят за кило.

Менеджер хмыкнул:

– В прошлый раз Правет взял с меня сорок семь пятьдесят, да еще и извинялся.

– То была цена за отбросы, и ты это знаешь, корпоративный раб, – с улыбкой покачал головой Могильер. – Правет торгует несортированным продуктом, по большей части даже нечищенным. Если хочешь тратить свое драгоценное корпоративное время, отковыривая костную ткань со стеков гражданских и юнцов регулярного призыва, иди и торгуйся с Праветом. У меня же отборные представители военного сословия, очищенные и умащенные, и они стоят того, что я за них прошу. Незачем тратить время друг друга.

– Ладно, – Хэнд взвесил в руке горку консервированных жизней. – Тебе же надо покрывать расходы. Шестьдесят тысяч ровно. И ты знаешь, что я когда-нибудь еще к тебе зайду.

– Когда-нибудь, – Могильер словно пробовал слово на вкус. – Когда-нибудь Джошуа Кемп, возможно, спалит Лэндфолл в ядерном огне. Когда-нибудь, корпоративный раб, мы все, возможно, будем мертвы.

– Воистину возможно, – Хэнд ссыпал стеки обратно в контейнер, раздался сухой стук падающих игральных костей. – И некоторые из нас умрут раньше прочих, если продолжат вести антикартельную пропаганду, пророча победу кемпистам. Я бы мог тебя за это арестовать, Могильер.

Бледная женщина за столом зашипела и, подняв руку, принялась было чертить в воздухе какие-то символы, но Могильер что-то резко сказал ей, и она перестала.

– Какой смысл меня арестовывать? – спросил он ровным голосом, засунув руку в контейнер и выудив оттуда один-единственный блестящий стек. – Ты только посмотри на это. Без меня тебе снова придется довольствоваться Праветом. Семьдесят.

– Шестьдесят семь пятьдесят, и я сделаю тебя привилегированным поставщиком «Мандрейк».

Могильер покрутил стек в пальцах, явно обдумывая предложение.

– Хорошо, – произнес он наконец. – Шестьдесят семь пятьдесят. Но такая цена подразумевает минимальную партию. Пять кило.

– Согласен.

Хэнд достал кредитный чип с голографическим логотипом «Мандрейк». Передавая его Могильеру, он неожиданно ухмыльнулся:

– Я в любом случае планировал купить десять. Заверните.

Бросив стек обратно в контейнер, Могильер кивнул бледной женщине, и она вытащила из-под стола весовую чашу. Наклонив

контейнер, она, сохраняя прежнюю почтительность, начала пригоршнями вычерпывать стеки и аккуратно укладывать в чашу. Над растущей грудой замерцали выписанные замысловатым шрифтом фиолетовые цифры.

Углом глаза я заметил какое-то движение внизу и поспешно развернулся.

– Находка, – безмятежно сказал Могильер, усмехаясь.

Вернулся один из копавшихся в куче крабоногих автоматов. Подбежав к Могильеру, он принялся карабкаться вверх по брючине. Когда он добрался до пояса, Могильер отцепил его, взял в руку и второй что-то забрал из клешней, после чего бросил на пол. На лету крабик успел втянуть в себя конечности, приняв форму ничем не примечательного серого овоида. Отскочив от пола, он покатился и остановился. Спустя мгновение машина осторожно расправила конечности, поднялась и побежала выполнять приказ хозяина дальше.

– О, вы только посмотрите, – Могильер продолжал усмехаться, потирая в пальцах стек, покрытый остатками ткани. – Смотри, волк «Клина». Видишь? Видишь, как начинается новая жатва?

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Мандрейковский ИИ считал стеки купленных нами солдат в виде трехмерного машинного кода и тут же списал треть из-за непоправимого психологического ущерба. С ними не имело смысла разговаривать. Если воскресить их в виртуальности, все, на что они будут способны, это кричать, пока не охрипнут.

Хэнд отнесся к происшедшему равнодушно.

– Дело довольно обычное, – сказал он. – Какая-то часть всегда оказывается бракованной, у кого ни покупай. Остальных прогоним через психохирургический секвенсор сна. Так получим короткий список кандидатов без необходимости их будить. Вот требуемые параметры.

Я поднял со стола лист бумаги и пробежал список глазами. По настенному экрану переговорной комнаты шли строки – личные данные купленных нами солдат.

– Опыт боевых действий в условиях высокой радиоактивности? – я взглянул на Хэнда. – Я чего-то не знаю?

– Да ладно тебе, Ковач. Уже ведь знаешь.

– Я… – вспышка, осветившая горные склоны, изгнавшая тени из ложбин, за все геологические эпохи не видевших столь яркого света. – …надеялся, что до этого не дойдет.

Хэнд начал рассматривать поверхность стола, словно та нуждалась в полировке.

– Нам же нужно было расчистить полуостров, – сказал он осторожно. – Вот к концу недели он будет расчищен. Кемп отводит войска. Считай это удачным совпадением.

Однажды во время разведывательной миссии, шагая вдоль ссутулившегося хребта Дангрека, я видел, как сверкает Заубервиль в лучах послеполуденного солнца. Расстояние было слишком велико, чтобы видеть детали, – даже при выкрученной на максимум нейрохимии город выглядел как серебряный браслет, брошенный у кромки воды. Далекий и ничем не связанный с миром людей.

Наши с Хэндом взгляды встретились.

– Значит, мы все умрем.

Он пожал плечами:

– Похоже, это неизбежно. Притом что идти придется непосредственно после взрыва. Новым рекрутам мы, конечно, можем дать клонов из серии с повышенной радиационной резистентностью, ну и противорадиационные препараты позволят нам продержаться до конца операции, но в конечном счете…

– Ну, в конечном-то счете я буду носить себе понашивать дизайнерскую оболочку в Латимер-сити.

– Именно.

– Какие именно модели с повышенной радиорезистентностью ты имеешь в виду?

Еще одно пожимание плечами:

– Точно не знаю, надо поговорить с биотехами. Маорийская серия, наверное. А что, тебе тоже нужно?

«Хумало» в ладонях дернулись, словно разгневавшись, и я покачал головой:

– Удовольствуюсь тем, что имею, спасибо.

– Не доверяешь?

– Раз уж об этом зашла речь, то нет, не доверяю. Но суть не в этом, – я ткнул пальцем в грудь. – Это спецкомплектация «Клина». «Хумало биосистемс». Для боевых действий ничего лучше нет.

– А радиация?

– Я протяну достаточно, чтобы все успеть. А скажи-ка мне вот что, Хэнд. Что ты предложил новым рекрутам в долгосрочной перспективе? Кроме свежей оболочки, которая неизвестно еще, переживет ли радиацию. Что они получат после того, как мы закончим наше предприятие?

Хэнд нахмурился:

– Ну как что. Работу.

– Работа у них была. Все мы видели, к чему это привело.

– Работу в Лэндфолле, – по какой-то причине насмешка в моем голосе задевала его за живое, а может, дело было в чем-то другом. – Место в штате службы безопасности «Мандрейк», контракт сроком на пять лет или до конца войны, в зависимости от того, что продлится дольше. Удовлетворяет это твои нравственные принципы куэллистае, анархиста и защитника угнетенных?

Я вздернул бровь:

– Эти три философские доктрины *очень* слабо связаны друг с другом, Хэнд, и я не исповедую ни одну из них. Но если хочешь спросить, хорошая ли это альтернатива смерти, я отвечу утвердительно. Меня бы такая цена в их ситуации устроила.

– Вотум доверия, – ледяным тоном произнес Хэнд. – Как же это окрыляет.

– При условии, конечно, что у меня не было бы друзей и родственников в Заубервиле. Тебе бы не помешало проверить на этот счет их персональные файлы.

Он посмотрел на меня:

– Попытка юмора?

– Не нахожу ничего юмористического в уничтожении целого города, – я пожал плечами. – Пока, во всяком случае, не нахожу. Возможно, со мной что-то не так.

– А, значит, мы имеем дело с приступом моральных терзаний? Так надо понимать?

Я натянуто улыбнулся:

– Не говори ерунды, Хэнд. Я же солдат.

– Да, и хорошо бы ты не забывал об этом. И не надо выплескивать на меня избыток своих чувств, Ковач. Как я уже говорил, я не заказывал ядерный удар. Просто он вовремя случился.

– Воистину вовремя, – я бросил список обратно на стол, пытаясь не хотеть при этом, чтобы он на лету превратился в гранату. – Ладно, давай приступать. Сколько времени уйдет на секвенсор сна?

* * *

Если верить психохирургам, во сне наше подлинное «я» проявляется полнее, чем в любой другой ситуации, включая пик оргазма и момент смерти. Может быть, это объясняет, почему бóльшая часть наших действий в реальности отличается такой бестолковостью.

Оценить психологическое состояние спящего субъекта уж

точно проще и быстрее, чем состояние бодрствующего.

Секвенсор сна, дополненный в мозгу мандрейковского ИИ списком требуемых параметров и проверкой на связи с Заубервилем, перебрал оставшиеся семь кило функционирующих человеческих душ меньше чем за четыре часа. В результате мы получили триста восемьдесят семь кандидатов, двести двенадцать из них – с высокой степенью соответствия.

– Пора их будить, – зевнув, сказал Хэнд, не отрываясь от экрана и продолжая просматривать психологические характеристики потенциальных рекрутов. Я невольно подавил собственный зевок.

Возможно, по причине взаимного недоверия мы оба не покидали переговорной комнаты во время работы секвенсора, и, после того как мы еще несколько раз покружили вокруг темы Заубервиля, сказать нам друг другу было особенно нечего. Глаза саднило от бесконечного всматривания в бегущие по экрану строки, конечности подергивались, требуя хоть какой-нибудь физической активности, к тому же закончились сигареты. Зевота пыталась перехватить у меня контроль над мускулами лица.

– Нам что, в самом деле надо поговорить с каждым?

Хэнд покачал головой:

– Нет, в самом деле не надо. В машине имеется виртуальная версия меня с кое-какой психохирургической периферией. Я загружу эту версию, чтобы отобрать человек двадцать лучших. Если ты, конечно, доверяешь мне хотя бы в этом.

Я наконец сдался и зевнул так, что хрустнула челюсть.

– Доверие. Режим активирован. Как насчет проветриться и выпить кофе?

Мы отправились на крышу.

* * *

На крыше Башни «Мандрейк» краски дня уже сгущались в индиго сумерек. На востоке, на темнеющей бескрайности неба Санкции IV, начинали проглядывать звезды. На западе зажатое между тонкими пластами облаков солнце истекало последними каплями света под весом надвигающейся ночи. Защитные экраны были опущены до предела, пропуская вечернее тепло и легкий бриз с севера.

Я окинул взглядом служащих «Мандрейк», расположившихся в саду, на котором остановил свой выбор Хэнд. Парочки и небольшие компании сидели у бара и за столиками. Их хорошо поставленные, уверенные голоса были отчетливо слышны даже

издалека. Корпоративный стандарт американглийского со спорадическими музыкальными вкраплениями тайского и французского. На нас, похоже, никто не обратил внимания.

Языковая смесь кое о чем мне напомнила.

– Слушай, Хэнд, – я вскрыл новую пачку «Лэндфолл лайтс» и вытащил сигарету. – А что за фигня была сегодня на рынке? Этот язык, на котором говорила ваша троица, эти жесты левой рукой?

Хэнд отпил кофе и поставил чашку на стол:

– А ты не догадался?

– Вуду?

– Можно, конечно, и так выразиться, – страдальческое выражение его лица показывало, что он бы так не выразился никогда. – Хотя, если быть точным, это название не используется уже несколько столетий. Да и в пору его появления не использовалось. Как большинство людей, не знакомых с предметом, ты слишком упрощаешь.

– Я думал, в этом и заключается суть религии. Упрощенчество для интеллектуальных инвалидов.

Он улыбнулся:

– В таком случае получается, что интеллектуальные инвалиды составляют основную часть населения, тебе не кажется?

– Так всегда и бывает.

– Ну может быть, – Хэнд снова отпил кофе и посмотрел на меня поверх чашки. – Ты правда не признаешь над собой никакого бога? Никакой высшей силы? Харланцы же, как правило, придерживаются синтоизма, нет? Либо синтоизма, либо какого-то из ответвлений христианства?

– Я не придерживаюсь ни того ни другого, – сказал я бесстрастно.

– Значит, тебе не у кого искать защиты от мрака ночи? Не у кого просить подмоги, когда огромный вес бытия начинает давить на хрупкую оболочку твоего одинокого существования, словно тысячеметровая колонна?

– Я был при Инненине, Хэнд, – я стряхнул пепел и вернул ему улыбку почти не износившейся. – При Инненине я слышал, как солдаты, на чьих спинах лежали колонны примерно такой высоты, во всю силу легких взывали ко всему спектру высших сил. Насколько я заметил, ни одна из этих сил не поспешила себя проявить. Без такой подмоги я как-нибудь проживу.

– Бог не в нашей власти, и мы не можем им повелевать.

– Оно и видно. Расскажи мне о Могильере. Эти его шляпа с пальто… Он же кого-то из себя изображает, да?

– Да, – в голосе Хэнда прозвучала нота искренней неприязни. – Он изображает Геде, в данном случае повелителя мертвых…

– Очень остроумно.

– …в попытке подавить наиболее недалеких конкурентов. Возможно, он действительно жрец определенного ранга, не без влияния в мире духов, но, уж конечно, не с таким влиянием, чтобы претендовать на сходство с упомянутым персонажем. Я наделен, – он одарил меня скупой улыбкой, – скажем так, несколько бóльшими полномочиями. Так что просто дал это понять. Можно сказать, вручил верительные грамоты и поставил в известность о том, что нахожу его представление безвкусным.

– Странно, что этот Геде не счел нужным оповестить его лично, правда?

Хэнд вздохнул:

– На самом деле очень вероятно, что Геде, подобно тебе, видит юмористическую сторону этой ситуации. Для Мудрейшего он уж очень неприхотлив по части комического.

– Вот как, – я наклонился вперед, пытаясь высмотреть на его лице хоть какие-то признаки иронии. – Ты что, правда, что ли, веришь в эту туфту? То есть вот на полном серьезе?

Хэнд помолчал, затем откинул голову и указал на небо.

– Взгляни-ка, Ковач. Мы пьем кофе так далеко от Земли, что придется изрядно потрудиться, чтобы рассмотреть Сол в ночном небе. Нас доставил сюда ветер, реющий в измерении, которое мы не можем увидеть или потрогать. Мы, точно сны, хранимся в сознании машины, чье мышление настолько превосходит наше собственное, что ее с равным успехом можно называть Богом. Мы воскресаем в телах, не принадлежащих нам, выращенных в тайном саду без посредства тел смертных женщин. Таковы *факты* нашего существования, Ковач. Разве в них меньше таинства или есть какие-то другие отличия от веры в то, что существует еще одно пространство, где мертвые обитают в обществе существ, стоящих над нами так высоко, что мы просто *должны* называть их богами?

Я отвел глаза, испытав странную неловкость от пыла, с которым говорил Хэнд. Религия – наркотик забавный, и порой может непредсказуемо сказаться на состоянии тех, кто ее употребляет. Я раздавил окурок и стал осторожно подбирать слова:

– Ну, отличие в том, что факты нашего существования не были выдуманы кучкой невежественных жрецов за сотни лет до того, как мы покинули пределы Земли или построили что-либо, хоть отдаленно напоминающее машины. Я бы сказал, что в

конечном счете эти факты вписываются в реальность – какой бы она ни была, – получше твоего мира духов.

Хэнд улыбнулся, мои слова его явно не задели. Похоже, разговор доставлял ему удовольствие.

– Узко мыслишь, Ковач. Разумеется, все ныне существующие церковные доктрины появились в доиндустриальные времена, но вера – это метафора, и кто знает, каким образом пришла к нам информация, стоящая за этой метафорой, откуда она пришла и как давно. Мы бродим среди руин цивилизации, которая, судя по всему, достигла божественного могущества за тысячелетия до того, как мы перестали ходить на четвереньках. Твоя собственная планета, Ковач, окружена ангелами с огненными мечами…

– Эй, – я выставил вперед ладони. – Давай-ка слегка поумерим разгул метафор. Вокруг Харлана находится система орбитальных боевых платформ, которую марсиане забыли демонтировать, когда уходили.

– Да, – Хэнд нетерпеливо махнул рукой. – Орбитальники, построенные из материалов, которые сводят на нет любые попытки их просканировать, орбитальники, мощи которых хватает, чтобы уничтожить город или гору, но которые используют эту мощь исключительно для уничтожения кораблей, дерзающих подняться к небесам. Что это, если не ангел?

– Это, блин, машина, Хэнд. С запрограммированными параметрами, которые, скорее всего, объясняются каким-то планетарным конфликтом…

– Откуда у тебя такая уверенность?

Он наклонился ко мне через стол. Я обнаружил, что зеркально повторяю его позу, потому что и сам начал горячиться.

– Ты когда-нибудь бывал на Харлане, Хэнд? Ну я так и думал, что нет. А я вот там вырос и могу тебе сказать, что в орбитальниках таинственности не больше, чем в любом другом марсианском объекте.

– Что, и не больше, чем в поющих ветвях? – голос Хэнда превратился в шипение. – Каменных деревьях, поющих на восходе и закате солнца? Не больше, чем в портале, который, как дверь в спальню, ведет…

Он оборвал себя на полуслове и оглянулся по сторонам, покраснев от того, что едва не проговорился.

Я откинулся на спинку стула и ухмыльнулся:

– Завидный пыл для человека в таком дорогом костюме. Так что, ты пытаешься выдать марсиан за вудуистских богов? Правильно я понимаю?

– Я никого не пытаюсь ни за что выдать, – пробормотал он, выпрямляясь. – И нет, марсиане и без того нормально

вписываются в нашу реальность. Нам не нужно возвращаться к истокам, чтобы найти им объяснение. Я просто пытаюсь продемонстрировать узость твоей картины мира, где нет места чудесному.

Я кивнул.

– Очень похвально с твоей стороны, – я наставил на него палец. – Только сделай милость, Хэнд. Когда мы доберемся туда, куда собираемся, держи эту фигню при себе, будь любезен. Мне и без твоих закидонов будет хватать там забот.

– Я верю только в то, что видел своими глазами, – сказал он напряженно. – Я видел Геде и Карфура, облеченных в человеческую плоть; я слышал их голоса из уст хунганов; я *вызывал* их, и они являлись на мой зов.

– Ага, как же.

Он изучающе посмотрел на меня, и отражавшиеся на его лице оскорбленные религиозные чувства стали уступать место чему-то иному. Из голоса пропала напряженность, он перешел на тихое бормотание:

– Как странно, Ковач. Твоя вера так же глубока, как моя. Единственное, чего я не могу понять, это почему ты так отчаянно нуждаешься в том, чтобы не верить.

Эти слова висели в воздухе между нами почти минуту, прежде чем я ответил на них. Шум за соседними столиками стих, и даже северный ветер, казалось, затаил дыхание. Я наклонился вперед и тихо сказал, пытаясь не столько донести мысль, сколько развеять расцвеченное лазерным огнем воспоминание, вставшее перед мысленным взором:

– Ты ошибаешься, Хэнд. Я был бы счастлив получить доступ ко всей этой лаже, в которую ты веришь. Я был бы счастлив совершить положенный ритуал и вызвать тех, кто в ответе за наше сраное мироустройство. Потому что тогда я мог бы убить их. Медленно.

* * *

Тем временем загруженная в машину виртуальная ипостась Хэнда уменьшила наш короткий список до одиннадцати. Это заняло почти три месяца. Запущенный на пределе мощности ИИ – с соотношением виртуального/реального времени триста пятьдесят к одному – закончил процесс к полуночи.

К тому времени накал беседы на крыше спал, превратившись сначала в воспоминания о былом – о событиях и действиях, которые доказывали наши индивидуальные мировоззрения, – а

там уже пошли все более туманные умозаключения об устройстве жизни и долгие паузы, когда мы смотрели за ограждение Башни, в ночную темноту пустыни. В атмосфере общей меланхолии карманный бипер Хэнда разорвал молчание так громко, словно звуком мог разбить стекло.

Мы спустились посмотреть, насколько продвинулся процесс, щурясь от неожиданно резкого света внутри Башни и зевая. Меньше часа спустя, когда время перевалило за полночь и начался новый день, мы отключили виртуальное «я» Хэнда и загрузили вместо него себя.

Последний этап отбора.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Моя фотографическая память хранит их лица.

Не красивые лица радрезистентных маорийских боевых оболочек, что они носили в Дангреке, возле дымящихся руин Заубервиля. Я вижу лица, которыми они обладали при жизни. Лица людей, которых заполучил и тут же перепродал Могильер, снова ввергнув в хаос войны. Такими они себя помнили, такими я впервые их увидел, – в ничем не примечательном номере виртуального отеля.

Лица мертвых людей.

Оле Хансен:

До смешного белокожий; коротко остриженные волосы, тоже белые как снег; глаза той же безмятежной синевы, что и цифры на дисплеях медицинского оборудования при некритическом состоянии больного. Доставлен в криокапсуле с Латимера с первой волной ооновских подкреплений в пору, когда все вокруг считали, что сопротивление Кемпа подавят за какие-нибудь полгода.

– Надеюсь, это не очередная операция в пустыне, – его лоб и скулы до красноты обгорели на солнце. – Иначе можете сразу класть меня обратно на полку. От этого сучьего клеточного меланина все тело чешется.

– Там, куда мы направляемся, холодно, – заверил я. – Холоднее, чем зимой в Латимер-сити. Вы в курсе, что ваша команда погибла?

Утвердительный кивок:

– Я видел вспышку с вертолета. Это последнее, что я помню. Дело понятное. При нас была захваченная бомба-«мародер». Говорил же им, чтобы взорвали эту суку сразу на месте. Но их разве уговоришь. Упрямые как ослы.

Хансен служил в знаменитом саперно-подрывном отряде «Бархатные ручки». Во время службы в «Клине» до меня доходили слухи о нем. У них была репутация людей, практически не совершающих ошибок. Не совершавших.

– Вам их будет не хватать?

Хансен развернулся на стуле и посмотрел на бар, расположенный у стены виртуального номера. Затем оглянулся на Хэнда:

– Можно?

– Да, конечно.

Хансен подошел к батарее бутылок, выбрал одну и до краев наполнил стакан янтарной жидкостью. Повернувшись к нам, отсалютовал стаканом. Губы его были сжаты, глаза горели синим огнем.

– За «Бархатные ручки», где бы ни витали сейчас их расщепленные на атомы останки. Эпитафия: «Надо было слушать приказы, мудачье. Слушали бы – сидели бы сейчас здесь».

Он опрокинул стакан одним точным движением, басовито крякнул и броском снизу вверх отправил стакан в полет. Вопреки ожиданиям, стакан не разбился, а с глухим стуком упал на пол и откатился к стене. Хансен вернулся к столу и опустился на стул. В глазах его застыли слезы, наверное, из-за алкоголя.

– Еще вопросы? – заплетающимся языком осведомился он.

Иветта Крукшенк:

Двадцать два года; кожа, черная до синевы; скулы настолько острые, что вызывают ассоциацию с головным обтекателем высотного перехватчика; заплетенная в дреды грива, собранная в невысокий хвост, украшенный стальными украшениями устрашающего вида; под волосами – пара свободных разъемов для быстрой загрузки: один зеленый, другой черный. Еще три занятых в основании шеи.

– Это какие? – спросил я.

– Лингвопак, тайский и мандаринский; девятый дан сётокана, – ее пальцы пробежали по штекерам, исписанным шрифтом Брайля, давая понять, что она сможет менять их даже вслепую и под огнем. – Полевой врач повышенной квалификации.

– А под волосами?

– Спутниковая навигация и классическая скрипка, – она ухмыльнулась. – Скрипка в последнее время нечасто пригождается, но приносит мне удачу, – ее лицо вытянулось так смешно и внезапно, что я чуть не улыбнулся. – Приносила.

– Вы обращались с просьбой о назначении в войска быстрого реагирования семь раз за последний год, – произнес Хэнд. – Почему?

Она посмотрела на него с любопытством:

– Вы уже спрашивали.

– То был другой я.

– А, ясно. Призрак в машине. Ну, как я уже говорила, перспектива всегда быть в гуще событий, больше возможностей влиять на исход боя, игрушки покруче. Между прочим, когда я это сказала в прошлый раз, ваша улыбка была шире.

Цзян Цзяньпин:

Бледное лицо с азиатскими чертами, умные, слегка косящие глаза и легкая улыбка. Создавалось впечатление, что он думает о какой-то забавной истории, которую ему только что рассказали. Если не считать мозолей на ребрах ладоней и легкости, с которой двигалось его облаченное в черный комбинезон тело, мало что в нем выдавало его профессию. Он больше походил на слегка усталого учителя, чем на того, кто знает пятьдесят семь уникальных способов лишить другого человека жизни.

– Я так понимаю, эта экспедиция, – пробормотал он, – не имеет отношения к войне. Это коммерческое предприятие, так?

Я пожал плечами:

– Вся война – коммерческое предприятие, Цзян.

– Вы вольны так считать.

– Как и вы, – сурово сказал Хэнд. – Я имею доступ к правительственным документам высочайшего уровня, так что можете мне поверить. Если бы не помощь Картеля, кемписты заняли бы Лэндфолл еще прошлой зимой.

– Да. И я сражался именно для того, чтобы не дать этому случиться, – он скрестил на груди руки. – Я *умер*, чтобы не дать этому случиться.

– Прекрасно, – коротко произнес Хэнд. – Расскажите нам об этом.

– Я уже отвечал на этот вопрос. Зачем вы задаете его снова?

Менеджер «Мандрейк» устало потер глаза.

– Это был не я. Это был конструкт, осуществляющий первичный отбор. Времени просмотреть результаты у меня еще не было. Так что прошу вас ответить.

– Это случилось в ходе ночной атаки на Данангской равнине. Целью атаки была кемпистская передвижная релейная станция управления бомбами-«мародерами».

– Вы в этом участвовали? – я посмотрел на сидящего передо мной ниндзя с уважением.

Секретные операции по разрушению коммуникационной сети Кемпа на Данангском фронте были единственным реальным успехом, которым могло похвастаться правительство за последние восемь месяцев. Я знал солдат, которые были обязаны жизнью успеху Данангской атаки. Пропагандистские каналы все еще трубили об одержанной стратегической победе, когда мой взвод перемалывали на фарш у Северного предела.

– Я имел честь быть командиром боевой группы.

Хэнд посмотрел на ладонь, по которой бежали строки данных, словно какая-то ползучая кожная болезнь. Системная магия. Виртуальные игрушки.

– Ваша группа выполнила задание, но вас убили, а они

остались живы. Как это произошло?

– Я совершил ошибку, – Цзян выговорил эти слова с таким же отвращением, с каким произносил имя Кемпа.

– Какую именно? – От избытка такта Хэнд определенно не страдал.

– Я полагал, что взрыв станции выведет из строя автоматические турели. Этого не произошло.

– Упс.

Он бросил на меня короткий взгляд.

– Моя группа не могла отступать без огневого прикрытия. Мне пришлось остаться.

Хэнд кивнул:

– Похвально.

– Ответственность за ошибку лежала на мне. И потом, это было невысокой ценой за то, чтобы остановить наступление Кемпа.

– Вы, как я вижу, не большой поклонник Кемпа, Цзян, – сказал я осторожно. Похоже, перед нами был верующий.

– Кемписты проповедуют необходимость революции, – ответил он с презрением. – Но что изменится, когда они захватят власть на Санкции IV?

Я почесал за ухом:

– Ну, думаю, в общественных местах появится гораздо больше статуй Джошуа Кемпа. А так, наверное, не очень много.

– Именно. И ради этого он пожертвовал сколькими сотнями тысяч человеческих жизней?

– Трудно сказать. Послушайте, Цзян, мы не кемписты. Если мы получим то, что хотим, могу вам пообещать, что это вызовет в соответствующих кругах новую волну заинтересованности в том, чтобы Кемп и близко не подошел к власти на Санкции IV. Пойдет?

Он положил руки на стол ладонями вниз и изучал их какое-то время.

– А что, у меня есть выбор? – спросил он.

Амели Вонгсават:

Узкое лицо с ястребиным носом, кожа цвета потускневшей меди. Короткая пилотская стрижка уже начинала отрастать, подкрашенные хной волосы обнажили черные корни. Завитки под затылком почти полностью закрывали посеребренные разъемы для лётного симбиокабеля. Вытатуированная штриховка под левым глазом обозначала место для ввода инфонитей. Сам глаз был серым, цвета жидкокристаллического дисплея, в отличие от темно-карего правого.

– То, что нашлось в госпитале, – объяснила она, когда ее

улучшенное зрение уловило мой взгляд. – Я угодила под обстрел над Буткинари-таун в прошлом году и повредила инфонити. Меня подлатали на орбите.

– Вы летели обратно со сгоревшими нитями? – скептически переспросил я; перегрузка должна была бы спалить все контуры в ее скуле и выжечь участок ткани шириной в ладонь. – А что случилось с вашим автопилотом?

– Поджарился, – ответила она с горестной гримасой.

– И как же вы управляли машиной в таком состоянии?

– Отключила автоматику и перешла на ручное. Дотянула на регулировке тяги и триммировании. Это был «Локхид Митома»: на нем все еще есть опция ручного управления.

– Нет, я имел в виду состояние, в котором были *вы*.

– А, – она передернула плечами. – У меня высокий болевой порог.

Ах вот оно что.

Люк Депре:

Высокий рост, неряшливый вид, песочно-светлые, давно не стриженные волосы, отросшие куда сильнее, чем это имело смысл на передовой. Лицо с резкими европеоидными чертами, длинный рельефный нос, выдающийся вперед подбородок, глаза необычного оттенка зеленого. Непринужденно развалившись на виртуальном стуле, он склонил набок голову, словно освещение не позволяло ему нас толком разглядеть.

– Ну так что, – его длинная рука взяла со стола мои «Лэндфолл Лайтс» и вытряхнула сигарету из пачки. – Введете меня в курс дела?

– Нет, – ответил Хэнд. – Информация останется конфиденциальной, пока вы не дадите согласия на участие.

Из облака дыма раздался хриплый смешок:

– Вы и в прошлый раз так заявили. И как я в прошлый раз и сказал: «Чувак, да кому я могу рассказать-то?» Если вы меня не наймете, я же отправлюсь обратно в жестянку, правильно?

– И тем не менее.

– Ну ладно. Так что тогда, у вас какие-то вопросы?

– Расскажите о вашей последней секретной операции, – предложил я.

– Это конфиденциальная информация, – он с минуту рассматривал наши оставшиеся серьезными лица. – Шутка. Я же все рассказал вашему партнеру. Он что, с вами не поделился?

Хэнд сдавленно крякнул.

– А, это был конструкт, – поспешно ответил я. – Мы еще ничего не слышали. Расскажите еще раз.

Депре пожал плечами:

– Пожалуйста. Это была ликвидация одного из кемпистских командиров сектора. На его же собственном катере.

– Успешная?

Он ухмыльнулся:

– Я бы сказал, что да. Голова, знаете ли. Она отвалилась.

– Ну я просто поинтересовался. Учитывая, что вы мертвы, и все такое прочее.

– Не повезло. Кровь этого мудилы оказалась заряжена защитным токсином. Медленного действия. Мы обнаружили это, уже когда поднялись в воздух, чтобы лететь обратно.

Хэнд нахмурился:

– На вас попали брызги?

– Не, мужик, – его рельефное лицо на секунду исказилось, словно от боли. – На мою напарницу. Ей ударила в лицо струя из сонной артерии. Прямо в глаза, – он выдохнул дым вверх. – Что очень печально, поскольку она была нашим пилотом.

– А.

– Ну да. Мы влетели в стену здания, – он снова ухмыльнулся. – И вот это, мужик, была штука *быстро*действующая.

Маркус Сутьяди:

Красивый, черты настолько правильные, что совершенством могли бы посоревноваться с Лапине где-нибудь в сети. Глаза цвета и формы миндаля; прямая линия рта; лицо чем-то походило на перевернутый равнобедренный треугольник, затупленный по углам, образуя твердый подбородок и широкий лоб; гладко зачесанные прямые черные волосы. Поразительно неподвижная мимика, создавалось впечатление, будто ее обладатель в ступоре. Казалось, он постоянно чего-то ждал и экономил энергию. Маркус походил на топ-модель, которая слишком много времени провела за покерным столом.

– Бу! – не смог удержаться я.

Миндалевидные глаза даже не моргнули.

– Против вас выдвинуты серьезные обвинения, – сказал Хэнд, бросив укоризненный взгляд в мою сторону.

– Да.

Мы подождали несколько секунд, но Сутьяди явно полагал, что тема исчерпана. Мне он начинал нравиться.

Хэнд поднял руку, точно фокусник, и в воздухе за его растопыренными пальцами возник экран. *Опять* гребаная системная магия. Я вздохнул и стал рассматривать голову и плечи человека в форме, как у меня, изображение которого

появилось рядом со столбцом бегущих по экрану биоданных. Лицо показалось мне знакомым.

– Вы убили этого человека, – холодно сказал Хэнд. – Не хотите объяснить почему?

– Нет.

– И не надо, – я ткнул пальцем в лицо на экране. – Пёс Вётэ́н у многих вызывает аналогичное желание. Мне вот интересно, *как* вам удалось его убить.

На этот раз его глаза чуть оживились, он перевел непонимающий взгляд с нашивки «Клина» на меня:

– Я выстрелил ему в затылок.

Я кивнул:

– Говорит о вашей инициативности. Он мертв по-настоящему?

– Да. Я стрелял из «санджета на полной мощности».

Щелкнув пальцами, Хэнд системно-магически убрал экран с глаз долой.

– Несмотря на то, что ваш тюремный корабль сбили, «Клин» считает, что ваш стек мог уцелеть. Нашедшего ожидает вознаграждение. Они по-прежнему хотят привести смертный приговор в исполнение. – Хэнд покосился на меня. – Насколько я понимаю, процедура казни – штука довольно неприятная.

– Так и есть.

В самом начале карьеры в «Клине» мне пару раз доводилось присутствовать на таких показательных казнях. Они занимали немало времени.

– Выдача вас «Клину» не входит в мои интересы, – сказал Хэнд. – Но я не могу подвергнуть экспедицию риску, взяв в команду человека, неповиновение которого может принять такую крайнюю форму. Мне необходимо знать, что произошло.

Сутьяди посмотрел на меня. Я едва заметно кивнул.

– Он отдал приказ о децимации моих солдат, – ответил он напряженно.

Я снова кивнул, на этот раз в подтверждение своим собственным мыслям. Децимация, безусловно, была одним из любимых Вётэном способов наладить контакт с местными войсками.

– А что послужило причиной?

– Ой, да ну в жопу, Хэнд, – я развернулся на сиденье. – Ты что, не слышал? Ему приказали казнить каждого десятого человека, находящегося под его командованием, а он не захотел. Такое нарушение субординации у меня особых возражений не вызывает.

– Определенные факторы могут…

– Мы теряем время, – оборвал я и повернулся обратно к Сутьяди. – Если бы снова пришлось оказаться в такой же ситуации, сделал бы ты что-нибудь иначе?

– Да, – его зубы блеснули (не уверен, что это можно было назвать усмешкой). – Я бы стрелял широким лучом. Тогда бы я поджарил весь его взвод, и им бы было немножко не до моего ареста.

Я бросил взгляд на Хэнда. Он качал головой, закрыв глаза ладонью.

Сунь Липин:

Темные монгольские глаза, эпикантная складка, высокие и широкие скулы. Слегка опущенные, точно в горестной усмешке, углы рта. Мелкие морщинки на загорелой коже и каскад черных волос, переброшенных на плечо и удерживаемых на месте большим серебряным генератором статического поля. Аура спокойствия, столь же непоколебимого, как прическа.

– Вы совершили самоубийство? – в моем голосе прозвучало сомнение.

– Так мне сказали, – опущенные углы рта опустились еще ниже, изогнувшись в кривую гримасу. – Помню, как нажимала на спусковой крючок. Приятно узнать, что моя меткость не страдает в стрессовых условиях.

Пуля из ее пистолета вошла в место под правой челюстью, проследовала ровно через центр мозга и оставила идеально круглое выходное отверстие на верхушке черепа.

– Трудно промазать на таком расстоянии, – сказал я с нарочитой грубостью.

Ее взгляд остался все так же безмятежно спокоен.

– Однако, как я понимаю, возможно, – сказала она серьезно.

Хэнд кашлянул:

– Не хотите рассказать, *почему* вы это сделали?

Она нахмурилась:

– Еще раз?

– Это, – процедил Хэнд, слегка скрипнув зубами, – был не я, а конструкт для собеседования.

– А…

Ее взгляд скользнул вбок и вверх в попытке, как предположил я, взглянуть на расположенный на сетчатке периферийный инфодисплей. Данный виртуальный формат не рендерил элементы телесного оборудования, делая исключение лишь для персонала «Мандрейк»; но, поскольку девушка не выказала никакого удивления, возможно, я ошибался, и она всего-навсего на старомодный манер напрягала память.

– На нас шел эскадрон автоматизированной брони. Танки-пауки. Я пыталась перепрограммировать их параметры, но в систему управления была заложена вирусная мина. Вариант Роулинга, я полагаю, – на ее лице снова появилась легкая гримаса. – На анализ, как вы можете понять, времени особенно не было, так что с уверенностью утверждать не могу. Так или иначе, времени выходить из системы тоже не было, первые секции вируса меня уже зацепили. Прежде чем он успел загрузиться полностью, я успела придумать только один выход из положения.

– Весьма впечатляюще, – произнес Хэнд.

* * *

Закончив, мы снова поднялись на крышу, чтобы проветрить мозги. Опершись на ограждение, я созерцал притихший из-за комендантского часа Лэндфолл, в то время как Хэнд отправился на поиски кофе. Террасы за моей спиной опустели, столы и стулья застыли в причудливом беспорядке, словно образуя собой иероглифическое послание для тех, кто будет читать его с орбиты. Пока мы были внизу, температура упала, и налетевший ветер заставил меня поежиться. В памяти всплыли слова Сунь Липин.

«Вариант Роулинга».

Именно вирус Роулинга уничтожил Инненинскую высадку. Заставил Джимми де Сото перед смертью выцарапать собственный глаз. В свое время новейшая разработка, теперь же – дешевая дрянь из армейских закромов. Единственный вирусный софт, который в своих обстоятельствах могли себе позволить войска Кемпа.

Времена меняются, но законы рынка непреходящи. История движется вперед, настоящие мертвецы остаются мертвецами.

А остальные продолжают жить.

Вернулся Хэнд с двумя банками кофе из автомата. С виноватым видом протянув мне одну из них, он облокотился о заграждение рядом со мной.

– Ну, что ты думаешь? – спросил он через какое-то время.

– Думаю, что кофе этот – полное дерьмо.

Он издал смешок:

– Что ты думаешь о нашей команде?

– Сойдут, – я отхлебнул из банки и угрюмо уставился на замерший город. – Я не в бешеном восторге от ниндзя, но у него есть кое-какие ценные навыки и, судя по всему, готовность умереть при исполнении, что всегда большой плюс для солдата.

Сколько уйдет на подготовку клонов?

– Два дня. Может, чуть меньше.

– И вдвое больше на то, чтобы эти люди освоились в новых оболочках. Мы можем провести тренировку в виртуале?

– Почему бы и нет. ВИИ может со стопроцентной точностью отрендерить всех клонов по компьютерным данным из биолаборатории. Временно́е соотношение триста пятьдесят к одному позволит команде провести в новых оболочках целый месяц, причем на местности, в конструкте Дангрека, и все это за пару часов реального времени.

– Отлично, – сказал я, а сам задался вопросом, почему же мне так нехорошо.

– У меня самого остались сомнения только по поводу Сутьяди. Я не уверен, что от подобного человека можно ждать безупречного исполнения приказов.

Я пожал плечами:

– Ну так поставь его командиром.

– Ты шутишь?

– А почему нет? Квалификация у него для этого подходящая. Соответствующее звание, соответствующий опыт. Не склонен предавать своих людей.

Хэнд промолчал. Даже на полуметровой дистанции я чувствовал, как он хмурится.

– Чего?

– Ничего, – он прочистил горло. – Я просто. Полагал. Что командование захочешь принять ты.

Я снова увидел свой взвод под градом «умной» шрапнели. Вспышка, взрывы, а затем – брызжущие во все стороны жадно шипящие осколки, раздирающие сверкающую серебристую завесу дождя. И фоном – треск бластерных выстрелов, словно звук рвущейся материи.

Крики.

Я не испытывал ни малейшего желания улыбаться, однако же улыбка все-таки появилась на моем лице.

– Что смешного?

– Ты же читал мое досье, Хэнд.

– Читал.

– И тем не менее решил, что я захочу принять командование? Ты что, долбанулся?

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Выпитый кофе не давал мне заснуть.

Хэнд отправился в койку – или куда он там заползал на то время, когда у «Мандрейк» отпадала в нем надобность, – и оставил меня любоваться ночной пустыней. Я поискал в небе Сол и обнаружил на востоке в верхней точке созвездие, которое местное население называло Домом Большого Пальца. В сознании всплыли слова Хэнда:

«…Так далеко от Земли, что придется изрядно потрудиться, чтобы рассмотреть Сол в ночном небе. Нас доставил сюда ветер, реющий в измерении, которое мы не можем увидеть или потрогать. Мы, точно сны, хранимся в сознании машины…»

Я раздраженно отогнал воспоминание.

Земля даже не место моего рождения. Она для меня олицетворяет дом не больше, чем Санкция IV, а если мой отец в промежутках между вспышками пьяной агрессии хоть раз и показывал на небе Сол, я этого не помню. Важность этой точки я понимал только по дискам. А звезды, вокруг которой вращался Харлан, отсюда даже не было видно.

Возможно, в этом и дело.

А возможно, дело в том, что мне довелось там побывать, на легендарной родине человеческой расы, и теперь, стоило мне поднять голову к небу, в сиянии звезды мне виделось вращающееся вокруг нее небесное тело, крутящийся вокруг своей оси мир; город у моря, погружающийся во тьму с наступлением ночи и снова поворачивающийся к свету с началом дня; припаркованная где-нибудь полицейская патрульная машина и лейтенант полиции, которая пьет кофе такой же дрянной, как и мой, и, возможно, думает…

«Прекрати, Ковач.

К твоему сведению, свет, который достиг сейчас твоих глаз, покинул свой источник за пятьдесят лет до ее рождения. А оболочке, мечтам о которой ты тут предаешься, перевалило уже за шестьдесят, если она ее, конечно, еще носит. Хватит».

Да хватит, хватит, кто бы спорил…

Я залпом проглотил остатки кофе, поморщившись, когда холодный напиток скользнул в желудок. Горизонт на востоке уже начинал светлеть, и меня неожиданно охватило страшное нежелание встречать здесь восход. Я оставил бумажный стаканчик из-под кофе стоять в карауле на парапете и, лавируя между столами и стульями, двинулся к ближайшему лифтовому терминалу.

Лифт опустил меня на три этажа, и, пройдя по мягко закругляющемуся коридору, я добрался до своих апартаментов, никого не встретив по пути. Я вытягивал из двери сканер сетчатки на его тоненьком, как ниточка слюны, кабеле, как вдруг

в поддерживаемой автоматикой тишине коридора послышались шаги. Я прижался к стене, доставая правой рукой из-за пояса интерфейсный пистолет, который прихватил с собой в силу привычки.

Просто нервы.

«Ты в Башне „Мандрейк“, Ковач. На ВИП-этаже. Сюда без пропуска даже пылинка не залетит. Возьми себя в руки, будь любезен».

– Ковач?

Таня Вардани.

Я сглотнул и отшагнул от стены. Вардани вышла из-за поворота и остановилась. В ее позе сквозила некоторая необычная для нее неуверенность.

– Извини. Я тебе напугала?

– Нет, – я снова взял сканер, успевший втянуться обратно в дверь, пока я доставал «калашников».

– Ты что, всю ночь не спал?

– Всю ночь, – я приложил сканер к глазу, и дверь сложилась. – А ты?

– Ну, так. Я попыталась заснуть пару часов назад, но… – она пожала плечами. – Слишком взвинчена. Вы закончили?

– Рекрутирование?

– Да.

– Да.

– И как они?

– Годятся.

Дверь робко звякнула, пытаясь обратить внимание на факт, что в нее так никто и не вошел.

– Ты не?..

– Не желаешь?.. – я сделал приглашающий жест.

– Спасибо, – она неловко сдвинулась и перешагнула порог.

Уходя, я оставил стеклянные стены гостиной полупрозрачными. Огни города мерцали на дымчатой поверхности, как жар-рыба в сетях миллспортского траулера. Вардани остановилась посреди изысканно обставленной комнаты и обернулась.

– Я…

– Присаживайся. Все, что лиловое, – это кресла.

– Спасибо, я все никак не могу привыкнуть…

– Последнее слово техники, – я стал наблюдать, как она присаживается на край одного из модулей и тот безуспешно порывается подняться и обвиться вокруг ее тела. – Что-нибудь выпьешь?

– Да нет. Спасибо.

– Как насчет трубочки?

– Ой, господи, нет.

– Ну как оборудование?

– Хорошее, – она кивнула скорее собственным мыслям, чем мне. – Да. Годится.

– Ну и хорошо.

– Ты как считаешь, мы скоро начнем?

– Я… – сморгнув, избавляясь от ряби в глазах, я прошел к соседнему креслу и устроил целое шоу, пытаясь усесться. – Мы ждем решения сверху. Ты же знаешь.

– Знаю.

Мы оба помолчали.

– Думаешь, они это сделают?

– Кто? Картель? – я отрицательно качнул головой. – Разве что в самом крайнем случае. Скорее уж Кемп. Слушай, Таня. Этого вообще может не произойти. Но в любом случае ни один из нас не может ничего с этим сделать. Слишком поздно пытаться что-то предотвратить. Так устроена война. Упразднение индивидуальности.

– Это что? Какая-то куэллистская эпиграмма?

Я улыбнулся:

– В вольном пересказе. Хочешь узнать, что говорит Куэлл по поводу войн? По поводу любых конфликтов, подразумевающих применение насилия?

Она беспокойно шевельнулась в кресле:

– Не особенно. Хотя ладно, давай. Почему бы и нет. Вдруг услышу что-нибудь новенькое.

– Она говорит, что причиной войн являются гормоны. По большей части мужские. Совершенно не важно, кто выиграет, а кто проиграет, важно только получить гормональный выброс. Она об этом написала стихотворение, во времена, когда еще не ушла в подполье. Как там…

Я закрыл глаза и перенесся мыслями на Харлан. Конспиративный дом в холмах над Миллспортом. Ворованное биотехоборудование в углу, клубы трубочного дыма, шумное празднование успешно завершившейся операции. Ленивые споры о политике с Вирджинией Видаурой и ее командой, печально известными Голубыми Жучками. Перебрасывание куэллистскими цитатами и стихами.

– У тебя что-то болит?

Я открыл глаза и бросил на нее укоризненный взгляд:

– Таня, эти вещи написаны по большей части на стрип-япе. Это лингва франка на Харлане. Я пытаюсь вспомнить амеранглийскую версию.

– Ну, выглядит так, будто тебе от этого больно. Ты уж особенно-то ради меня не старайся.

Я поднял руку.

– Значит, так:

Мужеский пол,
Вы уймите гормоны,
Тратьте их в стонах
Иного калибра.
(А мы подбодрим вас: «Заряд-то немаленький».)

Самодовольство
Тестостероновое
Вас подведет;
Все просрете, что можете.
(Вы нас подбодрите: «Цена ж невеликая».)

Я откинулся на спинку кресла. Вардани шмыгнула носом.

– Довольно странные строки для революционерки. Она разве не была лидером какого-то кровавого восстания? Сражалась до последней капли крови против тирании Протектората или что-то в таком роде?

– Ага. Даже нескольких кровавых восстаний на самом деле. Но свидетельств тому, что она действительно умерла, нет. Она исчезла во время последней битвы за Миллспорт. Ее стек так и не нашли.

– Я не очень понимаю, как штурм врат Миллспорта сочетается с этим стихотворением.

Я пожал плечами:

– Ну, ее взгляды на истоки насилия не изменились, даже когда она в нем погрязла с головой. Наверное, она просто поняла, что избежать насилия невозможно. Поэтому, чтобы приспособиться к действительности, ей вместо взглядов пришлось изменить свои действия.

– Так себе философия.

– Так себе, да. Но куэллизм никогда не упирал на догму. Единственным кредо, которое исповедовала Куэлл, было: «Признавайте факты». Она хотела, чтобы это написали на ее могиле. ПРИЗНАВАЙТЕ ФАКТЫ. То есть обращайтесь с ними творчески, не игнорируйте, не списывайте со счетов как исторический балласт. Она всегда утверждала, что войну нельзя держать под контролем. Даже когда сама ее развязала.

– Довольно пораженческий подход.

– Ничуть. Всего лишь констатация существующей опасности.

Признание факта. Не начинай войну, если можешь этого избежать. Поскольку, когда она начнется, никто не сможет удержать ее в разумных рамках. Никто не сможет ничего сделать, кроме как пытаться выжить, пока она идет своим гормональным путем. Вцепиться в поручень и ждать, когда все уляжется. Остаться в живых и дотянуть до конца срока службы.

– Ну-ну, – она зевнула и посмотрела в окно. – Я плохо умею ждать, Ковач. Казалось бы, профессия должна была научить меня выдержке, – неуверенный смешок. – Профессия, ну и… лагерь…

Я вскочил:

– Давай-ка я все-таки принесу трубку.

– Нет, – она не шевельнулась, но голос ее звучал глухо. – Мне не нужно забыться, Ковач. Мне нужно…

Она откашлялась:

– Я хочу, чтобы ты кое-что сделал для меня. Со мной. То, что ты со мной уже делал. Я имею в виду, делал прежде. Это… – она перевела взгляд на свои руки, – оказало на меня эффект. Неожиданный.

– А, – я снова сел. – Ты об этом.

– Да, об этом, – сказала она чуть рассерженно. – Полагаю, тут есть своя логика. Это же процесс, нацеленный на изменение эмоционального состояния.

– Именно так.

– Именно так. Ну вот мне сейчас необходимо изменить одну конкретную эмоцию, и я не вижу другого способа добиться этого, кроме как через перепихон с тобой.

– Не уверен, что…

– А мне плевать, – сказала она яростно. – Ты что-то во мне изменил. Ты что-то во мне *исправил*, – ее голос стал тише. – Наверное, я должна испытывать благодарность, но испытываю нечто другое. Я не чувствую себя благодарной, я чувствую себя *исправленной*. Это твоих рук дело. Дисбаланс во мне. Я хочу получить обратно недостающую часть себя.

– Послушай, Таня, ты на самом деле не в той форме, чтобы…

– А, это, – она натянуто улыбнулась. – Я понимаю, что как сексуальный объект я сейчас никого заинтересовать не могу, за исключением разве что…

– Я другое имел в виду…

– …горстки уродов, предпочитающих трахать заморенных подростков. Нет, это надо будет *исправить*. Перейти в виртуал.

У меня возникло ощущение, что все это происходит во сне:

– Ты хочешь заняться этим *сейчас*?

– Да, хочу, – она отстегнула мне еще одну улыбку. – Мне это мешает спать, Ковач. А мне необходимо высыпаться.

– Ты уже придумала, куда мы можем для этого пойти?

– Да, – все это походило на детскую подначку на слабо́.

– Ну и куда?

– Вниз, – она поднялась и посмотрела на меня сверху вниз. – Знаешь, для человека, которому вот-вот обломится, ты задаешь слишком много вопросов.

* * *

«Вниз» располагалось примерно на среднем этаже Башни и, как известил лифт, именовалось рекреационным уровнем. Двери разъехались, открыв взгляду лишенное перегородок пространство фитнес-центра. Тренажеры притаились в сумраке, словно грозные насекомые. У задней стены растянулась паутина кабелей, шедших от дюжины стоек виртконтакта.

– Что, прямо здесь? – беспокойно поинтересовался я.

– Нет. Закрытые кабины сзади. Пойдем.

Мы двинулись сквозь лес замерших машин. Свет вокруг них вспыхивал при нашем приближении и снова гас, когда мы проходили мимо. Я наблюдал за происходящим из неврастенического грота, который разрастался вокруг меня, будто коралл, с момента, когда я еще был на крыше. Слишком много времени в виртуальности иногда может вызвать такой эффект. После того как из нее выходишь, в голове начинает словно бы саднить: появляется неприятное ощущение, что реальности не хватает резкости; рассудок то затуманивается, то проясняется, – наверное, так чувствуешь себя на грани безумия.

И новая порция виртуальности – определенно *не лучшее* лекарство от этого.

Кабин было девять – пронумерованные модули, волдырями вздувшиеся на дальней стене. Седьмой и восьмой были приоткрыты, из дверей сочилось неяркое оранжевое сияние. Вардани остановилась перед седьмым, и дверь перед ней распахнулась. Из проема полился ласковый оранжевый свет, настроенный на мягкий гипнорежим. Деликатное свечение. Вардани обернулась ко мне.

– Заходи, – сказал она. – Восьмой – вспомогательный к седьмому. Нажми «по взаимному согласию» на панели меню.

И шагнула в теплое оранжевое сияние.

В восьмом модуле кто-то решил покрыть стены и потолок эмпатистскими психограммами, которые в освещении гипнорежима казались просто беспорядочным набором пятен и завитушек. Но, с другой стороны, эмпатистское искусство так по

большей части для меня и выглядело при любом освещении. В модуле было тепло, но не жарко. Возле дивана с подстройкой под тело стояла сложно закрученная металлическая спираль, выполнявшая роль вешалки.

Я снял одежду, лег на диван, надел шлем и, дождавшись появления дисплеев, выбрал опцию взаимного согласия. Я чуть не забыл отключить блокировку физиологической обратной связи и успел сделать это буквально за секунду перед загрузкой.

Оранжевый свет словно уплотнился, превратившись в подобие тумана, в котором плыли завитушки и пятна психограмм, походя то ли на сложные уравнения, то ли на снующую в воде живность. На какое-то мгновение я задумался, специально ли художник заложил эти ассоциации – эмпатисты странный народ, – но тут оранжевый туман начал редеть, таять, словно пар, и я оказался посреди огромного туннеля из черных решетчатых металлических панелей, освещенного только красными вспышками светодиодов, череда которых тянулась в обе стороны, теряясь в бесконечности.

Из решетки прямо передо мной появился еще один сгусток оранжевого тумана, из которого сформировалась определенно женская фигура. Я как зачарованный смотрел, как из этого общего контура постепенно проступают черты Тани Вардани – сначала ее окутывал сплошной мерцающий оранжевый дым, затем дымная вуаль, затем обрывки вуали, и наконец не осталось ничего.

Бросив взгляд на себя, я обнаружил, что тоже обнажен.

– Добро пожаловать в загрузочный отсек.

Я снова поднял голову, и в голове сразу промелькнула мысль, что Таня уже поработала над своим внешним видом. По большей части конструкты воспроизводятся на основе образа, хранящегося в памяти, автоматически отсекая слишком уж оторванные от реальности представления, – в итоге человек предстает практически как есть на самом деле, минус пара кило и, может быть, плюс пара сантиметров. Версия Тани Вардани, стоявшая передо мной, не имела таких расхождений с оригиналом – единственное, что было новым, это общее впечатление физического здоровья, которого пока еще не было в реальности; или, возможно, просто ушло общее впечатление *нездоровья*. Глаза были менее запавшими, щеки и скулы менее выступающими. Под слегка округлившейся грудью все еще выпирали ребра, но худоба была намного менее выраженной, чем я мог себе представить, когда видел ее одетой.

– В лагере с зеркалами туго, – сказал она, видимо, что-то прочитав на моем лице. – Если не считать места, куда тебя

приводят на допрос. А от своего отражения в оконных стеклах со временем приучаешься отворачиваться. Я, наверное, все еще выгляжу намного хуже, чем думаю. Особенно после той заплаты, которую ты мне поставил в прошлый раз.

Я не смог придумать никакого мало-мальски подобающего ответа.

– Ты же, напротив… – она шагнула вперед и сжала рукой мой член. – Ну-ка, что у нас тут.

Эрекция возникла почти мгновенно.

Может, так были настроены протоколы системы, может, я слишком давно не получал разрядки. А может, причина крылась в некоем нечистом предвкушении обладания этим телом, на котором оставили свою печать лишения. Печать достаточно явную, чтобы тонко намекнуть на перенесенное жестокое обращение, и недостаточно четкую, чтобы вызвать отвращение. «Уроды, предпочитающие трахать заморенных подростков»? Трудно предугадать, как в этом отношении проявит себя боевая оболочка. Или вообще, если уж на то пошло, оболочка мужского пола. Что течет в нашей крови, в этих гормональных глубинах, где тесно переплетаются корни секса, насилия и власти? Эта бездна темна и непроглядна. Неизвестно, что в ней может обнаружиться при раскопках.

– Вот и славно, – выдохнула она, приблизив губы к моему уху и не убирая руки. – Но я ожидала большего. Ты плохо о себе заботился, боец.

Другая ее рука провела по моему животу от основания члена до ребер. Словно инструмент плотника, полирующего доску, ладонь Вардани повлекла за собой складку жира, которая уже начала образовываться вокруг искусственно наращенной брюшной мускулатуры моей клонированной оболочки. Я опустил глаза и, слегка содрогнувшись, увидел, что жировая прослойка и впрямь начала сходить, истаивая по ходу продвижения вверх ее прижатой к коже ладони. По животу разлилось приятное тепло, словно от глотка виски.

– Сис-темная м-магия, – выдавил я сквозь спазм, настигший меня, когда плотно сжатая на члене рука Тани заскользила вперед, а другая заново начала разглаживать.

Я в свою очередь потянулся к Вардани, но та отпрянула.

– Не-а, – она отступила еще на шаг. – Я еще не готова. Смотри на меня.

Она подняла руки и прикоснулась к грудям. Тыльной стороной ладоней приподняла их и отпустила снова, и они стали больше и полнее. Соски – на одном из них прежде, кажется, была трещина? – набухли, потемнели и заострились, словно

шоколадные наконечники, венчающие медную кожу.

– Нравится? – спросила Вардани.

– Даже очень.

Ее раскрытые ладони снова накрыли груди и произвели несколько круговых массирующих движений. На этот раз, после того как она опустила руки, ее грудь размером уже почти сравнялась с не подчинявшимися гравитации формами наложниц Джоко Роспиноджи. Заведя руки за спину, Вардани проделала нечто аналогичное с ягодицами и повернулась, чтобы показать мне их преувеличенную, мультяшную округлость. Наклонившись вперед, она развела их в стороны.

– Лижи, – приказала она с неожиданной требовательностью.

Я опустился на колено и прижался лицом, выставив язык и обрабатывая напряженное отверстие сфинктера. Обвив рукой одну из ее длинных ног, чтобы не потерять равновесие, другой рукой я потянулся вверх и обнаружил, что Вардани уже вся мокрая. Подушечка моего большого пальца скользнула в нее спереди, в то время как язык все глубже проникал сзади, и я принялся мягко оглаживать внутреннюю поверхность обоих отверстий синхронными круговыми движениями. Она издала горловой звук, и мы

Переместились

в текучую синеву. Пол исчез, так же как и гравитация по большей части. Я задергал руками и выпустил Вардани. Она плавно обернулась и обвилась вокруг меня, как белаводоросль вокруг камня. Жидкость, в которой мы находились, не была водой; мы в ней скользили и свободно дышали ею, словно воздухом. Я набрал ее полные легкие, когда Вардани, покусывая мою грудь и живот, стала опускаться ниже и ниже, пока наконец ее руки и рот не нашли мой член.

Я продержался недолго. Дрейфуя в беспредельной синеве и чувствуя, как прижимаются к моим ногам свежеувеличенные груди Тани Вардани, как скользят по коже ее соски, как движутся вокруг моей плоти ее рот и пальцы, я едва успел заметить свет над нашими головами, и тут же мышцы моей шеи начали сокращаться, заставляя голову откинуться назад, а напряженные до предела нервы приготовились к последнему кульминационному моменту.

В конструкт был встроен скретч-эффект вибратоповтора. Мой оргазм длился более тридцати секунд.

Когда он начал заканчиваться, я увидел проплывавшую мимо Таню Вардани с развевающимися вокруг лица волосами и ниточками моего семени, тянущимися от ее усмехающегося рта вместе с пузырьками воздуха. Я рванулся и схватил ее за ногу,

притягивая обратно.

Когда мой язык вошел в нее, она выгнулась, и с ее губ сорвалась новая порция воздушных пузырьков. Звук ее стона волной прошел по окружавшей нас жидкости и самолетным рокотом отозвался в нижней части моего живота. Я ощутил, как ответно напряглось мое тело. Я проник языком еще глубже, перестав дышать и обнаружив, что, оказывается, уже довольно давно не нуждаюсь в воздухе. Вардани извивалась все сильнее, и ей пришлось обхватить меня ногами, чтобы удержаться на месте. Я захватил ее ягодицы и крепко сжал их, погрузив лицо в складки промежности, затем снова скользнул большим пальцем в ее отверстие и – вдобавок к спиральному вращению языка – возобновил мягкие круговые движения. Ее тело уже не извивалось, а бешено содрогалось, стоны превратились в продолжительный крик, заглушивший все прочие звуки, как рокот прибоя. Я втянул губами ее клитор. Она замерла и вскрикнула, после чего ее тело несколько минут билось в судорогах оргазма.

Мы выплыли на поверхность вместе. Астрономически неправдоподобное гигантское красное солнце клонилось к горизонту, окрашивая воду, неожиданно снова ставшую водой, в многоцветье витражного стекла. На востоке высоко в небе красовались две луны, а позади нас волны катились на белый песчаный берег, окаймленный рядом пальм.

– Это ты? Ты написала? – спросил я, кивая на открывавшийся перед нами вид.

– Куда там, – она вытерла глаза и откинула назад волосы. – Взяла готовую. Я днем посмотрела, что у них там есть в ассортименте. А что, тебе нравится?

– Пока да. Но что-то мне подсказывает, что это солнце – астрономическая невероятность.

– Ну, возможность дышать под водой тоже не больно-то реалистичная штука.

– Мне возможности дышать не представилось, – я поднял руки, словно клешни, имитируя захват, в который она недавно взяла мою голову, и изобразил на лице удушье. – Ничего не напоминает?

К моему изумлению, она залилась краской. Потом рассмеялась, плеснула мне в лицо водой и устремилась к берегу. Я какое-то время оставался на месте, тоже смеясь, затем поплыл за ней.

* * *

Песок был теплым, рассыпчатым, и системно-магически не лип к коже. За полосой пляжа росли пальмы, с которых периодически падали кокосы, которые, если их не подбирали, через некоторое время распадались на кусочки, и кусочки эти растаскивали крохотные пестрые крабы, похожие на самоцветы.

У кромки моря мы снова занялись сексом. Таня Вардани оседлала мой член, угнездив свой мягкий, теплый, гипертрофированно пышный зад на моих скрещенных ногах. Я зарылся лицом между ее грудями и, держа ее за бедра, нежно двигал вверх и вниз до тех пор, пока ее тело снова не начали сотрясать судороги, которые, подобно лихорадке, тут же передались и мне. Скретч-подпрограмма имела встроенную систему резонанса, за счет чего оргазм бесконечно долго переходил от меня к Тане и обратно, словно осциллирующий сигнал, то накатывая, то ослабевая.

Это была любовь. Идеальная гармония страсти, конденсированная, дистиллированная и усиленная до предела.

– Ты отрубил фильтры? – слегка задыхаясь, спросила она меня, когда все закончилось.

– Разумеется. Ты же не думаешь, что я собирался пройти через вот это все и в итоге *продолжать* лопаться от спермы и гормонов?

– «Пройти через вот это все»? – она гневно подняла голову.

Я ухмыльнулся в ответ:

– Само собой. Это же ради *тебя* затевалось, Таня. Меня бы здесь не было, если бы не… Э! Песком, чур, не швыряться!

– Сукин ты…

– Ах ты…

Одной рукой я отмахнулся от летящего в лицо песка, а другой столкнул ее в полосу прибоя. Она со смехом опрокинулась на спину. Пока она поднималась, я гротескно раскорячился в боевой стойке а-ля Микки Нозава. Что-то в стиле «Демонов кулак сирены».

– Не смей прикасаться ко мне своими грязными руками, женщина!

– Похоже, ты только и ждешь, чтобы к тебе прикоснулись, – парировала она, отбрасывая волосы и указывая вниз.

Что было правдой. Вид ее покрытого каплями воды роскошного системно-магического тела снова разослал сигналы моим нервным окончаниям, и головка пениса уже снова начала набухать, как спеющая слива в ускоренном режиме.

Я вышел из оборонительной стойки и оглядел конструкт:

– Знаешь, Таня, готовый он или нет – хорошая, елки-палки, штука.

– Номер один по версии журнала «Киберсекс и ничего кроме», – она пожала плечами. – Я рискнула положиться на их выбор. Хочешь, снова попробуем под водой? Или, может, пойдем к водопаду? Он там, за деревьями.

– Звучит заманчиво.

Проходя мимо переднего ряда пальм, чьи фаллические стволы поднимались из песка, точно шеи динозавров, я подобрал только что упавший кокос. Крабики с космической скоростью разбежались, попрятавшись по норкам и осторожно высовывая оттуда стебельки глаз. Я повертел кокос в руках. От зеленой скорлупы при падении отлетел кусок, обнажив мягкую пористую плоть. Приятный штрих. Я проткнул внутреннюю пленку пальцем и, запрокинув плод над головой как флягу, отпил. Молоко оказалось нереалистично прохладным.

Еще один приятный штрих…

Войдя в лес, я обнаружил, что под ноги не попадаются ни острые камешки, ни насекомые. Где-то поблизости раздавался отчетливый шум и плеск воды. Между пальмовыми стволами вилась тропа, ведя на юг, к источнику звука. Держась за руки, мы зашагали вперед. Над головами в густой листве тропического леса сновали яркие птицы и маленькие обезьянки, издающие подозрительно музыкальные крики.

Водопад состоял из двух ярусов: длинная струя низвергалась в широкий бассейн, откуда, пробравшись сквозь камни и стремнины и слегка укоротившись, устремлялась в бассейн меньшего размера. Я подошел к краю чуть раньше Тани и, раскинув руки, встал на мокрых камнях, глядя вниз. Подавил ухмылку. Идеальный момент, чтобы столкнуть меня вниз. Я буквально напрашивался на полет.

Но ничего не произошло.

Я обернулся и увидел, что она слегка дрожит.

– Эгей, Таня, – я взял ее лицо в ладони. – Что не так? Что случилось?

Но я знал, что, *вашу мать*, случилось.

Потому что методики методиками, а лечение – это сложный, мучительно медленный процесс, и стоит на секунду расслабиться, все может полететь к чертям.

Лагерь, *мать его*.

Легкое возбуждение улеглось, испарилось из моей системы, как слюна от вкуса лимона во рту. Ярость волной прокатилась по телу.

Война, *мать ее*.

Если бы со мной в этом эдемском уголке сейчас оказались Айзек Каррера и Джошуа Кемп, я бы голыми руками вырвал бы у

обоих кишки, завязал в узел, швырнул вниз обоих и стал бы смотреть, как они там тонут.

«В этой воде не утонешь, – усмехнулся мой внутренний, высокомерный, все контролирующий и никогда не спящий посланник. – *В этой воде можно дышать. А вдруг людям вроде Кемпа и Карреры нельзя? Ага, как же».*

И тогда вместо всего этого я обхватил Таню Вардани за талию, крепко прижал к себе и прыгнул за нас обоих.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Я пришел в себя. Ноздри щекотал запах щелочи, а живот был липким от свежей спермы. Яйца болели так, словно по ним пнули. Дисплей над головой выключился, перейдя в режим ожидания. В углу мерцал таймер. Я провел в виртуале меньше двух минут реального времени.

Осоловело моргая, я принял вертикальное положение.

– Ни хе-ра же се-бе, – я прочистил горло и посмотрел по сторонам. За диваном обнаружился рулон свежих самоувлажняющихся полотенец, предназначенный, по всей видимости, именно для такой надобности. Я оторвал солидный кусок и вытер пах, все еще моргая в попытке избавиться от остатков виртуальности, стоящих перед глазами.

Мы трахнулись под водопадом: расслабленный подводный секс, после того как Таня перестала наконец дрожать.

Мы трахнулись на пляже.

Мы трахнулись в загрузочном отсеке, на прощание.

Я оторвал от рулона еще кусок, вытер лицо и глаза. Медленно оделся, засунул за пояс пистолет, поморщившись, когда он коснулся моего ноющего паха. Найдя взглядом зеркало на стене, я уставился в него, пытаясь разобраться, что же все-таки произошло со мной в виртуальности.

Посланнический психоклей.

Я, не задумываясь, применил его на Вардани, и в результате она действительно пришла в норму. Чего я и добивался. Приобретенная в итоге зависимость – последствие практически неизбежное, ну так и что с того? Подобные вещи немного значат для чрезвычайного посланника при обычном раскладе: действовать чаще всего приходится в боевой обстановке, где и без того хватает забот; ко времени, когда зависимость может превратиться для пациента в проблему, посланник зачастую уже где-то далеко. Необычным нынешний расклад сделала та восстановительная процедура, которую Вардани сама себе

назначила, а затем и организовала.

Я не мог предсказать, какой будет эффект.

Мне о подобном не доводилось слышать. Не доводилось даже видеть.

Я не мог понять, какие чувства это вызывало у меня.

И не приближался к пониманию, глазея на свое отражение в зеркале.

Скорчив ему недоуменную мину и пожав плечами, я усмехнулся и вышел из камеры в предрассветный полумрак, окутывавший замершие машины. Вардани ждала снаружи возле открытых стоек и была

Не одна.

Это осознание, мучительно запоздалое, резануло по моим измочаленным нервам, и тут же сзади в шею мне уперлось кольцо с острием посредине, в котором я безошибочно распознал излучатель «санджета».

– Резких движений не нужно, дружище, – проговорил голос со странным акцентом, с экваториальной гнусавинкой, которую не смог замаскировать даже голосовой модулятор. – А то тебе и подружке твоей головы не сносить.

Рука профессионально обшарила мою талию, вытащила «калашников» и отбросила в угол. Пистолет с приглушенным стуком упал на ковровое покрытие и слегка проехал по нему вперед.

Попытаемся определить.

Экваториальный акцент.

Кемписты.

Я взглянул на Вардани, на ее странно обмякшие руки и на человека, прижимавшего к ее затылку бластер меньшего размера. На преступнике был плотно облегающий черный камуфляж, лицо скрывала маска из прозрачного пластика, поверхность которой волнообразно колебалась, искажая черты; глазные отверстия покрывала голубая тонировка.

На спине у субъекта был рюкзак, где, судя по всему, находилось оборудование, которое они использовали, чтобы проникнуть на территорию. Как минимум биометрический сканер, кодовый модулятор систем наблюдения и глушитель сигнала.

Нехеровенькие такие высокие технологии…

– Ну, мужики, вы покойники, – сказал я спокойно, пытаясь создать впечатление, что ситуация меня забавляет.

– Экстрасмешно, дружище, – тот, что держал меня, потянул за руку и развернул лицом к себе, так что излучатель «санджета» оказался прямо перед моим носом. Тот же дресс-код, та же

искажающая черты пластиковая маска. Тот же рюкзак. Чуть поодаль высились еще две столь же одинаковые, как клоны, фигуры, наблюдая за противоположными углами зала. Их «санджеты» были обманчиво небрежно опущены. Мой оптимизм начал затухать, как изображение на выключенном ЖК-дисплее.

Потянуть время.

– Вас кто прислал-то, мужики?

– Все устроено так, – голос из-под маски слышался то четче, то глуше. – Нам нужно ее, ты просто ходячий углерод. Ртом не двигай – может, заберем и тебя, для чистоты. Будешь раздражать меня, я сделаю некрасиво, посмотрю, как твои посланнические мозги размажутся по стене. Мои слова доходят?

Я кивнул, отчаянно стараясь преодолеть посткоитальную вялость, пропитавшую каждый сантиметр моего тела. Слегка изменить позу…

Извлечь из памяти…

– Хорошо. Давай руки.

Левой рукой он достал из-за пояса контактный парализатор, «санджет» в правой при этом даже не дрогнул. По маске пробежало подобие улыбки:

– По одной, конечно.

Я вытянул вперед левую. Подавляя бессильную ярость, напряг за спиной правую так сильно, что ладонь запульсировала.

Маленькое серое устройство коснулось моего запястья, замигал огонек индикатора. Парню, разумеется, пришлось слегка отвести «санджет» в сторону, иначе моя обмякшая рука обрушилась бы на него, как дубина, после нажатия кнопки парализатора…

Вот сейчас… Звук был таким тихим, что даже нейрохимия едва смогла его различить. Тоненький взвизг прорезал кондиционированный воздух.

Парализатор выпустил заряд.

Безболезненно. Холодно. Мини-версия ощущения, которое испытываешь при попадании протонного луча. Рука упала, как дохлая рыбина, все же едва не задев «санджет». Парень слегка дернулся вбок, но это было расслабленное движение. Маска ухмыльнулась:

– Хорошо. Теперь другую.

Я улыбнулся и выстрелил в него…

Гравмикротехнологии – революционный прорыв в области оружейного производства от компании «Калашников».

…от бедра. Трижды в грудь, надеясь, что пули пройдут сквозь броню и попадут в рюкзак. Кровь…

На близкой дистанции интерфейсное оружие АК-S91 может

перелетать прямо к имплантированной во владельца пластине из биосплава.

…брызнула фонтаном, мгновенно пропитав его маскировочный костюм; капли задели мое лицо. Парень пошатнулся, взмахнул «санджетом», словно в укоризненном жесте. Напарники…

Практически бесшумный генератор обеспечивает полный заряд за десять секунд.

…не успели сообразить, что к чему. Забирая слишком высоко, я выстрелил в направлении двоих, стоящих позади, возможно, задев одного. Они откатились в сторону в поисках укрытия. Затрещал ответный огонь, недостаточно, впрочем, меткий.

Я обернулся, волоча онемевшую руку, как наплечную сумку, к Вардани и тому, кто ее удерживал.

– Чувак, не смей, сука, а то…

Я выстрелил в волнующуюся поверхность маски.

Пуля отбросила его метра на три и швырнула в паучьи объятия одного из тренажеров, где он и повис, бессильно обмякнув.

Вардани повалилась на пол как мешок. Я тоже упал, спасаясь от нового залпа «санджетов». Мы приземлились нос к носу.

– Все нормально? – прошипел я.

Она кивнула, прижимаясь щекой к полу. Ее плечи подергивались в попытках пошевелить парализованными руками.

– Отлично. Жди здесь, – закинув за спину свою собственную онемевшую конечность, я принялся высматривать в машинных джунглях двух оставшихся кемпистов.

Бесполезно. Они могли залечь где угодно. Ожидая возможности выстрелить наверняка.

Да ну их нахрен.

Я нацелился на лежащую кулем фигуру командира и двумя выстрелами разнес его рюкзак. Сквозь отверстия в ткани просыпались осколки оборудования.

Система безопасности «Мандрейк» пробудилась.

Вспыхнуло освещение. На крыше заголосили сирены, а из решеток в стенах вылетел насекомый рой нанокоптеров. Коптеры зависли над нами, мигнули стеклянными бусинами глаз и проследовали дальше. Несколькими метрами дальше небольшая их группа открыла лазерный огонь где-то среди тренажеров.

Крики.

Полыхнул выпущенный наудачу разряд «санджета». Попавшие под выстрел нанокоптеры вспыхнули и беспорядочно завертелись, как горящие мотыльки. Остальные принялись поливать участок лазерным огнем с удвоенной силой.

Крики переросли в рыдания. Тошнотворный запах горящей плоти пополз в мою сторону. Я словно домой вернулся.

Рой нанокоптеров развалился, мотыльки, потеряв интерес к происходящему, начали разлетаться. Пара из них напоследок пальнула куда-то вниз. Рыдания стихли.

Тишина.

Вардани, лежавшая рядом со мной, подтянула колени к корпусу и безуспешно пыталась встать. Не до конца окрепшему телу не хватало сил. В ее глазах застыла ярость. Я поднялся, помогая себе здоровой рукой.

– Подожди здесь. Я сейчас.

Повинуясь рефлексу, я подошел, чтобы осмотреть тела, по пути уворачиваясь от отбившихся от роя нанокоптеров.

На масках застыли одеревеневшие усмешки, но отдельная рябь еще пробегала по поверхности пластика. Пока я их разглядывал, под головами лежащих что-то зашипело и вверх повалил дым.

– О, черт.

Я подбежал обратно к тому, которому стрелял в лицо, но там было то же самое. В основании черепа уже выгорело неровное черное отверстие и голова слегка кренилась набок, подпираемая одной из вертикальных стоек тренажера. Огонь нанокоптеров обошел этого стороной. Под аккуратной дырой, проделанной мной в центре маски, скалился в неискренней пластиковой ухмылке рот.

– Вот срань.

– *Ковач.*

– Да-да, извини, – я убрал пистолет и без особенных церемоний поставил Вардани на ноги. У задней стены зала раскрылась дверь лифта, и оттуда вывалился взвод вооруженной охраны.

Я вздохнул:

– Ну сейчас начнется.

Нас заметили. Командир вытащила бластер.

– Стоять! Руки вверх!

Я поднял здоровую руку. Вардани пожала плечами.

– Я не шучу, ребята!

– Мы ранены, – отозвался я. – Контактными парализаторами. А все прочие очень и очень мертвы. Плохиши были оборудованы страховочными модулями автоматического уничтожения стеков. Все кончено. Будите Хэнда.

* * *

Хэнд, учитывая обстоятельства, отнесся к происшедшему достаточно спокойно. Он велел охране перевернуть одно из тел и присел на корточках рядом, ковыряя в обугленном позвоночнике металлическим стилусом.

– Молекулярные капсулы с кислотой, – задумчиво сказал он. – Прошлогодняя разработка «Шорн Биотек». Не знал, что у кемпистов уже такие есть.

– У них есть все то же, что и у вас, Хэнд. Просто в сильно меньших количествах, только и всего. Перечитай Бранковича «Рынки вооружений и эффект просачивания».

– Да, спасибо, Ковач, – Хэнд потер глаза. – У меня докторская степень по инвестициям в условиях военного конфликта. Мне не очень нужны книжные рекомендации дилетанта с претензиями. Что мне, однако, хотелось бы узнать, это что вы делали здесь в такое раннее время?

Мы с Вардани обменялись взглядами. Она пожала плечами.

– Трахались, – сказала она.

Хэнд растерянно мигнул.

– О, – произнес он. – Уже.

– Это еще что должно озна…

– Ковач, ради бога. У меня из-за тебя сейчас мигрень начнется, – он поднялся и кивнул медэксперту, перетаптывающемуся неподалеку. – Ладно, можете их забирать. Проверьте, нет ли совпадений с образцами ткани, полученными в переулке Находок и у Латимерского канала. Файл c221mh. Центральная выдаст коды допуска.

Мертвых погрузили на носилки на воздушной подушке и повезли к лифтам. Хэнд чуть было не засунул стилус в карман, но, опомнившись, передал его последнему из покидавшей зал группы медэкспертов. После чего рассеянно потер пальцы друг о друга.

– Кто-то хочет заполучить вас снова, госпожа Вардани, – сказал он. – Кто-то, не испытывающий недостатка в ресурсах. Полагаю, что это само по себе должно говорить о том, что инвестиция в вас была делом выгодным.

Вардани иронично отвесила еле заметный поклон.

– Этот кто-то к тому же обладает инсайдерскими связями, – мрачно заметил я. – Даже учитывая под завязку набитый оборудованием рюкзак, им ни за что не проникнуть сюда без посторонней помощи. У вас утечка.

– Да, похоже на то.

– Кому ты поручил проверку тех, кто сел нам на хвост возле бара позапрошлой ночью?

Вардани встревоженно посмотрела на меня:

– За нами следили?

Я указал на Хэнда:

– Он утверждает, что да.

– Хэнд?

– Да, госпожа Вардани, все верно. За вами шли до переулка Находок, – его лицо выглядело уставшим, а брошенный на меня взгляд – виноватым. – Думаю, это был Дэн.

– Дэн? Ты серьезно? Черт, недолго же вы даете отдохнуть павшим при исполнении.

– У Дэна есть замороженный клон, – огрызнулся Хэнд. – Это стандартная практика для менеджеров службы безопасности, и перед перезагрузкой ему на поправку была отведена виртуальная неделя психотерапии и полномасштабная увольнительная. Он был годен к службе.

– В самом деле? А вызови-ка его.

В памяти всплыли слова, сказанные мной Дэну в УЛПиО-конструкте: *«Мужчины и женщины, на которых ты работаешь, собственных детей бы продали в бордель, чтобы заполучить то, что я им сегодня показал. Ну и, помимо всего этого, дружок, ты – не представляешь – никакой – ценности».*

Сознание только что убитого человека, не обладающего специальной подготовкой, находится в хрупком состоянии. В такой момент человек легко поддается внушению. А в деле внушения посланники более чем просто мастера.

Хэнд открыл свой аудиотелефон.

– Разбудите Дэн Чжао Юна, пожалуйста, – несколько секунд ожидания. – Ясно. Ну хорошо, попробуйте.

Я покачал головой.

– Старая добрая бравада в стиле «гордо плюнуть в море, в котором чуть не утонул», да, Хэнд? Парень еле оправился от шока смерти, а ты его снова бросаешь на дело, *связанное с предыдущим*? Да ладно, убирай уже свой телефон. Нет там никого. Он тебя продал и смотался, сжимая монетки в кулачке.

На скулах Хэнда обозначились желваки, но он продолжал держать телефон возле уха.

– Хэнд, я практически посоветовал ему это сделать, – он недоверчиво покосился на меня. – Да, вперед. Можешь обвинить во всем меня, если тебе от этого станет легче. Я ему сообщил, что «Мандрейк» на него насрать, а ты тут же доказал это, заключив с нами сделку. А потом поставил его нас охранять, чтобы еще и посыпать рану солью.

– Я его никуда не ставил, черт тебя подери, Ковач, – Хэнд еле удерживался, чтобы не сорваться, на руке, сжимавшей телефон, побелели суставы. – А тебе нечего было лезть к нему с советами.

А теперь заткнись на хрен. *Да*, да, это Хэнд.

Какое-то время он слушал, временами мрачно роняя односложные ответы. Потом захлопнул телефон:

– Дэн выехал с территории Башни на собственном транспортном средстве прошлой ночью. Незадолго до полуночи он скрылся в торговом центре, расположенном в здании Старой клиринговой палаты.

– Плохо в наше время с кадрами, да?

– Ковач, – Хэнд выбросил вперед руку, словно физически пытаясь меня отодвинуть; взгляд его был жёстким от сдерживаемого гнева. – Я ничего не желаю слышать. Хорошо? Не желаю. Ничего слышать.

Я пожал плечами:

– Никто никогда не желает. Потому подобное и продолжает происходить.

Хэнд коротко выдохнул.

– Ковач, я не собираюсь дискутировать с тобой о трудовом законодательстве в пять часов утра, – он повернулся на каблуках. – И вообще, идите оба и приведите себя в порядок. В девять загружаемся в Дангрек.

Я покосился на Вардани и поймал взглядом ее ребячески заразительную ухмылку. Мы словно украдкой взялись за руки за спиной Хэнда.

Сделав десяток шагов, Хэнд остановился. Словно почувствовав.

– Ах, да, – он обернулся к нам. – Кстати. Час назад кемписты взорвали бомбу-«мародер» над Заубервилем. Бомба повышенной мощности, человеческие потери составили сто процентов.

Белая вспышка полыхнула в глазах Вардани, и она отвела от меня взгляд, уставившись куда-то вниз. Губы ее сжались.

Хэнд стоял, наблюдая за этим.

– Я подумал, что вам обоим будет интересна эта новость, – сказал он.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Дангрек.

Небо походило на старую джинсовку – в прорехах линялой голубизны виднелись белые нитки проплывавших в вышине облаков. Сквозь них сочился солнечный свет, достаточно яркий, чтобы заставить меня щуриться. Теплые солнечные пальцы ласково поглаживали кожу. Ветер был немного сильнее, чем в прошлый раз. Порывами налетая с запада, он поднимал легкие клубы радиоактивной пыли, шевелил траву и кусты.

Впереди, на мысе, все еще горел Заубервиль. Полосы дыма, ползущего по джинсовой ткани неба, напоминали жирные разводы.

– Гордишься собой, Ковач? – шепнула мне на ухо Вардани, поднимаясь выше по склону, где обзор был лучше.

Она впервые заговорила со мной с тех пор, как Хэнд огласил свою новость.

Я двинулся вслед за ней.

– Если у тебя есть жалобы, адресуй их Джошуа Кемпу, – сказал я, догнав ее. – И в любом случае не делай вид, что для тебя это неожиданность. Ты не хуже прочих знала, что так случится.

– Да, но сейчас меня слегка переполняют чувства.

Никуда от этого было не деться. Ролик безостановочно крутили на всех экранах по всей Башне «Мандрейк». Сначала – в абсолютной тишине – яркая, бьющая по нервам вспышка, снятая какой-то командой военных документалистов, а затем звук. Бормотание комментатора на фоне громового раската, и ядерный гриб, все шире и шире. Затем пауза и покадровый повтор.

ВИИ заглотил эту информацию и инкорпорировал ее в конструкт, стерев наконец раздражающую серую неопределенность.

– Сутьяди, выводите свою группу, – прогудел голос Хэнда в гарнитуре. Затем последовала порция военного жаргона, и я в раздражении выдернул из уха наушник. Не обращая внимания на топот ног позади нас, я сконцентрировал все внимание на неподвижной голове и шее Тани Вардани.

– Наверное, это была быстрая смерть, – сказала она, по-прежнему глядя на мыс.

– Нет ничего быстрее, как поется в песне.

– Госпожа Вардани, – это был Оле Хансен, в темных, широко расставленных глазах новой оболочки которого каким-то загадочным образом все еще проглядывал электрический огонь его прежних синих глаз. – Нам нужно будет осмотреть участок, определенный под взрывные работы.

Она подавила нечто похожее на смешок и удержалась от остроты, которая напрашивалась сама собой.

– Да, конечно, – сказала она вместо этого. – Идите за мной.

Они пошли по склону в другую сторону, по направлению к берегу.

– Эй! Посланничек!

Я неохотно повернулся и увидел Иветту Крукшенк, неуверенно вышагивающую вверх по склону в своей маорийской оболочке. На груди ее болтался «санджет», телескопические очки были сдвинуты на лоб. Я стал ждать, пока она вскарабкается, и

она наконец добилась цели, всего два раза споткнувшись в высокой траве.

– Как новая оболочка? – крикнул я, когда она запнулась во второй раз.

– Слегка… – крикнула она в ответ, покачала головой, подошла ко мне и продолжила уже нормальным голосом, – непривычная, если понимаешь, о чем я.

Я кивнул. Мое первое переоблачение случилось, по субъективной оценке, тридцать лет назад, объективно же миновало уже почти два столетия, но такое не забывается. Первоначальный шок перезагрузки навсегда остается в памяти.

– И какая-то, сука, *бледная*, – она ущипнула кожу на запястье и фыркнула. – Чего это мне не досталась такая же раскрасивая черная упаковка, как у тебя?

– Меня-то не убивали, – напомнил я. – Кроме того, когда начнет припекать радиация, ты еще переменишь мнение. Тому, что на тебе надето, потребуется где-то половина дозы антирадпрепаратов, которую придется принять мне, чтобы остаться на ногах.

Она нахмурилась:

– Ну, в конце-то концов радиация положит нас всех, разве нет?

– Это же всего-навсего оболочка, Крукшенк.

– Так-то оно так, но не одним же посланникам хочется выглядеть *круто*, – она издала короткий смешок и перевернула свой «санджет», удерживая его за короткий, толстый ствол слишком изящной рукой. Переведя взгляд с разрядного канала на меня, она прищурилась:

– Так что, думаешь, мог бы запасть на оболочку беляночки типа этой?

Я поразмыслил. Маорийская боевая серия отличалась удлиненными конечностями и широкими грудью и плечами. Кожа многих из них, как и той, что стояла передо мной, действительно имела бледный тон, и сразу после клонирования этот эффект проявлялся особенно ярко; но лица характеризовались высокими скулами, широко посаженными глазами, рельефными носами и губами. *«Беляночка»* было все же некоторым преувеличением. А что касается фигуры, то даже и под бесформенным хамелеохромным комбинезоном…

– Будешь так приценяться, – сказала Крукшенк, – придется что-нибудь купить.

– Пардон. Просто серьезно задумался над вопросом.

– Ну-ну. Проехали. Я не так уж заморачивалась по поводу ответа. Ты здесь был на задании?

– Пару месяцев назад.

– И как?

Я пожал плечами:

– Стреляют. В воздухе свистят куски металла, ищут цель. Все довольно обычно. А что?

– Говорят, что «Клину» хорошо досталось. Это правда?

– Ну, мне, по крайней мере, показалось именно так.

– А с какой тогда стати Кемп вдруг решает при своем-то преимуществе собрать манатки и шарахнуть бомбой на прощание?

– Крукшенк, – начал я и остановился, не зная, как пробиться сквозь облекающую ее броню юности.

Ей было двадцать два, и, как все двадцатидвухлетние, она полагала себя бессмертным центром Вселенной. Да, ее уже разок убили, но пока что это только доказало справедливость тезиса о бессмертии. Ей и в голову не могло прийти, что может существовать картина мира, в которой ее взгляды не только малозначащи, а попросту нерелевантны.

Она ждала ответа.

– Слушай, – сказал я наконец. – Мне никто не сообщал, за что мы тут сражались, и, судя по тому, что нам удалось выудить на допросах из пленных, им, похоже, тоже. Я давно оставил попытки постичь смысл этой войны и советую тебе сделать то же самое, если собираешься ее пережить.

Она удивленно подняла брови, что ей пока еще трудно давалось в новой оболочке:

– Так, значит, ты не знаешь?

– Нет.

– Крукшенк! – даже с вынутым наушником я прекрасно услышал доносящийся из гарнитуры пронзительный голос Маркуса Сутьяди. – Не соизволишь ли наконец спуститься и начать отрабатывать свое жалованье, как и все остальные?

– Иду, кэп.

Она состроила огорченную гримасу и двинулась по склону. Через пару шагов остановилась и оглянулась на меня.

– Эй, посланничек.

– Да?

– По поводу того, что «Клину» тогда досталось. Это я не в осуждение. Просто повторила, что слышала.

Из-за такого проявления чуткости я не мог не ухмыльнуться.

– Расслабься, Крукшенк. Мне на это насрать. Меня куда сильнее зацепило, что ты на меня фыркнула, когда я на тебя глазел.

– А, – она ухмыльнулась в ответ. – Ну я ж, в конце концов,

сама напросилась, – она перевела взгляд на мой пах, скосив глаза к носу шутки ради. – Как насчет вернуться к этой теме попозже?

– Договорились.

На моей шее зажужжал динамик. Я вставил наушник обратно в ухо и включил микрофон.

– Да, Сутьяди?

– Если это вас не очень затруднит, *сэр*, – из последнего слова так и сочилась ирония, – не могли бы оставить моих солдат в покое на время тренировки?

– Да, прошу прощения. Больше не повторится.

– Вот и славно.

Я уже собирался отсоединиться, когда услышал приглушенную брань Тани Вардани.

– Это кто? – рявкнул Сутьяди. – Сунь?

– Поверить, на хрен, не могу!

– Это госпожа Вардани, сэр, – лаконично ответил спокойный голос Оле Хансена под аккомпанемент сдавленных проклятий Вардани. – Я думаю, вам всем стоит спуститься и увидеть это собственными глазами.

* * *

Мы с Хэндом наперегонки бросились к берегу и финишировали с разрывом в пару метров в пользу Хэнда. Сигареты и поврежденные легкие в виртуальности значения не имеют, так что невиданная прыть Хэнда, наверное, объяснялась его переживаниями за инвестицию «Мандрейк». Весьма похвально. Остальная команда, еще не освоившаяся в новых оболочках, отстала. Мы добежали до Вардани первыми.

Она стояла практически точно на том же месте перед каменным завалом, что и во время прошлого нашего посещения конструкта. Некоторое время я не мог понять, на что устремлен ее взгляд.

– А где Хансен? – глупо спросил я.

– Внутри, – она указала вперед. – Хотя это, конечно, бессмысленно.

И тут я увидел. Бледные отметины от недавнего взрыва, окружающие двухметровую расщелину, и тропинку, ведущую внутрь.

– Ковач? – произнес Хэнд с нарочитой небрежностью.

– Вижу. Когда делали обновление конструкта?

Хэнд подошел ближе, чтобы получше рассмотреть отметины:

– Сегодня.

Таня Вардани кивнула, словно он подтвердил ее предположения:

– Высокоорбитальное спутниковое геосканирование, так?

– Так и есть.

– Ну что ж, – археолог отвернулась и достала из кармана сигареты. – В таком случае ничего мы там не найдем.

– Хансен! – сложив руки рупором, крикнул Хэнд в расщелину, явно забыв о гарнитуре.

– Я вас слышу, – спокойно, с призвуком усмешки в голосе отозвался подрывник по внутренней связи. – Здесь ничего нет.

– Ну разумеется, – обронила Вардани в пространство.

– …расчищена небольшая круглая площадка метров двадцать в диаметре, но камни выглядят странно. Как будто слиплись.

– Это импровизация, – нетерпеливо буркнул в микрофон Хэнд. – Предположения ВИИ о том, что может находиться внутри.

– Спроси его, есть ли там что-нибудь в середине, – сказала Вардани, прикуривая сигарету на задувающем с моря бризе.

Хэнд передал вопрос. В наушниках послышался ответ:

– Угу, что-то вроде скального образования в центре, может, сталагмит.

Вардани кивнула.

– Ну вот вам ваш портал, – сказала она. – Скорее всего, старые локационные данные, полученные в ходе разведывательного полета над местностью. ВИИ пытается сопоставить их с орбитальным сканом, и, поскольку у него нет оснований полагать, что там есть хоть что-нибудь, кроме камней…

– Кто-то здесь побывал, – Хэнд скрипнул зубами.

– Ну да, – Вардани выдохнула дым и указала вперед. – А, и вот еще.

В нескольких сотнях метров на мелководье, покачиваясь в прибрежном течении, стоял на якоре небольшой потрепанный траулер. Сети свешивались с борта, словно пытаясь ускользнуть на свободу.

Небо над головой побелело и исчезло.

* * *

Переход был не таким резким, как во время УЛПиО, но тем не менее неожиданное возвращение в реальность подействовало на мой организм, как ледяная ванна: конечности заледенели, а по телу прошел пробирающий до костей озноб. Мои глаза открылись, взгляд сфокусировался на дорогостоящей

эмпатистской психограмме.

– Вот здорово-то, – проворчал я, садясь и нашаривая в полумраке электроды.

Дверь в камеру с тихим гудением раскрылась. В проеме стоял Хэнд, поправляя на себе одежду. Из-за его спины в камеру лился яркий свет из помещения снаружи. Я сощурил глаза.

– А что, прямо обязательно было так резко меня выдергивать?

– Надевай рубашку, Ковач, – сказал он, застегивая воротник своей. – Пора действовать. Я хочу быть на полуострове к сегодняшнему вечеру.

– Тебе не кажется, что ты немного неадекватно реа…

Но он уже разворачивался.

– Хэнд, рекруты не привыкли к новым оболочкам. И это еще мягко сказано.

– Я их оставил внутри, – бросил он через плечо. – У них еще есть десять минут – это два дня виртуального времени. Затем мы загружаем их уже в настоящие оболочки и отбываем. Если кто-то оказался в Дангреке раньше нас, он об этом очень пожалеет.

– Если кто-то там был, когда шарахнули по Заубервилю, – внезапно разъярившись, крикнул я вслед Хэнду, – Он, я думаю, *уже* очень пожалел. Как и все остальные.

Я слышал, как его шаги в коридоре становятся все тише. Человек корпорации «Мандрейк» – рубашка застегнута на все пуговицы, пиджак облегает расправленные плечи, поступь тверда. Готов действовать. Занят решением серьезных корпоративных вопросов, в то время как я, голый по пояс, сижу в луже собственной беспредметной ярости.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
ПОДРЫВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ

Разница между виртуальностью и жизнью очень проста. В конструкте вы доподлинно знаете, что всем управляет всемогущая машина. В реальности подобной уверенности у вас нет, так что довольно легко подпасть под власть иллюзии, будто ситуацию контролируете вы.

Куэллкрист Фальконер.

Этика на краю пропасти

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Невозможно незаметно пересечь полпланеты на МП-судне. Так что мы не стали и пытаться.

«Мандрейк» забронировала для нас приоритетную полетную параболу в одной из ветвей суборбитального транспортного потока Картеля. Дождавшись, когда начнет спадать полуденный жар, мы направились в сторону безымянного взлетного поля на окраине Лэндфолла. Там, зарывшись задом в бетон, нас ожидал новехонький межпланетный штурмовик «Локхид Митома», похожий на закопченного стеклянного скорпиона с оторванными клешнями. Завидев его, Амели Вонгсават одобрительно хмыкнула.

– Серия «Омега», – сообщила она мне, в основном из-за того, что я оказался рядом, когда мы вылезли из катера.

При этом она рефлекторно убирала наверх волосы, скручивала толстые черные дреды в небрежный пучок и закрепляла статическими заколками, открывая летные симбиоразъемы на затылке:

– На этой крошке можно пролететь по бульвару Инкорпорейшн и даже не опалить деревьев. Запустить плазменные торпеды прямо в дверь Сената, развернуть нос к небу и оказаться на орбите еще прежде, чем они взорвутся.

– Да, вариант, – сказал я сухо. – Только, конечно, такие

боевые задачи означали бы, что ты кемпистка, а следовательно, лететь бы тебе пришлось на куске дерьма типа «Мовай-10». Верно, Шнайдер?

Шнайдер ухмыльнулся:

– Да уж, о таком и думать противно.

– О чем думать противно? – заинтересовалась Иветта Крукшенк. – О том, каково быть кемпистом?

– Нет, о том, чтобы летать на «Мовае», – ответил Шнайдер, обводя взглядом изгибы ее маорийской боевой оболочки. – Быть кемпистом не так уж плохо. Ну, если не считать распевания присяги.

Крукшенк удивленно заморгала:

– Ты что, в самом деле был кемпистом?

– Он шутит, – я кинул на Шнайдера предупреждающий взгляд.

Политофицера у нас не было, но, по крайней мере, Цзян Цзяньпин испытывал в отношении Кемпа сильные чувства, и сложно было сказать, сколько еще членов команды могли их разделять. Вызвать враждебность окружающих только ради того, чтобы произвести впечатление на фигуристую женщину, не казалось мне особенно умным поступком.

С другой стороны, Шнайдеру сегодня утром не довелось избавиться от избытка гормонов в виртуале, так что, возможно, это я демонстрировал чрезмерную уравновешенность.

Тем временем один из грузовых люков «Лок-мит» раскрылся. В следующую секунду в проеме появился Хэнд в безупречно отглаженном боевом хамелеохроме, сейчас дымчато-сером, в цвет обшивки штурмовика. Контраст с его привычным корпоративным облачением был так силен, что резал глаза, притом что все остальные были одеты в точности так же.

– Добро пожаловать в круиз, блин, – пробормотал Хансен.

* * *

Разрешение на взлет мы получили за пять минут до открытия выделенного нам «Мандрейк» коридора. Амели Вонгсават загрузила план полета в базу данных «Лок-мита», включила бортовые системы, после чего, как могло показаться со стороны, погрузилась в сон. С кабелями в разъемах на затылке и скуле ее маорийская оболочка покоилась в кресле, как принцесса в криокапсуле из какой-то позабытой сказки времен Освоения. Ей досталась, пожалуй, самая темнокожая и худощавая оболочка, и кабели выделялись на темном фоне, как белые черви.

Сосланный в кресло второго пилота Шнайдер бросал вожделеющие взгляды на шлем.

– У тебя еще будет возможность, – сказал я ему.

– Ага, когда?

– Когда станешь миллионером на Латимере.

Он недовольно посмотрел на меня и водрузил ногу в ботинке на консоль:

– Ха-ха, сука.

Не открывая глаз, Амели Вонгсават усмехнулась. Моя фраза должна была показаться ей замысловатым способом сказать «Когда рак на горе свистнет». Никто из дангрековской команды не знал о нашей сделке с «Мандрейк». Хэнд представил нас как консультантов и не стал развивать тему.

– Как думаешь, пройдет он в портал? – спросил я Шнайдера, пытаясь развеять его мрачное настроение.

Он не удостоил меня взглядом:

– А я почем знаю?

– Просто ин…

– Джентльмены, – так и не разомкнув век, проговорила Амели Вонгсават. – Как насчет минутки тишины перед заплывом?

– Да, заглохни, Ковач, – злобно подхватил Шнайдер. – Иди-ка ты обратно к пассажирам.

Вернувшись в главный отсек, я обнаружил, что оба места рядом с Вардани заняты Хэндом и Сунь Липин, так что сел напротив, рядом с Люком Депре. Он бросил на меня любопытный взгляд, после чего продолжил изучать свои новые руки.

– Нравится? – осведомился я.

Он пожал плечами:

– Имеется определенный шик. Но у меня как-то нет навыка быть таким *громоздким*.

– Привыкнешь. Помогает, если в ней поспать.

Он снова посмотрел на меня с любопытством:

– То есть ты это доподлинно знаешь. Что это ты за консультант такой?

– Бывший чрезвычайный посланник.

– Даже так? – Он поерзал. – Вот уж сюрприз. Ты должен мне об этом рассказать.

Краем глаза я уловил, как задвигались в креслах и другие, до чьих ушей долетел наш разговор. Мгновенная дурная слава. Словно опять вернулся в «Клин».

– Длинная история. К тому же не очень интересная.

– Минута до запуска, – послышался по интеркому сардонический голос Амели Вонгсават. – Я хотела бы воспользоваться случаем, чтобы поприветствовать вас на борту

штурмового судна «Нагини» и предупредить, что, если вы не пристегнетесь, я не могу гарантировать вашу безопасность в ближайшие пятнадцать минут.

Сидящие завозились. Те, кто уже успел пристегнуться, ухмыльнулись.

– Думаю, она преувеличивает, – заметил Депре, неторопливо расправляя ремни поверх разгрузочного жилета. – Эти суда отличаются хорошими компенсаторами.

– Ну, ни в чем нельзя быть уверенным. Можем по пути попасть под орбитальный огонь.

– Правильно, Ковач, – усмехнулся сидящий напротив Хансен. – Всегда надо думать о хорошем.

– Просто стараюсь предвосхитить события.

– Боишься? – неожиданно спросил Цзян.

– Регулярно. А ты?

– Страх – это помеха. Надо учиться его подавлять. Умение отринуть страх – свойство настоящего солдата.

– Нет, Цзян, – мрачно сказала Сунь Липин. – Это свойство покойника.

Штурмовик вдруг дал резкий крен, и перегрузка сдавила мою грудь и живот. Конечности налились кровью. Дыхание прервалось.

– В бога душу вашу мать, – проскрипел сквозь зубы Оле Хансен.

Через некоторое время, после того как мы, судя по всему, вышли на орбиту, стало полегче, и часть от мощности двигателей, которая потребовалась Амели Вонгсават для подъема, пошла в бортовую гравсистему. Я повернул голову, чтобы взглянуть на Депре:

– Преувеличивает, говоришь?

Он сплюнул на тыльную сторону ладони кровь от прикушенного языка и оценивающе посмотрел на нее:

– Да, я определенно назвал бы это преувеличением.

– Выход на орбиту завершен, – подтвердил голос Вонгсават. – В нашем распоряжении примерно шесть минут спокойного полета под прикрытием Лэндфолльского высокоорбитального геосинхронизированного купола. После этого мы будем предоставлены сами себе, и я приступлю к маневрам уклонения, так что смотрите не прикусите языки.

Депре угрюмо кивнул, подняв руку и продемонстрировав свои окровавленные костяшки. Раздался смех.

– Эй, Хэнд, – сказала Иветта Крукшенк. – А чего бы Картелю просто не построить пять-шесть таких куполов и поставить в войне точку?

Сидящий чуть дальше в противоположном ряду Маркус Сутьяди чуть заметно улыбнулся, но промолчал. Его взгляд переместился на Оле Хансена.

– Эй, Крукшенк, – словно по указке Сутьяди тут же уничижительно произнес подрывник. – Тебе слово «мародер» о чем-нибудь говорит? Ты представляешь себе, какую прекрасную цель представляет собой купол, если взглянуть на него из космоса?

– Ну представляю, – упрямо сказала Крукшенк. – Но бóльшая часть «мародеров» Кемпа сейчас на земле, а при наличии геосинхронизации…

– Расскажи об этом жителям Заубервиля, – сказала ей Вардани, и эта ремарка протащила за собой по отсеку длинный шлейф молчания. Взгляды скользили туда и обратно вдоль прохода, как патроны, укладывающиеся в обойму.

– Тот запуск был произведен с земли, госпожа Вардани, – наконец произнес Цзян.

– В самом деле?

Хэнд откашлялся:

– Дело в том, что Картель в точности не знает, сколько еще ракетных дронов Кемпа находится над поверхностью планеты…

– Без балды? – хмыкнул Хансен.

– Но попытка установки высокоорбитальной платформы на этом этапе представляется достаточно…

– Невыгодной? – подсказала Вардани.

Хэнд одарил ее неприязненной улыбкой:

– Рискованной.

– Мы выходим за пределы Лэндфолльского ВОГ-купола, – спокойным тоном экскурсовода сообщила по интеркому Амели Вонгсават. – Ожидайте болтанки.

Я почувствовал, как слегка сдавило виски, когда бортовые компенсаторы снова перестали работать в полную силу: Вонгсават готовилась к аэробатическим этюдам, собираясь обогнуть планету, а потом совершить посадку. С оставшимся позади куполом мы лишались отеческой защиты Картеля от того, что могло ожидать в зоне боевых действий. Отныне нам предстояло играть в свои игры самостоятельно.

Они занимаются эксплуатацией, торгашествуют, без конца сменяют позиции, но, несмотря на все это, к ним можно привыкнуть. Привыкнуть к их сверкающим корпоративным башням, нанокоптерам, картелям и ВОГам, их нечеловечески безграничному терпению и претензиям на роль крестного отца человечества. Можно испытывать благодарность за милостью божией выделенный крохотный кусочек существования на краю

корпоративной платформы.

Можно считать, что он предпочтительнее стремительного леденящего низвержения в человеческий хаос, поджидающий внизу.

Можно чувствовать признательность.

И этого надо остерегаться.

– Достигнута вершина траектории, – сообщил голос Амели Вонгсават.

Мы резко пошли вниз.

Бортовые компенсаторы функционировали на боевом минимуме, и ощущение было как при гравпрыжке, пока не упираешься в ремни безопасности. Мои внутренности поднялись к ребрам, а глазницы начали зудеть. В кровь без приглашения начала поступать нейрохимия, а биопластины в ладонях вздрогнули. Вонгсават, должно быть, опустилась к нижнему пределу посадочного коридора «Мандрейк» и выжимала все, что можно было выжать из главного двигателя в надежде опередить дальние кемпистские оборонительные системы, которые могли декодировать план полета, перехватив его в потоке транспортных сообщений Картеля, и приготовиться к нашему появлению.

Похоже, ее план сработал.

Мы осуществили посадку в море в двух километрах от Дангракского побережья. Вонгсават, в соответствии с официально утвержденными армейскими нормами, использовала воду для экстренного охлаждения поверхностей, раскаленных от возвратного вхождения в атмосферу. Защитники окружающей среды убили бы за такое загрязнение, но я что-то сомневался, что они найдутся на Санкции IV. Война смягчает и упрощает политику, что должно действовать на политиков, как бетатанатиновый приход. Можно больше не заморачиваться поддержанием баланса, можно оправдать что угодно. Сражайся, выигрывай и возвращайся с победой. Все остальное стирается, как небо над Заубервилем.

– Посадка завершена, – проговорила Вонгсават. – Предварительный анализ местности говорит об отсутствии посторонних судов. Я направляюсь к берегу на вспомогательных, но до моего особого распоряжения прошу всех оставаться на местах. Командир Хэнд, у нас инфопробой от Айзека Карреры, на который, я думаю, вам захочется взглянуть.

Хэнд обменялся со мной взглядом. Протянув руку назад, он нажал на кнопку микрофона сиденья.

– Запустите в персональных каналах. Мне, Ковачу, Сутьяди.

– Поняла.

Я снял наушники и надел маску для приема персональных

сообщений. Появился Каррера, голос которого с трудом пробивался сквозь пронзительный писк дешифровки. Каррера был в армейском комбинезоне, на лбу и щеке багровела свежая рана, залитая гелем. Вид у него был уставшим.

– Командный пункт Северного предела – борту FAL 931/4. Мы получили ваш план полета и информацию о целях операции, но должны предупредить, что в сложившихся обстоятельствах не можем предоставить наземной или воздушной поддержки. Формирования «Клина» отступили к озерной системе Мэссон, где занимают оборону до тех пор, пока не будет завершена оценка планируемой атаки кемпистов и ее возможных последствий. Предполагается, что после нанесенного бомбового удара противник будет осуществлять глушение спутникового сигнала, так что, скорее всего, это последняя ваша коммуникация с кем-либо за пределами зоны взрыва. Помимо вышеозначенных стратегических соображений, вы должны учитывать, что Картель запустил экспериментальную нановосстановительную систему в районе Заубервиля. Мы не можем предсказать, как она отреагирует на незапланированное вторжение. Совет от меня лично, – он склонился к экрану, – на вспомогательных двигателях отступить к Мэссону и ждать моего приказа о восстановлении линии фронта на побережье. Это не займет более двух недель. Исследование зоны взрыва – по его лицу пробежала рябь отвращения, словно его нос уловил запах гниющей раны, – вряд ли оправдывает связанный с этим риск, несмотря на все конкурентные преимущества, которые ваши хозяева надеются таким образом получить. Прилагаю код вызова «Клина» на случай, если вы остановитесь на варианте с отступлением. В противном случае ничем не смогу вам помочь. Желаю удачи. Конец связи.

Я снял маску и наушники. Хэнд наблюдал за мной, еле заметно улыбаясь уголком рта.

– Едва ли эта точка зрения официально одобрена Картелем. Он всегда так прямолинеен?

– Всегда, когда сталкивается с тупостью клиента. За это ему и платят. А что там насчет экспериментальной…

Хэнд чуть заметно отмахнулся. Покачал головой.

– Я бы об этом не беспокоился. Стандартная страшилка Картеля. Помогает отваживать непрошеных гостей от запретных зон.

– То есть вы заранее знали, что она станет запретной?

Хэнд снова улыбнулся. Сутьяди промолчал, но поджал губы. Двигатель снаружи пронзительно взвыл.

– Мы на берегу, – объявила Амели Вонгсават. – Двадцать один

и семь десятых километра от кратера Заубервиля. Кто желает фото на память?

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Белые комья.

На какие-то доли мгновения, стоя в проеме двери «Нагини» и глядя на распростершийся передо мной песок, я подумал, что выпал снег.

– Чайки, – авторитетно пояснил Хэнд, спрыгивая и пиная одну из покрытых перьями тушек, валявшихся под ногами. – Судя по всему, полегли от радиации.

Безмятежная морская поверхность рябила от белых пятен.

* * *

Когда на Санкцию IV – а также и на Латимер, и на Харлан, если уж на то пошло, – прибыли первые баржи колонистов, для многих местных видов они явились тем самым катаклизмом, каким, наверное, и казались со стороны. Колонизация планеты всегда представляет собой разрушительный процесс, а технологические достижения лишь слегка лакируют его, обеспечивая человечеству привычное место на вершине любой насилуемой им экосистемы. Захват начинается сразу на всех уровнях и становится неотвратимым, когда первые баржи касаются поверхности планеты.

Массивные корабли медленно остывают, но внутри уже идет активность. Из криобаков появляются дружные ряды клонированных эмбрионов и с помощью машин загружаются в капсулы ускоренного роста. В питательной среде капсул бушует ураган искусственно разработанных гормонов, стимулируя клеточное развитие, в результате чего клоны достигнут подросткового возраста через считаные месяцы. Передовая партия, которую начали выращивать еще на последних этапах межзвездного перелета, уже проходит процесс загрузки – сознания колонизаторской элиты пробуждаются, готовятся занять предустановленное место в иерархии нового мира. Этот мир – отнюдь не тот сказочный край безграничных возможностей и приключений, каким его представят хронисты.

В других частях корабля машины заняты своим зловещим делом – моделированием окружающей среды.

Любая уважающая себя группа колонизаторов прихватывает с собой парочку эко-ИИ. После катастроф раннего периода,

случившихся на Марсе и Адорасьоне, стало быстро понятно, что привить земную экосистему на инопланетную окружающую среду – это вам не охота на слоновьего ската. Первые колонисты, вдохнувшие свежетерраформированного воздуха на Марсе, умерли за считаные дни, а многие из тех, что оставались на борту, пали в борьбе с роями прожорливых жучков, которых раньше никто никогда не видел. Жучки оказались дальними потомками земного пылевого клеща, слишком хорошо прижившимися в том экологическом сумбуре, которое повлекло за собой терраформирование.

Так что – назад в лаборатории.

Только через два поколения марсианские колонисты смогли наконец дышать воздухом не из баллонов.

На Адорасьоне все было еще хуже. Колонизаторская баржа «Лорка» отбыла за несколько десятилетий до марсианского фиаско. Она дерзко вылетела в сторону ближайшего из обитаемых миров, указанных на марсианских астронавигационных картах, подобно коктейлю Молотова, брошенному в танк. Это была отчаянная попытка пробить броню, за которой скрывались глубины межзвездного пространства; технологический бунт против гнета физических законов, которым подчиняется космос; а также акт бунтарской веры в только что расшифрованные марсианские архивы. Никто не верил в успех экспедиции. Даже те, кто предоставил копию своего сознания в колонизационную базу данных, а гены – в эмбриобанки, с крайним пессимизмом думали о том, что ожидает их сохраненные личности в конце пути.

Адорасьон, как понятно по названию, показался колонистам воплощенной мечтой. Зелено-оранжевый мир с практически земным соотношением азота и кислорода и удобной пропорцией воды и суши. Растительная база, готовая насытить стада клонированного скота, хранящегося в трюме «Лорки», и видимое отсутствие не поддающихся отстрелу хищников. Либо колонисты были сплошь праведниками, либо этот новый Эдем внушил им такой образ мысли, но первое, что они сделали, сойдя с бортов кораблей, это построили собор и воздали хвалу Богу за благополучное окончание путешествия.

Прошел год.

Гиперсвязь, на ту пору еще в зачаточном состоянии, позволяла кодировать и передавать лишь простейшие сообщения. Новости, которые просачивались на Землю, походили на крики из запертой комнаты в глубине пустого здания. Две экосистемы встретились и схлестнулись друг с другом, как две армии на поле боя без путей отступления. За восемнадцать месяцев после

приземления из миллиона с лишним колонистов, взошедших на борт «Лорки», погибло более семидесяти процентов.

Назад в лаборатории.

В наше время мы превратили процесс в высокое искусство. Ничто органическое не покидает судно прежде, чем экомоделлер исчерпывающе не проанализирует принимающую экосистему. Автоматизированные зонды выходят наружу и ползают по планете, всасывая образцы. ИИ переваривает данные, запускает модель, на скорости сто к одному тестируя варианты присутствия земных форм жизни и отмечая потенциальные конфликты. Для каждой гипотетической проблемы он разрабатывает либо генно-, либо нанотехническое решение и на основе комплекса этих решений создает протокол поведения поселенцев. И вот в рамках этого протокола уже можно начинать резвиться.

В протоколах примерно трех дюжин Освоенных миров некоторые виды встречаются с достаточной регулярностью. Они – истории успеха планеты Земля: все до одного крепкие эволюционные спортсмены, которых отличает высокая приспособляемость. По большей части это растения, микробы и насекомые, но выделяется и несколько существ покрупнее. Одно из первых мест данного списка занимают овцы-мериносы, медведи гризли и чайки. Их уничтожить непросто.

* * *

Белые пернатые трупики плотно окружали траулер. Они гасили плеск слабых волн, бьющихся о борт, усугубляя неестественность царившего над водами штиля.

Состояние траулера было аховым. Удерживаемый якорями, он вяло дрейфовал туда-обратно. Краска на обращенном к Заубервилю борту была опалена взрывной волной до черноты, до проблесков металлической основы. Взрыв выбил пару иллюминаторов, а куча сетей, сваленная на палубе, судя по всему, загорелась и оплавилась. Углы лебедки были также обуглены. Любой, кто стоял бы тогда на палубе, наверняка скончался бы от ожогов третьей степени.

Тел на палубе не было. Мы это знали еще по виртуальности.

– Внизу тоже никого, – сообщил Люк Депре, высовывая голову из люка, ведущего на среднюю палубу. – На борту пусто не один месяц. Возможно, год. Насекомые и крысы прикончили всю провизию.

Сутьяди нахмурился.

– А что, еда была в открытом доступе?

– Ага, и немало, – Депре подтянулся и уселся на комингсе; нижняя часть его хамелеохромного комбинезона еще секунду оставалась мутно-темной, прежде чем мимикрировала под залитую солнцем поверхность палубы. – Похоже, гулянка была что надо, но убираться желающих не нашлось.

– Мне доводилось бывать на таких гулянках, – сказала Вонгсават.

Снизу раздалось характерное «фьють-пшш» «санджета». Сутьяди, Вонгсават и я синхронно напряглись. Депре ухмыльнулся.

– Крукшенк палит по крысам, – объяснил он. – Они тут довольно крупные.

Сутьяди, расслабившись лишь самую малость, поднял оружие и оглядел палубу:

– Оценка, Депре. Сколько их там было?

– Крыс? – ухмылка Депре стала шире. – Сложно сказать.

Я в свою очередь подавил улыбку.

– Членов экипажа, – Сутьяди нетерпеливо взмахнул рукой. – Каково число членов экипажа, *сержант*?

Попытка напомнить о субординации не оказала эффекта на Депре. Он пожал плечами:

– Я ж не повар, капитан. Сложно сказать.

– Я была поваром, – неожиданно сказала Амели Вонгсават. – Могу спуститься и посмотреть.

– Оставайтесь здесь, – Сутьяди прошел к борту, отшвырнув ногой труп чайки, мешавший пройти. – Начиная с этого момента от группы ожидается поменьше юмора и побольше усердия. Начать можете с подъема сетей из воды. Депре, отправляйтесь вниз и помогите Крукшенк избавиться от крыс.

Депре вздохнул и положил на палубу «санджет». Вытащив из-за пояса древнего вида пистолет, он загнал обойму в рукоять и прицелился в небо.

– Работенка по мне, – загадочно объявил он и, высоко подняв оружие над головой, спрыгнул обратно в проем.

Захрипело переговорное устройство. Сутьяди склонил голову, вслушиваясь. Я надел наушник.

– …закрепились, – послышался голос Сунь Липин.

Сутьяди передал ей командование второй частью группы и отправил вверх по побережью, препоручив им Хэнда, Вардани и Шнайдера, которых он воспринимал в лучшем случае как докучливых гражданских, а в худшем – как помеху.

– Каким образом закрепились? – рявкнул он.

– Расставили автотурели по дуге над берегом. Интервал пятьсот метров, угол обзора сто восемьдесят градусов. Уложат

любого, кто появится со стороны суши или пойдет вдоль берега.

После секундной паузы Сунь виновато добавила:

– Покрывает только зону прямой видимости, но эта зона протяженностью несколько километров. Больше мы ничего не могли сделать.

– Как насчет, м-м, цели операции? – встрял я. – С ней все в порядке?

Сутьяди фыркнул:

– Она вообще там?

Я бросил на него взгляд. Сутьяди считал, что мы гоняемся за химерами. Гештальт-сканирование посланника позволяло считывать это по его поведению, словно по текстовым подсказкам на дисплее. Сутьяди полагал, что портал Вардани – это выдумка археологов, раздутая из какой-нибудь изначальной туманной теории, чтобы повыгоднее презентовать ее «Мандрейк». Он считал, что Хэнду подсунули порченый товар, и корпоративная жадность заставила того заглотить идею из желания оказаться первым на месте любого потенциального развития событий. Он считал, что по прибытии команды в точку назначения Хэнда ждет серьезное несварение желудка. И хотя на брифинге в конструкте Сутьяди прямо все это высказывать не стал, отсутствие веры в успех предприятия так и сочилось из него с самого начала.

Осуждать его за это было трудно. Судя по всему, половина команды думала так же, как он. Они бы, возможно, просто рассмеялись Хэнду в лицо, не будь условия предложенных контрактов – позволяющие воскреснуть из мертвых, не возвращаясь при этом на фронт, – столь роскошны.

Около месяца назад я и сам чуть было не рассмеялся в лицо Шнайдеру.

– Да, он здесь, – голос Сунь звучал странно; насколько я понимал, она как раз не принадлежала к сомневающимся, но теперь в ее тоне слышалось почти что благоговение. – Это… мне никогда не приходилось видеть ничего подобного.

– Сунь? Он открыт?

– По нашим предположениям, лейтенант Ковач, нет. Я думаю, подробности лучше узнать у госпожи Вардани.

Я прочистил горло:

– Вардани? Что там?

– Я занята, – ее голос был напряжен. – Что удалось обнаружить на судне?

– Пока ничего.

– Ясно. Здесь пока тоже. Конец связи.

Я снова посмотрел на Сутьяди. Он смотрел в никуда, его новое маорийское лицо было бесстрастно. Я хмыкнул, стянул

наушники и пошел проверять, работает ли лебедка. Сутьяди за моей спиной запросил у Хансена отчет о ходе работ.

Лебедка траулера не сильно отличалась от лебедки погрузчика на шаттле, и нам с Вонгсават удалось ее включить еще прежде, чем Сутьяди закончил разговаривать. Он подошел как раз тогда, когда стрела легко развернулась и начала опускать щупохват.

Вытащить сети, однако, оказалось не так просто. Нам понадобилось двадцать минут, чтобы понять, что к чему. К этому времени охота на крыс подошла к концу, и к нам присоединились Крукшенк с Депре. Даже с их помощью было нелегко управиться с холодными, тяжелыми от воды складками сети, которую надо было перевалить через борт и разложить на палубе хоть сколько-нибудь аккуратно. Рыболовов среди нас не нашлось, а как выяснилось в процессе, эта работа требовала немалых навыков, которыми никто из нас не обладал. Мы то и дело поскальзывались и падали.

Но, оказалось, дело того стоило.

В последних секциях сети лежали два трупа, полностью обнаженных, не считая еще не утративших блеска цепей, которыми были обмотаны их колени и грудь. Рыбы обглодали тела так, что от них остались буквально кости да кожа, напоминающая рваную клеенку. Безглазые черепа прислонились друг к дружке, словно головы двух пьянчужек, обменивающихся хорошей шуткой. Дряблые шеи, широкие ухмылки.

Несколько минут мы молча их разглядывали.

– Хорошая была догадка, – сказал я Сутьяди.

– Понятно было, что проверить *стоит*, – он подошел ближе и задумчиво стал рассматривать скелеты. – Их раздели и оплели сетью руки, ноги и концы цепей. Те, кто это сделал, хотели убедиться, что они не всплывут. Нелогично. Зачем прятать тела и оставлять корабль рядом с Заубервилем, где он может достаться любому желающему.

– Вот только желающих не нашлось, – заметила Вонгсават.

Депре обернулся и приложил ладонь козырьком ко лбу, вглядываясь в направлении, где по-прежнему дымился Заубервиль:

– Пострадали в ходе военных действий?

Я прикинул в уме даты, последние события, произвел расчет.

– Так далеко на запад война год назад не продвинулась, зато вовсю бушевала на юге, – я кивнул в сторону клубов дыма. – Они бы побоялись. Не решились бы подняться на борт из опасения навлечь на себя огонь с орбиты. Или наткнуться на дистанционно управляемую мину. Помните Буткинари-таун?

– Еще как, – отозвалась Амели Вонгсават, прижимая к левой скуле пальцы.

– Это случилось около года назад. Должно было быть во всех новостях. Тот сухогруз в гавани. После этого случая среди гражданских на всей планете не осталось бы спасательной команды, готовой взяться за работу.

– Тогда зачем вообще понадобилось их прятать? – спросила Крукшенк.

Я пожал плечами:

– Убрали с глаз долой. Чтобы не привлекать внимания с воздуха. В то время обнаруженный труп еще мог стать поводом для расследования. До того как ситуация в Кемпополисе вышла из-под контроля.

– Индиго-сити, – с нажимом поправил Сутьяди.

– Да уж, не дай бог тебя услышит Цзян, – ухмыльнулась Крукшенк. – Он и так мне чуть в горло не вцепился за то, что я назвала Данангскую операцию террористической вылазкой. А я-то ведь комплимент хотела сделать!

– Ой, да ради бога, – я закатил глаза. – Одним словом, без трупов на палубе это всего лишь брошенное рыболовецкое судно. Оно не привлечет к себе так уж много внимания в преддверии глобальной революции.

– Привлечет, если судно было арендовано в Заубервиле, – покачал головой Сутьяди. – Да даже если куплено, все равно это вызовет интерес у местных. «Что это были за мужики?» – «А это вон там разве не траулер старого Ченга?» Ерунда, Ковач, тут всего-то пара сотен километров.

– Нет никаких оснований считать, что судно местное, – я ткнул рукой в сторону безмятежного океана. – На этой планете на таком можно приплыть сюда аж от Буткинари, даже не расплескав по дороге кофе.

– Да, но чтобы спрятать тела от воздушного наблюдения, их можно просто бросить в камбузе в общую свалку, – возразила Крукшенк. – Так что не вытанцовывается.

Люк Депре протянул руку и слегка пошевелил сеть. Черепа качнулись и наклонились вперед.

– Стеков нет, – сказал он. – В воду их сбросили, чтобы не оставить и прочих признаков, по которым их можно было бы опознать. Быстрее, наверное, чем дать их сожрать крысам.

– Зависит от крыс.

– Ты, что ли, эксперт?

– Может быть, их так похоронили, – предположила Амели Вонгсават.

– В *сетях*?

– Теряем время, – громко произнес Сутьяди. – Депре, перенеси их вниз, упакуй и размести где-нибудь, куда не доберутся крысы. Аутопсию проведем позже на «Нагини» с помощью автохирурга. Вонгсават и Крукшенк, прошерстите судно от начала до конца. Ищите все, что может пролить свет на произошедшее.

– От носа до кормы, сэр, – дотошно поправила Вонгсават.

– Без разницы. Все, что может хоть что-то прояснить. Их одежда, может быть, или… – он раздраженно потряс головой, пытаясь придумать что-нибудь еще. – Что угодно. Абсолютно что угодно. Приступайте. Лейтенант Ковач, вас я попрошу пройти со мной. Я хочу посмотреть, как укреплен периметр.

– Да, конечно, – чуть улыбнувшись, проглотил я его ложь.

Сутьяди не хотел проверять периметр. Он, как и я, видел резюме Сунь и Хансена. Их работа не нуждалась в проверке.

Не на периметр он хотел посмотреть.

Он хотел посмотреть на портал.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Мне его не раз описывал Шнайдер. Вардани как-то сделала набросок еще у Роспиноджи, когда выдалась спокойная минутка. По этому эскизу мы заказали в студии 3D-изображение, когда готовились к презентации для «Мандрейк». Позже на его основе Хэнд с помощью мандрейковских машин создал полномасштабный конструкт, который мы получили возможность осмотреть в виртуале.

И ничто из этого близко не могло сравниться с реальностью.

Портал располагался в искусственном гроте и походил на растянутое по вертикали полотно школы пространциалистов, на фрагмент жутковатых техномилитаристских сооружений Млонго или Осупиле. От всей структуры исходило впечатление *складчатости*, словно перед вами сжались в фалангу шесть или семь десятиметровых летучих мышей-вампиров. Не создавалось ровным счетом никакого ощущения открытости, которую предполагало слово «портал». В неярком свете, просачивавшемся сквозь зазоры между каменными блоками, конструкция выглядела затаившейся и выжидающей.

Основание было треугольным со сторонами метров в пять, хотя нижняя грань теряла геометрическую четкость, словно прорастая в землю, как древесные корни. Сделано оно было из сплава, который мне уже доводилось видеть в марсианских архитектурных объектах, – непрозрачная, дымчато-черная

поверхность, напоминавшая на ощупь мрамор или оникс, но всегда обладавшая слабым статическим зарядом. По нижней секции на высоте около полутора метров от земли неравномерными волнами шли тускло-зеленые и рубиново-красные техноглифы. У этой верхней границы символы, казалось, начали терять четкость и внятность: они истончались, разобрать их становилось труднее и даже сам стиль гравировки выглядел более неуверенным. Создавалось впечатление, как заметила потом Сунь, что марсианские технописцы опасались работать близко к тому, что находилось на постаменте выше.

А выше структура начинала быстро сворачиваться вовнутрь, превращаясь в нагромождение углов и сходящихся кверху граней из черного сплава, которые венчал короткий шпиль. В длинных зазорах между гранями черная дымка размывалась до грязной полупрозрачности, в которой они все продолжали и продолжали каким-то сложным образом складываться; и, если вглядываться в эти наслоения слишком долго, возникало острое чувство дискомфорта.

– Теперь поверил? – спросил я стоящего рядом с широко распахнутыми глазами Сутьяди. Некоторое время он молчал, а когда наконец заговорил, в его голосе слышалась та же странная скованность, что недавно у Сунь Липин на канале общей связи.

– Он не статичный, – сказал Сутьяди тихо. – Такое чувство… что он движется. Как будто бы поворачивается.

– Может, так и есть, – Сунь пришла к порталу вместе с нами, оставив остальных членов команды внизу возле «Нагини». Никто другой не горел желанием находиться ни внутри грота, ни рядом с ним.

– Предполагается, что он обеспечивает гиперпространственную связь, – я шагнул в сторону, пытаясь избавиться от гипнотического воздействия инопланетной геометрии. – Если он поддерживает линию между этим местом и каким-то еще, то, возможно, движется в гиперпространстве, даже будучи отключенным.

– А может быть, он посылает циклические сообщения, – предположила Сунь. – Как радиомаяк.

Повисла напряженная пауза.

Тревожная мысль кольнула меня одновременно с тем, как от нее же дернулось лицо Сутьяди. Мало того что мы торчим на этом незащищенном участке суши, так еще и штуковина, что мы пришли активировать, возможно, посылает сигналы в измерение, о котором мы как вид имеем только самое общее представление.

– Так, света тут понадобится побольше, – сказал я.

Чары развеялись. Сутьяди заморгал и посмотрел вверх на

пробивающиеся сквозь щели лучи. Они становились видимо слабее с каждой секундой, приближавшей нас к вечеру.

– Надо его взорвать, – сказал он.

Мы с Сунь озабоченно переглянулись.

– Что надо взорвать? – осторожно поинтересовался я.

Сутьяди указал наверх:

– Потолок. «Нагини» оборудована фронтальной ультравиб-батареей для наземной атаки. Хансен сможет все расчистить, даже не поцарапав объект.

Сунь кашлянула:

– Не думаю, что командиру Хэнду понравится такое решение, сэр. Я получила от него приказ, пока еще не стемнело, принести несколько ламп Ангьера. А госпожа Вардани попросила установить дистанционные наблюдательные системы, чтобы она могла работать с порталом прямо из…

– Хорошо, лейтенант. Благодарю вас, – Сутьяди еще раз обвел взглядом грот. – Я поговорю с командиром Хэндом.

Он зашагал к выходу.

Я подмигнул Сунь:

– Такую беседу я бы не хотел пропустить.

* * *

Вернувшись к «Нагини», мы застали Хансена, Шнайдера и Цзяна за установкой первого баббл-тента. Хэнд стоял, притулившись в углу грузового люка, и наблюдал за Вардани, которая, закинув ногу за ногу, что-то набрасывала на мемориборде. На его лице было написано откровенное восхищение, отчего оно казалось неожиданно помолодевшим.

– Что-то не так, капитан? – спросил он, когда мы поднялись по трапу и вошли.

– Я хочу вытащить эту штуку, – ткнув большим пальцем через плечо, сказал Сутьяди, – наружу. Где мы можем взять ее под наблюдение. Я собираюсь поручить Хансену вибровзрыв скалы.

– Ни в коем случае, – Хэнд снова перевел взгляд на археолога. – Нас могут обнаружить, а такого риска сейчас мы позволить не можем.

– И так мы можем повредить портал, – резко добавила Вардани.

– Именно, – согласился Хэнд. – Боюсь, что команде придется работать в пещере, капитан. Не думаю, что это будет представлять какую-то опасность. Предыдущие посетители неплохо укрепили внутреннюю поверхность.

– Я видел этот крепеж, – сказал Сутьяди. – Залить эпоксидкой не значит адекватно укрепить, но не в этом…

– А на сержанта Хансена он произвел впечатление, – в учтивом тоне Хэнда зазвучали раздраженные нотки. – Впрочем, если это вас беспокоит, вы вольны укрепить конструкцию так, как сочтете нужным.

– Я хотел сказать, – голос Сутьяди оставался ровным, – что надежность конструкции тут ни при чем. Меня беспокоит не риск обвала. Меня сильно беспокоит предмет в пещере.

Вардани подняла голову:

– Неплохо, капитан, – сказала она весело. – Вы прошли путь от вежливого недоверия к сильной обеспокоенности меньше чем за сутки реального времени. Что именно внушает вам тревогу?

Сутьяди замялся.

– Этот артефакт, – произнес он. – Вы утверждаете, что это портал. Можете ли вы предоставить какие-либо гарантии, что никто не заявится сюда с другой его стороны?

– Вообще-то нет.

– А есть ли у вас хотя бы представление о том, *что* может заявиться?

Вардани улыбнулась:

– Вообще-то нет.

– В таком случае простите, госпожа Вардани, но, исходя из военных соображений, мы должны постоянно держать его под прицелом основных орудий «Нагини».

– У нас не военная операция, капитан, – Хэнд напустил на себя скучающий вид. – Мне казалось, я достаточно ясно дал это понять на брифинге. Вы участвуете в коммерческом предприятии, и специфика нашей коммерческой ситуации диктует недопустимость обнаружения артефакта с воздуха до тех пор, пока право собственности не будет закреплено контрактом. Согласно положениям корпоративного права, это произойдет только после того, как на объекте, который находится с другой стороны портала, будет установлен заявочный буй «Мандрейк».

– А если портал решит открыться до того, как мы будем к этому готовы, и сквозь него пройдет нечто недружественное?

– Нечто недружественное? – Вардани отложила мемориборд; предположение явно показалось ей забавным. – Например?

– Такие вещи вы способны прогнозировать лучше, чем я, госпожа Вардани, – сухо сказал Сутьяди. – Меня волнует исключительно безопасность членов этой экспедиции.

Вардани вздохнула:

– Они не были вампирами, капитан, – произнесла она устало.

– Прошу прощения?

– Марсиане. Они не были вампирами. Или демонами. Они были просто технологически развитыми существами с крыльями. Ничем больше. С другой стороны этой штуки, – она ткнула пальцем в направлении скал, – нет ничего такого, чего мы сами не сможем построить через несколько тысяч лет. Если, конечно, сможем обуздать свои милитаристские наклонности.

– Я должен воспринять это как оскорбление, госпожа Вардани?

– Воспринимайте как хотите, капитан. Мы все, каждый из нас, постепенно умираем от радиационного отравления. Вчера в паре десятков километров отсюда было уничтожено сто тысяч человек. Уничтожено военными, – ее голос начал набирать силу и слегка задрожал. На шестидесяти процентах поверхности этой планеты чрезвычайно высока вероятность насильственной смерти. Насильственной смерти от рук военных. Остальные люди умрут в лагерях от голода или побоев за то, что дерзнули отступить от политического курса. И эта услуга также будет оказана военными. Могу ли я еще что-нибудь добавить, дабы прояснить свое понимание милитаризма?

– Госпожа Вардани, – в голосе Хэнда звенела напряженность, которой мне не приходилось слышать раньше; у подножия трапа Хансен, Шнайдер и Цзян оторвались от своих занятий и повернули головы на звук громких голосов. – Мне кажется, мы отвлеклись от темы. Мы говорили о безопасности.

– Правда? – Вардани выжала из себя неубедительный смешок и снова заговорила спокойно. – Ну что ж, капитан. Позвольте заверить вас, что за семьдесят лет моей работы профессиональным археологом мне ни разу не довелось обнаружить свидетельства того, что марсиане располагали чем-то хуже орудий, которые люди вроде вас принесли на Санкцию IV. Если не принимать во внимание радиоактивные осадки со стороны Заубервиля, на северном полушарии сейчас нет места безопаснее, чем у подножия этого портала.

Последовала недолгая пауза.

– Может, нацелить главные орудия «Нагини» на вход в пещеру? – предложил я. – Смысл тот же. На самом деле с системой дистанционного наблюдения – даже больше. Если появятся чудища с полуметровыми клыками, мы сможем обрушить на них туннель.

– Хорошая идея, – словно невзначай, Хэнд переместился так, чтобы встать между Вардани и Сутьяди. – По-моему, идеальный компромисс, а, капитан?

Сутьяди разгадал маневр Хэнда и воспринял намек. Он отдал честь и развернулся на каблуках. Проходя по трапу мимо меня, он

поднял голову. Его новое маорийское лицо больше не казалось бесстрастным. Он выглядел как человек, столкнувшийся с предательством.

Никогда не угадаешь, где может обретаться невинность.

Сойдя с трапа, он слегка споткнулся о труп чайки и отшвырнул его ногой, взметнув бирюзовый песок.

– Хансен, – рявкнул он. – Цзян. Убрать отсюда это дерьмо. Чтобы в радиусе двухсот метров от корабля не было ни перышка.

Оле Хансен вскинул бровь и иронично козырнул. Сутьяди этого не видел – он уже шагал к полосе прибоя.

Что-то шло не так.

* * *

Использовав для расчистки участка двигатели от двух гравициклов, Хансен и Цзян прогнали по берегу миниатюрный штормовой фронт из песка и перьев. После того как с траулера вернулись Депре, Вонгсават и Крукшенк, лагерь на освобожденном вокруг «Нагини» пространстве начал строиться ускоренными темпами. К наступлению темноты на песке вокруг штурмовика появился неровный круг из пяти баббл-тентов. Одинаковые размером, хамелеохромные и безликие, они отличались лишь цифрами, нанесенными иллюминиевой краской над входом. Каждый был рассчитан на четверых и состоял из двух спальных отсеков с двухъярусными койками и общей зоны. Два тента были собраны в нестандартной конфигурации с вполовину меньшим спальным пространством: один предназначался для сборов группы, второй был отведен под лабораторию Тани Вардани.

В лаборатории я и нашел археолога, все еще занятую своим наброском.

Только что прорезанная лазером и посаженная на петли дверь, еще слегка пахнущая эпоксидной смолой была открыта. Я притронулся к панели звонка и просунул голову внутрь.

– Что нужно? – не отрываясь от своего занятия, осведомилась Вардани.

– Это я.

– Я в курсе, что это ты, Ковач. Что нужно?

– Приглашение войти?

Она перестала рисовать и вздохнула, по-прежнему не глядя на меня.

– Мы уже не в виртуале, Ковач. Я…

– Я не за перепихоном пришел.

Поколебавшись, она подняла на меня глаза и спокойно встретила мой взгляд:

– Ну вот и хорошо.

– Так можно войти?

– Как хочешь.

Пригнувшись, я шагнул в проем и двинулся вперед, стараясь не наступать на разбросанные повсюду бумажные распечатки, которые наплодил мемориборд. Все они были вариацией одного и того же: ряды техноглифов с нацарапанными аннотациями. Пока я рассматривал листы, Таня перечеркнула набросок, над которым сейчас работала.

– Как продвигаются дела?

– Медленно, – она зевнула. – Я помню гораздо меньше, чем мне казалось. Придется заново задавать кое-какие вторичные конфигурации.

Я оперся об угол стола:

– Ну так сколько это займет, как думаешь?

Она пожала плечами:

– Пару дней. Плюс тестирование.

– А это сколько?

– Все вместе, первичные и вторичные? Не знаю. А что? Костный мозг уже начинает зудеть?

Сквозь открытую дверь было видно ночное небо, расцвеченное тускло-красными отсветами пылающего Заубервиля. В такой близости от столь недавнего взрыва экзотические представители элементарной таблицы должны были разгуляться на полную катушку. Стронций-90, йод-131 и их многочисленные друзья – словно компания обдолбавшихся харланских мажоров, радостно завалившихся в портовую часть Миллспорта. Щеголяющие в своих нестабильных субатомных оболочках, словно в куртках из шкуры болотной пантеры, они желали пролезть повсюду, в каждую клетку, которую могли испоганить своим безмерно ценным присутствием.

Я невольно вздрогнул.

– Просто проявляю любопытство.

– Замечательное качество. Наверное, затрудняет тебе службу.

Я разложил один из складных стульев, лежащих у стола, и сел:

– Думаю, ты путаешь любопытство с эмпатией.

– Да?

– Да. Любопытство – базовая черта обезьян. Пыточных дел мастера полны любопытства. Это не делает их человечнее.

– Ну, тебе, конечно, лучше знать.

Это был хороший выпад. Не знаю, пытали ли ее в лагере – в

эту секунду, под влиянием вспышки гнева, мне было все равно, – но она обронила эту фразу, и глазом не моргнув.

– Почему ты так себя ведешь, Вардани?

– Ну я же тебе сказала, мы уже не в виртуале.

– Да, не в виртуале.

Я ждал. Наконец она встала и отошла к дальней стене, где ряды мониторов для наблюдения за дистанционным оборудованием демонстрировали с разных ракурсов портал.

– Тебе придется меня извинить, Ковач, – сказала она устало. – Сегодня мне пришлось увидеть, как ради нашего маленького предприятия было убито сто тысяч человек, и хотя я знаю, *знаю*, что мы этого не делали, но уж слишком удобно не чувствовать за это ответственности. Если я решу прогуляться, то буду знать, что меня обдувает ветер, в котором носятся частицы этих людей. И это еще не считая тех героев революции, которых ты столь эффектно уложил сегодня утром. Уж прости, Ковач. Я к такому плохо подготовлена.

– Значит, ты, наверное, не захочешь поговорить о телах, которые мы обнаружили в сетях траулера.

– А что, есть о чем говорить? – она не обернулась.

– Депре и Цзян только что провели вскрытие. Автохирург так и не смог установить причину смерти. На костях нет признаков травмы, а кроме костей, больше там работать особенно не с чем, – я подошел ближе к ней и к мониторам. – Как я понял, мы можем провести тестирование на клеточном уровне, но что-то мне подсказывает, оно тоже ничего не даст.

Эти слова заставили ее повернуться:

– Почему?

– Потому что их убило нечто, как-то связанное вот с этим, – я постучал пальцем по монитору, на котором застыл крупный кадр портала. – А ничего похожего нам видеть еще не приходилось.

– Считаешь, из портала что-то прокралось наружу под покровом ночи? – спросила она презрительно. – Их прикончили вампиры?

– Ну, *что-то* их прикончило, – сказал я мягко. – Они же не от старости умерли. Их стеки исчезли.

– Ну и разве это не исключает версию с вампирами? Вырезать стеки – исключительно человеческое зверство, нет?

– Не обязательно. Любая цивилизация, способная построить гиперпортал, должна уметь и оцифровывать сознание.

– Никаких свидетельств в пользу этого нет.

– Как насчет здравого смысла?

– Здравого смысла? – ее голос снова преисполнился презрения. – Того же самого здравого смысла, исходя из которого

тысячу лет назад считали, что Солнце вращается вокруг Земли, ведь «достаточно просто на него взглянуть»? Здравого смысла, к которому апеллировал Богданович, разрабатывая теорию центров? Здравый смысл антропоцентричен, Ковач. Он полагает, что если человечество чего-то добилось, то любая разумная технологическая раса должна повторить наш путь.

– Мне доводилось слышать убедительные доводы в пользу этого тезиса.

– Всем доводилось, – сказала она коротко. – Здравый смысл для здравых людей, и нет нужды скармливать им что-то иное. А что, если марсианская этика не допускала переоблачения, Ковач? Никогда об этом не задумывался? Что, если смерть означает, что ты оказался недостоин жизни? Что, даже если тебя можно вернуть, у тебя нет на это *права*.

– В технологически развитой культуре? Культуре звездных путешествий? Фигня это, Вардани.

– Нет, это теория. Функционально определяемая этика хищной птицы. Феррер и Ёсимото из Брэдбери. И пока существует не так уж много данных, чтобы ее опровергнуть.

– А ты-то в это веришь?

Она вздохнула и снова села на стул:

– Разумеется, не верю. Я просто пытаюсь продемонстрировать, что на этом банкете хватает блюд и помимо маленьких привычных очевидностей, которые преподносит человеческая наука. Мы почти ничего не знаем о марсианах, и это после сотен лет исследований. А то, что мы, по нашему мнению, знаем, в любой момент легко может оказаться ошибкой. Назначение половины вещей, что мы находим на раскопках, остается для нас полной загадкой, и мы при этом торгуем ими, как будто они просто какая-то декоративная херня. Может быть, сейчас на стене гостиной в чьей-нибудь квартире на Латимере висит закодированная информация о сверхсветовом двигателе, – она помолчала. – И наверняка еще и вверх тормашками.

Я расхохотался. Это разрядило напряжение. Губы Вардани тронула невольная улыбка.

– Нет, я серьезно, – пробормотала Таня. – Ты считаешь, раз я могу открыть этот портал, то мы что-то о нем точно знаем. Ну так вот, не знаем. Ты не можешь строить никаких допущений. Ты не можешь мыслить в рамках человеческих представлений.

– Ну ладно, – я прошел за ней обратно в центр комнаты и тоже сел.

Вообще-то идея о том, что человеческий стек вытащили какие-нибудь марсианские припортальные коммандос, что эту личность загрузили в марсианскую виртуальность и что там

могло произойти с человеческим сознанием, – от этой идеи у меня по спине ползли мурашки. Я был бы очень рад, если бы она и вовсе никогда не приходила мне на ум.

– Только это теперь твои слова выглядят как байка о вампирах, – сказал я.

– Я просто предупреждаю.

– Ладно, я предупрежден. А теперь скажи мне вот что. Сколько еще археологов знало о местоположении объекта?

– Не считая моей команды? – она задумалась. – Мы подали отчет в центральное управление в Лэндфолле, но это было еще до того, как поняли, с чем имеем дело. В отчете он фигурировал как «обелиск». Объект неизвестного назначения, но, как я уже говорила, каждая вторая вещь, которую мы раскапывали, квалифицировалась как ОНН.

– Ты же в курсе, что, по словам Хэнда, в лэндфолльских регистрационных записях нет данных о подобном объекте?

– Да, я читала рапорт. Ну, наверное, файлы затерялись.

– Слишком уж, на мой взгляд, удобное совпадение. Файлы в принципе, может, и теряются, но точно не тот файл, в котором упоминается самая значимая находка со времен Брэдбери.

– Я же сказала, что мы записали его как ОНН. Как обелиск. *Другой* обелиск. К тому времени, как мы нашли этот, мы обнаружили уже с десяток структурных элементов в разных частях береговой линии.

– И информацию не обновили? Даже после того как поняли, что перед вами?

– Нет, – она криво усмехнулась. – Гильдия всегда довольно сильно прессовала меня за «вычинские» наклонности, и многие скребуны, которые были под моим началом, тоже, как следствие, оказались запятнанными. Презрение со стороны коллег, критика в научных журналах. Обычные штучки конформистов. Когда мы осознали, что представляет собой наша находка, то, похоже, единодушно решили, что Гильдия может и подождать, пока мы не придумаем, как опозорить их поэффектнее.

– А потом началась война, и вы его закопали из тех же самых соображений?

– Угадал с первой попытки, – она передернула плечами. – Сейчас это, наверное, звучит по-детски, но тогда мы все были здорово сердиты. Не знаю, поймешь ли ты, каково это – видеть, как все результаты твоих исследований, все теории, которые ты разработал, летят в мусорную корзину, потому что ты занял неправильную политическую позицию.

В моей памяти промелькнуло воспоминание об Инненинских слушаниях.

– Да, звучит знакомо.

– Думаю… – она заколебалась. – Думаю, повлияло еще кое-что. В ночь, когда мы впервые открыли портал, у нас сорвало крышу. Отвязная вечеринка, много всякой химии, много всяких разговоров. Все размечтались о профессорских званиях на Латимере; мне прочили титул почетного деятеля науки Земли за общий вклад, – она улыбнулась. – По-моему, я даже произнесла благодарственную речь. Эту часть вечера я помню плохо, и уже со следующего утра.

Она вздохнула и стерла улыбку с лица:

– Утром мы начали мыслить трезво. Начали прикидывать, что произойдет на самом деле. Мы понимали, что если отчитаемся о находке, то утратим над ней контроль. Гильдия пришлет мастера с правильными политическими взглядами, управление проектом перейдет к нему, а нас одобрительно похлопают по плечу и отправят по домам. Нет, мы, конечно, выйдем из академического забвения, но за определенную цену. Нас начнут печатать, но только после тщательной выверки, чтобы не допустить слишком частых упоминаний Вычинского в тексте. Начнут давать работу, но никакой независимой основы. Консультирование, – она скривилась, как будто это слово имело дурной вкус, – на чужих проектах. Нам будут хорошо платить, но это будет плата за молчание.

– Лучше, чем никакой.

Она состроила гримасу:

– Если бы я собиралась быть второй лопатой при каком-нибудь чисто выбритом, политически правильном мудиле со вдвое меньшим, чем у меня, опытом и квалификацией, я бы пошла работать на равнину, как все прочие. Единственная причина, по которой я вообще находилась на побережье, это желание вести собственные раскопки. Иметь возможность доказать истинность того, во что я верю.

– А прочие испытывали такие же сильные чувства?

– Под конец да. Изначально они пошли ко мне, потому что нуждались в работе, а в то время больше никто скребунов не нанимал. Но пара лет пренебрежительного отношения меняет человека. А большинство из них были молоды. Молодость дает энергию для гнева.

Я кивнул:

– Найденные нами в сетях тела могли принадлежать кому-то из них?

Она отвела взгляд:

– Полагаю, да.

– Сколько было людей в команде? Тех, которые могли бы

сюда вернуться и открыть портал?

– Не знаю. Всего человек шесть из них имели квалификацию Гильдии; двое или трое могли бы действительно попытаться. Арибово. Может быть, Вэн. Дхасанапонгсакул. Они все были крепкими профессионалами. Но самостоятельно? Работая по нашим записям, действуя вместе? – она покачала головой. – Я *не знаю*, Ковач. Тогда… все было по-другому. Мы были командой. Я не имею ни малейшего понятия, что будут представлять из себя эти люди в других обстоятельствах. Ковач, я даже уже не знаю, что буду представлять из себя *я*.

Ее фраза вызвала в воображении неуместное воспоминание о нашем купании в водопаде. Свернувшись кольцом, воспоминание угнездилось внизу моего живота. Я стал нащупывать обрывок предыдущей мысли.

– Ну, в архивах Гильдии в Лэндфолле должна быть информация об их ДНК.

– Да.

– И мы можем сравнить ее с образцами, взятыми из костей…

– Да, *знаю*.

– …но получить эту информацию отсюда будет непросто. И, откровенно говоря, я не понимаю, чего это поможет достичь. Мне не очень интересно, кто они такие. Я просто хочу понять, каким образом они оказались в сетях.

Она поежилась.

– Если это они… – она помолчала. – Я не хочу знать, кто это, Ковач. Я переживу без этого знания.

Я захотел протянуть к ней руки, преодолеть небольшое расстояние, отделявшее наши стулья друг от друга, но Таня внезапно показалась мне столь же суровой и таинственной, как та вещь, которую мы собирались открыть. Я не мог придумать, до какой части ее тела я мог бы дотронуться, чтобы мое прикосновение не выглядело назойливым, откровенно сексуальным или попросту нелепым.

Момент прошел. Растаял.

– Пойду посплю, – сказал я, поднимаясь. – Советую тебе сделать то же самое. Сутьяди собирается начать с рассветом.

Она рассеянно кивнула. Ее внимание было занято чем-то другим. Возможно, она стояла лицом к лицу со своим собственным прошлым.

Я оставил ее в одиночестве посреди обрывков бумаги с техноглифами.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Я проснулся, чувствуя себя разбитым – то ли от радиации, то ли от антирадиационных препаратов. Из окна баббл-тента сочился серый свет, из головы выскальзывал недосмотренный сон…

Видишь, Волк «Клина»? Видишь?

Могильер?

Остатки сна окончательно развеялись, изгнанные звуком энергичной чистки зубов, доносящимся из ниши умывального отсека. Повернув голову, я увидел Шнайдера, он одной рукой вытирал волосы полотенцем, а другой наяривал электрической зубной щеткой.

– Доброе утро, – пробубнил он сквозь пену.

– Доброе, – я сел на койке. – Который час?

– Пять с небольшим, – он пожал плечами, словно извиняясь, и обернулся к раковине, чтобы сплюнуть. – Сам бы еще повалялся, но Цзяну приспичило заняться боевыми искусствами, а я чутко сплю.

Я наклонил голову, прислушиваясь. Нейрохимия донесла до меня звуки тяжелого дыхания и периодических резких хлопков свободно сидящей одежды, раздающиеся за стенкой из синтбрезента.

– Вот ведь долбанутый, – пробурчал я.

– Эй, так он тут не один такой. Я думал, это необходимое требование. Половина тех, кого ты нанял, долбанутые.

– Угу, но, похоже, только один Цзян из всех страдает от бессонницы, – я выкарабкался из койки, хмуро отметив, сколько времени потребовалось боевой оболочке, чтобы полностью проснуться. Может быть, именно с этим и пытался бороться Цзян Цзяньпин. Повреждения оболочки – неприятное напоминание, и, как бы слабо они ни проявлялись, предвещают грядущую смерть. Даже незначительные болевые ощущения, которые начинаешь испытывать по мере ее старения, включают в мозгу дисплей с обратным отсчетом. Время пошло. Тик-так.

Шрр-хлоп!

– Хаййййиии!

– Ну да, – я с силой надавил на глаза пальцами. – Вот теперь я проснулся. Тебе щетка еще нужна?

Шнайдер вручил ее мне. Я взял из диспенсера новую насадку, включил и шагнул в душевую нишу.

Проснись и пой.

* * *

Ко времени, когда я, одетый и относительно бодрый, откинув полог спального отсека, вышел в общую жилую зону, Цзян уже слегка сбавил обороты. Стоя на месте, он медленно поворачивался то в одну, то в другую сторону, отрабатывая защитную технику. Стол и стулья были сдвинуты к стене комнаты, чтобы освободить середину, а входная дверь была открыта. Снаружи лился свет, голубоватый из-за песка.

Я достал из диспенсера амфетаминовую колу армейской спецсерии, открыл и принялся потягивать из банки, наблюдая за Цзяном.

– Ты что-то хотел спросить? – осведомился тот, когда его голова, следуя за правой рукой, описывающей широкую дугу защитного блока, повернулась ко мне.

Предыдущей ночью он подровнял машинкой темные густые волосы маорийской оболочки до двух сантиметров по всему черепу. Лицо, подчеркнутое стрижкой, было ширококостным и суровым.

– Ты каждое утро тренируешься?

Отрывисто:

– Да.

Блок, контрвыпад; пах и грудина. Он мог двигаться очень быстро, если хотел.

– Впечатляет.

– Необх-ходимость, – еще один смертоносный удар, по всей вероятности, в висок, проведенный после серии блоков, которые говорили об отступлении; весьма эффектно. – Каждому навыку нужна тренировка. Каждому действию – репетиция. Лезвие является *лезвием*, только когда оно остро.

Я кивнул:

– Хаяси.

Движения Цзяна чуть заметно замедлились.

– Ты читал Хаяси?

– Встречался с ним однажды.

Цзян остановился и пристально взглянул на меня:

– Ты *встречался* с Тору Хаяси?

– Я старше, чем выгляжу. Мы вместе совершали высадку на Адорасьон.

– Ты посланник?

– Был.

Какое-то время он, казалось, не находился с ответом. Я подумал, уж не решил ли он, что я пошутил. Но тут он поднес руки к груди и вложил правый кулак в согнутую левую ладонь, сопроводив это небольшим поклоном.

– Такеси-сан, если я оскорбил вас во вчерашнем разговоре о

страхе, прошу прощения. Я глупец.

– Нет проблем. Я не оскорбился. Каждый из нас справляется со страхом по-своему. Ты как насчет завтрака?

Он указал на противоположную стену, к которой отодвинул стол. На столе в плоской вазе горкой лежали фрукты и нечто похожее на ломти ржаного хлеба.

– Ничего, если я присоединюсь?

– Окажете… честь.

Мы еще не закончили есть, когда вернулся – где бы он там ни провел последние двадцать минут – Шнайдер.

– Сбор в главном тенте, – бросил он через плечо, ныряя в спальный отсек и через несколько мгновений снова выныривая. – Через пятнадцать минут. Сутьяди, судя по всему, хочет, чтобы явились все.

И он снова исчез.

Цзян начал было подниматься из-за стола, но я жестом пригласил его сесть обратно:

– Да расслабься. Он же сказал, пятнадцать минут.

– Я бы хотел принять душ и переодеться, – слегка церемонно произнес Цзян.

– Я ему скажу, что ты скоро придешь. Доешь завтрак-то, бога ради. Через пару дней ты без тошноты и куска не сможешь проглотить. Наслаждайся вкусом, пока можешь.

Он сел со странным выражением на лице.

– Такеси-сан, можно задать вам вопрос?

– Почему я больше не посланник? – по его глазам я понял, что угадал. – Можешь считать это этическим откровением. Я был на Иннении.

– Я читал о нем.

– Тоже у Хаяси?

Он кивнул.

– Ну что ж, он описывает события довольно близко к истине, но все же его там не было. Вот почему он высказывается по этому поводу так неопределенно. Не чувствует себя вправе судить. А я там был, и судить очень даже вправе. Нас поимели в жопу. Никто не знает наверняка, *сознательно* или нет, но я заявляю, что это все равно. Мои друзья погибли – погибли по-настоящему – без всякой на то необходимости. Только это и важно.

– Однако же как солдат вы должны…

– Цзян, не хочу тебя расстраивать, но я стараюсь больше не думать о себе как о солдате. Пытаюсь перерасти во что-нибудь иное.

– И кем же вы в таком случае себя считаете? – его тон остался вежливым, но в обращении появилась скованность, и еда в

тарелке была позабыта. – Во что вы переросли?

Я пожал плечами:

– Сложно сказать. Во что-то получше, так или иначе. Наемного убийцу, возможно?

Его глаза блеснули. Я вздохнул.

– Цзян, мне очень жаль, если тебя это оскорбляет, но это правда. Тебе, наверное, не хочется ее слышать; мало какому солдату захочется. Когда ты надеваешь на себя эту форму, ты фактически декларируешь, что отказываешься от права принимать независимые решения о Вселенной и своем месте в ней.

– Это *куэллизм*, – сказал он, чуть не отпрянув от стола.

– Может быть. Но от этого правда не перестает быть правдой.

Я толком не мог понять, с какой стати я взялся что-то объяснять этому человеку. Возможно, дело было в его непробиваемом спокойствии ниндзя, которое так и хотелось пробить. Или, возможно, причиной был этот его безупречно исполненный смертоносный танец, разбудивший меня ни свет ни заря.

– Цзян, ответь себе на такой вопрос: что ты сделаешь, когда вышестоящий офицер прикажет тебе сбросить плазма-бомбу на госпиталь, полный раненых детей?

– Есть определенные действия…

– Нет! – резкость собственного голоса удивила меня. – Солдаты выбирать не вольны. Выгляни в окно, Цзян. В этой черной мути, которую разносит ветер, есть жировые молекулы, которые раньше были людьми. Мужчинами, женщинами, детьми, развеянными в пыль по приказу какого-то вышестоящего офицера. Потому что они были помехой.

– Это сделали кемписты.

– Ой, вот не надо.

– Я бы не стал исполнять…

– Значит, ты больше не солдат, Цзян. Солдаты следуют приказам. Невзирая ни на что. В ту секунду, когда ты отказываешься исполнять приказ, ты перестаешь быть солдатом. Становишься просто наемным убийцей, пытающимся изменить условия своего контракта.

Он встал.

– Пойду переоденусь, – сказал он холодно. – Пожалуйста, передайте мои извинения за задержку капитану Сутьяди.

– Без проблем, – я взял со стола киви и откусил вместе с кожурой. – Встретимся там.

Дождавшись, когда он удалится в противоположный спальный отсек, я поднялся из-за стола и вышел из тента

навстречу утреннему солнцу, дожевывая мохнатую горьковатую кожицу, перемешанную с мякотью.

Снаружи медленно просыпался лагерь. На пути к общему тенту я увидел Амели Вонгсават, примостившуюся под одной из опорных стоек «Нагини», и Иветту Крукшенк, которая помогала ей удерживать на весу сегмент гидравлической системы. Вардани ночевала в лаборатории, а трое остальных женщин в итоге разместились в одном тенте, не знаю, случайно или преднамеренно. Никто из мужской части команды не стал претендовать на четвертую койку.

Заметив меня, Крукшенк помахала рукой.

– Хорошо спала? – крикнул я.

Она ухмыльнулась:

– Как, блин, убитая.

Хэнд ждал у входа в общий тент. Гладко выбритый, умытый, в безупречно чистом хамелеохромном комбинезоне. В воздухе витал легкий пряный запах, исходивший, как мне показалось, от его волос. Он был так похож на образ из рекламного ролика программы офицерской подготовки, что мне немедленно захотелось влепить ему пулю в лоб.

– Доброе утро.

– Доброе утро, лейтенант. Как поспали?

– Мало.

Три четверти тента были отведены под место сбора, оставшаяся четверть, отделенная перегородкой, предназначалась для нужд Хэнда. В центре стояла дюжина расставленных кольцом стульев, оборудованных меморибордами. Сутьяди работал с картографической проекцией, крутя туда-сюда крупное, размером со стол, центральное изображение береговой линии и прилегающих территорий, расставляя метки и делая записи в мемориборде своего стула. При моем появлении Сутьяди поднял голову.

– Ковач. Отлично. Если нет возражений, я хотел бы отправить вас с Сунь прокатиться на гравицикле.

Я зевнул:

– Вот повеселимся-то.

– Да, но это будет не единственная ваша задача. Я хочу поставить вспомогательное кольцо автотурелей в нескольких километрах отсюда, чтобы у нас было время подготовиться, в случае если периметр будет прорван, и, пока Сунь будет этим заниматься, кто-то должен прикрывать ей задницу. Ты за стрелка. Хансен и Крукшенк пойдут к центру с севера. Вы с Сунь – с юга, – он скупо улыбнулся. – Посмотрим, получится ли у вас встретиться где-нибудь посередине.

Я кивнул.

– Юмор, – я выбрал стул и плюхнулся на него. – Ты с ним поосторожней, Сутьяди. Вызывает привыкание.

* * *

Глядя на Заубервиль с обращенных к морю склонов хребта Дангрека, можно было яснее осознать степень разрушения. Взрывную воронку, образовавшуюся в крючкообразной оконечности полуострова, залило море, изменив при этом очертания береговой линии. Местность вокруг кратера по-прежнему дымилась, и с высоты были видны мириады крохотных очагов огня, тускло-красных, как маячки, отмечающие потенциальные горячие точки на политической карте.

От зданий же, от самого города не осталось и следа.

– Надо отдать Кемпу должное, – произнес я, обращаясь больше к задувающему с моря ветру, чем к кому-то еще, – он не склонен к переусложнению. Зачем думать о будущем? Как только ситуация начинает оборачиваться против него – бам! Просто берет и обрушивает огонь с небес.

– Что? – Сунь Липин все еще копалась во внутренностях только что установленной нами автотурели. – Ты мне?

– Да нет.

– С собой, значит, разговариваем? – она сдвинула брови, оценивая свою работу. – Плохой признак, Ковач.

Я хмыкнул и поерзал на сиденье стрелка. Гравицикл был наклонен под углом к шершавой траве, пара стационарных «санджетов» держала прицел на линии горизонта. Время от времени их дула подергивались – датчики движения реагировали то ли на колыхание травы, то ли на передвижение какого-нибудь мелкого зверька, чудом уцелевшего после взрыва.

– Так, ну всё, здесь закончили.

Сунь закрыла дверцу корпуса и сделала шаг назад, наблюдая, как турель, покачиваясь, точно пьяница, поднимается и поворачивается к горам. Из верхней части корпуса со щелчком выдвинулась ультравиб-батарея, и турель сразу протрезвела, словно вспомнив о своем жизненном предназначении. Гидравлическая система усадила ее на корточки, скрывая из поля зрения любого, кто стал бы подниматься по данному конкретному склону. Чуть ниже ствола из-под брони вылез метеодатчик. Машина начала до абсурдного походить на голодную лягушку, тянущую вверх одну особенно истощенную лапу.

Я прижал подбородок к контактному микрофону.

– Крукшенк, это Ковач. Ты меня слышишь?

– Яснее ясного, – лаконично ответила та. – Ты где, Ковач?

– Мы накормили-напоили номер шестой. Выдвигаемся на точку пять. Вы должны скоро оказаться в зоне нашей видимости. Убедитесь, что ваши метки читаются.

– Расслабься, а? Я как-никак профессионал.

– Только в прошлый раз тебя это не спасло, не правда ли?

Она фыркнула:

– Ниже пояса, чувак. Ниже пояса. Ты сам-то сколько раз умирал, Ковач?

– Больше одного, – признал я.

– Вот и заткнись тогда, – она насмешливо повысила голос.

– До скорого, Крукшенк.

– До скорого, до скорого. Конец связи.

Сунь взобралась на гравицикл.

– Ты ей нравишься, – бросила она через плечо. – Это так, к сведению. Мы с Амели полночи слушали о том, что бы она с тобой сделала, если бы вы оказались вместе в закрытой спасательной капсуле.

– Буду знать. То есть тебе это не по секрету рассказали?

Сунь включила двигатель, и вокруг нас сомкнулось ветровое стекло.

– Я полагаю, – сказала она задумчиво, – идея была как раз в том, чтобы кто-нибудь из нас донес это до тебя как можно скорее. Она родом с латимерского Лаймонского нагорья, а, насколько я понимаю, лаймонские девчонки не страдают попусту фигней, когда им хочется воткнуть вилку в розетку, – она обернулась, чтобы взглянуть на меня. – Ее слова, не мои.

Я ухмыльнулся.

– Но, конечно, ей придется поторопиться, – добавила Сунь, снова переведя глаза на приборную панель. – Через несколько дней у всех у нас либидо останется кот наплакал.

Я перестал ухмыляться.

Мы поднялись в воздух и двинулись вдоль хребта со стороны, обращенной к морю. Лететь на гравицикле было комфортно даже с загруженными багажными отсеками и переговариваться при поднятом ветровом стекле не составляло проблемы.

– Как ты считаешь, археолог правда может открыть портал? – спросила Сунь.

– Если кто-то вообще может, так это она.

– Если кто-то вообще может, – повторила она задумчиво.

Я в свою очередь задумался, вспоминая психодинамическую терапию, которую я применил для лечения Вардани; искалеченный внутренний мир, который мне пришлось вскрыть,

снимая слой за слоем, точно бинты, которые загноились и приросли к мясу. А внутри, в центре, жесткий стержень, который и дал ей силы выстоять.

Когда началось вскрытие, она не смогла сдержать рыданий, но плакала, широко раскрыв глаза, словно борясь с сонливостью, смаргивая слезы с ресниц, сжав в кулаки прижатые к телу руки и сцепив зубы.

Пробудил ее я, но восстановилась она самостоятельно.

– Беру свои слова обратно, – сказал я. – Она точно может. Без всякого «если».

– Твоя вера в нее на удивление крепка, – в голосе Сунь, как мне показалось, не было осуждения. – Странно видеть это в человеке, который так старательно пытается похоронить себя под грузом безверия.

– Это не вера, – ответил я коротко. – Это знание. Большая разница.

– Только вот, насколько я понимаю, посланники обладают способностью легко преобразовать одно в другое.

– Кто тебе сказал, что я был посланником?

– Ты, – на этот раз по ее голосу мне показалось, что она улыбается. – Ну, по крайней мере, ты сказал об этом Депре, а я услышала.

– Очень ловко с твоей стороны.

– Благодарю. Так, значит, моя информация верна?

– На самом деле не очень-то. Откуда такие сведения?

– Моя семья родом с Дома Хань. Там посланников называют… – она произнесла несколько певучих коротких слогов, – что в переводе с китайского означает «тот, кто превращает веру в факты».

Я хмыкнул. Что-то похожее я слышал на Новом Пекине пару десятков лет назад. В большинстве колониальных культур фигура посланника рано или поздно обрастает мифами.

– Судя по голосу, на тебя это не произвело впечатления.

– Это заблуждение. Посланники обладают усиленной интуицией, только и всего. Понимаешь, о чем я? Скажем, ты выходишь из дома, погода ясная, но ты прихватываешь с собой куртку, повинуясь импульсу. Позже идет дождь. Какой тут механизм?

Она оглянулась через плечо и вздернула бровь:

– Везение?

– Может, и везение. Но, скорее, некие системы в мозге и теле, о существовании которых ты даже и не подозреваешь, на каком-то подсознательном уровне производят оценку окружающей среды, и иногда им даже удается протиснуть эту оценку сквозь барьер,

выстроенный твоим суперэго. Подготовка посланников усиливает эту способность и помогает суперэго и подсознанию поладить между собой. Это не имеет ничего общего с верой, это просто ощущение, что за тем или иным фактом что-то стоит. Ты соединяешь одно с другим и набрасываешь общие очертания истины. Позже возвращаешься и заполняешь лакуны. Талантливые детективы занимались этим сотни лет безо всякой помощи. В нашем случае это просто суперусовершенствованная версия того же самого, – внезапно мне опостылели собственные словоизлияния; бойкие технические описания человеческих систем, за которыми можно спрятаться от эмоциональной реальности того, что представляла собой твоя работа. – А скажи-ка, Сунь, что тебя привело сюда с Дома Хань?

– Не меня, родителей. Они были биосистемными аналитиками, работали по контракту. Сюда их отправили пробоем, когда кооперативы Дома Хань вошли в долю в освоении Санкции IV. ОЧС транслировали их личности, я имею в виду. Загрузили в выращенных на заказ клонов сино-серии на Латимере. Все в соответствии с условиями контракта.

– Они все еще тут?

Она слегка поникла:

– Нет. Несколько лет назад они вышли на пенсию и вернулись на Латимер. Контракт на освоение Санкции IV принес хорошие деньги.

– И ты не захотела поехать с ними?

– Я здесь родилась. Это мой дом, – Сунь снова оглянулась на меня. – Полагаю, тебе трудно такое понять.

– Да нет, не очень. Я видел родины и похуже.

– Правда?

– Правда. Шария, например. *Направо*! Сворачивай *направо*!

Гравицикл накренился вперед и зашел на поворот. Реакция Сунь, учитывая, что она еще не до конца освоилась в оболочке, была выше всяких похвал. Я слегка переместился на сиденье, вглядываясь в склон холма. Мои руки легли на рукоять «санджета» и перевели его на ручное управление. С нынешними установками от автоматики на ходу было мало пользы, а временем на перепрограммирование мы не располагали.

– Там что-то движется, – я прижал подбородок к микрофону. – Крукшенк, наблюдаем движение. Присоединиться не хотите?

В ответ протрещало короткое:

– Летим. Сохраняйте метку.

– Ты его видишь? – спросила Сунь.

– Если бы я его видел, то уже подстрелил бы. А в прицеле что-

нибудь есть?

– Пока нет.

– Вот ведь здорово-то.

– Я думаю…

Тут мы достигли вершины холма, и Сунь разразилась ругательствами, судя по звуку, на мандаринском. Она резко дернула гравицикл вбок и развернулась, поднявшись еще на метр вверх. Я увидел то, что мы искали.

– Это что еще за херня? – прошептал я.

Будь они поменьше, я мог бы решить, что смотрю на гнездо недавно вылупившихся биоинженерных червей для очистки ран. Серая масса, извивавшаяся на траве под нами, так же влажно поблескивала и копошилась, точно миллион пар микроскопических рук, моющих друг друга. Но червями, на которых мы сейчас смотрели, можно было бы покрыть все раны на Санкции IV за последний месяц. Это была шевелящаяся сфера в метр диаметром, которая медленно катилась по склону холма, как наполненный газом воздушный шар. В месте, куда упала тень от гравицикла, на поверхности сферы начали формироваться выпуклости. Они росли и негромко лопались, словно нарывы, опадая обратно и растворяясь в общей массе.

– Гляди-ка, – тихо сказала Сунь. – Мы ему нравимся.

– Что это за херня?

– Ты уже спрашивал, и я по-прежнему не знаю.

Она отогнала гравицикл ближе к вершине холма, которую мы только что перевалили, и опустилась. Я навел «санджеты» на нашего нового приятеля.

– Как думаешь, оно достаточно далеко?

– Не волнуйся, – сказал я мрачно. – Если оно хоть дернется в нашем направлении, я разнесу его на клочки просто из принципа. Чем бы оно ни было.

– Не самый интеллектуальный подход.

– Ну… В таком случае зови меня Сутьяди.

Похоже, после того как наша тень сошла с штуки внизу, она успокоилась. Внутреннее копошение продолжалось, но какого-то координированного движения в нашу сторону не наблюдалось. Опершись на станок «санджета», я принялся наблюдать, на секунду задумавшись, не находимся ли мы по-прежнему внутри мандрейковского конструкта и не видим ли очередное нарушение вероятностей, как то серое облако, что закрывало собой Заубервиль, когда его судьба еще не была определена.

До моих ушей донеслось глухое жужжание.

– А вот и наши подрывные молодцы, – я всмотрелся в северный склон хребта, приметил другой гравицикл и выставил

нейрохим-увеличение. Из-за насеста за стрелковой установкой развевались по ветру волосы Крукшенк. Для скорости лета ветровое стекло гравицикла было сдвинуто и прикрывало только водителя. За стеклом, пригнувшись, сидел сосредоточенный Хансен. Я неожиданно почувствовал, как от этого зрелища в груди становится тепло.

Волчий ген, подумал я с раздражением. *Необоримая штука.*

Старый добрый Каррера. Ничего-то он не упустит, старая сволочь.

– Надо переслать это Хэнду, – сказала Сунь. – В архивах Картеля может найтись какая-то информация.

В моей памяти всплыл голос Карреры.

…*Картель запустил*…

Я посмотрел на шевелящуюся серую массу новыми глазами.

Твою же мать.

Завибрировав от резкой остановки, гравицикл остановился рядом с нашим. Хансен склонился вперед. Его брови сдвинулись.

– Это что за…

– Мы не знаем, что это за херня, – ядовито перебила Сунь.

– Нет, знаем, – сказал я.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

После того как Сунь поставила ролик на стоп-кадр, Хэнд некоторое время бесстрастно разглядывал застывшее изображение. Все остальные уже не смотрели на голодисплей. Глаза всех сидящих на расставленных кругом стульях и сгрудившихся у дверей людей были устремлены на Хэнда.

– Нанотехнологии, верно? – озвучил мысль всех присутствующих Хансен.

Хэнд кивнул. Его лицо представляло собой маску, но мои чувства посланника улавливали исходящие от него волны гнева.

– *Экспериментальные* нанотехнологии, – уточнил я. – Я-то думал, это стандартная страшилка, Хэнд. Не повод для беспокойства.

– Обычно так и есть, – его голос был ровен.

– Я работал с военными наносистемами, – сказал Хансен. – И я никогда не видел ничего подобного.

– И не могли видеть, – Хэнд слегка ожил и склонился вперед, указывая на голодисплей. – Это новая разработка. То, на что мы смотрим, называется нулевой конфигурацией. Нанобы не запрограммированы ни на какие действия.

– И что они делают? – спросила Амели Вонгсават.

Хэнд бросил на нее удивленный взгляд:

– Ничего. Они не делают ничего, госпожа Вонгсават. В буквальном смысле. Питаются, поглощая радиацию в зоне взрыва, умеренными темпами воспроизводятся и… существуют. Это их единственные параметры.

– Звучит довольно безобидно, – неуверенно произнесла Крукшенк.

Я заметил, как обменялись взглядами Сутьяди и Хансен.

– Безобидно, да, при нынешнем положении вещей, – Хэнд ткнул в кнопку на мемориборде своего стула, и стоп-кадр исчез. – Капитан, думаю, пора заканчивать сбор. Правильно ли я понимаю, что датчики предупредят нас о любом непредвиденном повороте событий заранее?

Сутьяди нахмурился.

– Любой движущийся объект будет замечен, – согласился он. – Но…

– Отлично. Значит, можем возвращаться к работе.

По кругу собравшихся пробежал ропот. Кто-то фыркнул. Сутьяди ледяным тоном призвал к порядку. Хэнд поднялся, откинул полог и прошел в свой жилой отсек. Оле Хансен дернул подбородком в сторону уходящего менеджера, и присутствующие отозвались одобрительным бормотанием. Сутьяди снова охладил общий пыл порцией своих «заткнулись все на хрен» и начал раздавать задания.

Я подождал, пока он закончит. Члены дангрекской команды стали расходиться по одному – по двое. Задержавшихся выпроводил Сутьяди. Таня Вардани чуть помешкала в дверях, глядя в мою сторону, но Шнайдер что-то прошептал ей на ухо, после чего они оба вышли с общим потоком. Сутьяди тяжело посмотрел на меня, осознав, что я остаюсь, однако тоже ретировался. Я помедлил еще пару минут, затем встал и прошагал к отсеку Хэнда. Прикоснувшись к панели звонка, вошел.

Хэнд лежал, растянувшись на раскладушке, и смотрел в потолок. Он едва взглянул в моем направлении.

– Чего тебе, Ковач?

Я взял стул и сел:

– Ну, для начала было бы неплохо уменьшить количество только что навешанной лапши.

– Что-то не припоминаю, чтобы кому-то лгал в последнее время. А я обычно стараюсь вести учет вранью.

– Правды ты тоже не очень-то много сообщил. По крайней мере нашим бойцам, а в случае со спецназом я считаю это ошибкой. Они не идиоты.

– Да, они не идиоты, – равнодушно, словно ботаник,

помечающий образцы растений, произнес Хэнд. – Но они получают деньги, а это почти то же самое или даже лучше.

Я полюбовался на свою ладонь:

– Я тоже получил деньги, но это не помешает мне порвать тебе горло, если попытаешься вешать лапшу мне.

Молчание. Если угроза и произвела на него впечатление, он этого никак не выказал.

– Ну так что, – сказал я наконец, – собираешься ты мне рассказывать, что там с этими нанотехнологиями?

– С ними ничего. Я сказал госпоже Вонгсават чистую праву. Нанобы находятся в нулевой конфигурации, поскольку они ничего не делают.

– Да ладно, Хэнд. Если они ничего не делают, чего ты дергаешься?

Какое-то время он рассматривал потолок. Казалось, он не может оторваться от тускло-серой ткани. Я уже был готов встать и стащить его с кровати, но меня удержало какое-то из чувств посланника. Хэнд пытался что-то переосмыслить.

– Знаешь, чем хороша война, подобная этой?

– Тем, что не дает населению слишком крепко задумываться?

По его лицу проскользнула слабая улыбка:

– Тем, что предоставляет потенциал для инноваций.

Эти слова, казалось, внезапно придали ему сил. Он свесил ноги с постели и сел, упершись локтями в колени и сжав руки. Его взгляд встретился с моим.

– Что ты думаешь о Протекторате, Ковач?

– Шутишь, да?

Он покачал головой:

– Никаких хитростей. Никаких подвохов. Что для тебя Протекторат?

– «Костлявая рука мертвеца, сжимающая яйцо, из которого пытается вылупиться птенец»?

– Очень лирично, но я не спрашивал, как называла его Куэлл. Я спросил, что думаешь ты.

Я пожал плечами:

– Я думаю, что она права.

Хэнд кивнул.

– Да, – сказал он просто. – Она была права. Человечество покорило космос. Для этого мы нырнули в глубь измерения, для восприятия которого у нас нет органов. Мы выстроили общества на планетах, отстоящих друг от друга настолько, что самым быстрым из наших кораблей потребуется полтысячелетия, чтобы добраться из одной сферы нашего влияния до другой. И знаешь, как нам это удалось?

– Мне кажется, я уже слышал похожие речи.

– Это сделали корпорации. Не правительства. Не политики. Не этот сучий Протекторат, который мы так воспеваем. Корпоративное планирование поставило перед нами цель, корпоративные инвестиции обеспечили средства ее достижения, а корпоративные работники ее осуществили.

– Аплодисменты корпорациям, – я сдержанно похлопал.

Хэнд проигнорировал мой сарказм:

– А после того как мы все сделали, что происходит? Появляется ООН и надевает на нас намордник. Лишает нас власти, которую предоставила на время основания диаспоры. Снова облагает налогами, переписывает свои протоколы. *Кастрирует* нас.

– Я прям сейчас зарыдаю, Хэнд.

– Не смешно, Ковач. Имеешь ли ты хоть малейшее представление о том, какого технологического прогресса мы могли бы сейчас достичь, если бы не этот намордник? Ты знаешь, какая у нас была скорость во времена диаспоры?

– Читал.

– В области астронавтики, криогеники, биологии, искусственного интеллекта, – перечислял он, загибая пальцы. – За десять лет мы достигли столько, что хватило на столетие. Глобальный тетраметовый приход для всего научного сообщества. И всему этому положили конец протоколы Протектората. Если бы нас не остановили, мы бы уже открыли сверхсветовые путешествия. Сто процентов.

– Ну, сейчас-то легко говорить. Мне кажется, ты опускаешь кое-какие неудобные исторические детали, но не суть. Ты хочешь сказать, что Протекторат изменил для вас протоколы только для того, чтобы вы по-быстрому выиграли эту войну?

– По сути, да, – он неопределенно покрутил руками. – Неофициально, разумеется. Так же неофициально, как присутствие всех этих протекторатских дредноутов возле Санкции IV. И неофициально каждый член Картеля имеет неограниченные полномочия во всем, что касается военных технологических разработок.

– И то, что там копошится на холме, это они и есть? Результат неограниченных полномочий?

Хэнд сжал губы:

– УКЖЦ. «Умная» система нанобов с ультракоротким жизненным циклом.

– Звучит многообещающе. И что же она делает?

– Не знаю.

– Ой, ну знае…

– Нет, – он склонился вперед. – Я *не* знаю. Никто из нас не знает. Это новый фронт. Это называется ОАН. Открытая адаптивная наносистема.

– ОАН? Обосраться, какое миленькое названьице. Это оружие?

– Разумеется.

– И как оно работает?

– Ковач, ты меня не слушаешь, – в его голосе начал проступать кое-какой невеселый энтузиазм. – Это эволюционирующая система. «Умная» эволюция. Никто не знает, что она делает. Попробуй представить, что могло произойти с жизнью на Земле, если бы молекулы ДНК обладали некими зачатками мышления – представь, как быстро эволюция привела бы нас к нынешнему состоянию. А теперь умножь эту цифру на миллион или еще больше, поскольку «короткий жизненный цикл» буквально означает «короткий». На последнем брифинге по проекту, на котором я присутствовал, я слышал, что им удалось свести протяженность жизни каждого поколения к четырем минутам. Что оно делает? Ковач, мы еще только начинаем понимать, что оно *может* делать. Систему моделировали в высокоскоростных конструктах, разработанных ВИИ, и каждый раз получался новый результат. Один раз система построила автопушки, похожие на кузнечиков размером с танк-паук, причем они могли взмывать на семьдесят метров вверх и пикировать вниз, не снижая точности огня. В другой раз она превратилась в облако спор, при контакте с которыми распадались любые углеродные молекулы.

– О как. Замечательно.

– Ну в нашем случае это не вариант – нет того количества военных, чтобы повлиять на эволюционный отбор.

– Но можно ждать чего угодно.

– Да, – Хэнд начал изучать свои руки. – Полагаю, что так. Как только система станет активной.

– И когда это может случиться?

Хэнд пожал плечами:

– Когда она потревожит турели Сутьяди. Как только они начнут в нее стрелять, она начнет эволюционировать, чтобы выработать ответ.

– А если мы взорвем ее прямо сейчас? Уверен, что именно за этот вариант отдаст голос Сутьяди.

– Чем взорвем? Если используем ультравиб «Нагини», просто быстрее подготовим ее ко встрече с турелями. Если используем еще что-нибудь, она начнет эволюционировать, обойдет и это препятствие и на турели выйдет только крепче и умнее. Это же

нанотех. Нанобов не перебьешь поодиночке. Какая-то часть непременно уцелеет. Черт, Ковач, в лабораториях мы определили восьмидесятипроцентную смертность как эволюционный идеал. Какое-то количество – самые крепкие засранцы – выживает, и именно они поймут, как победить в следующий раз. Любое – буквально любое – действие, которое вышибет систему из нулевой конфигурации, только все ухудшит.

– Но должен же быть какой-то способ ее отключить.

– Способ есть. Нужны коды отмены проекта. Которых у меня нет.

То ли это сказывалось действие противорадиационных препаратов, какие бы мы там ни принимали, то ли что-то еще, но на меня вдруг навалилась усталость. В глаза как будто насыпали песка. Кроме вариации на тему давешней тирады Тани Вардани, обращенной к Сутьяди, сказать было особенно нечего. Лишь впустую сотрясать воздух. С такими людьми разговаривать бесполезно. Военные, корпоративные менеджеры, политики. Их можно только убить, да и это редко помогает исправить ситуацию. Их дерьмо никуда не девается, а им на смену приходит кто-то другой.

Хэнд кашлянул:

– Если нам повезет, мы закончим прежде, чем она далеко продвинется.

– Если Геде будет на нашей стороне, хотел ты сказать?

Он улыбнулся:

– Если угодно.

– Ты сам ни одному своему сраному слову не веришь, Хэнд.

Улыбка исчезла с его лица:

– Тебе откуда знать, во что я верю?

– УКЖЦ, ОАН. Ты знаешь все аббревиатуры. Знаешь результаты эмуляции в конструкте. Знаешь и софт, и хард этого мудацкого проекта. Каррера нас предупредил о наличии нанотеха, ты тогда и ухом не повел. А сейчас вдруг злишься, боишься чего-то. Что-то тут не сходится.

– Жалость какая, – он начал подниматься. – Я тебе сказал ровно столько, сколько намеревался, Ковач.

Я оказался на ногах быстрее, и в моей правой руке возник интерфейсный пистолет. Он приник к моей ладони, как будто кормился с нее.

– Сидеть.

Хэнд взглянул на пистолет…

– Не валяй д…

…затем на мое лицо и осекся.

– Сел. Быстро.

Он осторожно опустился обратно на постель:

– Если ты со мной что-то сделаешь, Ковач, то потеряешь все. Деньги на Латимере, возможность выбраться с планеты…

– После того что я услышал, меня это не очень беспокоит.

– Моя резервная копия сохранена, Ковач. Убить меня – даром потратить пулю. Меня переоблачат в Лэндфолле и…

– Тебе когда-нибудь стреляли в живот?

Его глаза встретились с моими. Он замолчал.

– Это разрывные пули с высокой проникающей способностью. Предназначены для стрельбы по живым целям в замкнутом пространстве. Входит пуля, а выходят мономолекулярные осколки. Я стреляю тебе в живот, и ты будешь умирать весь остаток дня. Резервная копия резервной копией, но через это вот ты пройдешь здесь и сейчас. Мне однажды довелось умирать подобным образом, и могу тебя заверить, что в твоих интересах постараться этого избежать.

– Полагаю, у капитана Сутьяди найдутся возражения.

– Сутьяди сделает, как я скажу, и остальные тоже. У тебя после сегодняшнего сбора завелось не так много друзей, а пасть жертвами твоих эволюционирующих нанобов они жаждут не более меня. А теперь давай предположим, что беседа все же закончится цивилизованно.

Он смотрел на меня, пытаясь по моему взгляду, по жестам оценить степень угрозы. Он, скорее всего, проходил какую-то дипломатическую подготовку и располагал определенными рефлексами психовосприятия, определенными навыками анализа подобных ситуаций, но посланники имели такую встроенную способность к обману, что мало какой корпоративный биотех мог ей что-то противопоставить. Посланники проецируют твердое намерение на основе искусственной веры. И сейчас даже я сам не мог сказать, выстрелю я в Хэнда или нет.

Он решил, что выстрелю. Или спасовал из-за чего-то еще. Я все понял по его лицу и убрал пистолет. Я действительно не знал, как могло повернуться дело. Такое бывает. Специфика профессии чрезвычайного посланника.

– Информация исключительно для твоих ушей, – произнес Хэнд. – Я расскажу остальным об УКЖЦ, но прочего им знать не надо. Это будет контрпродуктивно.

Я вздернул бровь:

– Что, все так плохо?

– Похоже, – медленно, словно преодолевая неприятный вкус слов во рту, произнес он, – я кое в чем несколько переусердствовал. Нас подставили.

– Кто?

– Имена тебе ничего не скажут. Конкуренты.

– Еще одна корпорация? – спросил я, снова усаживаясь.

Он покачал головой:

– ОАН – разработка «Мандрейк». Мы брали фрилансеров, специалистов по УКЖЦ, но сам проект остается внутренним делом «Мандрейк». Утечки исключены. Это свои же пытаются подняться по карьерной лестнице. Коллеги.

Последнее слово сорвалось с его губ, словно плевок.

– И много у тебя таких коллег?

Он состроил гримасу:

– В «Мандрейк» не ищут друзей, Ковач. Партнеры поддерживают тебя до тех пор, пока им это выгодно. Доверять кому-либо сверх этого – смерти подобно. Таковы правила игры. Боюсь, я кое в чем просчитался.

– Значит, они запустили ОАН в надежде, что ты не вернешься с Дангрека? Как-то не больно дальновидно, нет? Учитывая, с какой целью мы здесь находимся, я имею в виду.

Хэнд развел руками:

– Они не знают, с какой целью мы здесь. Эта информация находится в стеке «Мандрейк», и ни у кого, кроме меня, допуска к ней нет. Они надавили на все имеющиеся у них кнопки только для того, чтобы узнать, что я вообще нахожусь здесь.

– Если они пытаются тебя здесь похоронить…

Он кивнул:

– Именно.

Я вдруг осознал еще одну причину, по которой он не хотел получить сейчас пулю, и пересмотрел оценку нашего противостояния. Хэнд не спасовал – он просто просчитал варианты.

– И хорошо защищена твоя резервная копия?

– Вне «Мандрейк»? Она практически неприступна. Изнутри? – он осмотрел свои ладони. – Не знаю. Мы отбывали в спешке. Коды безопасности относительно старые. При достаточном количестве времени… – он дернул плечом. – Всегда все упирается во время, да?

– Мы всегда можем дать задний ход, – предложил я. – Использовать код связи с Каррерой и отступить.

Хэнд натянуто улыбнулся:

– А почему, ты считаешь, Каррера нам дал этот код? Использование экспериментальных нанотехнологий ограничено протоколами Картеля. Для запуска системы мои враги должны были располагать связями на уровне Военного совета. Из чего вытекает, что они имеют доступ к кодам «Клина» и любого другого воинского формирования, сражающегося на стороне

Картеля. Забудь о Каррере. Он у них в кармане. Может, когда мы получили этот код, дело обстояло иначе, но теперь он просто маяк для наводки ракеты, только и ждущий активации, – еще одна натянутая улыбка. – А насколько я понимаю, при стрельбе «Клин», как правило, не мажет.

– Угу, – кивнул я, – как правило, не мажет.

– Ну вот, – Хэнд поднялся и подошел к окну, расположенному напротив его постели. – Теперь ты все знаешь. Доволен?

Я задумался.

– Единственное, что может вытащить нас отсюда целыми и невредимыми, это…

– Правильно, – сказал он, не отрывая взгляда от окна. – Сообщение с точным описанием нашей находки и серийный номер заявочного буя, закрепляющего ее за «Мандрейк» в качестве собственности. Это единственное, что сможет снова ввести меня в игру на достаточно высоком уровне, чтобы переиграть этих *неверных*.

Я выждал еще какое-то время, но, похоже, он закончил. Я поднялся, собираясь уходить. Он так и не посмотрел на меня. Глядя на его лицо, я вдруг испытал неожиданный прилив симпатии. Я хорошо представлял чувства, которые оставляет осознание собственного просчета. Я помедлил у выхода.

– Что? – спросил Хэнд.

– Возможно, тебе *стоит* помолиться, – сказал я. – Есть слабая вероятность, что от этого станет легче.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Вардани трудилась как проклятая.

Она атаковала непроницаемую складчатую поверхность портала с сосредоточенностью, которая граничила с яростью. Она часами сидела, набрасывая глифы и пытаясь установить их связи друг с другом. Когда она загружала их для секвенирования в тускло-серые инфочипы быстрого доступа, ее пальцы летали над клавишами, как у пианиста на тетрамете. Скармливая данные батарее синтезаторов, расставленных вокруг ворот, она, крепко обхватив себя руками, наблюдала, как сверкают контрольные панели, заявляя свой голографический протест против инопланетных протоколов, которые она им навязывала. Она изучала символы на сорока семи разных мониторах, пытаясь добиться обратной связи, которая помогла бы составить следующий сегмент. Не получая ее, собирала свои записи и, сцепив зубы, шагала обратно к баббл-тенту, чтобы начать все

сначала.

Когда она там сидела, я старался не попадаться ей под ноги. Стоя на своем наблюдательном пункте возле грузового люка «Нагини», сквозь открытую дверь тента я видел ее склонившуюся над столом фигуру. Нейрохимическое зрение давало мне крупный план Таниного лица, сосредоточенно хмурящегося над планшетом или над декой для инфочипов. Когда она шла в пещеру, я заходил внутрь и, неподвижно застыв посреди беспорядочно разбросанных по полу распечаток, продолжал наблюдение через мониторы.

Она стягивала волосы в тугой пучок, но отдельные пряди выбивались и падали ей на лицо. Одна такая прядь, обрамлявшая ее профиль, вызывала у меня чувство, которое я сам не мог определить.

Я смотрел, как работает Вардани, и на то, что с ней делает эта работа.

Сунь и Хансен смотрели за турелями, сменяя друг друга за пультом дистанционного управления.

Сутьяди смотрел за входом в пещеру, независимо от того, работала там Вардани или нет.

Прочие члены команды смотрели еле-еле расшифрованные спутниковые трансляции. Для веселья – пропагандистские каналы кемпистов, когда был прием; государственные программы – в остальных случаях. Появление самого Кемпа вызывало улюлюканье, люди притворялись, что стреляют в экран; вербовочным роликам Лапине аплодировали и подпевали. По ходу дела реакции стали смешиваться в единый ироничный настрой, из-за чего Кемпа стали встречать в стиле Лапине и наоборот. Депре и Крукшенк наводили стволы на Лапине, а идеологические речи Кемпа, уже заученные наизусть, команда зачитывала хором, повторяя все приемы и демагогические ухватки. Практически все, что появлялось на дисплее, тут же вызывало взрыв весьма полезного в нынешних обстоятельствах смеха. Даже по лицу Цзяна время от времени пробегала тень улыбки.

Хэнд наблюдал за океаном, сосредоточив внимание на юге и востоке.

Иногда я поднимал голову и, глядя на звездные россыпи в ночном небе, думал о том, кто же сейчас смотрит за нами.

* * *

Через два дня автотурели нанесли первый удар по колонии

нанобов.

Когда заработала ультравиб-батарея, меня как раз рвало завтраком. От залпа кости загудели, засосало под ложечкой, что отнюдь не способствовало улучшению самочувствия.

Три следующие друг за другом пульсации. Затем тишина.

Я вытер рот, спустил воду в унитазе и вышел наружу. Беспросветно-серое небо на горизонте было чистым, если не считать дыма, тянущегося от руин Заубервиля. Никакого другого дыма, никаких отблесков огня на горизонте, говоривших о повреждении техники.

Крукшенк тоже стояла на берегу с «санджетом» на изготовку, глядя в сторону холмов. Я подошел к ней.

– Чувствуешь?

– Угу, – я сплюнул в песок; в висках по-прежнему пульсировало то ли от приступа рвоты, то ли от ультравиб-залпа. – Похоже, мы вступили в бой.

Она искоса взглянула на меня:

– Ты как?

– Блевал. Ты нос-то не задирай. Через пару дней сама будешь заниматься тем же.

– Ну спасибо.

Снова прокатился рокот, отозвавшийся в каждом уголке тела, на этот раз более продолжительный. Внутренности заходили ходуном. Побочный выброс, распространение колебаний, отдача от направленной, сфокусированной волны, исходящей от батареи. Я скрипнул зубами и закрыл глаза.

– Это прицельный, – сказала Крукшенк. – Первые три выстрела были сопровождающими. Теперь она захватила цель.

– Отлично.

Рокот стих. Я наклонился и попытался просморкаться, освобождая ноздрю от остатков рвоты, застрявших в носоглотке. Крукшенк с интересом наблюдала за мной.

– Слушай, ну ты не могла бы?..

– О, пардон, – она отвела глаза.

Я продул другую ноздрю, снова сплюнул и стал рассматривать горизонт. Небо по-прежнему было чистым. В ошметках рвоты и слизи у моих ног виднелись маленькие капли крови. Похоже, процесс распада пошел.

Херово.

– А где Сутьяди?

Она ткнула в сторону «Нагини». Под носом штурмовика находилась передвижная рампа, на которой стояли Сутьяди и Оле Хансен, по всей видимости, обсуждая что-то имеющее отношение к передней батарее судна. На песке неподалеку, наблюдая за

ними, сидела Амели Вонгсават. Депре, Сунь и Цзян либо доедали завтрак на камбузе, либо занимались чем-то еще, коротая время.

Приставив ладонь козырьком ко лбу, Крукшенк посмотрела на стоящих на рампе мужчин.

– Думаю, наш капитан только этого и ждал, – сказала она задумчиво. – Он наворачивал круги вокруг этих пушек с самого нашего прибытия. Смотри, как улыбается.

Я побрел к рампе, борясь с то и дело подступающей тошнотой. Заметив меня, Сутьяди присел на корточки у края. Никаких следов улыбки на его лице не наблюдалось.

– Похоже, наше время истекло.

– Еще нет. Хэнд говорит, что нанобам потребуется несколько дней, чтобы приспособиться к ульравиб-ударам. Я бы сказал, время истекло где-то наполовину.

– В таком случае остается надеяться, что твоя подружка-археолог продвинулась на столько же. У тебя не было возможности пообщаться с ней в последнее время?

– Да разве ж хоть у кого-нибудь была такая возможность?

Он состроил гримасу. После того как все узнали об ОАН, Вардани не проявляла особенной разговорчивости. Она приходила поесть, исключительно чтобы восполнить дефицит калорий, после чего удалялась. От попыток завязать беседу она отстреливалась односложными ответами.

– Было бы неплохо получить сводку по текущему состоянию дел, – сказал Сутьяди.

– Попробуем.

Я зашагал по берегу, на ходу обменявшись с Крукшенк особым лаймонским рукопожатием, которому она меня научила. Действие было рефлекторным, но оно вызвало легкую улыбку на моем лице, и даже тошнота слегка отступила. Этому я научился в Корпусе. Рефлексы могут действовать на самых неожиданных и глубоких уровнях.

– Есть минутка поговорить? – спросила Амели Вонгсават, когда я проходил мимо ее наблюдательного пункта.

– Угу, я сейчас вернусь. Нужно проверить, как там наша трудоголичка.

Фраза не произвела особенного комического эффекта.

Сидя на раскладном стуле в углу пещеры, Вардани хмуро разглядывала портал. На экранах-филигранниках, растянутых над ее головой, мерцали последовательности символов. Плетенка инфокатушки сбоку была очищена, минимизированные инфогранулы потерянно кружили в верхнем левом углу. Необычная манера – большинство людей, когда заканчивают работу, прижимают инфогранулы к проекционной поверхности, –

а тут казалось, что Таня просто смахнула с рабочего стола все стоящие на нем предметы. Наблюдая за ней, я не раз видел, как она так делала, как направленный вверх взмах руки придавал гневу и раздражению некоторую элегантность. Мне нравилось на это смотреть.

– Хорошо бы ты не задавал очевидных вопросов, – сказала Вардани.

– Нанобы начали действовать.

Она кивнула:

– Да. Я почувствовала. Сколько это нам оставляет, три-четыре дня?

– Хэнд сказал, самое большее – четыре. Так что ровным счетом никакого давления.

Это вызвало слабую улыбку. По всей видимости, я потихоньку разогревался.

– Есть какой-нибудь прогресс?

– Это как раз и есть очевидный вопрос, Ковач.

– Извини, – я отыскал ящик и сел. – Сутьяди, однако, начинает дергаться. Ему нужны параметры.

– Ну в таком случае я срочно заканчиваю плевать в потолок и просто беру и открываю эту штуку.

Я сам растянул губы в улыбке:

– Ага, было бы неплохо.

Повисла пауза. Портал приковал к себе мое внимание.

– Все же правильно, – пробормотала Вардани. – Длины волн верные, звук и визуальное изображение тоже. Математическая часть в порядке – ну то есть, насколько я *понимаю* математическую часть, она в порядке. Я отталкивалась от того, что должно произойти, экстраполировала. Насколько помню, именно так мы и делали в прошлый раз. Должно все, мать его, работать. Что-то я упускаю. Что-то забыла. Что-то, возможно, – ее лицо дернулось, – из меня вышибли.

В голосе послышался истерический надлом, и она замолчала, остановившись на грани, отделявшей ее от воспоминаний, которые она не могла себе позволить. Я поспешил на помощь.

– Если кто-то побывал здесь до нас, мог он каким-то образом изменить установки?

Она помолчала еще с минуту. Я ждал. Наконец она подняла голову.

– Спасибо, – она прочистила горло. – Кхм. За доверие. Но это, знаешь, очень вряд ли. «Очень» – это в смысле миллион к одному. Нет, я практически уверена: я что-то упускаю.

– Но это возможно?

– Это *возможно*, Ковач. Все на свете возможно. Но с

реалистической точки зрения – нет. Ни один человек не мог бы этого сделать.

– Смогли же люди его открыть, – заметил я.

– Ну да. Ковач, даже собака может открыть дверь, встав на задние лапы. Но когда ты последний раз видел собаку, которая сняла бы дверь, поменяла петли и повесила дверь обратно?

– Ясно.

– Иерархия сложности. Все, чему мы научились в плане обращения с марсианскими технологиями, – читать астронавигационные карты, пользоваться штормовыми укрытиями, кататься на той подземке, что обнаружили на Земле Нкрумы, – все это вещи, которые рядовой взрослый марсианин мог делать с закрытыми глазами. Базовые технологии. Как водить машину или пользоваться бытовой техникой. А сейчас, – она ткнула в сторону изогнутого шпиля, высящегося за рядами ее аппаратуры, – мы имеем дело с высшим достижением их научной мысли. Ничего подобного мы не находили за все пятьсот лет ковыряния в земле более чем тридцати планет.

– Может, мы просто не там ищем. «Хватаемся за блестящую пластиковую оболочку, топча ногами сложную электронику, которую она некогда покрывала».

Она бросила на меня недобрый взгляд:

– Ты что, заделался вдруг поклонником Вычинского?

– Почитал кое-что в Лэндфолле. Более поздние его работы найти было непросто, но у «Мандрейк» довольно эклектичные базы данных. Судя по тому, что я успел увидеть, он был практически убежден, что поисковый протокол Гильдии – от начала и до конца полное говнище.

– Он это писал от обиды. Не так-то легко в одночасье превратиться из признанного мыслителя в гонимого диссидента.

– Но он предсказал порталы, так ведь?

– Практически да. В архивных материалах, собранных его командами в Брэдбери, встречались намеки на них. Пара упоминаний чего-то под названием «Шаг за пределы». Гильдия решила интерпретировать это как описание технологии гиперсвязи из-под пера какого-то лирика. В то время мы не могли определить, какого рода текст перед нами. Эпическая поэзия и прогноз погоды выглядели для нас совершенно одинаково, и Гильдия была счастлива уловить хотя бы общую суть написанного. Понимание, что «Шаг за пределы» обозначает «коммуникатор гиперсвязи», еле выхватили из челюстей невежества. Ведь если это понятие относилось к какой-то еще неизвестной технологии, от него не было бы никакого толка.

Пещеру начала сотрясать постепенно нарастающая вибрация.

С распорных конструкций, установленных на скорую руку, посыпалась пыль. Вардани посмотрела вверх.

– Ого.

– Да уж, ты тут поосторожней. Хансен и Сунь считают, что этот крепеж выдержит, даже если источник реверберацій будет располагаться гораздо ближе, чем внутреннее кольцо автотурелей, но, с другой стороны, – я пожал плечами, – им обоим в прошлом уже довелось совершить как минимум одну фатальную ошибку. Я подгоню рампу, чтобы на тебя не обрушилась крыша в момент твоего триумфа.

– Спасибо.

Я снова пожал плечами:

– Ну, это в наших общих интересах, чего уж там.

– Я другое имела в виду.

– А, – я махнул рукой, неожиданно ощутив неловкость, – слушай, ты уже открывала эту штуку раньше. Сможешь открыть и снова. Просто вопрос времени.

– Которого у нас нет.

– Скажи-ка мне вот что, – подготовка посланника тут же побудила меня найти какой-нибудь способ рассеять уныние, все сильнее проступавшее в ее голосе. – Если это и впрямь вершина марсианской технической мысли, как тогда твоей команде вообще удалось его открыть? Так что…

Я умиротворяюще поднял руки.

На ее лице снова появилась усталая улыбка, и я вдруг подумал о том, как сильно на ней успело сказаться радиационное отравление на пару с его химическим противовесом.

– Ты так и не понял, Ковач? Это же тебе не люди. Они мыслят иначе, чем мы. Вычинский называет это «повышенной демократической технодоступностью». Как и в случае со штормовыми укрытиями. Доступ к ним был открыт любому – в смысле, любому марсианину – по той причине, что, ну, а *зачем* разрабатывать технологию, недоступную представителям твоего же собственного вида?

– Да, тут ты права. Это не по-человечески.

– Это вообще одна из причин конфликта Вычинского с Гильдией. Он написал о штормовых укрытиях статью. С научной точки зрения укрытия устроены довольно сложно, но реализация их такова, что это не имеет значения. Системы управления сделаны так просто, что ими можем пользоваться даже мы. Он назвал это явным признаком внутривидового единства и заявил, что концепция марсианской империи, которую разрывает на части война, попросту фигня.

– Не понимал, в каких случаях надо помалкивать, значит?

– Можно и так сказать.

– А какова же была его точка зрения? Война против иной расы? Кого-то, с кем нам еще не пришлось столкнуться?

Вардани дернула плечом:

– Либо так, либо они просто покинули этот регион галактики и отправились куда-то еще. Он не стал разрабатывать вглубь ни ту ни другую линию. Вычинский был иконоборцем. Его больше заботило ниспровержение того идиотизма, который уже успела нагородить Гильдия, чем построение собственных теорий.

– Удивительно глупое поведение для столь неглупого человека.

– Или удивительно бесстрашное.

– Можно и так сказать.

Вардани покачала головой.

– Ну, как бы там ни было. Одним словом, мы можем пользоваться всеми обнаруженными нами технологиями, которые мы можем понять, – она указала на ряды оборудования вокруг портала. – Нам приходится синтезировать свет, излучаемый горловой железой марсиан, как и звуки, которые, как мы думаем, они производили, но если мы что-то *понимаем*, то можем этим чем-то пользоваться. Ты спрашиваешь, как мы могли расколоть его в прошлый раз. А он так устроен. Любой марсианин, желающий воспользоваться порталом, мог его открыть. А значит, располагая этим вот оборудованием и достаточным количеством времени, можем и мы.

В ее голосе прозвучали упрямые ноты. Она снова была на коне. Я медленно кивнул и сполз с крышки ящика.

– Уходишь?

– Я должен поговорить с Амели. Тебе что-нибудь нужно?

Она бросила на меня странный взгляд.

– Больше ничего, спасибо, – она слегка выпрямилась в кресле. – Мне надо прогнать еще пару последовательностей, потом пойду поем.

– Отлично. Увидимся там. А, – я притормозил, – что сказать Сутьяди? Что-то ему да придется сказать.

– Скажи, что я открою портал не позднее, чем через два дня.

– Что, правда?

Она улыбнулась:

– Вряд ли. Но ты все равно скажи.

* * *

Хэнд был занят.

На полу в его комнате змеились сложные узоры из песка, а во всех четырех углах курились ароматические черные свечи. Менеджер «Мандрейк» восседал в позе лотоса в точке, где сходились линии, и пребывал в некоем подобии транса. В руках Хэнд держал медную чашу, куда капала кровь из рассеченного большого пальца. В середине чаши лежал вырезанный из кости символ, белый в красную крапинку крови.

– Что за херней ты тут маешься, Хэнд?

Он вынырнул из транса, и его лицо исказилось от ярости:

– *Я сказал Сутьяди, чтобы меня не беспокоили.*

– Угу, он передал. Так что за херней ты маешься?

Повисла пауза. Я анализировал состояние Хэнда. Язык тела говорил о том, что он был близок к насилию, и это меня вполне устраивало. Процесс медленного умирания сделал меня дерганым и склонным к членовредительству. Вся та симпатия, которую я испытывал к Хэнду пару дней назад, быстро испарялась.

Наверное, он в свою очередь проанализировал меня. Его левая рука опустилась, напряжение сошло с лица. Отставив чашу, он слизнул с пальца остатки крови.

– Я и не рассчитывал на понимание с твоей стороны, Ковач.

– Давай угадаю, – я обвел взглядом свечи, в воздухе стоял тяжелый и резкий запах благовоний. – Хочешь разжиться поддержкой сверхъестественных сил, чтобы вытащить нас из нынешней передряги.

Хэнд перегнулся и, не вставая, задул ближайшую свечу. Его мандрейковская маска уже вернулась обратно, голос был спокойным:

– Как обычно, Ковач, ты касаешься темы, о которой не имеешь ни малейшего представления, с тактичностью стада шимпанзе. Скажу только, что существуют ритуалы, соблюдение которых необходимо для любых плодотворных взаимоотношений с духовным миром.

– Не, ну вот это я, наверное, способен понять, ну так, в общих чертах. Ты говоришь о системе «баш на баш». Quid pro quo. Лужица крови в обмен на горстку услуг. Весьма коммерческий подход, Хэнд, весьма *корпоративный*.

– Ты чего хочешь, Ковач?

– Интеллектуальной беседы. Я подожду снаружи.

Я откинул полог и вышел, с удивлением почувствовав, как задрожали при этом руки. Должно быть, необработанная обратная связь от биоэлектроники в ладонных пластинах. Они и в лучшее-то время вели себя нервно, как беговые собаки, в высшей степени враждебно реагируя на любое покушение на их

операционную целостность, и от радиации страдали, наверное, не меньше, чем остальные части моего тела.

Пары от благовоний Хэнда застряли в носоглотке, как лоскуты мокрой тряпки. Я откашлялся. В висках запульсировало. Я скорчил рожу и издал вопль шимпанзе. Поскреб под мышками. Прочистил горло и еще раз откашлялся. Сел на один из стульев, составленных в круг, и осмотрел свою руку. Дрожь в конце концов унялась.

У Хэнда ушло минут пять, чтобы прибрать свою ритуальную атрибутику. Когда он вышел, то выглядел как достаточно рабочая версия того Матиаса Хэнда, которого мы привыкли видеть. Под глазами залегла синева и кожа приобрела сероватый оттенок, но той отрешенности, которую я видел во взглядах других людей, умирающих от радиационного отравления, в его взгляде не было. Хэнд не давал ей проявиться. На его лице читалось разве что медленно вызревающее осознание собственной неизбежной смертности, да и это мог различить лишь глаз посланника.

– Надеюсь, у тебя что-то *очень* важное, Ковач.

– Надеюсь, что нет. Амели Вонгсават сообщила мне, что прошлой ночью отключалась бортовая система наблюдения «Нагини».

Он посмотрел на меня.

Я кивнул:

– Ага. Минут на пять-шесть. Это нетрудно провернуть – Вонгсават говорит, систему можно убедить, что это часть стандартной процедуры инспекционной проверки. Так что сигналов тревоги не было.

– О Дамбалла, – он выглянул наружу и окинул взглядом берег. – Кто еще в курсе?

– Ты. Я. Амели Вонгсават. Она сказала мне, я сказал тебе. Ты, возможно, скажешь Геде, и он предпримет что-нибудь по этому поводу.

– Не начинай, Ковач.

– Время принять управленческое решение, Хэнд. Полагаю, Вонгсават вне подозрений – иначе с чего бы ей мне об этом рассказывать. Насчет себя я тоже уверен, и, полагаю, ты тоже ни при чем. За исключением нас троих, затрудняюсь сказать, кому еще мы можем доверять.

– Вонгсават проверила состояние корабля?

– Говорит, что настолько тщательно, насколько было можно, оставаясь на земле. Я больше беспокоюсь насчет оборудования в грузовом отсеке.

Хэнд закрыл глаза:

– Н-да. Просто замечательно.

Он начинал перенимать мою речевую манеру.

– В интересах безопасности я бы предложил, чтобы Вонгсават подняла корабль в воздух с нами двумя на борту – под предлогом слетать проведать наших наноприятелей. Она может запустить проверку систем, а мы займемся грузовой декларацией. Организуй это сегодня к ночи – как раз пройдет достаточно времени после обстрела нанобов.

– Хорошо.

– Также порекомендовал бы отныне иметь при себе одну из таких вот штучек, – я продемонстрировал компактный парализатор, которым меня снабдила Вонгсават. – И носить так, чтобы она не бросалась в глаза посторонним. Милая вещица, да? Как я понимаю, стандартная флотская модификация, прямиком из аварийного комплекта из пилотской кабины «Нагини». На случай мятежа. Минимальные последствия, если облажаешься и выстрелишь не в того, кого надо.

Он протянул руку.

– Не-а. Обзаведись собственным, – я опустил малютку-парализатор обратно в карман куртки. – Обратись к Вонгсават. Она тоже экипирована. Нас троих должно хватить, чтобы подавить в зародыше что бы то ни было.

– Ну да, – он снова прикрыл веки и потер большим и указательным пальцем внутренние уголки глаз. – Ну да.

– Да уж. Такое ощущение – кто-то сильно не хочет, чтобы мы прошли сквозь этот портал, правда? Может, ты не тем чувакам воскуриваешь фимиам?

Ультравиб-батареи снаружи дали новый залп.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Амели Вонгсават подняла корабль на пять километров, некоторое время покружила над землей, после чего включила автопилот. Сгрудившись в кабине, мы трое выжидательно уставились на полетный голодисплей, как дикари на пламя костра. Когда спустя три минуты ни в одной из систем «Нагини» не произошло никакого фатального сбоя, Вонгсават выпустила из легких воздух, который она, похоже, удерживала все это время.

– Наверное, не стоило волноваться, – сказала она без особой убежденности. – Тот, кто здесь развлекался, вряд ли захотел бы умереть вместе со всеми нами, какова бы ни была его цель.

– А это, – сказал я угрюмо, – зависит исключительно от степени его самоотверженности.

– Ты думаешь, что это Цз…

Я приложил к губам палец:

– Никаких имен. Пока рано. Не давай мыслям опережать события. Ну и к тому же стоит учитывать, что наш саботажник просто может уповать на профессионализм их поисковой команды. Все стеки ведь останутся целыми и невредимыми, если наш борт рухнет с небес, так ведь?

– Да, если только топливные элементы не заминированы.

– Ну вот видишь, – я повернулся к Хэнду. – Что, приступим?

* * *

Обнаружить проблему в грузовом отсеке не составило труда. Стоило Хэнду сломать печать на первом же взрывоустойчивом контейнере, оттуда повалил такой дым, что нас тут же вынесло обратно в отсек экипажа. Я хлопнул по панели аварийной герметизации, и дверь с грохотом упала. Щелкнули замки. Я лежал на спине, вытирая слезящиеся глаза и заходясь кашлем. Легкие горели, словно их раздирали чьи-то когти.

– Вот… жопа…

В поле зрения возникла Амели Вонгсават:

– Ребята, с вами всё в…

Слабо кивая, Хэнд замахал рукой, отсылая ее назад.

– Коррозионная граната, – просипел я. – Должно быть, открыли, бросили и заперли снова. Амели, что там находилось?

– Момент, – пилот вернулась в кабину, чтобы взглянуть на грузовую декларацию. – Похоже, в основном медицинское оборудование. Запасные модули для автохирурга, кое-какие антирадиационные препараты. Аппаратура для УЛПиО, экзокостюм для тяжелораненых. А, и еще заявочный буй «Мандрейк».

Я кивнул Хэнду.

– Ну, понятно, – я приподнялся и сел, привалившись спиной к изгибу корпуса. – Амели, не проверишь, где размещены остальные буи? И предлагаю проветрить грузовой отсек, прежде чем мы снова откроем дверь. Я и без этого говна уже загибаюсь.

Над моей головой висел автомат с напитками. Я протянул руку, достал пару банок и перебросил одну Хэнду.

– Держи. Запей оксиды.

Он поймал ее со смешком. Я усмехнулся в ответ.

– Итак?

– Итак, – он распечатал банку. – Судя по всему, источник утечки, которую мы обнаружили в Лэндфолле, проследовал за нами и сюда. Или ты думаешь, кто-то вчера просочился сюда извне, чтобы устроить диверсию?

Я поразмыслил:

– Маловероятно. Учитывая резвящихся тут нанобов, двойное кольцо турелей и смертельный уровень радиации на всем полуострове, явиться сюда мог только одержимый маньяк.

– Те кемписты, что проникли на территорию лэндфолльской Башни, подошли бы под такое описание. Они как-никак выжгли себе стеки. Настоящая смерть.

– Хэнд, если бы *я* пошел против «Мандрейк корпорейшн», я бы, наверное, и сам этим озаботился. Не сомневаюсь, что ваше подразделение контрразведки располагает *премилым* софтом для допросов.

Он пропустил мое замечание мимо ушей и стал развивать тему:

– Для того, кто смог расколоть Башню «Мандрейк», не составило бы труда пробраться прошлой ночью на борт «Нагини».

– Согласен, но более вероятен вариант внутренней утечки.

– Хорошо, давай будем исходить из этого. Кто? Твоя команда или моя?

Я склонил голову в сторону пилотской кабины и громко произнес:

– Амели, включи автопилот и иди сюда. Не хотелось бы создать впечатление, что мы обсуждаем тебя за твоей спиной.

После весьма короткой паузы в проеме двери показалась Амели Вонгсават со слегка смущенным выражением лица.

– Уже включила, – сказала она. – Я… э-э… я и так слушала.

– Ну и отлично, – я сделал приглашающий жест. – Потому что, рассуждая логически, сейчас ты единственный человек, кому мы можем по-настоящему доверять.

– Спасибо.

– Он сказал, «рассуждая логически», – после того как я прервал его молельный сеанс, настроение Хэнда так и не улучшилось. – Это не комплимент, Вонгсават. Ты сообщила Ковачу об отключении систем – это практически снимает с тебя подозрения.

– Если только я не прикрывала себя на случай, если кто-то откроет контейнер и обнаружит саботаж.

Я прикрыл глаза:

– Амели…

– Твоя или моя команда, Ковач? – нетерпеливо переспросил Хэнд. – Какая из?

– Моя команда? – я открыл глаза и принялся разглядывать этикетку на банке; после того как Вонгсават сообщила о случившемся, я уже успел пару раз поразмыслить на этот счет и полагал, что достаточно хорошо все продумал. – У Шнайдера как у пилота хватит навыков отключить бортовые мониторы. У Вардани, думаю, не хватит. Но и в том и в другом случае кто-то должен был сделать им более выгодное предложение, чем… – я выдержал паузу и бросил взгляд на кабину пилота. – …чем «Мандрейк». Что трудно представить.

– Мой опыт говорит, что достаточно сильные политические убеждения могут перекрыть материальную выгоду в качестве

мотивации. Может кто-то из них оказаться кемпистом?

Я подумал о том, что успел узнать за время нашего знакомства о Шнайдере.

«Наблюдать что-то подобное еще хоть раз в своей жизни мне на хер не всралось. Я пас, чего бы мне это ни стоило…»

И о Вардани:

«Сегодня мне пришлось увидеть, как было убито сто тысяч человек… Если я решу прогуляться, то буду знать, что меня обдувает ветер, в котором носятся частицы этих людей…»

– Не думаю.

– Вардани была в лагере для интернированных.

– Хэнд, четверть населения планеты сидит в лагерях для интернированных. В этом клубе членство получить несложно.

Возможно, мой голос был не так равнодушен, как я этого хотел. Хэнд тут же сменил тему.

– Ну хорошо, теперь что касается *моей* команды, – он виновато покосился на Вонгсават. – Кандидатов отобрали случайным образом и загрузили в новые оболочки всего несколько дней назад. Едва ли кемписты успели бы за это время до них добраться.

– А Могильеру ты доверяешь?

– Доверяю в том смысле, что ему насрать на все, кроме своего процента. И он достаточно умен и понимает, что Кемпу не победить в этой войне.

– Подозреваю, что и Кемп достаточно умен и понимает, что Кемпу не победить в этой войне, но это никак не сказывается на его вере в то, что она необходима. Перекрывает материальную выгоду, если помнишь.

Хэнд закатил глаза:

– Ладно, кто? Твоя ставка?

– Существует еще одна возможность, которую ты не учитываешь.

Он посмотрел на меня:

– Ой, только не это. Не надо этих сутьядевских сказок про полуметровые клыки.

Я пожал плечами.

– Как хочешь. У нас два необъясненных трупа, у которых вырезали стеки и еще черт знает что сделали, и они, похоже, участвовали в экспедиции, собиравшейся открыть портал. Теперь портал собираемся открыть мы, – я ткнул пальцем в пол, – получаем вот такое. Разные экспедиции с разрывом в месяцы или даже год. Единственное, что между ними есть общего, – то, что находится по другую сторону портала.

Амели Вонгсават склонила голову набок:

– На месте первоначальных раскопок Вардани никаких проблем же не было, разве нет?

– По их наблюдениям, не было, – я сел ровнее, пытаясь упорядочить течение мыслей. – Но кто знает, сколько времени занимает реакция этой штуковины. Откроешь ее, обратишь на себя внимание. Если у тебя высокий рост и перепончатые крылья, то все нормально. Если нет, запускается какой-нибудь… ну я не знаю, скажем, какой-нибудь медленно действующий аэрогенный вирус.

Хэнд фыркнул:

– И как он действует?

– Не знаю. Может, эта сука проникает тебе в мозг и… что-то с тобой делает. Превращает в психопата. Заставляет перебить коллег, вырубить их стеки и спрятать трупы в сетях. Уничтожить экспедиционное оборудование, – я заметил, как они оба смотрят на меня. – Да ладно, ладно, *знаю я*. Просто набрасываю варианты. Но вы задумайтесь. У нас там наносистема занимается эволюционным производством собственных боевых машин. И это мы построили. Человечество. А человечество отстает от марсиан на несколько тысяч лет по самым *консервативным* оценкам. Кто знает, какие защитные механизмы могли разработать и оставить марсиане.

– Может быть, во мне говорят годы коммерческой деятельности, Ковач, но мне трудно поверить в существование защитного механизма, который раскочегаривается целый год. В смысле, я бы акции такой компании не купил, а я по сравнению с марсианами пещерный человек. Гипертехнология, я полагаю, автоматически предполагает гиперэффективность.

– Ты, блин, и впрямь пещерный человек, Хэнд. Начнем с того, что ты оцениваешь все подряд, включая эффективность, с точки зрения прибыли. Система не обязана обеспечивать внешнюю выгоду, чтобы быть эффективной, она просто должна *работать*. Что вдвойне справедливо в случае оружия. Повернись к окну и погляди на то, что осталось от Заубервиля. Где тут чья-то прибыль?

Хэнд пожал плечами:

– Спроси Кемпа. Это его рук дело.

– Ну хорошо, посмотри на это так. Пять-шесть веков назад оружие вроде того, что сровняло с землей Заубервиль, использовалось бы исключительно для устрашения. Ядерные боеголовки в то время еще пугали людей. Теперь же мы швыряем их направо и налево, как игрушки. Мы знаем, как подчищать за ними, как справляться с последствиями, в результате чего их применение стало возможным. Сейчас для устрашения нам

приходится использовать генетику, ну или нанотехнологии. Это что касается нас, нашего положения вещей. Легко предположить, что у марсиан на войне в этом плане были проблемы посерьезнее. Что они могут использовать для устрашения?

– Нечто, превращающее людей в кровожадных маньяков? – вид у Хэнда был скептическим. – Через год? Да ладно.

– Да, но если этот процесс не остановить?

Наступила тишина. Я по очереди оглядел их обоих и кивнул.

– Что, если это нечто поступает по каналу гиперсвязи, как этот портал, выжигает поведенческие протоколы в каждом мозге, который попадается на пути, и в конце концов поражает все живое по эту сторону? Неважно, с какой скоростью оно будет распространяться, если в итоге сожрет все население планеты.

– Эвак… – Хэнд сам понял, куда ветер дует, и заткнулся.

– Эвакуация невозможна, поскольку она распространится повсюду, куда бы мы ни направились. Ничего нельзя сделать, кроме как изолировать планету и наблюдать за ее гибелью на протяжении, возможно, одного-двух поколений, но без всякой надежды на ремиссию.

Снова навалилась тишина, окутав нас холодными складками, точно мокрая простыня.

– Ты считаешь, нечто подобное происходит на Санкции IV? – наконец спросил Хэнд. – Поведенческий вирус?

– Ну, это, по крайней мере, объяснило бы войну, – безмятежно заметила Вонгсават, и вся наша троица неожиданно для себя разразилась смехом.

Напряжение спало.

* * *

Вонгсават раскопала пару кислородных масок в пилотском аварийном комплекте, и мы с Хэндом направились обратно в грузовой отсек. Открыли восемь оставшихся контейнеров и отступили на приличное расстояние.

Три безнадежно повредила коррозия. Четвертый пострадал частично: неисправная граната разнесла лишь четверть содержимого. Мы обнаружили фрагменты, в которых опознали обломки боеприпасов из оружейного запаса «Нагини».

Мать вашу.

Треть антирадиационных препаратов. Потеряна.

Резервный софт для половины автоматических систем экспедиции. Уничтожен.

Остался только один буй.

* * *

Вернувшись в пилотский отсек, мы сели, сняли маски и какое-то время молчали, погрузившись в мысли. Дангракская команда, словно взрывоустойчивый контейнер, плотно запечатанный профессионализмом бойцов элитных войск и физическим превосходством боевых оболочек.

Разъеден изнутри.

– Так что вы скажете остальным? – поинтересовалась Вонгсават.

Мы с Хэндом обменялись взглядами.

– Ничего, – сказал он. – Ни единого сраного слова. Все останется между нами троими. Спишем на аварию.

– На аварию? – удивленно переспросила Амели.

– Он прав, Амели, – я смотрел в пространство перед собой, напряженно размышляя, дожидаясь проблеска интуиции, который мог бы подсказать мне ответ. – Нет никакой выгоды обо всем рассказывать. Будем с этим жить до следующего кадра. Скажи, что была утечка в аккумуляторном отсеке. Что «Мандрейк» жмотится и закупает просроченное оборудование из армейского резерва. Этому они должны поверить.

Хэнд не улыбнулся. Его можно было понять.

Разъеден изнутри.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Перед приземлением Амели Вонгсават сняла, как идут дела у наноколоний. Вернувшись в комнату общего сбора, мы проиграли запись.

– Это что, паутина? – спросил кто-то.

Сутьяди выкрутил увеличение на максимум. На дисплее отобразилась серая сеть в сотни метров длиной и десятки шириной, которая затягивала все впадины и трещины, куда не доходили вибрации ультравиб-батареи. По нитям паутины ползали угловатые паукообразные существа. В глубине тоже угадывалось какое-то движение.

– Быстро работают, – жуя яблоко, заметил Люк Депре. – Но, на мой взгляд, они заняли оборонительную позицию.

– Пока да, – согласился Хэнд.

– Ну вот пусть на ней и остаются, – Крукшенк обвела собравшихся воинственным взглядом. – Хватит уже вокруг этого фуфла на цыпочках ходить. Предлагаю прямо сейчас расчехлить наши МАСы и засветить разрывными снарядами в самую середку

этой фигни.

– Они просто приспособятся к ним, Иветта, – сказал Хансен, глядя в пространство перед собой; хоть нам и удалось убедительно преподнести легенду насчет утечки в аккумуляторном отсеке, новость о том, что остался лишь один буй, расстроила Хансена на удивление сильно. – Обучатся и снова адаптируются.

Крукшенк сердито взмахнула рукой:

– Ну пусть учатся. Выгадаем еще немного времени, что, не так?

– Разумно, – Сутьяди поднялся. – Хансен, Крукшенк. Сразу после ужина. Разрывные снаряды с плазменным сердечником. Чтобы отсюда было видно, как эта дрянь полыхает.

* * *

Сутьяди получил, что хотел.

После торопливого раннего ужина на камбузе «Нагини» все высыпали на берег, чтобы полюбоваться представлением. Хансен с Крукшенк установили одну из мобильных артиллерийских систем, скормили процессору ролик, отснятый Амели Вонгсават для определения координат, и отступили, предоставляя установке запустить снаряды с плазменным сердечником поверх линии холмов в наноколонии и в то, что там эволюционировало внутри паутинных коконов. Горизонт окрасился красным.

Я наблюдал за этим зрелищем с борта траулера вместе с Люком Депре. Опершись на релинг, мы по очереди потягивали заубервильский виски из бутылки, найденной в шкафу на мостике.

– Очень красиво, – заметил ассасин, указывая на зарево в небе рукой с зажатым стаканом. – И очень примитивно.

– Ну, война как-никак.

Он посмотрел на меня с любопытством:

– Странная для посланника точка зрения.

– Бывшего посланника.

– Ну хорошо, для бывшего. Корпус славится утонченностью подхода.

– Когда это им удобно. В случае необходимости их подход может и измениться. Возьми Адорасьон, Шарию.

– Инненин.

– Ну да, Инненин тоже, – я заглянул в почти опустевший стакан.

– Знаешь, чувак, вот от отсутствия утонченности вся

проблема и идет. Война могла закончиться полгода назад, если бы дело вели похитрее.

– Думаешь? – я поднял бутылку; он кивнул и протянул стакан.

– Точно. Отправить в Кемпополис спецбригаду и замочить этого мудака. Войне – конец.

– Упрощаешь, Депре, – я наполнил стаканы. – У него есть жена, дети. Пара братьев. Они вполне могут сплотить вокруг себя людей. Как насчет них?

– Их, разумеется, тоже убрать, – Депре отсалютовал стаканом. – Твое здоровье. Наверное, еще и начальников штабов в придачу, ну так и что? Тут работы на одну ночь. Два-три взвода, хорошая координация действий. При общих затратах… ну сколько это может стоить?

Я отпил глоток и состроил гримасу:

– Я тебе что, бухгалтер?

– Ну, одним словом, по цене пары отрядов смерти можно было окончить войну еще год назад. Несколько десятков по-настоящему мертвых людей вместо всей этой заварухи.

– Ну да, ну да. А еще обе стороны могли бы просто запустить «умные» системы и эвакуировать всю планету, пока те не навоюются до полного пата. Исключительно поврежденная техника, ноль людских потерь. Как-то не представляю, чтобы они бы на это пошли.

– Нет, – мрачно сказал ассасин. – Вот это и впрямь стоило бы *слишком* дорого. Всегда дешевле убить людей, чем машины.

– Для профессионального киллера ты, уж извини, как-то слишком чувствителен, Депре.

Он покачал головой.

– Я знаю, кто я такой, – сказал он. – Но я сам сделал этот выбор, и в своем деле я хорош. Под Чатичаем я видел трупы с обеих сторон – среди них были парни и девчонки моложе призывного возраста. Это была не их война, и они не заслужили того, чтобы погибнуть в ней.

Я подумал о взводе «Клина», который завел под вражеский огонь в сотне километров к юго-западу отсюда. О Квок Юэнь Йи, лишившейся рук и глаз в результате того же самого удара «умной» шрапнели, который оставил без конечностей Эдди Мунхарто и сорвал лицо с Тони Ломанако. Остальным повезло меньше. Они, конечно, не были невинными юнцами, но умирать им тоже не хотелось.

Минометные залпы, раздававшиеся с берега, стихли. Прищурившись, я нашел взглядом фигуры Крукшенк и Хансена, уже едва различимые в густеющем сумраке, и увидел, что они

зачехляют орудие. Я осушил стакан.

– Ну вот и все.

– Как думаешь, сработает?

Я пожал плечами:

– Как и сказал Хансен. На какое-то время.

– То есть они теперь знают мощности наших разрывных снарядов. Заодно, наверное, научились противостоять лучевому оружию – тепловое излучение там примерно такое же. А автотурели уже ознакомили их с нашими ультравиб-мощностями. Что у нас еще есть?

– Острые палки?

– Насколько мы преуспели с открытием портала?

– А чего ты меня спрашиваешь? Вардани же эксперт, а не я.

– Вы с ней, похоже… близки.

Я снова пожал плечами и молча принялся смотреть вдаль. На залив наползал вечер, и водная поверхность постепенно тускнела.

– Идешь или здесь останешься?

Я поднял бутылку к темнеющему небу, подсвеченному снизу приглушенно-красным. Она не опустела еще и наполовину.

– Не вижу никаких причин уходить.

Он усмехнулся.

– Ты же, надеюсь, понимаешь, что мы не простое виски пьем, а коллекционное. По его вкусу, может, этого и не скажешь, но в цене оно теперь подрастет. Я имею в виду, – он ткнул через плечо туда, где раньше находился Заубервиль, – отсюда ж его больше не дождешься.

– Да уж, – я повернулся лицом к убитому городу и, снова наполнив стакан, воздел его к небу. – Вот за них давай и выпьем. Всю эту сучью бутылку.

После этого разговоры практически сошли на нет. По мере того как уменьшался уровень жидкости в бутылке и траулер обступала ночь, наша речь становилась все более медленной и все менее связной. Мир сузился до палубы, очертаний мостика и жалкой пригоршни звезд, проглядывавших сквозь пелену облаков. Мы отлипли от релинга и уселись на палубу, привалившись к идеально подходящим для этой цели выступам надпалубных сооружений.

В один прекрасный момент Депре неожиданно спросил:

– Ковач, а тебя в баке выращивали?

Я поднял голову и сфокусировал на нем взгляд. Это было популярное заблуждение, насчет чрезвычайных посланников, и слово «баклан» было столь же популярным оскорблением на полудюжине планет, куда меня в разное время отправляли. Однако уж от бойца войск специального назначения…

– Разумеется, нет. А тебя?

– Меня-то, блин, точно нет. Но посланники…

– Ну а что посланники? Нас припирают к стенке, разбирают психику в виртуале на мелкие части и перестраивают заново с навыками, без которых мы в нормальных обстоятельствах предпочли бы обойтись. Но по большей части мы все-таки обычные люди. Естественное взросление обеспечивает базовую гибкость, без которой в принципе трудно обойтись.

– Да не особенно трудно, – покачал пальцем Депре. – Можно создать конструкт, запустить ему виртуальный жизненный цикл на ускоренных оборотах, а потом загрузить в клон. Такая штука может даже и понятия не иметь, что не росла естественным манером. Ты сам можешь такой штукой и быть, если уж на то пошло.

Я зевнул:

– Ну да, ну да. Как и ты, кстати сказать. Как и любой из нас. С этой вероятностью приходится мириться при каждом новом переоблачении, каждой новой ОЧС-трансляции, и знаешь, почему я уверен, что со мной этого не произошло?

– Почему?

– Потому что никто в здравом уме не запрограммировал бы такие мудацкие жизненные обстоятельства, как мои. Они еще в ранней юности сделали меня социопатом со спорадически проявляющейся склонностью к насилию и тенденцией к нарушению субординации, а также эмоциональной непредсказуемостью. Зашибись, какой из меня боевой клон, Люк.

Он расхохотался, а через мгновение к нему присоединился и я.

– Это, однако, наводит на мысли, – заметил он, отсмеявшись.

– Что?

Он обвел рукой пространство перед собой:

– Да все вот это. Этот берег, это спокойствие. Тишина. Может, это все всего-навсего какой-нибудь военный конструкт. Место, куда нас залили на время смерти, пока решают, куда перебросить дальше.

Я передернул плечами:

– Ну так наслаждайся, пока дают.

– Что, ты бы мог получать удовольствие в таком месте? В конструкте-то?

– Люк, после всего, что я насмотрелся за последние два года, я бы получил удовольствие даже в зале ожидания для душ проклятых.

– Очень романтично. Но я-то говорю о военном конструкте.

– Это мы просто не договорились о терминах.

– А ты что, считаешь себя про́клятым?

Я снова глотнул заубервильский виски и сморщился, когда он обжег мне рот:

– Это была шутка, Люк. Острю я так.

– А… Предупреждать же надо, – он внезапно склонился вперед. – Можно вопрос? Тебе сколько было, когда ты первый раз убил человека, Ковач?

– Можно, если только вопрос не личный.

– Мы можем погибнуть на этом берегу. По-настоящему умереть.

– Если только это не конструкт.

– Что, если мы действительно прокляты, как ты и сказал?

– Это не причина выворачивать перед тобой душу.

Депре скорчил рожу:

– Ладно, давай о чем-нибудь другом. Дрючишь ли ты археолога?

– Шестнадцать.

– Чего?

– Шестнадцать. Мне было шестнадцать. По земному стандарту – скорее, восемнадцать. У Харлана меньшая скорость вращения.

– Все равно рано.

Я поразмыслил:

– Да не, самое время. Я ошивался в бандах с четырнадцати. Пару раз до убийства уже и так почти доходило.

– Так это были какие-то бандитские дела?

– Это было черт-те что. Мы попытались кинануть тетраметового дилера, но он оказался круче, чем мы ожидали. Все убежали, а я попался, – я опустил взгляд на свои ладони. – Потом я оказался круче, чем он ожидал.

– А стек его ты вырезал?

– Нет. Просто унес побыстрее ноги. Слышал, что после переоблачения он пытался меня отыскать, но я к тому времени уже завербовался. Его связи были не так хороши, чтоб он мог залупаться на военных.

– А уж в армии тебя научили убивать по-настоящему.

– Уверен, что как-нибудь и сам бы до этого дошел. А что насчет тебя?

Какая-нибудь похожая херня?

– Да нет, – сказал он беспечно. – У меня это в крови. У моей семьи на Латимере связь с армией сложилась исторически. Мать была полковником латимерских межпланетных десантных войск. Ее отец – коммодором флота. Брат и сестра оба в армии, – он улыбнулся, блеснув в полумраке новенькими,

свежеклонированными зубами. – Можно сказать, мы урожденная военщина.

– А что насчет твоей специализации? Вписывается она в военную историю твоей семьи? Они не разочарованы, что ты не в командирах? Если это не личный вопрос.

Депре пожал плечами:

– Солдат есть солдат. Нет особенной разницы, каким конкретно образом ты совершаешь убийство. По крайней мере моя мать считает именно так.

– А каким было твое первое?

– Это было на Латимере во время Суфриерского восстания, – он снова улыбнулся, теперь уже своим воспоминаниям. – Лет мне, наверное, было немногим больше твоего. Наша разведгруппа шла по болоту. И вот огибаю дерево и – бамс! – он ударил кулаком в ладонь. – Натыкаюсь на него. Я выстрелил раньше, чем успел хоть что-то осознать. Его отбросило метров на десять и разорвало на две половины. Я видел это своими глазами, но тогда не понял, что произошло. Не понял, что застрелил человека.

– Забрал его стек?

– О, да. Нас проинструктировали на этот счет. Забирать всех убитых для допроса, не оставлять никаких следов.

– Понравилось?

Депре отрицательно качнул головой.

– Меня вырвало, – признал он. – Вывернуло наизнанку. Взвод над мной ржал, но сержант помог вырезать стек. И привести себя потом в порядок. И сказал, чтобы я не брал в голову. Ну а потом были другие трупы, и я мало-помалу привык.

– И поднаторел.

Он встретился со мной глазами, и в его взгляде я увидел отражение тех же чувств, которые испытал когда-то и сам.

– После Суфриерской кампании я был представлен к награде. И рекомендован в войска специального назначения.

– Тебе когда-нибудь доводилось сталкиваться с Братством Карфура?

– Карфур? – он нахмурился. – Они принимали участие в волнениях дальше к югу. В Биссу и на мысе – знаешь, где это?

Я покачал головой.

– Биссу всегда был их базой, но за кого они сражались, так и осталось загадкой. Кое-кто из карфурских хунганов поставлял оружие повстанцам на мыс – я знаю, потому что лично уложил двоих, – но некоторые работали и на нас. Снабжали информацией, медикаментами, оказывали религиозные услуги. Среди рядовых было много истинных верующих, так что получить перед боем для взвода благословление хунгана было грамотным

поступком со стороны любого командира. Ты с ними имел дело?

– Пару раз в Латимер-сити. Скорее косвенно, чем прямо. Просто Хэнд как раз хунган.

– Вот, значит, как, – лицо Депре резко приобрело задумчивое выражение. – Очень интересно. А по виду не скажешь.

– Совсем не скажешь.

– Это делает его… менее предсказуемым.

– Эй! Посланничек! – раздался крик откуда-то из-под релинга левого борта, и я различил рокот моторов. – Ты там?

– Крукшенк? – спросил я, выныривая из своих мыслей. – Ты, что ли?

Послышался смех.

Я с трудом поднялся и подошел к релингу. Посмотрев вниз, я увидел Шнайдера, Хансена и Крукшенк, еле умещавшихся на одном гравицикле. В руках у них были бутылки и еще кое-какие принадлежности для вечеринки; и судя по тому, как раскачивался гравицикл, вечеринка уже давно набрала обороты где-то на берегу.

– Давайте-ка на борт, пока не потонули, – сказал я.

* * *

Пополнение прибыло с музыкальным сопровождением. Они сгрузили на палубу аудиосистему, и ночь огласилась звуками лаймонской сальсы. Шнайдер с Хансеном собрали и разожгли бонг. Между развешанными сетями и мачтами поползли клубы ароматного дыма. Крукшенк достала коробку с эмблемой Индиго-сити на этикетке – строительными лесами на фоне полуразрушенного дома – и раздала всем сигары.

– Они же запрещены к ввозу, – заметил Депре, разминая сигару в пальцах.

– Военный трофей.

Крукшенк откусила кончик сигары и, не выпуская ее изо рта, легла на палубу. Повернув голову, она прикурила от трубки, затем без всякого видимого усилия выпрямилась, ухмыльнувшись при этом мне. Я сделал вид, что вовсе даже не пожирал только что остекленелым взглядом ее распростертые на полу маорийские формы.

– Ну-ка, *ну-ка*, – сказала она, отбирая у меня бутылку. – Идем на перехват.

Я нашарил в кармане мятую пачку «Лэндфолл лайтс» и зажег сигару от полоски прикуривателя.

– До вашего прибытия вечеринка была вполне

цивилизованной.

– Ну понятное дело. Два старых вояки мерялись убийствами, так?

От сигарного дыма запершило в горле.

– Ты где это слямзила-то, Крукшенк?

– У складского работника в оружейке «Мандрейк», прямо перед нашим отбытием. И я ничего не лямзила, у нас сделка. Мы с ним встречаемся в оружейке, – она театрально скосила глаза вверх, сверяясь с ретинальным дисплеем времени, – примерно через час. Ну? Так мерялись вы, старые вояки, убийствами?

Я посмотрел на Депре. Он подавил ухмылку.

– Нет.

– Вот и молодцы, – она выдохнула вверх дым. – Мне этого дерьма в Быстром реагировании во как хватило. Кучка безмозглых говнюков. В смысле, вот уж, господи Самеди, великий труд – людей мочить. Любой может. Всего-то надо унять дрожь в коленках.

– И отточить технику, разумеется.

– Ты меня стебешь, что ли, Ковач?

Я покачал головой и осушил стакан. Было отчего-то печально видеть, как кто-то такой молодой, как Крукшенк, повторяет все те ошибки, которые совершил ты энное количество субъективных десятилетий тому назад.

– Ты же с Лаймона, да? – спросил Депре.

– Чистокровная горянка, как она есть. А что?

– Тогда тебе, наверное, приходилось пересекаться с карфурцами?

Крукшенк сплюнула. Плевок был довольно-таки снайперским и прошел в точности в промежуток между релингом и палубой. – А, эти суки. Ну да, захаживали. Зимой двадцать восьмого. Шныряли туда-сюда по канатным дорогам – сначала пытались обращать деревни, а когда это не удалось, начали их жечь.

Депре покосился на меня.

Я не стал отмалчиваться:

– Хэнд – бывший карфурец.

– А так не скажешь, – она выдохнула дым. – Хотя, блин, а как тут скажешь-то? Они выглядят как обычные люди, до тех пор пока не начнут отправлять свои обряды. Знаете, при всем том дерьме, которое льют на Кемпа, – она запнулась и с рефлекторной осторожностью огляделась по сторонам; на Санкции IV привычка проверять, не маячит ли поблизости политофицер, укоренилась так же глубоко, как необходимость сверяться с дозиметром, – он, по крайней мере, с верующими не скорешился. Официально изгнал их из Индиго-сити, я читала об этом еще в Лаймоне, до

блокады.

– Ой, боже ты мой, – сухо сказал Депре. – Просто для эго кемповского размера они слишком уж серьезная конкуренция.

– Я слышала, что в куэллизме то же самое. Что он против религий.

Я фыркнул.

– Э, – подсел к нашему кругу Шнайдер, – уж чего-чего, а это я тоже слышал. Как там Куэлл сказала? «Плюнь в морду богу-тирану, если этот гад попытается привлечь тебя к ответу»? Как-то типа так?

– Никакой Кемп не куэллист, – сказал Оле Хансен со своего места у релинга, о который он небрежно облокачивался, держа на отлете трубку.

Протянув трубку мне, он вопросительно заглянул мне в лицо:

– Правда же, Ковач?

– Однозначно не скажешь. Кое-какие идеи он оттуда заимствует, – переложив сигару в другую руку, я принял трубку и сделал затяжку.

Дым вкрадчиво обволок мои легкие, словно прохладная простыня. Воздействие было более тонким, чем у сигары, хотя, пожалуй, менее тонким, чем у «Герлен-20». Приход ширился в груди, словно разворачивающиеся ледяные крылья. Я закашлялся и ткнул сигарой в направлении Шнайдера:

– И эта твоя цитата – фуфло. Фигня, сфабрикованная неокуэллистами.

Это заявление вызвало миниатюрную бурю.

– Ой, да ладно тебе…

– Чего-чего?

– Это была ее речь на смертном одре, господи Самеди!

– Шнайдер, она не умирала.

– А вот *это* как раз и есть, – иронично заметил Депре, – проявление истинной веры.

Вокруг меня заплескался смех. Я еще раз приложился к трубке, после чего протянул ее ассасину:

– Ну ладно, ладно, она не умирала, *насколько мы знаем*. Она просто исчезла. Но не бывает речи на смертном одре в отсутствие одра.

– Ну, может, это была прощальная речь.

– А может, это была брехня собачья, – я поднялся, пошатываясь. – Хотите цитату, вот вам цитата.

– Давай!!!

– Поехали!!!

Они раздвинулись, чтобы дать мне побольше места.

Я прочистил горло:

– «Я не стану оправдываться», – сказала она. Это из «Военных дневников», а не какой-то фуфловой предсмертной речи. Она отступала от Миллспорта, после того как ей там надрали жопу их микробомбардировщики, и власти Харлана по всем радиоканалам горланили, что ей придется отвечать перед Богом за жертвы с обеих сторон. Она сказала: «Я не стану оправдываться, и уж тем более не стану оправдываться перед Богом. Как и все тираны, он не стоит той слюны, которую придется потратить на переговоры. Наша сделка гораздо проще – я не призываю его к ответу, и он оказывает мне такую же любезность». Вот ее точные слова.

Аплодисменты вспорхнули над палубой, словно вспугнутые птицы.

Когда они утихли, я обвел глазами сидящих, оценивая, насколько ироничными были выражения их лиц. Для Хансена, похоже, моя речь несла в себе какой-то смысл. Полузакрыв глаза, он задумчиво потягивал трубку. Полной его противоположностью был Шнайдер, который сопроводил аплодисменты протяжным свистом и привалился к Крукшенк с до боли очевидными сексуальными намерениями. Лаймонская горянка бросила на него взгляд и ухмыльнулась. Сидевший напротив них Люк Депре был непроницаем.

– А прочитай стихи, – сказал он негромко.

– Йе-е! – глумливо подхватил Шнайдер. – Давай стих про войну!

Неожиданно какая-то сила закоротила мое сознание, перенеся обратно на боковую палубу госпитального корабля. Окружившие меня Ломанако, Квок и Мунхарто – их раны, точно знаки отличия. Ни единого слова осуждения. Волчата на заклание. Ждущие, чтобы я подтвердил, что все в порядке вещей, и повел за собой, чтобы начать все сначала.

Где же были мои оправдания?

– Я не помню наизусть ее стихов, – солгал я и прошел на нос судна. Облокотившись на релинг, я наполнил легкие воздухом, – как если бы он и в самом деле был чистым. Зарево пожара, вызванного бомбардировкой, уже затухало на горизонте. Какое-то время я смотрел на него, фокусируя взгляд то на дальних отсветах огня, то на тлеющем кончике своей сигары.

– Я смотрю, куэллизм – штука глубокая, – Крукшенк оперлась о релинг рядом со мной. – Не шутка для тех, кто родом с планеты Х, а?

– Не в этом дело.

– Не в этом?

– Не-а. Она же отмороженная была, Куэлл. От ее рук, наверное, погибло больше народу, чем от целого

протекторатского десантного корпуса в урожайный год.

– Впечатляет.

Я бросил на нее взгляд и не смог сдержать улыбки. Я покачал головой:

– Ох, Крукшенк, *Крукшенк*.

– Чего?

– Когда-нибудь, Крукшенк, ты вспомнишь об этом разговоре. В один прекрасный день, лет через сто пятьдесят, когда будешь стоять на моей стороне баррикад.

– Не дождешься, старикашка.

Я снова покачал головой, но стряхнуть с лица ухмылку по-прежнему не удавалось:

– Дело твое.

– Само собой. Оно лет с одиннадцати как мое.

– С ума сойти, это ж, наверное, аж целых десять лет уже.

– Мне двадцать два, Ковач, – она произнесла это с улыбкой, но улыбка эта не предназначалась мне, а взгляд не отрывался от водной поверхности, черной в звездную крапинку; в голосе девушки слышалась жесткость, плохо сочетающаяся с улыбкой. – На службе пять лет, три из них в тактическом резерве. На тренировочном курсе для морской пехоты была девятой в выпуске. Из восьмидесяти. Седьмая по боевой подготовке. Капральские нашивки в девятнадцать лет, в двадцать один получила сержанта.

– В двадцать два погибла, – эти слова прозвучали резче, чем я того хотел.

Крукшенк медленно выдохнула:

– Хм, ну и поганое же у тебя настроение. Ну да, в двадцать два погибла. А теперь снова в игре, как и все остальные тут. Я уже большая девочка, Ковач, так что завязывай с нотациями. Я тебе не младшая сестричка.

Я вздернул бровь – больше от неожиданного осознания ее правоты, чем от чего-то другого.

– Как скажешь, взрослая девочка.

– Во-во, видела я, как ты пялился, – она глубоко затянулась сигарой и выдохнула дым в сторону побережья. – Ну так что скажешь-то, старикашка? Будем мы делом уже заниматься, пока нас радиация окончательно не ухайдокала? Ловить момент?

В моей голове замелькали воспоминания о другом береге, пальмах, вытянувших динозавровые шеи над белым песком, и о Тане Вардани, сжимающей мои бедра своими.

– Не знаю, Крукшенк. Не уверен, что для этого сейчас подходящее время и место.

– Тебя так напряг этот портал, что ли?

– Я не это имел в виду.

Она отмахнулась:

– Да без разницы. Как думаешь, сможет Вардани эту штуку открыть?

– Ну, раньше же, по слухам, смогла.

– Да, но она что-то хреново выглядит.

– А так, наверное, влияет на человека военный лагерь для интернированных, Крукшенк. Испытай на себе при случае.

– Отстань ты от меня, Ковач, – в ее голосе звучала напускная скука, от которой во мне вспыхнула искра гнева. – Не мы же управляем этими лагерями. Это правительственные дела. Чисто местная инициатива.

Я позволил искре разгореться:

– Крукшенк, ты вообще ни хера не знаешь.

Она сморгнула, на секунду опешив, но тут же взяла себя в руки, пряча тень обиды за непроницаемой маской равнодушия.

– Ну, э-э, я зато *знаю*, что говорят о «Клине Карреры». Например, о ритуальных казнях пленных. Вот уж, *по слухам*, грязное дело. Так что, может, сперва сам на канате закрепишься, прежде чем давить авторитетом, а?

Она снова отвернулась к воде. Несколько минут я рассматривал ее профиль, пытаясь осознать, что и почему вывело меня из равновесия, и осознание это не доставило мне особенного удовольствия. Затем я в свою очередь облокотился на релинг рядом с ней.

– Прости.

– Проехали, – но при этом она инстинктивно отодвинулась.

– Нет, серьезно. Извини. Просто это место меня убивает.

Ее губы тронула невольная улыбка.

– Нет, серьезно. Меня уже не раз убивали – больше, чем ты можешь себе представить, – я покачал головой. – Вот только… раньше это никогда не занимало столько времени.

– Угу. А еще ты волочишься за археологом, так?

– Что, так очевидно?

– Теперь да, – она посмотрела на свою сигару, отщипнула ее тлеющий кончик и засунула остальное в нагрудный карман. – Я тебя не осуждаю. Она умная, она кумекает в том, что для всех нас просто истории о привидениях, разбавленные математикой. Реально загадочная чикса. Я понимаю, почему ты к ней неровно дышишь.

Она оглянулась через плечо:

– Что, удивила?

– Есть немножко.

– Ну вот так. Я, конечно, простой солдат, но одну

возможность на миллион распознать могу. Та штука, вокруг которой мы тут топчемся, изменит весь наш взгляд на мир. Смотришь на нее и понимаешь это. Понимаешь, о чем я?

– Да, представляю.

– Угу, – она ткнула в сторону берега, туда, где под темной поверхностью воды выделялось бледно-бирюзовое пятно. – Я это знаю. Чем бы мы потом не занимались, то, что мы там увидим, будет определять нас до конца нашей жизни.

Она посмотрела на меня.

– Странное, скажу тебе, чувство. Вот я вроде как умерла. Потом вернулась, а теперь вот это. Не знаю, может, оно должно меня пугать. Но не пугает. Я этого жду, прикинь. Не терпится увидеть, что там, по ту сторону.

В промежутке между нами словно бы рос какой-то теплый шар. Ширился, подпитываясь ее словами, и выражением лица, и подспудным ощущением стремительно, точно горная река, несущегося вокруг нас времени.

Она улыбнулась снова, тут же поспешно стерла улыбку с лица и отвернулась.

– Увидимся, Ковач, – пробормотала она.

Ни разу не обернувшись, она проследовала вдоль борта и присоединилась к остальным.

«Ловко, Ковач, ловко. Слушай, а ты мог быть еще более неуклюжим?

У меня смягчающие обстоятельства. Я умираю.

Вы все умираете, Ковач. Все до единого».

Траулер качнуло, над головой заскрипели сети. Мои мысли резко вернулись к нашему сегодняшнему улову. Смерть, развалившаяся в сетях, словно ньюпестская гейша в гамаке. В свете этой картины маленькая группа людей на другом конце палубы неожиданно показалась мне уязвимой, возникло чувство нависшей над ними угрозы.

Химия.

Старый добрый эффект Измененной Значимости от слишком густой смеси разных препаратов, циркулирующих в системе. А, ну и долбаный волчий ген. Как я мог забыть. Стайный инстинкт, в самое неподходящее время.

Все равно я заполучу их всех. Начинается новая жатва.

Я закрыл глаза. На ветру шелестели сети.

У меня были дела на улицах Зубервиля, но…

Пошел на хер.

Я бросил сигару за борт, повернулся и быстро пошел к главному люку.

– Хэй, Ковач? – уставился на меня остекленелым от трубки

взглядом Шнайдер. – Ты куда, чувак?

– Зов природы, – заплетающимся языком пробормотал я, в два прыжка преодолевая лестницу. Внизу я налетел на незакрытую дверь, не разглядев ее в полумраке, отбил атаку с помощью пьяной тени нейрохимии и ввалился в узкое пространство кабины.

Плохо пригнанная иллюминиевая плитка исчерчивала косыми полосами света одну из стен. Этого хватало, чтобы видеть без посредства УЗ-зрения. Каркасная кровать, приваренная к полу и служащая частью общей конструкции. Стеллаж напротив. У дальней стены в трех шагах от меня – ниша со столом. Зачем-то подойдя к столу, я тяжело облокотился на него, свесив голову. Спираль инфодисплея ожила, осветив мое склоненное лицо. Я закрыл глаза и предоставил волнам света перекатываться туда-обратно, расцвечивая темноту за моими сомкнутыми веками в оттенки синего и индиго. Содержимое выкуренной трубки все туже стискивало меня в своих змеиных объятиях.

Видишь, Волк «Клина»? Видишь, как начинается новая жатва?

Пошел на хер из моей головы, Могильер.

Ты ошибаешься. Я вовсе не тот шарлатан. Могильер – всего одно из сотни имен…

Кто бы ты ни был, ты нарываешься на пулю в морду.

Но это ты меня привел сюда.

Сомневаюсь.

Перед глазами возник череп, развязно глядящий на меня из сетей. Почерневшие изъеденные губы кривились в сардонической усмешке.

У меня были дела на улицах Заубервиля, но с ними уже покончено. А теперь пора приступать к работе тут.

А вот теперь ты *ошибаешься. Когда ты мне понадобишься, я сам приду за тобой.*

Ковач-вач-вач-вач-вач…

Я моргнул. Свет голодисплея резанул глаза. Позади меня кто-то шевельнулся.

Я выпрямился, не отрывая взгляда от переборки. В синем свете голодисплея на тусклой металлической поверхности ясно виднелась каждая мелкая щербина и царапина.

Стоящий позади меня снова пошевелился.

Я сделал вдох…

…ближе…

…И развернулся, готовясь нанести смертельный удар.

– Блин, Ковач, ты меня до инфаркта хочешь довести?

На расстоянии вытянутой руки от меня, уперев в бока руки, стояла Крукшенк. Свет инфодисплея выхватил из темноты ее

неуверенную усмешку и гладкую ткань рубашки под хамелеохромной курткой.

Я выпустил воздух из легких. Уровень адреналина мгновенно упал.

– Крукшенк, какого хера ты тут делаешь?

– Ковач, это *ты* какого хера тут делаешь? Ты ж сказал, что по нужде идешь. Чего, собирался на инфокатушку поссать?

– А ты чего за мной потащилась? – прошипел я. – Держать ее для меня собиралась?

– Ну не знаю. Тебе такое, что ли, нравится, Ковач? Ты дигитальщик? Тебя это вштыривает?

Я на мгновение прикрыл глаза. Могильер исчез, но удавья хватка в моей груди до конца так и не разжалась. Я открыл глаза, и Крукшенк по-прежнему стояла передо мной.

– Будешь так приценяться, Крукшенк, придется что-нибудь купить.

Она ухмыльнулась. Одной рукой она с нарочитой небрежностью провела по своей рубашке. Зацепив большим пальцем край ткани, она обнажила грудь и посмотрела на нее так, словно вид недавно приобретенной плоти зачаровывал ее. Затем ее пальцы задвигались вверх-вниз, скользя по соску до тех пор, пока он не отвердел.

– Разве похоже, что я просто поглазеть на товар пришла, а, посланничек? – лениво протянула она.

Она подняла на меня глаза, и после этого события начали развиваться довольно бурно. Наши тела соприкоснулись. Ее бедро, теплое и твердое под мягкой тканью комбинезона, скользнуло между моими. Сбросив с груди ее руку, я заменил ее своей. Соприкосновение перешло в клинч. Оба наших взгляда были прикованы к ее обнаженному соску и моим пальцам на нем. Ее дыхание стало хриплым, а рука расстегнула мои штаны и, скользнув внутрь, начала поглаживать член.

Мы боком упали на койку спутанным клубком из одежды и конечностей. От койки поднялось практически видимое облако затхлости и солоноватой сырости. Своей обутой в ботинок ногой Крукшенк толкнула дверь, и та захлопнулась с лязгом, который наверняка был слышен всем сидящим на палубе. Зарывшись лицом в волосы Крукшенк, я ухмыльнулся:

– Бедняга Ян.

– А? – она подняла голову от моего члена.

– Думаю… о-о-о… думаю, его это выбесит. Он за тобой волочится с самого Лэндфолла.

– Слушай, за такими-то ногами *любая* особь мужского пола с гетеросексгенетикой будет волочиться. Я бы… – она начала

водить рукой взад и вперед, делая между движениями секундные паузы, – не… принимала… это… всерьез.

Я задержал дыхание:

– Ладно. Не приму.

– Ну и правильно. Да и вообще, – она наклонилась к моему члену и начала медленно водить головкой вокруг своего соска. – Он, похоже, и без того по горло занят археологом.

– *Что?*

Я попытался сесть. Крукшенк, почти все внимание которой было поглощено процессом, рассеянно толкнула меня назад.

– Не, ты давай лежи, пока с тобой не закончат. Я тебе не собиралась говорить, но раз уж… – она показала на то, что делала, – …короче, думаю, ты как-нибудь переживешь известие. Уже пару раз видела, как они ушмыгивали куда-то вдвоем. И Шнайдер всегда возвращается с этой своей самодовольной ухмылочкой, так что… – она пожала плечами и снова приступила к размеренным поглаживаниям члена. – Ну а чего… он не урод… для белого мужика… Ну а Вардани… наверное… берет все… что дают… Нравится тебе, Ковач?

Я застонал.

– Так я и думала. Эх, вы, мужики, – она покачала головой. – Стандартный трюк из арсенала порноконструкта. Всегда идет на ура.

– А ну-ка иди сюда, Крукшенк.

– Не-а. Ни за что. Позже. Хочу видеть твое лицо, когда ты соберешься кончать, а кончить-то я тебе и не дам.

Притом что против нее были выпитый алкоголь и выкуренная трубка, прогрессирующее радиационное отравление, Могильер, засевший в моей голове, а теперь еще и мысль о Тане Вардани в объятиях Шнайдера – несмотря на все это, Крукшенк, чередуя энергичную стимуляцию руками с легкими поглаживаниями грудью, довела меня до нужного состояния меньше чем за десять минут. А когда довела, трижды не позволила мне пересечь финишную черту, гортанно вскрикивая от удовольствия и возбуждения. В конце концов, быстро и яростно двигая рукой вверх и вниз, она дала мне кончить, забрызгав нас обоих семенем.

В этот момент в голове словно что-то выключилось. Вардани и Шнайдер, Могильер и надвигающаяся смерть вылетели из моего черепа, словно их вынесло сквозь глазницы взрывной силой оргазма. Я обмяк, растянувшись на узкой койке, и стены кабины расплылись перед моими глазами.

Чувства вернулись ко мне, и я ощутил касание гладкого бедра Крукшенк, садящейся мне на грудь.

– А теперь, посланничек, – объявила она, обхватывая мою

голову обеими руками, – возвращай должок.

Ее пальцы переплелись на моем затылке, и она прижала мою голову к набухшим складкам плоти, мягко покачиваясь из стороны в сторону, точно мать, баюкающая младенца. Ее щель была горячей и влажной, а обильно текущие соки – горькими и терпкими на вкус. От нее исходил запах чуть обожженной древесины, а гортанные звуки, которые она издавала, походили на хрипы ходящей взад-вперед пилы. Я чувствовал, как по мере приближения к оргазму все больше напрягаются длинные мышцы ее бедер. Под конец она слегка приподнялась с моей груди и задвигала тазом в невольной имитации коитуса. Сплетенные пальцы на моем затылке едва заметно дрожали, как у висящего над пропастью человека, чья хватка начинает ослабевать. Гортанные звуки участились и стали громче, перерастая в хриплый крик.

От меня так легко не отделаться, Волк «Клина».

Мышцы Крукшенк затвердели, как камень. Приподнявшись, она закричала от оргазма в волглом полумрак каюты.

Так легко не отделаться.

Она содрогнулась и осела мне на грудь, от чего у меня перехватило дыхание. Пальцы ее разжались, и моя голова упала на мокрые простыни.

Я захватил цель и…

– Так, – сказала она, скользя рукой вдоль моего тела. – Ну-ка, посмотрим… Хм.

В ее голосе ясно слышалось удивление, но прилагающееся к удивлению разочарование ей удалось скрыть. Ее рука сжимала мой полуопавший член, кровь от которого отливала на глазах, повинуясь приказу тела, которое готовилось к бою с существом в моей голове – или к бегству от него.

Да. Видишь, как начинается новая жатва? Беги не беги, от меня не…

Пошел НА ХЕР *из моей головы.*

Я приподнялся на локтях, чувствуя, как лицо принимает все более замкнутое выражение. Пламя, разожженное нами в каюте, затухало на глазах. Я попытался улыбнуться, но Могильер стер улыбку с моих губ.

– Извини. Не знаю, что тут еще сказать. Эта фигня со смертью зашла дальше, чем я думал.

Она пожала плечами:

– Эй, Ковач. Выражение «просто секс» еще никогда не было так уместно, как здесь и сейчас. Так что ты уж очень-то себя не казни, прояви мягкость.

Я поморщился.

– Ой, черт, пардон, – ее лицо приняло то же самое несчастное выражение, что и на вступительном собеседовании. Почему-то на лице маорийской оболочки это выглядело еще смешнее. Я хмыкнул, ухватившись за предложенную возможность посмеяться. Ухватившись, заулыбался.

– О-о, – протянула она, чувствуя перемену настроения. – А давай все равно попробуем? Много времени это не займет, я уже вся мокрая.

Она скользнула на прежнее место и склонилась надо мной. Мой взгляд с безнадежностью переместился на перекрестье ее бедер, едва различимое в слабом свете инфокатушки. Крукшенк ввела меня внутрь уверенным движением стрелка, передергивающего затвор.

Ее жар, настойчивость и красота сильного длинноногого тела помогали мне оставаться в рабочем состоянии, но первоклассным сексом происходящее все равно назвать было трудно. Пару раз я выскальзывал из нее, и мои проблемы становились и ее проблемами, поскольку очевидная нехватка пыла с моей стороны снижала градус и ее возбуждения, превращая наше занятие просто в дело техники, которое стоило продолжать разве что из желания довести начатое до конца.

Видишь, как…

Я перестал слушать голос, звучащий в моей голове, и сосредоточился на том, чтобы не отставать от партнерши. Какое-то время мы оба трудились, следя за правильностью позиций и обмениваясь натянутыми улыбками. Затем я вложил в ее рот палец, чтобы она его облизала, и, опустив руку к точке, где сходились ее разведенные ноги, нащупал клитор. Схватив мою вторую руку, Крукшенк прижала ее к своей груди и вскоре после этого достигла подобия оргазма.

Я не достиг и подобия, но влажный от пота полупоцелуй-полуухмылка, которым мы обменялись после того, как она кончила, его мне вполне заменил.

Секс не был первоклассным, но он помог на какое-то время изгнать Могильера. И позже, после того как Крукшенк натянула одежду и поднялась обратно на палубу под аплодисменты и возгласы остальных, я остался сидеть в полумраке, ожидая его возвращения. Однако он так и не появился.

Моя единственная победа, хоть какая-то, за все время на Санкции IV.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Проснулся я с таким ощущением, будто мне по голове заехал когтем фрик-файтер.

Я съежился и перевернулся на другой бок, пытаясь заползти обратно в сон, но тут же накатила тошнота. Усилием воли я поборол приступ и, моргая, сел, опершись на локоть. Размытый столб дневного света над моей головой просверливал мрак каюты сквозь не замеченный вчера иллюминатор. У противоположной стенки неустанная спираль инфокатушки тянулась от эманатора в основании до системной информации, сдвинутой в левый верхний угод. Сквозь переборку за спиной доносились голоса.

«Думай о функциональности, – говорила Вирджиния Видаура в тренировочных модулях Корпуса. – *Тебя должна заботить не рана, а урон. Боль можно либо использовать, либо отключить. Ранение имеет значение только в случае, если оно влечет за собой структурное повреждение. Кровь не предмет для беспокойства – она не твоя. Ты надел эту плоть всего пару дней назад и скоро, если тебя прежде не убьют, снова ее снимешь. Не обращай внимания на ранения; думай о функциональности».*

Я чувствовал себя так, словно мою голову распиливали пополам изнутри. Пробивала испарина. По телу прокатывались волны лихорадочного жара, начинаясь где-то в области затылка. Желудок поднялся вверх и обретался теперь у самого горла. Легкие как-то неопределенно и приглушенно саднили. Ощущение было такое, будто через меня прошел весьма солидный разряд лежащего в кармане куртки парализатора.

Функциональность!

Спасибо, Вирджиния.

Трудно было понять, насколько своим нынешним самочувствием я был обязан похмелью и насколько – приближающейся смерти. Трудно было испытывать к этому интерес. Я осторожно сел на край койки и только сейчас обнаружил, что заснул, практически не раздеваясь. Пошарив по карманам, вытащил шприц-пистолет из комплекта полевого врача и антирадиационные капсулы. Задумчиво взвесил на ладони прозрачные пластиковые цилиндры. Из-за боли от инъекции меня наверняка стошнит.

Прошерстив карманы еще более основательно, я наконец обнаружил блистер болеутоляющего армейской модификации. Достав таблетку, задумчиво посмотрел на нее, после чего добавил вторую. Остальное довершила подготовка – я проверил сопло, освободил казенник и вставил две наполненные кристалликами капсулы. Защелкнул затвор, и инъектор тоненько взвыл, накапливая магнитный заряд.

Голову пронзила боль. Мучительное чувство, словно от

засевшей в мякоти иглы, почему-то заставляло думать о крапинках системных данных, медленно кружащихся в углу инфокатушки на другом конце комнаты.

Индикатор зарядки подмигнул красным. Внутри инъектора, внутри капсул, нацелились остриями вперед кристаллы болеутоляющего, словно миллионы занесенных кинжалов. Я приставил шприц к сгибу локтя и нажал на спусковой крючок.

Облегчение наступило мгновенно. Ласковая алая волна омыла меня изнутри, вымывая из головы розовые и серые пятна боли. Модификация «Клина». Для Волков Карреры – только самое лучшее. Я усмехнулся, наслаждаясь эндорфинным кайфом, и начал нашаривать в кармане антирадиационные капсулы.

Вот теперь я зашибись как функционален, Вирджиния.

Вытряхнул из шприца пустые оболочки из-под болеутоляющего. Зарядил антирад, защелкнул затвор.

Видел бы ты себя, Ковач. Умирающая, разлагающаяся куча клеток, смётанная на живую нитку химпрепаратов.

Это было не в стиле Вирджинии Видауры, так что, наверное, снова проявился Могильер, переходя в атаку после ночного отступления. Я постарался не думать ни о чем, кроме функциональности.

Ты надел эту плоть всего пару дней назад и скоро, если тебя прежде не убьют, снова ее снимешь…

Да знаю, знаю.

Дождаться тоненького взвизга. Дождаться красноглазого подмигивания.

Укол.

Зашибись как функционален.

* * *

Приведя одежду в относительный порядок, я проследовал на звук голосов, доносящихся из камбуза. Все участники вчерашней вечеринки были в сборе, за исключением Шнайдера, чье отсутствие сразу бросалось в глаза. Завтрак был в разгаре. Мое появление сорвало некоторое количество аплодисментов. Крукшенк ухмыльнулась, толкнула меня бедром и вручила кружку кофе. Судя по ее зрачкам, не один я прибег к помощи армейских медикаментов.

– А вы-то когда встали, ребята? – спросил я, усаживаясь.

Оле Хансен сверился с ретинальным дисплеем:

– Около часа назад. Люк вот предложил свои услуги в качестве повара. Я сгонял в лагерь за провиантом.

– А Шнайдер?

Хансен отправил в рот очередной кусок и пожал плечами:

– Поехали вместе, но он остался. А что?

– Ничего.

– Держи, – Люк Депре поставил передо мной тарелку с омлетом. – Подзаправься.

Я безо всякого энтузиазма попытался поесть. Я не чувствовал явной боли, но знал, что под онемением на клеточном уровне скрывалась болезненная нестабильность. Уже пару дней мне кусок в горло не шел, и удерживать в желудке еду с каждым утром становилось все сложней. Я разрезал омлет и поковырял вилкой в тарелке, но в итоге оставил еду практически нетронутой.

Депре притворился, что ничего не заметил, но было видно, что его чувства задеты.

– Никто не обратил внимания, не догорели там наши малютки?

– Дым еще идет, – сказал Хансен. – Но не сильный. Доедать будешь?

Я покачал головой.

– Давай-ка сюда, – он соскреб содержимое моей тарелки в свою. – Ты вчера, похоже, порядком переборщил с местным бухлишком.

– Нет, просто я загибаюсь, Оле, – раздраженно бросил я.

– Ну, может, это тоже поспособствовало. Или трубка. Мне отец как-то наказывал, чтобы я не мешал алкоголь с куревом. Ни фига хорошего от этого не бывает.

С другого конца стола раздалась трель коммуникатора. Чья-то невыключенная гарнитура. Недовольно хмыкнув, Хансен протянул к ней свободную руку и приложил к уху.

– Хансен. Угу, – какое-то время он слушал. – Хорошо. Пять минут, – ему снова что-то ответили, и на его лице появилась натянутая улыбка. – Ага, передам. Десять минут. Угу.

Он бросил гарнитуру обратно и скорчил гримасу.

– Сутьяди?

– Угадал с первой попытки. Он собирается провести рекогносцировку местности, где располагаются наноколонии. А, да, – его ухмылка вернулась, – он просил *не отключать, сука*, гарнитуры во избежание *дисциплинарных взысканий.*

Депре хмыкнул:

– Это, сука, цитата?

– Нет. Это, сука, парафраз, – Хансен бросил вилку на тарелку и поднялся. – Он сказал не «дисциплинарное взыскание», а «ДВ-9».

* * *

Командовать взводом – даже и в лучшие времена дело непростое. Если же ваша команда состоит из смертоносных примадонн-спецов, которым уже довелось хотя бы по разу умереть, это и вовсе может быть кошмаром.

Сутьяди справлялся с ролью отлично.

Без всякого выражения на лице он смотрел, как мы вереницей входим в комнату общего сбора и рассаживаемся. На мемориборде каждого стула лежал кулек с таблетками болеутоляющего. Завидев их, кто-то издал радостный вопль поверх общего негромкого гула, но тут же затих под взглядом Сутьяди. Когда командир наконец заговорил, можно было подумать, что голос принадлежит официанту-андроиду, рекомендующему вино.

– Всем, кого еще одолевает похмелье, советую привести себя в форму безотлагательно. Выведена из строя одна из турелей внешнего кольца. Причина неизвестна.

Он добился ожидаемой реакции. Гул стих. Уровень моего собственного эндорфина резко упал.

– Крукшенк и Хансен, возьмите один из гравициклов и выясните, в чем дело. Заметите признак активности – *любой* активности, – разворачивайтесь и прямиком назад. В противном случае привезите для анализа обнаруженные обломки. Вонгсават, включите двигатели «Нагини» и ждите моей команды на взлет. Всем остальным иметь при себе оружие и находиться где-нибудь, где вас не придется разыскивать. И не снимать гарнитуру, – он повернулся к Вардани, которая полулежала на стуле в углу, завернувшись в куртку и закрыв лицо очками. – Госпожа Вардани, есть ли надежда услышать примерное время открытия?

– Может, завтра, – за очками было не видно, удостоила ли она его взглядом. – Если повезет.

Кто-то фыркнул. Сутьяди не потрудился выяснять кто.

– Госпожа Вардани, полагаю, не нужно вам напоминать, в какой угрожающей ситуации мы находимся.

– Нет. Не нужно, – она неторопливо поднялась и поплыла к выходу. – Я буду в пещере.

После ее ухода подошел к концу и брифинг.

* * *

Поездка заняла у Хансена и Крукшенк менее получаса.

– Ничего нет, – сообщил подрывник, когда они вернулись. –

Ни обломков, ни обгорелых частей, никаких остатков. По сути, – он оглянулся через плечо, бросив взгляд туда, где они занимались поисками, – нет даже никаких следов того, что эта хренова турель там вообще стояла.

Градус напряжения в лагере повысился. Члены команды, верные своему призванию, в угрюмом молчании принялись до маниакальности дотошно проверять оружие. Хансен распаковывал коррозионные гранаты, инспектируя запалы. Крукшенк разбирала мобильные артиллерийские установки. Сутьяди и Вонгсават не выходили из кабины пилота; после некоторого колебания к ним присоединился и Шнайдер. Люк Депре и Цзян Цзяньпин устроили на берегу нешуточный спарринг, а Хэнд удалился в свой баббл-тент не иначе как для того, чтобы возжечь новую порцию курений.

Я провел остаток утра на скальном карнизе в компании Сунь Липин, надеясь, что последствия прошлой ночи выветрятся из организма быстрее, чем болеутоляющие. Небо над головами обещало улучшение погоды. Вчерашняя беспроглядная серость уже перемежалась пластами голубого, наступающего с запада. Уползающее на восток облачное покрывало утягивало за собой дым от руин Заубервиля. Легкая дымка похмелья, просачивающаяся из-за эндорфинной завесы, придавала всей сцене налет ложной безмятежности.

Дым от сгоревших наноколоний, который еще недавно видел Хансен, уже совсем рассеялся. Когда я обратил на это внимание Сунь, она просто дернула плечом. Судя по всему, не один я чувствовал себя безмятежно.

– Тебя вообще ничего не беспокоит? – поинтересовался я.

– Ты насчет нашей ситуации? – она, похоже, задумалась над вопросом. – Наверное, я бывала и в худших передрягах.

– Разумеется, бывала. Умирала, например.

– Ну, само собой. Но я другое имела в виду. Наносистемы, конечно, напрягают, но, даже если опасения Матиаса Хэнда действительно обоснованы, сомневаюсь, что нанобы эволюционируют во что-то такое, что сможет сдернуть с небес «Нагини».

Я вспомнил об автотурелях-кузнечиках, о которых говорил Хэнд. О них, как и о многом другом, он предпочел не ставить в известность команду, рассказывая об ОАН.

– А твоя семья знает, чем ты занимаешься?

Лицо Сунь приобрело удивленное выражение:

– Да, конечно. Пойти в армию посоветовал мне отец. Это был хороший способ раздобыть средства для обучения на системщика. Они-то всегда при деньгах, сказал он. Реши, чем хочешь

заниматься, и пусть они за это заплатят. Разумеется, он и представить не мог, что здесь вскоре разгорится война. Да и кто бы мог двадцать лет назад?

– Угу.

– А твои?

– Что мои? Отец? Понятия не имею, я его не видел с восьми лет. Почти сорок лет назад по субъективному времени. Почти полтора века по объективному.

– Сочувствую.

– Чему? Моя жизнь стала на порядок лучше после того, как он отчалил.

– Он, наверное, тобой бы сейчас гордился.

Я рассмеялся.

– Это уж точно. Сто процентов. Мой старик всегда был ярым поклонником насилия. Покупал абонементы на все сезоны фрик-файтинга. Сам-то он подготовки не имел, так что приходилось удовлетворяться беззащитными женщинами и детьми, – я кашлянул. – Ну короче, да. Он бы гордился тем, что я сделал со своей жизнью.

Сунь с минуту помолчала:

– А твоя мать?

Я отвел взгляд в сторону, пытаясь вспомнить. За фотографическую память посланникам приходится расплачиваться тем, что все события до Корпуса теряют четкость и целостность. Посланник начинает стремительно ускоряться, отдаляясь от них, как корабль, взмывший со стартовой площадки. В свое время я только и ждал, чтобы этот эффект поскорей вступил в силу. Теперь я не был ни в чем уверен. Я не помнил.

– По-моему, она была довольна, что я завербовался, – сказал я медленно. – Когда я вернулся домой в форме, она устроила для меня чайную церемонию. Пригласила всех соседей. Наверное, она гордилась мной. Да и деньги оказались нелишними. Нас было трое ртов – я и две младшие сестры. Она делала что могла, после того как нас бросил отец, но мы все время были на мели. Когда я закончил курс базовой подготовки, наш доход, наверное, утроился. На Харлане Протекторат платит солдатам довольно щедро – иначе не выдержит конкуренции с якудза и куэллистами.

– Она знает, что ты здесь?

Я покачал головой:

– Я слишком давно не был дома. Посланник получает назначение куда угодно, только не на планету, откуда он родом. Снижается риск возникновения никому не нужной эмпатии к людям, которых предполагается убивать.

– Да, – кивнула Сунь. – Стандартная мера предосторожности.

Имеет смысл. Но ты же больше не посланник. Ты что, не вернулся домой?

Я невесело усмехнулся:

– Вернулся, чтобы пойти в криминал. Когда выходишь из Корпуса, вариантов не так уж много. А к тому времени моя мать уже снова вышла замуж – за офицера-вербовщика Протектората. Так что воссоединение семейства показалось мне… несколько неуместным.

Сунь замолчала. Вглядываясь в берег под нами, она, казалось, ожидала чего-то.

– Спокойно здесь, да? – произнес я, просто чтобы заполнить паузу.

– На определенном уровне восприятия, – кивнула она. – Не на клеточном, конечно. Все-таки здесь полным ходом идет сражение, и мы его проигрываем.

– Вот молодец какая, скажи еще что-нибудь ободряющее.

По ее лицу скользнула улыбка:

– Ну извини. Сложно говорить о спокойствии, когда с одной стороны уничтоженный город, с другой – аккумулированная мощь гиперпортала, из-за холмов наступает армия наносуществ, а воздух заряжен смертельной дозой радиации.

– Нет, ну если, конечно, так ставить вопрос…

Улыбка вернулась.

– Выучка, Ковач. Все мое время занято взаимодействием с машинами на таких уровнях, где обычные органы чувств бессильны. Когда занимаешься этим профессионально, учишься различать признаки шторма даже в самых спокойных водах. Вот взгляни. Перед тобой неподвижный океан, безмятежная водная гладь, залитая солнцем. Самое что ни на есть мирное зрелище. Но в глубине миллионы существ ведут войну за пропитание, причем войну не на жизнь, а на смерть. Видишь, почти все трупы чаек уже исчезли, – она состроила гримасу. – Если я вдруг захочу поплавать, напомни мне, чтобы я этого не делала. Даже солнечный свет – это одна непрерывная очередь субатомных частиц, уничтожающих любой организм, не успевший эволюционировать в достаточной степени, чтобы обзавестись адекватной защитой – защитой, которой, разумеется, обладает каждое живое существо вокруг нас, потому что их далекие предки гибли миллионами для того, чтобы горстка выживших смогла закрепить необходимую мутацию.

– Любой покой – это иллюзия, м-м? В стиле монахов Отречения?

– Да нет, не иллюзия. Но он относителен, и за *любой* покой всякий раз приходится платить цену в виде его

противоположности.

– Это-то и держит тебя в армии, да?

– В армии меня держит контракт. Я должна отслужить еще минимум десять лет. И, честно говоря, – она пожала плечами, – я останусь и после этого. Война к тому времени закончится.

– Начнется другая.

– Не на Санкции IV. Когда Кемп будет разгромлен – впредь никаких военных действий. Исключительно полицейские операции. Больше они никогда не дадут событиям зайти так далеко.

Я вспомнил восторги Хэнда в адрес ныне действующих лицензионных протоколов, предоставляющих «Мандрейк» неограниченную свободу действий, и преисполнился скепсиса.

Вслух же я сказал:

– Во время полицейских операций погибнуть можно с таким же успехом, что и на войне.

– Ну, я уже однажды погибала. И, однако, вот она снова я. Не так уж это было ужасно.

– Ну ладно, Сунь, – на меня снова волной накатила усталость, отчего начал выворачиваться наизнанку желудок и заболели глаза. – Сдаюсь. Круче тебя только яйца. Эту твою речь надо толкнуть перед Крукшенк. Она ее воспримет на ура.

– Я не думаю, что Иветту Крукшенк нужно подбадривать. Она достаточно молода, чтобы и без посторонней помощи наслаждаться жизнью.

– Угу, ты, наверное, права.

– Я не хотела создавать впечатление, что я *крутая*. Но я профессиональный военный, и было бы глупо начать ненавидеть то, что я сама же и выбрала. Это же действительно был *выбор*. Меня не призывали.

– Ну, в наши дни это… – я отвлекся, потому что увидел, как Шнайдер выскочил из передней двери «Нагини» и помчался к берегу. – Куда это он?

Под карнизом, на котором мы сидели, появилась Таня Вардани. Она шла куда-то в сторону моря, но походка ее была какой-то странной. На одной поле куртки мерцали синие пятна, показавшиеся смутно знакомыми.

Я поднялся. Увеличил кратность нейрохимического зрения.

Сунь положила ладонь на мое предплечье:

– Что это с…

Это был песок. Влажные пятна бирюзового песка из пещеры. Песок, должно быть, налип, когда…

Тут у Вардани подкосились ноги.

Падение не было грациозным. Ее левая нога подломилась,

когда ступила на землю, и Таню развернуло вокруг собственной оси. Я уже спешил вниз, прыгая по намеченным нейрохимией точкам опоры, на каждой из которых можно было продержаться лишь краткое мгновение, необходимое для того, чтобы переместиться на следующую. Я приземлился примерно в ту же секунду, когда Таня упала, и оказался возле нее на пару секунд раньше Шнайдера.

– Я увидел, как она упала, когда выходила из пещеры, – выпалил он, подбегая.

– Давай перенесем ее…

– Со мной все *нормально*, – перевернувшись на спину, Вардани стряхнула мою руку.

Опершись на локоть, она переводила глаза со Шнайдера на меня. Я вдруг осознал, до чего изможденной она выглядела.

– Все нормально. Спасибо.

– Так что происходит? – спросил я вполголоса.

– Что происходит? – она закашлялась и сплюнула на песок; блеснула кровь. – Я умираю, как и все прочие здешние обитатели. Больше ничего.

– Может, тебе на сегодня завязать с работой? – неуверенно произнес Шнайдер. – Отдохнуть?

Она озадаченно взглянула на него, после чего отвернулась и начала подниматься с песка.

– А, да, – усмехнулась она, распрямляясь. – Забыла сказать. Портал я открыла. Расколола.

На ее растянутых в усмешке губах виднелась кровь.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

– Ничего не вижу, – сказал Сутьяди.

Вардани со вздохом подошла к одной из своих консолей. Ее пальцы забегали по панели управления, и один из раздвижных филигранников начал опускаться вниз, пока не оказался между нами и неприступной с виду вершиной марсианской технологической мысли. Пальцы Вардани еще побегали по экрану, и расставленные по углам пещеры лампы вспыхнули синим.

– Вот.

Раздвижной экран окрасил портал в холодные лиловые тона. В новой цветовой схеме стало видно, что его верхний край светится и по нему пробегают яркие вспышки, похожие на вращающиеся биобомбы.

– Это что такое? – спросила за моей спиной Крукшенк.

– Обратный отсчет, – небрежно ответил Шнайдер с видом знатока; ему уже приходилось видеть это раньше. – Верно, Таня?

Вардани слабо улыбнулась и оперлась на консоль.

– Мы практически уверены, что марсиане различали куда больше оттенков синего конца спектра, чем мы. Большая часть их визуальной нотации включает в себя тона ультрафиолетового диапазона, – она прочистила горло. – То, на что мы сейчас смотрим, они могли видеть без вспомогательных средств. А смысл этого сообщения можно примерно перевести как «не подходить».

Я смотрел как завороженный. Световые шары возникали из верхушки шпиля, после чего отделялись от нее и быстро стекали по краям портала к его основанию. Через равные промежутки времени шары вспыхивали, и какая-то их часть при этом перенаправлялась в складки по краям. Трудно было сказать наверняка, но, следя глазами за движением этих отколовшихся вспышек, я начинал думать, что их путь по запутанному лабиринту трещин куда дольше, чем это возможно в трехмерном пространстве.

– Позже станет видно больше, – сказала Вардани. – Частота волны уменьшается по мере того, как до открытия портала остается все меньше времени. Не знаю точно почему.

Сутьяди отвернулся. Его лицо, озаряемое вспышками света, пропущенного через филигранник, выглядело несчастным.

– Сколько это займет?

Вардани подняла руку, указывая на угол консоли, где оттикивали цифры обратного отсчета.

– Около шести часов стандартного. Сейчас уже меньше.

– Господи Самеди, как же *красиво*, – выдохнула Крукшенк.

Она стояла за моим плечом и, не отрываясь, смотрела на экран. Свет, льющийся на ее лицо, казалось, смыл с него все эмоции, оставив одно лишь изумление.

– Надо бы доставить сюда буй, капитан, – такое выражение на физиономии Хэнда я видел в последний раз, когда застал его врасплох во время обряда. – И пусковую раму, чтобы запустить его внутрь.

Сутьяди отвернулся от портала:

– Крукшенк. *Крукшенк!*

– Сэр? – лаймонка заморгала и сосредоточила внимание на командире, хотя ее взгляд продолжал то и дело возвращаться к экрану.

– Возвращайтесь на «Нагини» и помогите Хансену подготовить буй для запуска. И скажите Вонгсават, чтобы рассчитала к вечеру траекторию полета. Пусть попробует

пробиться сквозь помехи и установить связь с «Клином» в Мэссоне. Пусть проинформирует их о нашем вылете, – он посмотрел на меня. – Не хотелось бы сейчас угодить под огонь своих.

Я взглянул на Хэнда, любопытствуя, как он выкрутится из положения.

Но я беспокоился напрасно.

– Связь пока не устанавливайте, капитан, – так безучастно и рассеянно бросил он, что можно было поклясться, что его внимание целиком поглощено таймером обратного отсчета, однако под небрежностью тона ясно угадывалась стальная непререкаемость приказа. – Пока мы не закончим все наши дела здесь, будем сообщать лишь необходимый минимум информации. Пусть Вонгсават пока просто рассчитает параболу.

Сутьяди дураком не был. Уловив недосказанность, он вопросительно посмотрел на меня.

Я пожал плечами и незамедлительно подкрепил ложь Хэнда. Для чего же, в конце концов, еще нужны посланники?

– Посмотри на это с такой точки зрения, Сутьяди. Если бы они знали, что на борту находишься ты, они бы нас и так наверняка сбили, исключительно чтобы достать тебя.

– «Клин Карреры», – сухо сказал Сутьяди, – не станет так поступать, пока находится на контракте у Картеля.

– А разве не у правительства? – насмешливо фыркнул Шнайдер. – Хэнд, а я-то считал, что эта война – внутреннее дело.

Хэнд бросил на него утомленный взгляд.

– Вонгсават, – сказал Сутьяди в микрофон по каналу общей связи. – Вы меня слышите?

– Так точно.

– А остальные?

В наушнике послышался гул еще четырех голосов. Ответы Хансена и Цзяна были напряженно-энергичными, реплика Депре – лаконичной, а отклик Сунь представлял собой нечто среднее.

– Рассчитайте траекторию полета. Отсюда в Лэндфолл. Мы планируем отбыть через семь часов.

В наушнике послышались радостные возгласы.

– Постарайтесь получить представление о суборбитальном трафике вдоль параболы, но поддерживайте радиомолчание до взлета. Все ясно?

– Отступаем по-тихому, – сказала Вонгсават. – Поняла.

– Отлично, – Сутьяди кивнул Крукшенк, и та рванула к выходу. – Хансен, сейчас придет Крукшенк, чтобы помочь подготовить заявочный буй. Это всё. Всем остальным – не терять бдительности.

Сутьяди слегка расслабился и повернулся к археологу:

– Госпожа Вардани, у вас болезненный вид. Ваше присутствие здесь еще необходимо?

– Я… – Вардани тяжело облокотилась на консоль. – Нет, я закончила. В следующий раз я вам понадоблюсь, когда придет время снова закрывать эту чертову штуковину.

– О, этого не потребуется, – со своего места сбоку от портала громко заявил Хэнд с явным видом собственника. – После того как установим буй, мы сможем известить об этом Картель и вызвать полноценную команду. Думаю, что при поддержке «Клина» мы объявим в этом регионе прекращение огня, – он улыбнулся, – довольно быстро.

– Попробуйте убедить в этом Кемпа, – сказал Шнайдер.

– Убедим, убедим, – снова улыбнулся Хэнд.

– В любом случае, госпожа Вардани, – в голосе Сутьяди сквозило нетерпение, – я предлагаю вам тоже вернуться на «Нагини». Попросите Крукшенк подключить программу полевого врача и осмотреть вас.

– Ну что ж, спасибо.

– Прошу прощения?

Вардани покачала головой и поднялась, опершись руками о консоль:

– Мне показалось, кто-то из нас должен это сказать.

Она удалилась, ни разу не оглянувшись. Шнайдер бросил на меня взгляд и после секундного колебания последовал за ней.

– Вот умеешь же ты обращаться с гражданскими, Сутьяди. Тебе уже кто-нибудь об этом говорил?

Он бесстрастно посмотрел на меня:

– У тебя есть какая-нибудь причина здесь оставаться?

– Видом любуюсь.

Он издал какой-то гортанный звук и перевел глаза обратно на портал. Было очевидно, что вид артефакта ему неприятен, и после ухода Крукшенк он все меньше это скрывал. Поворачиваясь к порталу, он невольно напрягался и костенел, как плохой боец перед схваткой.

Встав перед ним, я поднял ладонь и, выдержав подобающую паузу, хлопнул его по плечу:

– Только не говори, что оно тебя пугает, Сутьяди. Тебя-то, который не побоялся схлестнуться с Псом Вётеном и всем его взводом. Ты ж моим героем был. Правда, недолго.

Если он и счел это забавным, то ничем этого не выказал.

– Да ладно тебе, это же просто *машина*. Как подъемный кран, как… – я запнулся в поисках подходящего сравнения. – Как машина. Только и всего. Через пару веков мы сами такие начнем

строить. Озаботься хорошей страховкой для оболочки, может, увидишь это своими глазами.

– Ошибаешься, – сказал он холодно. – В этом нет ничего даже отдаленно человеческого.

– Ох, надеюсь, ты не будешь разводить тут сраную мистику? – я покосился в сторону Хэнда, подумав, что против меня прямо-таки начинает сбиваться клика. – *Естественно*, в нем нет ничего человеческого. Его не люди строили, а марсиане. Но они всего-навсего другая раса. Может, умнее нас, развитее, но это не делает их богами или демонами, ну ведь так? Так?

Он повернулся ко мне:

– Я не знаю. Так?

– Сутьяди, ей-богу, ты уже начал разговаривать в стиле вон того придурка. Перед тобой *технология*.

– Нет, – он покачал головой. – Это порог, который мы собираемся переступить. И мы об этом пожалеем. Не чувствуешь? Не чувствуешь, как оно *ждет*?

– Нет, зато чувствую, что сам жду. Если эта штука тебя так вымораживает, может, пойдем займемся чем-нибудь конструктивным?

– Было бы неплохо.

Хэнд, судя по всему, намеревался дальше любоваться своей новой игрушкой, так что мы оставили его в одиночестве и зашагали по туннелю в обратном направлении. Мандраж Сутьяди, однако, каким-то образом передался и мне, потому что, как только активированный портал скрылся за поворотом, у меня появилось странное ощущение в области затылка. Сходное чувство испытываешь иногда, поворачиваясь спиной к заряженной орудийной системе. Несмотря на то что ты распознан как «свой», ты все равно понимаешь, что штука сзади может превратить тебя в месиво из плоти и костей, и что, невзирая на все программирование на свете, порой происходят *несчастные случаи*. А дружественный огонь убивает так же эффективно, как и недружественный.

Яркий рассеянный дневной свет, льющийся из входа в пещеру нам навстречу, казался инверсией того сгустка мрака, что остался позади.

Я раздраженно отогнал эту мысль.

– Ну что, теперь доволен? – ядовито поинтересовался я, когда мы оказались на свету.

– Доволен я буду, когда мы запустим буй и окажемся за полушарие отсюда.

Я покачал головой:

– Не понимаю я тебя, Сутьяди. Лэндфолл стоит на расстоянии

снайперского выстрела сразу от шести крупных раскопок. Вся планета сплошь покрыта марсианскими развалинами.

– Я родом с Латимера. И не выбираю, где воевать.

– Ну пусть с Латимера. Там тоже развалин хватает. Господи, да каждая сучья планета, которую мы колонизировали, когда-то принадлежала им. Мы вообще-то именно их картам обязаны своим появлением здесь.

– Именно, – резко остановившись, Сутьяди повернулся ко мне; на его лице впервые после проигранного спора по поводу взрыва каменного завала проступило нечто похожее на эмоцию. – *Именно*. А хочешь знать, что это значит?

Я подался назад, удивленный таким внезапным накалом страстей:

– Ну да, само собой. Объясни.

– Это значит, что нас тут не должно быть, Ковач, – сказал он негромко, с необычным для него жаром. – Нам тут не место. Мы *не готовы*. То, что астронавигационные карты попали нам в руки, изначально было ошибкой. При своих собственных скоростях мы бы добрались до этих планет на тысячи лет позже. Нам было *нужно* это время, Ковач. Мы должны были *заслужить* свое место в межзвездном пространстве. А вместо этого мы едем на горбу мертвой цивилизации, которую не понимаем.

– Не думаю, что…

Он оборвал мое возражение.

– Видел, сколько времени ушло у археолога, чтобы открыть портал? Все эти полуразобранные обрывки, на основании которых мы продвигаемся вперед… «Мы практически уверены, что марсиане различали куда больше оттенков синего конца спектра, чем мы», – злобно передразнил он Вардани. – Она ничего ни о чем не знает, как и все остальные. Мы *гадаем*. Мы понятия не имеем, что делаем, Ковач. Бродим тут, тыча пальцем в небо и пытаясь натянуть наши антропоморфные представления на весь космос, но на самом деле не имеем ни малейшего понятия о том, что делаем. Нас тут не должно быть. Нам тут *не место*.

Я сделал долгий выдох.

– Что ж… В таком случае, Сутьяди, – я посмотрел сначала на землю, потом на небо, – советую начинать копить на гипертрансляцию на Землю. Там, конечно, та еще помойка, но родом мы оттуда. Там-то нам уж точно самое место.

Он едва заметно улыбнулся. Выдвинувшийся арьергард эмоций уже отступал, и свое место на лице вновь заняла бесстрастная маска командира.

– Поздно, – произнес он тихо. – Слишком поздно.

Внизу, у «Нагини», Хансен и Крукшенк уже разбирали

заявочный буй «Мандрейк».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

На подготовку буя у Крукшенк и Хансена ушел почти час, главным образом потому, что из пещеры вернулся Хэнд и заставил их сделать три полных системных проверки, убедившись, что с буем действительно все в порядке.

– Послушайте, – раздраженно буркнул Хансен, после того как им пришлось включать локационный компьютер в третий раз. – Он накладывается на окклюзию звездного поля, и после снятия отпечатка сорвать его с места может разве что появление черного тела. Если только ваш звездолет не собирается время от времени становиться невидимым, никаких проблем возникнуть не может.

– Такая возможность не то чтобы исключена, – ответил Хэнд. – Проверьте еще раз бэкап детектора массы. Убедитесь, что он активируется одновременно с запуском.

Хансен вздохнул. Стоявшая у другого конца двухметрового буя Крукшенк ухмыльнулась.

Позже я помог ей вытащить пусковую установку из грузового отсека «Нагини», собрать ее и поставить на ядовито-желтые гусеницы. Хансен закончил последние системные проверки, захлопнул панели на конусе корпуса и нежно похлопал машину по боку.

– Бороздить просторы вселенной готова, – сказал он.

Теперь, когда установка была собрана и находилась в рабочем состоянии, мы призвали на помощь Цзян Цзяньпина и осторожно водрузили на нее буй. Изначально предназначавшийся для запуска торпедного аппарата, на крохотной установке буй смотрелся слегка нелепо, казалось, что в любой момент он с нее свалится. Хансен покатал установку вперед-назад, заставил ее сделать пару кругов, проверяя ход, после чего захлопнул крышку пульта дистанционного управления, убрал его в карман и зевнул.

– Ну что, пошли попробуем поймать какой-нибудь ролик Лапине? – спросил он.

Я сверился с ретинальным дисплеем времени, где я установил таймер, синхронизированный с обратным отсчетом на портале. Оставалось чуть более четырех часов. Еще не отведя глаз от ярких зеленых цифр, я краем глаза увидел, как буй дернулся и заскользил вперед по закругленному концу гусениц, наконец тяжело бухнувшись на песок. Я посмотрел на Хансена и ухмыльнулся.

– Ой, ну господи Самеди, – воскликнула Крукшенк,

проследив направление наших взглядов и подходя к установке. – Чего стоите и ухмыляетесь как идиоты, помогайте…

И в этот момент ее разорвало на части.

Я стоял ближе всех, уже поворачиваясь, чтобы помочь ей поднять буй. Позже, в тошнотворной оцепенелости шока, я снова увидел/вспомнил, как удар, пришедшийся чуть выше бедренной кости, взрезал ее тело, точно небрежно чиркнувшая по дереву пила, взметнув вверх куски плоти вместе с фонтаном крови. Это было такое же завораживающее зрелище, как сорвавшийся трюк гимнаста из театра Всего Тела. Над моей головой взлетела рука и фрагмент торса. Пронесшаяся мимо нога ударила меня в лицо. Я ощутил во рту привкус крови. Лениво вращаясь, устремилась к небу голова, волоча за собой, словно ленты серпантина, шлейф из длинных волос и рваных остатков шеи и плеча. На лицо мне, словно дождь, брызнула кровь – на этот раз кровь Крукшенк.

До моих ушей словно бы издалека донесся мой же собственный крик. Пустая оболочка слова «нет», потерявшего всякий смысл.

Стоявший рядом Хансен бросился за лежащим на земле «санджетом».

И тут я увидел то,

Из «Нагини» послышались крики.

что

Кто-то открыл огонь из бластера.

сделало это.

Песок вокруг пусковой установки кишел ими. Поблескивая в солнечном свете, у моих ног возилось около полудюжины кусков покрытого шипами толстого серого кабеля, подобного тому, что распорол тело Крукшенк. От издаваемого ими жужжания свербило в ушах.

Они оплели установку и вгрызлись в нее. Послышался скрежет металла. Из гнезда вылетел болт и просвистел над моим ухом, точно пуля.

Снова раздались выстрелы бластера, затем еще и еще, сливаясь в один беспорядочный треск. На моих глазах луч прошил одну из извивающихся на песке тварей, не причинив ей ни малейшего вреда. Мимо меня, не прекращая стрелять, прошел Хансен с «санджетом» на плече. В моей голове что-то щелкнуло.

– *Назад!* – заорал я. – *Назад, мать твою!*

Мои кулаки сжали «калашниковы».

Слишком поздно.

Хансен, похоже, считал, что дело в усиленной броне или высокой скорости маневрирования. Поэтому он выставил широкий угол луча и собирался усилить мощность. «Санджет

(Снайп) Марк-11» производства «Дженерал системс» способен резать танталовую сталь, как нож мясо. Выстрел в упор просто испепеляет все живое.

Местами кабели слегка накалились. И тут песок под ногами Хансена разверзся, и вверх взметнулось новое щупальце. Я еще даже не успел поднять пистолеты, как оно уже отсекло ноги Хансена по колени. Он издал пронзительный животный крик и упал, продолжая нажимать на спусковой крючок. «Санджет» оплавил песок, оставив длинные неглубокие стеклянные борозды. Короткие толстые куски кабеля взвились и обрушились на тело Хансена, подобно цепам. Его крики оборвались. Кровь начала извергаться тяжелыми сгустками, будто лава из кальдеры вулкана.

Открыв огонь, я двинулся вперед.

Пистолеты, интерфейсные «калашниковы» в руках, словно воплощение моего гнева. Биосвязь из ладонных пластин предоставила данные: разрывные патроны с высокой проникающей способностью, полный магазин. Из-за пелены ярости я сумел разглядеть структуру извивающейся передо мной твари. «Калашниковы» открыли огонь. Биосвязь держала цель с микрометровой точностью.

Кабельные щупальца бились и подпрыгивали, шлепаясь на песок, как выброшенная из воды рыба.

Я разрядил обе обоймы.

Пистолеты выплюнули магазины и требовательно зияли пустыми приемниками. Я ударил рукоятями о грудь. Исправно сработал спидлоудер, рукояти заглотили новые магазины. Звонко щелкнули магнитные затворы. Я выбросил в стороны руки со вновь потяжелевшими «калашниковыми» – высматривая, выцеливая.

Кабели-убийцы лежали неподвижно, срезанные моими очередями. На меня устремились новые твари, я уложил и их. Ошметки падали на песок, словно овощи из-под ножа повара.

Магазины снова опустели.

Перезарядка.

Пусто.

Перезарядка.

Пусто.

Перезарядка.

Пусто.

Перезарядка.

Пусто.

Я снова и снова колотил по груди, не слыша холостого щелчка спидлоудера. От кабелей, окружавших меня, осталась

лишь бахрома едва шевелящихся обрубков. Я отшвырнул пустые пистолеты и схватил первую попавшуюся железку от развороченной пусковой установки. Над головой и вниз. Ближайший пучок щупальцев дрогнул и опал. Вверх. Вниз. Обломки. Осколки. Вверх. Вниз.

Я снова поднял прут и увидел голову Крукшенк, смотревшую на меня.

Она упала на песок лицом вверх, длинные спутанные волосы наполовину закрыли глаза. Рот был открыт, словно Крукшенк собиралась что-то сказать, черты искажены от боли.

Звон в ушах прекратился.

Я опустил руки.

Уронил прут.

Взгляд метнулся к слабо трепыхавшимся обрубкам кабеля вокруг.

Ярость резко схлынула, оставив в груди холод, и я увидел рядом Цзяна.

– Дай коррозионную гранату, – произнес я, и собственный голос показался мне чужим.

* * *

«Нагини» зависла над берегом на трехметровой высоте. По обе стороны грузового люка были установлены пулеметы, снаряженные патронами с твердым боезапасом. За пулеметами сидели Депре и Цзян; их лица выглядели бледными в свете от крохотных прицельных экранов дистанционного наблюдения. Активировать автоматические системы мы еще не успели.

Грузовой отсек был набит вещами, на скорую руку прихваченными из баббл-тентов. Оружие, контейнеры с едой, одежда – все, что можно было сгрести в охапку и бегом дотащить до корабля под присмотром пулеметов, обеспечивающих прикрытие. Заявочный буй «Мандрейк» лежал в углу, слегка перекатываясь с одного округлого бока на другой, когда Амели Вонгсават производила гравитационную корректировку. По настоянию Матиаса Хэнда буй был первым, что мы подняли с бирюзовой поверхности песка, внезапно ставшей столь опасной. Приказ Хэнда выполнили на автопилоте.

Буй, скорее всего, ни на что уже не годился. Конус оболочки покрывали вмятины, один бок пропорот по горизонтали. Панели мониторов сорваны и провода торчали, как излохмаченные концы откромсанных кишок, как останки…

А ну прекрати.

На ретинальном экране ярко светились цифры. Оставалось два часа.

Иветта Крукшенк и Оле Хансен тоже присутствовали на борту. Система по сбору человеческих останков – гравитационный робот-подъемник – осторожно пролетела над залитым кровью песком, собрала все, что смогла обнаружить, сделала пробы и тест ДНК, после чего, рассортировав останки, извергла их в два синих мешка из полудюжины висевших у нее на боку. Процесс сортировки и распределения сопровождался звуками, напоминающими рвоту. Закончив, робот отсоединил от себя мешки, запечатал их лазером и нанес штрихкод. Сутьяди с каменным лицом по одному перенес их в контейнер для хранения трупов, стоящий в глубине грузового отсека. В обоих мешках не было ничего, хотя бы отдаленно напоминающего части человеческого тела.

Стеков памяти найти не удалось. Амели Вонгсават продолжала сканирование, искала их следы, но рабочей была версия о том, что нанобы пожирали любую неорганику в качестве материала для строительства нового поколения. Оружие Хансена и Крукшенк тоже пропало.

Я с трудом оторвал взгляд от отверстия на крышке контейнера для тел и поднялся наверх.

В задней части отсека экипажа Сунь Липин рассматривала под микроскопом кусок нанобного кабеля, запечатанного в пермапластик. За ее спиной теснились Сутьяди и Хэнд. В углу, прислонившись к стене и обхватив себя руками, с каменным лицом стояла Таня Вардани. Я сел в стороне от всех.

– Взгляни-ка, – Сунь посмотрела на меня и кашлянула. – Как ты и говорил.

– Раз как говорил, то чего смотреть?

– Ты хочешь сказать, что это нанобы? – недоверчиво спросил Сутьяди. – А не…

– Портал еще даже не открыт, Сутьяди, – мой голос прозвучал воинственно.

Сунь снова уставилась на экран микроскопа. Создавалось впечатление, что она пытается укрыться в нем от действительности.

– Компоненты составляют единое целое, – сказала она. – Но при этом не соприкасаются. Должно быть, они держатся вместе исключительно за счет динамики поля. Что-то вроде, я не знаю, очень мощной электромагнитной мускульной системы, наложенной на мозаичный скелет. Каждый наноб генерирует часть поля, что и удерживает его на его месте в сетке. Луч «санджета» просто проходит насквозь. Он может уничтожить

несколько отдельных нанобов, которые будут находиться непосредственно на его пути, хотя они, похоже, резистентны к очень высоким температурам, но в любом случае этого недостаточно, чтобы нанести ущерб структуре в целом, и рано или поздно другие юниты замещают поврежденные ячейки. Эта штука – органика.

Хэнд взглянул на меня с любопытством:

– Ты знал об этом?

Я посмотрел на свои руки. Они все еще слегка дрожали. Под кожей ладоней беспокойно сокращались биопластины.

Я попытался справиться с собой.

– Догадался. Во время перестрелки, – я встретил его взгляд, краем глаза заметив, что Вардани тоже смотрит на меня. – Можешь считать это интуицией посланника. «Санджеты» оказались бесполезны, поскольку мы уже подвергли колонии высокотемпературному плазменному огню. Они приспособились и эволюционировали, приобрели иммунитет к лучевому оружию.

– А ультравиб? – спросил Сутьяди, обращаясь к Сунь.

Она покачала головой:

– Я устроила им пробный взрыв, и ничего не случилось. Нанобы внутри поля резонируют, но вреда им это не причиняет. Эффект слабее, чем от луча «санджета».

– Единственное, что их берет, это твердые боеприпасы, – сказал Хэнд задумчиво.

– Угу, а скоро и они перестанут брать, – я поднялся, собираясь уходить. – Дайте им немного времени, эволюционируют и в этом отношении. Касается и коррозионных гранат. Мне надо было приберечь их на крайний случай.

– А ты куда, Ковач?

– На твоем месте, Хэнд, я бы попросил Амели поднять нас повыше. Как только они усвоят, что их убивает не только то, что обитает на земле, они начнут отращивать руки подлиннее.

Я двигался к выходу, бросая советы на ходу, словно одежду по пути к кровати после тяжелого вечера. Почти случайно я снова спустился в грузовой отсек. Пулеметы, похоже, уже работали в режиме автонаведения. Люк Депре стоял у противоположной от своего оружия стороны проема, дымя одной из сигар Крукшенк из Индиго-сити и глядя на берег в трех метрах под собой. Цзян Цзяньпин, скрестив ноги, сидел на дальнем конце палубы перед контейнером для трупов. В помещении стояло напряженное непонимающее молчание, которым особи мужского пола обычно выражают горе.

Я привалился к переборке и сомкнул веки. В неожиданно наступившей темноте ярко горели цифры обратного отсчета. Час

пятьдесят три… Все ближе и ближе…

Перед глазами возникла Крукшенк. Ухмыляющаяся, сосредоточенная на задании, курящая, испытывающая оргазм, разлетающаяся на куски…

Прекрати.

Я услышал шуршание одежды и поднял голову. Передо мной стоял Цзян.

– Ковач, – он присел на корточки и начал снова. – Ковач, мне очень жаль. Она была отличным сол…

Интерфейсный пистолет сверкнул в моей правой руке, дуло уперлось Цзяну в лоб. Он ошеломленно осел.

– *Пасть заткни,* Цзян, – я плотно сжал губы и втянул в легкие воздух. – Скажешь еще слово, и я забрызгаю Люка твоими мудовыми мозгами.

Я ждал. Пистолет в моей руке казался неподъемным. За меня его держала биопластина. В конце концов Цзян поднялся и оставил меня в покое.

В голове пульсировали цифры. Час пятьдесят…

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Хэнд назначил официальный сбор на час семнадцать. Близко к контрольному сроку, но, возможно, он сначала предоставил всем возможность излить чувства в неофициальной обстановке. Гвалт на верхней палубе не умолкал с тех пор, как я оттуда ушел. Из грузового отсека без помощи нейрохимии я мог различать только интонации, но не смысл. Продолжалось все это, похоже, довольно долго.

Время от времени я слышал, как в грузовой отсек кто-нибудь заходил, но ко мне никто не приближался, а у меня не доставало ни сил, ни интереса, чтобы поднять голову. Единственным, судя по всему, кто не собирался держаться от меня в стороне, был Могильер.

Я же говорил, что меня тут ждет работа.

Я закрыл глаза.

Ну как там насчет пули мне в морду, Волк «Клина»? Где же твоя неукротимая ярость – когда она так нужна?

Я…

Теперь я тебе нужен?

Я с этим говном покончил.

Смех словно стук стеков памяти, камешками сыплющихся из ковша.

– Ковач?

Я поднял голову. Это был Люк Депре.

– Думаю, тебе стоит подняться на палубу, – сказал он.

Гвалт наверху, похоже, прекратился.

* * *

– Мы не уйдем, – тихо сказал Хэнд, обводя взглядом присутствующих, – повторяю, не уйдем, не поставив заявочный буй «Мандрейк» с другой стороны портала. Перечитайте ваши контракты. Формулировка «каждую представляющуюся возможность» является первостепенной и краеугольной. Вне зависимости от того, какой приказ последует сейчас со стороны капитана Сутьяди, вас ждет казнь и возвращение на свалку душ, если мы вернемся, не исследовав эти представляющиеся возможности. Ясно я излагаю?

– Нет, не ясно, – крикнула Амели Вонгсават из кабины пилота. – Потому что единственная возможность, которую вижу я, это тащить этот мудацкий буй по берегу на собственных горбах и зашвырнуть его в портал в надежде, что он вообще еще работает. Если это возможность, то исключительно для самоубийства. Эти сукины дети забирают стеки!

– Мы можем просканировать местность на предмет нанобов… – голос Хэнда утонул в хоре сердитых голосов. Он раздраженно вскинул руки над головой. Сутьяди рявкнул, требуя тишины, и получил ее.

– Мы солдаты, – неожиданно нарушил наступившую паузу Цзян, – а не кемпистские срочники. Это безнадежная битва.

– Когда вы жертвовали собой на Данангской равнине, – сказал Хэнд, – вы тоже понимали, что ведете безнадежную битву. Но отдали свою жизнь. Именно это я у вас сейчас и покупаю.

Цзян посмотрел на него с откровенным презрением:

– Я отдал жизнь за солдат, находившихся под моим командованием. А не за деньги.

– О Дамбалла, – Хэнд закатил глаза, – а ради чего, по-твоему, ведется эта война, солдатня ты тупая? Кто, по твоему мнению, *платил* за Данангскую атаку? Вбей себе в голову. Ты сражаешься за *меня*. За корпорации и их долбаное марионеточное правительство.

– Хэнд, – я сошел с лестницы и встал в центре отсека. – Мне кажется, твои маркетинговые приемы перестают работать. Не хочешь сделать перерыв?

– Ковач, я не…

– Сядь, – слова на вкус напоминали пепел, но, видимо, в них

было и что-то посущественнее, так как Хэнд подчинился.

На обратившихся ко мне лицах было написано ожидание.

Только не это опять.

– Мы никуда не уходим, – сказал я. – Не можем. Я хочу унести отсюда ноги не меньше вашего, но мы не можем. Пока не поставим буй.

Я переждал шквал возражений, не имея ни малейшего желания восстанавливать порядок. Сутьяди сделал это за меня. Установилась напряженная тишина.

Я повернулся к Хэнду:

– Почему бы тебе не рассказать им, кто активировал ОАН? И почему.

Он молча смотрел на меня.

– Хорошо, я сам расскажу, – я окинул взглядом лица окружавших меня людей, чувствуя, как тишина становится глубже и плотнее, и указал рукой на Хэнда. – Наш спонсор нажил в Лэндфолле несколько врагов, которых вполне устроит, если он не вернется обратно. Нанобы – это их способ добиться желаемого. Пока способ не сработал, но в Лэндфолле об этом еще не знают. Если снимемся с места, то узнают, и не сомневаюсь, что на полпути нас встретит кое-что остроносое. Так ведь, Матиас?

Хэнд кивнул.

– А коды «Клина»? – спросил Сутьяди. – Они что, ничего не стоят?

Его вопрос тут же вызвал всплеск новых.

– Какие коды «Клина»?

– Что, позывные вызова? Спасибо за…

– А почему мы об этом ничего не…

– Так, замолкните все. – К моему удивлению, они послушались. – Командование «Клина» передало нам код вызова на случай чрезвычайной ситуации. Вас не поставили в известность, поскольку, – я почувствовал, как на моих губах, точно болячка, начала вызревать улыбка, – вам об этом знать не полагалось. Вы слишком мало значили. Ну вот теперь вы знаете, и вам может показаться, что код – гарантия безопасности. Хэнд, объяснишь, почему это не так?

Тот какое-то время смотрел в пол, затем снова поднял голову. Его взгляд отвердел.

– Командование «Клина» находится в подчинении Картеля, – произнес он лекторским тоном. – Тот, кто активировал нанобов ОАН, должен был располагать санкцией Картеля. По этим же самым каналам они получат доступ к кодам авторизации, которые использует Айзек Каррера. Именно «Клину» и будет, по всей вероятности, поручено нас сбить.

Привалившийся к перегородке Люк Депре лениво пошевелился:

– Ковач, ты же сам клиновец. Вряд ли они будут убивать своего. У них другая репутация.

Я бросил взгляд на Сутьяди. Его лицо напряглось.

– К сожалению, – сказал я, – наш Сутьяди находится в розыске за убийство офицера «Клина». Сотрудничество с Сутьяди превращает меня в предателя. Все, что надо сделать врагам Хэнда, это передать Каррере список членов экспедиции. Это лишит меня всякой возможности повлиять на ситуацию.

– А как насчет блефа? Насколько я понимаю, у посланников с этим все в порядке.

Я кивнул:

– Можно попробовать. Но шансы на успех невелики, и существует способ попроще.

От этой фразы поднявшийся было легкий ропот сразу смолк.

Депре наклонил голову:

– А именно?

– Единственное, что позволит нам убраться отсюда невредимыми, это запуск буя или что-то в этом роде. Когда на звездолете начнет развеваться флаг «Мандрейк», расклад тут же поменяется, и мы будем вольны лететь домой. Все прочее может быть воспринято как блеф, или же, даже если нам поверят, приятели Хэнда могут завалиться сюда сами, убить нас и поставить собственный буй. Мы должны передать подтверждение сделанной заявки, чтобы исключить такой вариант.

Напряжение было таким сильным, что, казалось, завибрировал воздух, закачался, словно балансирующий на задних ножках стул. Все смотрели на меня. Все, сука, смотрели на меня.

Пожалуйста, только не это опять.

– Портал откроется через час. Мы расчищаем каменный завал ультравибом, влетаем в портал и запускаем гребаный буй. После чего отправляемся домой.

Напряжение снова начало нарастать. Я стоял посреди хаоса и шума и ждал, уже зная, чем все кончится. Они согласятся. Согласятся, так как поймут то, что уже знаем мы с Хэндом. Что это единственная лазейка, единственный способ вернуться обратно. А того, кто не поймет…

Я почувствовал, как во мне проснулся волчий ген и сотряс тело, словно рык.

Того, кто не поймет, я пристрелю.

* * *

Для человека, специальностью которого был саботаж машинных систем и электроники, Сунь на диво ловко управлялась с тяжелой артиллерией. Она произвела пробный огонь из ультравиба по нескольким целям в горах, после чего попросила Амели Вонгсават подвести «Нагини» к пещере и остановиться метрах в пятидесяти от входа. С включенными экранами для входа в атмосферу, которые защищали от осколков, она начала обстрел каменного завала.

Звук напоминал царапание проволоки о мягкий пластик; жужжание осенних огнянок, поедающих белаводоросли во время отлива; визг инструментов Тани Вардани, очищающей стек памяти Дэн Чжао Юна от остатков костной ткани в лэндфолльском секс-отеле. Чириканье, скулеж и писк, смешанные воедино и усиленные до апокалиптических масштабов.

Звук, с которым расщепляется на части мир.

Я наблюдал процесс на экране в грузовом отсеке, в компании двух автоматических орудий и контейнера останков. В кабине пилота места для зрителей в любом случае не было, а в отсеке экипажа, где находились остальные, мне оставаться не хотелось. Я сидел на палубе и отрешенно смотрел на дисплей, на то, как раскаляется камень, как растрескивается и ломается порода под давлением; сопоставимым с давлением тектонических плит; как обрушиваются осколки; как они превращаются на лету в густые облака пыли, не успевая ускользнуть от лучей ультравиба, шарящих в завале. От резонанса в животе ощущался смутный дискомфорт. Сунь стреляла на малой мощности, а защитные экраны в пушечных модулях амортизировали основную часть удара. Однако пронзительный крик луча и скрежет дробящегося камня все же прорывались в открытые двери, вонзаясь мне в уши, словно инструмент хирурга.

Перед глазами по-прежнему стояла умирающая Крукшенк.

Двадцать три минуты.

Ультравиб смолк.

Портал проступил сквозь дымку разрушения и клубы пыли, как дерево сквозь снежную пелену. Вардани сказала мне, что портал не способно повредить ни одно известное ей оружие, но Сунь тем не менее запрограммировала орудийные системы «Нагини» на прекращение огня при его появлении в зоне видимости. Теперь в оседающих пылевых облаках я смог различить обломки археологического оборудования, разбитые и расшвырянные в разные стороны во время последних секунд ультравиб-залпа. Трудно было поверить, что высящаяся над каменными осколками громада и в самом деле незыблема и невредима.

Спину защекотало тонкое перышко благоговения, неожиданное, словно заново обретенное осознание, на что именно я смотрю. В голове всплыли слова Сутьяди.

«Нам здесь не место. Мы не готовы».

Я отогнал эту мысль.

– Ковач? – судя по голосу Амели Вонгсават, раздавшемуся в наушнике, не я один испытывал трепет перед старшими цивилизациями.

– Здесь.

– Закрываю двери. Отойди в сторону.

Орудийные станки плавно въехали внутрь палубы, а двери закрылись, перекрыв дневной свет. Через мгновение вспыхнули холодные огни внутреннего освещения.

– Вижу движение, – послышался предупреждающий голос Сунь.

Сообщение прозвучало на общем канале, и я услышал, как разом резко втянули в себя воздух все остальные члены экипажа.

Последовал легкий толчок, и Вонгсават переместила «Нагини» на несколько метров вверх. Я ухватился за переборку, чтобы не упасть, и невольно опустил взгляд в пол.

– Нет, это не под нами, – Сунь как будто наблюдала за мной. – Оно… похоже, оно движется к порталу.

– Вот срань. Хэнд, да сколько же здесь этих гадов? – спросил Депре.

Я словно воочию увидел, как Хэнд пожимает плечами.

– Мне неизвестно о том, чтобы на рост ОАН налагались какие-то ограничения. Насколько я понимаю, они могли заполонить собой весь берег.

– Не думаю, – произнесла Сунь спокойно, точно лабораторный работник в разгаре эксперимента. – Удаленное наблюдение обнаружило бы нечто настолько большое. И, кроме того, они еще не поглотили другие автотурели, что произошло бы, если бы они распространялись вбок. Я подозреваю, что они проделали лазейку в нашем периметре и хлынули внутрь линейным…

– Смотрите, – сказал Цзян. – Оно здесь.

На экране над головой я увидел, как из покрытой осколками породы земли вокруг портала вытягиваются руки нанобного организма. Возможно, он уже попытался проникнуть под фундамент и потерпел неудачу. До ближайшего края основания им оставалось добрых два метра, когда они нанесли удар.

– Началось, едрить твою мать, – сказал Шнайдер.

– Нет, погоди, – в негромком голосе Вардани слышалась почти что гордость. – Смотри.

Кабелям, похоже, не удавалось ухватиться за поверхность материала, из которого был сделан портал. Они набрасывались на него и соскальзывали, как с намасленного. Это повторилось несколько раз, после чего из песка высунулась еще одна рука, длиннее. У меня перехватило дыхание. Взвившись на метров шесть вверх, она обвилась вокруг нижнего края шпиля. Если бы такое щупальце протянулось к «Нагини», оно бы легко стащило нас на землю.

Новый кабель напрягся, усилил хватку.

И испарился.

Сперва я подумал, что Сунь нарушила мои инструкции и снова открыла огонь из ультравиба. Но тут же вспомнил. Нанобы были невосприимчивы к вибрационному оружию.

Остальные кабели тоже исчезли.

– Сунь? Какого хера сейчас произошло?

– Я пытаюсь установить именно это, – общение Сунь с машинами начинало накладывать отпечаток на ее речь.

– Он их отключил, – сказала Вардани просто.

– Что отключил? – переспросил Депре.

И по голосу археолога я понял, что та улыбается:

– Нанобы существуют в электромагнитном поле. Оно обеспечивает связь между ними. Портал просто отключил поле.

– Сунь?

– Госпожа Вардани права. Я не могу обнаружить никакой электромагнитной активности вблизи объекта. И никакого движения.

Какое-то время, пока все переваривали информацию, тишину в наушнике нарушало только шипение статики. Затем послышался задумчивый голос Депре:

– И в эту штуку мы сейчас полетим?

* * *

По сравнению с тем, что произошло, и с тем, что ожидало впереди, открытие портала прошло на удивление обыденно. За две с половиной минуты до конца обратного отсчета шары ультрафиолетового света, которые нам показывала Вардани на экранах-филигранниках, начали постепенно становиться видимыми, проявившись в образе мерцающих лиловых полос на внешних краях шпиля. При дневном свете это зрелище производило впечатление такое же невнушительное, как посадочный маяк в рассветные часы.

За восемнадцать секунд что-то начало происходить в глубине

складок – что-то похожее на трепетание крыльев.

За девять секунд на макушке шпиля без всякой помпы возникла черная точка. Она была блестящей, как капля высококачественной смазки, и, похоже, вращалась вокруг собственной оси.

Восемью секундами позже точка неторопливо и плавно растянулась до основания шпиля, а затем ниже, скрыв из виду подножие, а затем и примерно метр песка.

Перед нашими глазами предстала темная сфера и мерцающие в этой темноте звезды.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
НЕОБЪЯСНИМОЕ ЯВЛЕНИЕ

Любого, кто строит спутники, которые мы не можем сбить, следует воспринимать серьезно, а если он вернется за своей техникой, лучше относиться к нему с осторожностью. Это не религия, а здравый смысл.

Куэллкрист Фальконер.

Метафизика для революционеров

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Не люблю дальний космос. От него едет крыша.

Дело не в опасности. В космосе можно позволить себе больше ошибок, чем на дне океана или в ядовитой атмосфере – такой, например, как атмосфера Глиммера V. В вакууме ошибка может обойтись вам не так дорого, и я несколько раз испытал это на себе. Глупость, рассеянность и паника повлекут за собой вашу смерть не с такой неумолимой неизбежностью, как в более суровой среде. Проблема в другом.

Орбитальные станции висят над Харланом на пятисоткилометровой высоте и без промедления сбивают любой летательный аппарат крупнее шестиместного вертолета. Случались редкие исключения, но пока еще никто не смог установить их причину. Как следствие, харланцы нечасто поднимаются в небо, и боязнь высоты – явление столь же распространенное, как беременность. В восемнадцать лет, когда я, тогда еще солдат морской пехоты Протектората, впервые облачился в вакуумный костюм, мой мозг совершенно оцепенел, и, глядя вниз, в бесконечную пустоту, я слышал лишь собственное тихое поскуливание. Путь вниз казался *очень* долгим.

Подготовка посланников помогает справиться с большинством страхов, но ты прекрасно знаешь, что именно пугает тебя, так как чувствуешь, когда подготовка вступает в силу. Я чувствовал это каждый раз. На высокой орбите над Лойко

во время бунта пилотов; десантируясь вместе с вакуум-коммандос Рэндалла в районе внешней луны Адорасьона, и еще однажды в глубинах межзвездного пространства, играя в смертельные салочки с членами «Риэлтерской команды» вокруг корпуса захваченной колониальной баржи «Мивцемди», в бесконечном падении вдоль траектории ее движения, на расстоянии нескольких световых лет до ближайшего солнца. Перестрелка у «Мивцемди» была худшим из этих воспоминаний. Я до сих пор вижу ее в кошмарах.

«Нагини» проскользнула в проем, образованный порталом в трехмерном пространстве, и повисла посреди пустоты. Я выдохнул вместе со всеми остальными, синхронно затаившими дыхание, когда штурмовик начал вхождение, встал и направился к пилотской кабине, слегка подлетая на ходу из-за коррекции гравиполя. Звездная равнина уже была видна на экране, но я хотел рассмотреть ее хорошенько через укрепленные прозрачные носовые панели. Нет лучшего средства против страха, чем взглянуть врагу в лицо, прочувствовать бездну, разверзающуюся у самого твоего носа. Осознать, где ты находишься, всеми животными корнями своего естества.

Открывать двери между отсеками идет вразрез с правилами поведения в дальнем космосе, но никто не стал меня останавливать, хоть все и видели, куда я иду. Амели Вонгсават удивленно взглянула на меня, когда я вошел, но и она промолчала. Но, с другой стороны, она была первым пилотом в истории человечества, осуществлявшим мгновенную переброску с высоты шесть метров над поверхностью планеты в глубь открытого космоса, так что, подозреваю, ее мысли могло занимать кое-что другое.

Я устремил взгляд через ее левое плечо. Потом опустил глаза и почувствовал, как мои пальцы вцепились в спинку кресла.

Страх получил подтверждение.

Знакомый сдвиг в голове, словно в ослепительно ярком свете захлопнулись герметические двери, отсекая доступ к определенным участкам мозга. Подготовка.

Дыхание выровнялось.

– Если собираешься здесь оставаться, советую присесть, – сказала Вонгсават, не отрываясь от монитора гравитации, поднявшего тревожный писк из-за внезапного исчезновения планеты под нами.

Я проковылял к месту второго пилота, сел и начал нашаривать ремни.

– Что-нибудь видишь? – поинтересовался я, тщательно имитируя спокойствие.

– Звезды, – ответила она коротко.

Я помолчал, привыкая к открывавшемуся передо мной виду, чувствуя, как саднят напряженные мышцы в углах глаз в инстинктивном желании хотя бы на периферии зрения найти проблеск света в океане этой беспроглядной тьмы.

– Ну что, насколько мы далеко?

Пальцы Вонгсават забегали по астронавигационной панели.

– Если эта штука не врет, – она тихо присвистнула, – семьсот восемьдесят с лишним миллионов километров. Можешь себе представить?

Это означало, что мы находимся на самом краю орбиты Банхарна, одинокого, ничем не примечательного газового гиганта, несущего караул возле внешних пределов системы Санкции. Еще на триста миллионов километров дальше по эклиптике обреталось замкнутое в кольцо море мелкого камня, слишком рассеянное, чтобы его можно было назвать поясом, но по какой-то причине так и не образовавшее небесное тело. В паре сотен миллионов километров по другую сторону от этого располагалась Санкция IV. Где мы находились примерно сорок секунд назад.

Внушительно.

Конечно, межзвездный пробой может еще быстрее доставить на такое большое расстояние, что кончится бумага записывать нули. Но для него человека надо сначала оцифровать, а потом загрузить в новую оболочку по другую сторону, а это время и технологии. Целый *процесс*.

В нашем же случае никакого процесса не было или, по крайней мере, не было ничего, что, с человеческой точки зрения, на него бы походило. Мы просто пересекли порог. При наличии желания и вакуумного костюма я буквально мог бы через этот порог перешагнуть.

Описанное Сутьяди чувство *чужеродности* снова пощекотало шею мурашками. Подготовка очнулась и подавила его. Восхищение напополам со страхом.

– Мы остановились, – пробормотала Вонгсават скорее себе, чем мне. – Что-то погасило наше ускорение. Какое-то… господи… боже.

Ее голос, и без того негромкий, на последних словах окончательно перешел в шепот и замедлился под стать «Нагини». Я оторвал взгляд от цифр, которые Вонгсават только что увеличила на дисплее, и первой моей мыслью, в силу привычки думать в планетарном контексте, было то, что мы влетели в какую-то тень. Когда я вспомнил, что здесь нет никаких гор, да и солнечного света, который можно было бы затмить, тоже не

больно-то много, меня настиг тот же самый ледяной шок, который, похоже, испытывала Вонгсават.

Звезды над нашими головами исчезали.

Они тихо растворялись, их стремительно поглощала безразмерная раскинувшаяся громада, зависшая, казалось, всего в нескольких метрах от верхних смотровых иллюминаторов.

– Это он, – произнес я, и по спине пробежал холодок, точно мои слова послужили завершением какого-то ритуала вызова.

– Он находится в… – Вонгсават покачала головой. – … примерно в пяти километрах. А это означает…

– …что его ширина – двадцать семь километров, – прочитал я данные с экрана. – А длина – пятьдесят три. Внешние части конструкции выступают на…

Я сдался:

– Большой. Очень большой.

– Правда же? – послышался за спиной голос Вардани. – Видите вон там зубчатый край? Каждое углубление в километр глубиной.

– Может быть, мне со зрителей начать деньги брать? – сердито отреагировала на ее появление Вонгсават. – Госпожа Вардани, будьте любезны вернуться и занять свое место.

– Прошу прощения, – пробормотала археолог. – Я просто…

Завыли сирены. Их размеренные завывания сотрясли воздух кабины.

– Боевая тревога! – крикнула Вонгсават и рывком подняла «Нагини» на попа.

В гравитационном колодце от этого маневра всем пришлось бы несладко, но единственное поле тяготения сейчас создавал сам корабль, и потому ощущение напоминало разве что спецэффект эксперии, фокус с голосмещением из арсенала иллюзиониста с Ангельской верфи.

Обломки после боя в вакууме.

В правом иллюминаторе я увидел падающую на нас ракету, кувыркающуюся в пустоте.

Услышал обнадеживающе-бодрые автоматические голоса боевых систем, докладывающих о готовности.

Крики из отсека за спиной.

Мои мышцы напряглись. Резко вмешалась подготовка, расслабив тело, приготовив его к столкновению…

Минуточку.

– Не может быть, – неожиданно воскликнула Вонгсават.

В космосе невозможно увидеть ракету. Даже те, что сделаны *нами*, движутся слишком быстро для человеческого глаза.

«Угрозы ракетного удара нет, – произнес боевой компьютер

слегка разочарованным голосом. – Угрозы ракетного удара нет».

– Оно еле движется, – Вонгсават, качая головой, ткнула пальцем в другой экран. – Скорость вращения… Э, ребята, да оно просто дрейфует.

– Но это все-таки автоматика, – я показал на небольшой красный всплеск на спектроскане. – Возможно, электроника. Это не камень. Не просто камень, по крайней мере.

– Тем не менее активности нет. Оно абсолютно инертно. Дайка я запущу…

– Лучше смени курс и сдай назад, – я произвел быстрый расчет в уме, – метров на сто. Тогда оно буквально окажется у нас на ветровом стекле. Включи внешнее освещение.

Вонгсават смерила меня взглядом, в котором сложным образом соединились презрение и ужас. Такие рекомендации едва ли доведется услышать во время летных инструктажей. Кроме того, в ее крови, как и в моей, наверняка еще бушевал адреналин. Это портит характер.

– Выполняю смену курса, – произнесла она наконец.

За иллюминаторами вспыхнул свет.

В некотором отношении идея была не супер. Укрепленный прозрачный композит иллюминаторов должен был соответствовать спецификациям боевых действий в вакууме, из чего следовало, что от него отразятся любые микрометеориты – кроме разве что самых бойких, – оставив максимум царапину. Уж разумеется, столкновение с дрейфующим объектом им ничем не грозит. Но оно в определенном смысле все же нанесло удар.

За моей спиной пронзительно вскрикнула Таня Вардани. Короткий, тут же оборвавшийся звук.

Хотя объект обгорел и пострадал от низкой температуры и отсутствия давления, в нем все же можно было опознать человеческое тело в летней одежде.

– Господи боже, – снова прошептала Вонгсават.

Почерневшее лицо невидяще смотрело на нас. Вокруг пустых глазниц колыхалась кайма лопнувшей замерзшей ткани. Рот был раскрыт в крике – столь же немом сейчас, сколь и тогда, когда его обладатель пытался озвучить свою смертельную агонию. Тело под тканью нелепо-яркой пляжной рубашки было раздуто – очевидно, из-за разрывов кишок и желудка. В иллюминатор стучала костяшками клешня руки. Вторая рука была заведена за голову. Ноги были согнуты так же – одна вперед, другая назад. Этот человек, кем бы он ни был, умер, барахтаясь в вакууме.

Умер в падении.

Позади меня негромко рыдала Таня Вардани.

Снова и снова повторяя чье-то имя.

* * *

Остальных мы отыскали по маячкам в скафандрах. Тела дрейфовали на дне трехсотметровой впадины на корпусе, сгруппировавшись вокруг, по всей видимости, стыковочного узла. Их было четверо, каждый в простеньком вакуумном комбинезоне. Судя по виду тел, трое умерли, когда закончился запас воздуха, что, согласно спецификациям на скафандрах, должно было занять от шести до восьми часов. Четвертый не захотел ждать так долго. В его шлеме красовалось аккуратное пятисантиметровое отверстие, идущее справа налево. Промышленный лазерный резак все еще висел, прикрепленный к правому запястью мертвеца.

Вонгсават снова отправила наружу оборудованный щупохватом автомат для работы в открытом космосе. Мы молча наблюдали за тем, как маленькая машина поднимает трупы и относит их к «Нагини» с той же аккуратностью и ловкостью, с какой уже доставила почерневшие и поврежденные останки Томаса Дхасанапонгсакула, обнаруженные у портала. На этот раз зрелище напоминало похоронную процессию в обратной перемотке. Тела, заключенные в белую оболочку вакуумных костюмов, извлекались из пустоты и доставлялись в нижний воздушный шлюз «Нагини».

Вардани не смогла справиться с чувствами. Она спустилась на грузовую палубу вместе со всеми нами, в то время как Вонгсават осталась на полетной палубе, чтобы открыть внутреннюю дверь шлюза. Сутьяди и Люк Депре занесли тела. Но когда Депре раскрыл застежки первого шлема и стащил его с головы покойника, из груди Тани вырвалось сдавленное рыдание, и она бросилась в дальний угол. Ее стошнило. Воздух наполнился резким запахом рвоты.

Шнайдер подошел к ней.

– Ее ты тоже знала? – зачем-то спросил я, глядя на мертвое лицо.

Это была женщина в оболочке лет сорока с лишним, с широко раскрытыми, полными укора глазами. Ее тело совершенно оледенело, шея жестко торчала из ворота костюма, не давая голове коснуться пола. Нагревательные элементы должны были еще проработать какое-то время после того, как кончился запас воздуха, но, если женщина входила в ту же команду, членов которой мы обнаружили в траловых сетях, она находилась здесь как минимум год. Скафандров с таким запасом жизнеобеспечения пока еще не производят.

За археолога ответил Шнайдер:

– Это Арибово. Фаринторн Арибово. Глифолог с Дангракских

раскопок.

Я кивнул Депре. Он расстегнул и снял остальные шлемы. Мертвые уставились на нас, приподняв головы, словно выполняя упражнения для пресса. Арибово и трое мужчин. Только у самоубийцы глаза были закрыты; на лице застыло настолько умиротворенное выражение, что так и тянуло заново проверить, уж не померещилось ли мне то ровное отверстие с обожженными краями, что проделал в его черепе лазер.

Глядя на труп, я задумался, как бы поступил сам. Увидев, как захлопывается портал, понимая, что умру здесь, во мраке. Понимая, что, даже если мои точные координаты немедленно передать самому быстрому спасательному судну, оно придет с опозданием на месяцы. Оставалось только гадать, хватило бы у меня мужества ждать, застыв в самом сердце бесконечной ночи, безнадежно надеясь на чудо.

Или же мужества не ждать.

– Это Вэн, – Шнайдер подошел и встал за моим плечом. – Имени не помню. Тоже какой-то теоретик-глифолог. Других не знаю.

Я посмотрел на другой конец палубы, где у стены, обхватив себя руками, сидела Вардани.

– Оставь ты ее в покое, а? – прошипел Шнайдер.

Я пожал плечами:

– Ладно. Люк, возвращайся в шлюз и упакуй Дхасанапонгсакула, пока он не потек. Потом остальных. Я с тобой. Сунь, можешь проинспектировать буй? Сутьяди, не поможешь ей? Хотелось бы понимать, сможем ли мы вообще запустить эту рухлядь.

Сунь угрюмо кивнула.

– Хэнд, а тебе хорошо бы просчитать варианты. Если буй накрылся, нам понадобится другой план действий.

– Минутку, – впервые за все время, что я знал Шнайдера, я увидел на его лице неподдельный страх. – Мы что, остаемся? После того что произошло с этими людьми, мы *остаемся*?

– Мы не знаем, что произошло с этими людьми, Шнайдер.

– А это не очевидно? Портал нестабилен, он закрылся перед их носом.

– Херня это, Ян, – в хриплом голосе Вардани прорезалась нота былой твердости, отчего в моей груди что-то шелохнулось.

Я взглянул на нее и увидел, что она поднимается, краем ладони отирая слезы и капельки рвоты с лица.

– Когда мы активировали его в прошлый раз, он стоял открытым несколько дней. В моих глифах никакой нестабильности не было – ни тогда, ни сейчас.

– Таня, – Шнайдер выглядел так, будто его предали. Он широко развел руки в стороны, – я имел в виду…

– Я не знаю, что здесь стряслось, не знаю, что… – она с трудом выдавливала из себя слова, – …что за *лажа* вышла с глифами, которые использовала Арибово. Но с нами этого не случится. Я свое дело знаю.

– При всем уважении, госпожа Вардани, – Сутьяди обвел взглядом лица присутствовавших, оценивая настроения. – Вы сами признали, что наши знания об этом объекте ограничены. Не могу понять, каким образом вы можете гарантировать…

– Я мастер Гильдии, – Вардани медленно подошла к шеренге трупов.

Ее глаза горели, словно покойники вызывали у нее гнев фактом своей смерти. – Эта женщина мастером не была. Вэн Сяодон. Не был. Томас Дхасанапонгсакул. Не был. Они были скребунами. Пусть, может быть, и талантливыми, но этого *недостаточно*. Мой опыт в области марсианской археологии составляет более семидесяти лет, и если я говорю, что портал стабилен, то он *стабилен*.

Она огляделась. Ее взгляд был ясен. У ее ног лежали трупы. Спорить с ней никто не захотел.

* * *

Радиоактивное отравление, вызванное заубервильским взрывом, все сильнее разрушало мои клетки. С телами мы провозились дольше, чем я планировал, – уж точно намного дольше, чем это должно было занять у офицера «Клина Карреры», – и, когда наконец крышка контейнера для трупов медленно опустилась, я ужасно устал.

Депре, если и чувствовал себя так же, виду не показывал. Возможно, маорийские оболочки действительно держались соответственно заявленным характеристикам. Он двинулся к противоположному концу палубы, где Шнайдер показывал Цзян Цзяньпину какой-то трюк с гравитатором. После секундного колебания я повернулся и направился к лестнице на верхнюю палубу, надеясь найти Таню Вардани в носовом отсеке.

Вместо нее я обнаружил Хэнда, тот разглядывал на главном экране проплывающую под нами громаду марсианского звездолета.

– К такому зрелищу сразу не привыкнешь, а?

В голосе Хэнда слышался жадный энтузиазм. Внешние огни «Нагини» выхватывали из темноты лишь несколько сотен метров,

но и там, где огромная структура растворялась во мраке, она продолжала выделяться на фоне звездного неба. Она казалась бесконечной с ее странными изгибами и выпирающими конструкциями, похожими на готовые лопнуть пузыри. Она бросала вызов зрению, напряженно пытающемуся нащупать границы ее непроницаемой неохватности. Только начинало казаться, что различаешь край, что видишь слабый блеск звезд за пределом гигантской тени, как вдруг эти искры таяли или резко вздрагивали, и становилось понятно, что это была лишь оптическая иллюзия, игра света на еще одной грани невероятной махины. Корабли колониального флота Конрада Харлана считались одними из самых больших транспортных средств, построенных человеческой наукой, но на марсианском судне они могли бы служить спасательными катерами. Даже поселения в системе Нового Пекина не могли сравниться с ним размерами. К такому масштабу мы еще не были готовы. «Нагини» зависла над звездолетом, точно чайка над сухогрузом, везущим белаводоросли из Ньюпеста в Миллспорт. Мы были ничтожной малостью, бестолковым случайным попутчиком.

Я плюхнулся на сиденье рядом с Хэндом и развернулся лицом к экрану, чувствуя, как по рукам и спине пробегает дрожь. Таская трупы, я основательно промерз, а когда мы упаковывали Дхасанапонгсакула, оледеневшие ткани глазного яблока, торчащие из его пустых глазниц, будто кораллы, обломились под пластиком, прямо под моей ладонью. Я почувствовал, как они подаются, услышал тихий хруст, с которым они треснули.

Из-за этого еле слышного звука смерти благоговение перед монументальностью марсианского судна сильно поубавилось.

– Да обычная колониальная баржа, только побольше, – бросил я. – Теоретически такую и мы могли бы построить. Просто эту массу было бы сложно разогнать.

– А вот им, очевидно, несложно.

– Очевидно.

– То есть вот что это такое, по твоему мнению? Колониальный корабль?

Я пожал плечами, пытаясь придать голосу небрежность:

– Не так много существует причин для постройки судна таких размеров. Либо оно предназначалось для буксировки чего-то куда-то, либо для проживания. А зачем бы строить поселение в такой дали? Исследовать тут нечего. Нечего добывать, нечего ловить.

– А зачем здесь парковаться колониальной барже?

Хрусть-хрусть.

Я закрыл глаза.

– А не все ли тебе равно, Хэнд? Когда вернемся, эта штука сгинет в корпоративных доках на каком-нибудь астероиде. Никто из нас ее больше не увидит. Чего к ней привязываться? Получишь свой процент, бонус или что там тебя греет.

– Думаешь, я не испытываю любопытства?

– Думаю, что тебе без разницы.

После этого он замолчал, пока с грузовой палубы не пришла Сунь с плохими новостями. Оказалось, буй безнадежно поврежден.

– Сигнал он подает, – сказала она. – И, если постараться, двигатели запустить можно. Потребуется новый источник питания, но, думаю, я смогу модифицировать генератор одного из гравициклов. Но локационные системы накрылись, а для ремонта у нас нет ни материалов, ни инструментов. Без них буй не сможет сохранять положение в пространстве. Даже обратная тяга наших собственных двигателей, скорее всего, отправит его в глубь космоса.

– А если запустить его после того, как включим двигатели? – Хэнд перевел взгляд на Сунь, затем снова на меня. – Вонгсават может рассчитать траекторию и стартовать, после чего мы и скинем буй. Ах да…

– Инерция, – закончил я за него. – Импульса, сообщенного при запуске, все равно хватит, чтобы не дать ему удержаться на месте. Так, Сунь?

– Абсолютно точно.

– А если его прикрепить?

Я невесело усмехнулся:

– Прикрепить? Ты что, не видел, что произошло, когда нанобы попытались прикрепить себя к порталу?

– Надо что-нибудь придумать, – сказал Хэнд уклончиво. – Мы не отправимся восвояси ни с чем. Тем более будучи в шаге от успеха.

– Попытаешься приварить буй к этой штуковине – и мы вообще не сможем отправиться восвояси, Хэнд. И ты это понимаешь.

– В таком случае, – он неожиданно перешел на крик, – *надо найти другой способ.*

– Такой способ есть.

Таня Вардани показалась из пилотской кабины, куда ушла, пока мы занимались упаковкой трупов. Ее лицо было по-прежнему бледно и под глазами залегли тени, но при этом от нее исходило почти сверхъестественное спокойствие, какого я не видел в ней ни разу после освобождения из лагеря.

– Госпожа Вардани, – Хэнд оглядел кабину, словно проверяя,

кто еще был свидетелем его срыва, и надавил на веки большим и указательным пальцами. – У вас есть идеи?

– Есть. Если Сунь Липин сможет починить источник питания буя, мы абсолютно точно сможем его установить.

– Установить где? – спросил я.

Она натянуто улыбнулась:

– Внутри.

Повисла секундная пауза.

– Внутри, – я кивнул в сторону экрана, на километры и километры бесконечной инопланетной конструкции, – вот этого?

– Да. Войдем через причальный док и поставим буй в каком-нибудь надежном месте. Корпус должен пропускать радиоволны, нет никаких оснований считать иначе. Если судить по марсианской архитектуре. В любом случае мы можем делать пробные трансляции до тех пор, пока не найдем подходящее место.

– Сунь, – Хэнд снова перевел на экран взгляд, ставший почти мечтательным, – сколько времени вам потребуется для ремонта источника питания?

– От восьми до десяти часов. Определенно не больше двенадцати, – Сунь повернулась к археологу. – А сколько вам нужно, чтобы открыть причальный док?

– Ах, это, – по лицу Вардани промелькнула еще одна странная улыбка, – он уже открыт.

* * *

Перед высадкой я смог поговорить с ней всего один раз. Мы столкнулись возле туалета через десять минут после короткого брифинга в диктаторском стиле, устроенного Хэндом. Она стояла спиной ко мне, и мы неловко столкнулись в узком проеме. Она вскрикнула и обернулась. На ее лбу блестела испарина, выступившая, судя по всему, после нового приступа рвоты. От нее исходил характерный запах, и из проема тоже тянуло кислятиной.

Таня заметила, как я на нее смотрю:

– Ну что?

– Ты в порядке?

– *Нет*, Ковач. Умираю. А ты в порядке?

– Ты уверена, что это хорошая идея?

– Ой, ты еще не начинай! Мне казалось, мы уже все выяснили с Сутьяди и Шнайдером.

Я промолчал, не отрывая взгляда от ее лихорадочно блестевших глаз. Она вздохнула:

– Послушай, если это удовлетворит Хэнда и позволит нам вернуться, то я считаю, да, это хорошая идея. И это в разы безопаснее, чем пытаться крепить неисправный буй к корпусу корабля.

Я покачал головой:

– Дело не в этом.

– Не в этом?

– Нет. Ты просто хочешь попасть внутрь, прежде чем «Мандрейк» запрячет его в какой-нибудь закрытый сухой док. Ты хочешь обладать им сама, пусть всего на несколько часов. Так ведь?

– А ты не хочешь?

– Я думаю, все мы хотим, кроме Сутьяди и Шнайдера.

Я знал, что Крукшенк бы хотела – я так и видел, как загораются ее глаза при одной мысли об этом. Ее энтузиазм, когда мы стояли у релинга на траулере. То же самое чувство прикосновения к чуду, которое было написано на ее лице, когда она смотрела на активированный портал сквозь экран-филигранник. Может быть, именно поэтому я и не выступил с возражениями – если не считать этого скомканного разговора в дверях пропахшего рвотой туалета. Может быть, я чувствовал себя должником.

– Ну а что тогда? – пожала плечами Вардани. – В чем проблема?

– Ты знаешь, в чем.

Она издала нетерпеливый возглас и попыталась обойти меня. Я не шевельнулся.

– Ты мне дашь пройти, Ковач? – прошипела она. – До посадки пять минут, я должна быть в *кабине*.

– Почему они не вошли внутрь, Таня?

– Мы уже это…

– Фуфло это, Таня. Приборы Амели говорят о наличии пригодной для дыхания атмосферы. Они знали, как открыть док, может, он даже был открыт. А они все равно остались умирать снаружи, ожидая, пока кончится воздух в скафандрах. Почему они не вошли?

– Ты же был на брифинге. У них не было запаса пищи, у них…

– Ага, я выслушал миллионы рациональных доводов, но не заметил среди них ни одного объяснения, почему четверо археологов предпочли умереть в своих скафандрах, вместо того чтобы провести последние часы на борту величайшей археологической находки за всю историю человечества.

Мгновение она колебалась, и в это мгновение я увидел в ней

тень той женщины, с которой мы были у водопада. Затем ее глаза снова лихорадочно заблестели.

– А какого хера ты меня-то спрашиваешь? Включай вон аппаратуру для УЛПиО и спрашивай их! У них же стеки целы, так?

– Аппаратура накрылась жопой, Таня. Ее, как и буи, угробила коррозионная граната. Так что я опять спрашиваю тебя. Почему они не вошли внутрь?

Она снова замолчала и отвернулась. Мне показалось, что у нее задергался уголок глаза. Но когда она снова подняла голову, на ее лице было то же выражение холодного спокойствия, что во время нашего разговора в лагере.

– Я не знаю, – произнесла она наконец. – И раз мы не можем спросить об этом у них, остался только один способ узнать.

– Ну да, – я устало прислонился к косяку, освобождая дорогу. – И это ж самое главное, да? Узнать. Выведать тайны истории. Передать сраную эстафету научных открытий. Тебя не интересуют деньги, тебе все равно, кому будет принадлежать право собственности, тебя определенно не пугает смерть. С чего бы остальным чувствовать себя по-другому, правильно?

Она вздрогнула, но тут же взяла себя в руки. Потом отвернулась и зашагала прочь, а я все смотрел на бледный свет иллюминиевой плитки, к которой только что прижималось ее тело.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Это походило на бред.

Помню, где-то читал, что, когда археологи впервые обнаружили под землей пространства-мавзолеи, которые они позже классифицировали как города, большая часть ученых сошла с ума. Психические расстройства стали в то время профессиональным риском. Лучшие умы человечества принесли в жертву ради поиска ключей к загадке марсианской цивилизации. Их разум не был сломлен, не рухнул в пучину безумия, как у архетипических антигероев хоррор-эксперии. Он не был сломлен, просто притупился. Прежняя острота мышления сменялась рассеянностью, неопределенностью, нерешительностью. Так закончили свои дни десятки людей. От постоянного контакта со следами деятельности нечеловеческого разума ученые словно физически изнашивались. Гильдия разбазарила их, сточив, как хирургические скальпели на шлифовальном камне.

– Ну, наверное, если уметь *летать*… – протянул Люк Депре,

без особого энтузиазма оглядывая архитектурное сооружение, представшее перед нашими глазами.

В его позе читались раздражение и смятение. Судя по всему, он, как и я, испытывал трудности с определением точек, где потенциально могла располагаться засада. Когда боевая подготовка укореняется на таком глубоком уровне, невозможность выполнять то, чему тебя учили, напоминает никотиновую ломку. А пытаться найти засаду в марсианской архитектуре было все равно что пытаться голыми руками изловить скользминога с мыса Митчем.

Сразу за причальным доком, за тяжеловесной притолокой входа, взрывалась во все стороны внутренняя структура корабля, не похожая ни на что виденное мной прежде. Пытаясь подобрать сравнение, я припомнил эпизод своего ньюпестского детства. Однажды весной, ныряя возле Рифа Хираты со стороны Глуби, я порядочно понервничал, когда шланг моего латаного-перелатаного, где-то выцыганенного гидрокостюма зацепился за коралловый отросток на пятнадцати метрах ниже уровня моря. Глядя на серебристые пузырьки кислорода, устремившиеся вверх из рваной дыры, я на секунду задумался, а как же эта пузырьковая буря выглядит изнутри.

Теперь я знал как.

Пузыри, на которые я смотрел теперь, переливались голубым и розовым перламутром в местах, где их подсвечивали изнутри невидимые источники приглушенного света. От пузырей из моего детства они отличались большей долговечностью, зато их расположение характеризовалось такой же хаотичностью. В том, как они соединялись и перетекали друг в друга, не было никакого архитектурного смысла. Кое-где на месте стыка оставалось отверстие диаметром всего в несколько метров. В других местах закругляющиеся стены просто обрывались там, где сталкивались с другой окружностью. В первом помещении, в котором мы оказались, потолок ни разу не опустился ниже двадцатиметровой отметки.

– А пол, однако же, плоский, – пробормотала Сунь Липин, опускаясь на колени, чтобы провести ладонью по блестящей поверхности. – И у них тут были – есть – грав-генераторы.

– Происхождение видов, – голос Тани Вардани гулко, точно в соборе, раскатился под нависавшими сводами. – Их эволюция шла в гравитационном колодце, как и наша. Нулевая гравитация, сколько бы удовольствия она ни приносила, вредна в долгосрочной перспективе. А при наличии гравитации нужны плоские поверхности, чтобы ставить на них предметы. Практический подход в действии. Как и в случае причального

дока. Как ни приятна возможность поразмять крылья, посадка космического корабля требует прямых линий.

Мы все обернулись на проем, через который только что вошли. По сравнению с залом, где мы сейчас стояли, искривленные очертания причального дока выглядели даже скромно. Длинные ступенчатые стены вытянутого конуса напоминали двух спящих змей двухметровой толщины, не совсем ровно уложенных друг на друга. Кольца змей были слегка волнистыми: даже несмотря на ограничения, накладываемые функциональностью, марсианские кораблестроители как будто не смогли удержаться от органических виньеток. Путь вниз сквозь уровни постепенно увеличивающейся атмосферной плотности, создаваемой каким-то механизмом в ступенчатых стенах, не представлял никакой опасности, но, глядя по сторонам, трудно было отделаться от чувства, что опускаешься в чрево какого-то спящего существа.

Словно в бреду.

Я чувствовал, как видения скользят вдоль самых границ зрения, легко облизывая глазные яблоки и оставляя в голове слабое ощущение отека. Сродни дешевым виртуальностям из игровых центров времен моего детства, где конструкт не давал игроку посмотреть вверх больше, чем на несколько градусов по горизонтальной оси, даже если туда тянул следующий уровень игры. Здесь было схожее ощущение, обещающее скорую ноющую боль в глазах от неустанных попыток увидеть то, что находится наверху. Осознание пространства над головой и непреходящее желание всмотреться в него.

Изгибы блестящих поверхностей вокруг искажали восприятие, внушали смутное ощущение, что ты вот-вот завалишься набок, что на самом деле упасть, лечь на пол будет, возможно, самым правильным положением в этом раздражающе-чужом пространстве. Что вся эта нелепая структура обладает хрупкостью яичной скорлупы и треснет при первом же неверном движении, извергнув тебя в пустоту.

Словно в бреду.

Привыкай.

Зал не был пуст. По краям высились скелетные конструкции, похожие на строительные леса. В моей голове всплыли голоснимки, которые я рассматривал в детстве, – марсианские насесты с виртуальными моделями марсиан. Теперь, в реальности, пустые перекладины производили пугающее и мрачное впечатление, отнюдь не отпугивающее мурашки на затылке.

– Их почему-то сложили, – озадаченно пробормотала

Вардани, глядя вверх.

У нижнего изгиба пузыря под – судя по всему – убранными насестами стояли машины, назначение которых я даже не пытался угадать. По большей части они выглядели шипастыми и враждебными, но, когда археолог прошла мимо одной такой, та только пробубнила что-то и обиженно расправила колючки.

В ответ тут же послышался сухой стук пластика, тонкий вой накапливающегося заряда – каждый из находившихся под полым куполом зала людей схватился за оружие.

– Ой, господи ты боже, – Вардани едва удостоила нас взглядом через плечо. – Расслабьтесь, а. Она в спящем режиме. Это *машина*.

Я убрал «калашниковы» и пожал плечами. Стоявший на другом конце зала Депре поймал мой взгляд и ухмыльнулся.

– Машина для чего? – поинтересовался Хэнд.

На этот раз археолог вообще не обернулась.

– Не знаю, – сказала она устало. – Дайте мне пару дней, команду и лабораторию со всем необходимым оборудованием, тогда, может, узнаю. Сейчас же могу сказать только, что она в режиме ожидания.

Сутьяди, не опуская «санджета», сделал два шага вперед:

– Как вы это определяете?

– Потому что иначе, поверьте, мы бы уже с ней взаимодействовали. Кроме того, зачем бы существу, у которого над плечами возвышаются крылья с шипами в метр длиной, ставить активную машину так близко к закругленной стене? Говорю же, здесь все обесточено и отключено.

– Госпожа Вардани, по всей очевидности, права, – подтвердила Сунь, поворачиваясь и сверяясь с нухановичским анализатором на руке. – В стенах есть электрические цепи, но в основном неактивные.

– Что-то же должно все это поддерживать, – Амели Вонгсават стояла в центре зала, сунув руки в карманы и задрав голову к потолку, под которым гуляли сквозняки. – Пригодный для дыхания воздух. Слегка разреженный, зато теплый. Кстати говоря, и обогрев же как-то должен обеспечиваться.

– Системы обслуживания, – утратив, по всей видимости, интерес к машинам, Таня Вардани подошла обратно к группе. – Во многих городах на Марсе и Земле Нкрумы – из тех, что располагались особенно глубоко, – они тоже были.

– Способные работать так долго? – спросил Сутьяди мрачно.

Вардани вздохнула и ткнула пальцем в сторону входа:

– Колдовства тут никакого нет, капитан. У нас на «Нагини» работает такая же система. Если мы все умрем, она будет ждать

нашего возвращения несколько веков.

– Да, и, если тот, кого она дождется, не будет иметь кодов доступа, она размажет его по стенке. Что не очень меня успокаивает, госпожа Вардани.

– Ну, возможно, в этом и заключается разница между нами и марсианами. Толика утонченной цивилизованности.

– И аккумуляторы помощнее, – добавил я. – Здесь все поддерживается гораздо дольше, чем это смогла бы сделать «Нагини».

– Что насчет радиопрозрачности? – спросил Хэнд.

Сунь переадресовала вопрос системе «Нуханович». Массивная наплечная часть анализатора замигала. В воздухе над тыльной стороной ладони образовались символы.

Сунь пожала плечами:

– Не очень высокая. Я едва улавливаю навигационный маяк «Нагини», от которого нас отделяет всего-то одна стена. Полагаю, сигнал экранируется. Мы стоим на причальной площадке, да еще вплотную к корпусу. Думаю, надо зайти подальше внутрь.

Я заметил, как некоторые члены группы обменялись встревоженными взглядами. Депре заметил, как я на него смотрю, и слегка улыбнулся.

– Ну что, кто хочет исследовать местность? – спросил он вкрадчиво.

– Не уверен, что это хорошая идея, – сказал Хэнд.

Я отделился от кучки, в которую мы невольно сбились под влиянием оборонительного инстинкта, прошел в зазор между двумя насестами и ухватился за кромку отверстия, расположенного за и над ними. Подтягиваясь, почувствовал, как по телу прокатилась волна усталости и слабой тошноты, но к этому времени я уже был готов, и нейрохимия нейтрализовала эффект.

Ниша оказалась пустой. Не наблюдалось даже пыли.

– Может, это и плохая идея, – согласился я, спрыгивая. – Но скольким людям по эту сторону следующего тысячелетия выпадет такая возможность? Сунь, тебе сколько нужно, десять часов?

– Максимум.

– А как считаешь, сможешь для нас набросать приличную карту с помощью этой вот штуковины? – я указал на анализатор «Нухановича».

– Очень возможно. Это же все-таки *лучшее* программное обеспечение, которое можно купить за деньги, – она отвесила небольшой поклон в сторону Хэнда. – «Умные» системы «Нуханович». Лучше не бывает.

Я перевел взгляд на Амели Вонгсават:

– А орудийные системы «Нагини» заряжены на полную катушку.

Пилот кивнула:

– С параметрами, которые я задала, она сможет выдержать полномасштабную тактическую атаку без всякого нашего участия.

– Ну, в таком случае я бы сказал, что у нас на руках дневной абонемент на посещение Кораллового замка, – я посмотрел на Сутьяди. – Для желающих, конечно.

Оглядывая группу, я видел, что идея пустила корни. Депре уже был «за» – его любопытство читалось по лицу и позе, – но и остальные потихоньку начинали испытывать сходные чувства. То один, то другой запрокидывали головы, чтобы полюбоваться марсианской архитектурой; лица смягчались от удивления и восхищения. Даже Сутьяди слегка поддался общему настрою. Угрюмая настороженность, не покидавшая его с тех пор, как мы вошли в атмосферное поле причального дока, сменилась чем-то менее напряженным. Страх неизвестности отступал, его вытеснило чувство куда мощнее и древнее.

Обезьянье любопытство. Черта, о которой я презрительно упомянул в разговоре с Вардани, когда мы стояли на берегу у Заубервиля. Суматошный, верещащий разум джунглей, карабкающийся по мрачным фигурам старых каменных идолов и тычущий пальцами в раскрытые глазницы исключительно из желания *видеть*. Светлое, темное стремление *знать*. То, что привело нас сюда, заставило проделать весь путь от зеленых равнин центральной Африки. То, благодаря чему мы однажды, возможно, зайдем в такую даль, что окажемся там прежде солнечного света этих самых центральноафриканских дней.

Хэнд, приняв начальственный вид, шагнул в центр нашего круга.

– Давайте-ка расставим приоритеты, – произнес он осторожно. – Я разделяю ваше желание осмотреть хотя бы часть этого судна – я и сам бы хотел его осмотреть, – но наша главная задача – это найти место для установки буя, откуда он мог бы передавать сигнал. Эту задачу мы обязаны выполнить в первую очередь, и я предлагаю делать это единой группой, – он повернулся к Сутьяди. – После чего мы можем сформировать исследовательские отряды. Капитан?

Сутьяди кивнул, но кивок выглядел нетипично рассеянным. Как и все мы, Сутьяди уже перестал прислушиваться к частотам человеческого диапазона.

* * *

Если у кого-то еще оставались сомнения насчет состояния марсианского корабля, за те пару часов, что мы провели, бродя по застывшим пузырям, сомнения окончательно развеялись. Мы прошагали примерно с километр, переходя из помещения в помещение, соединяющиеся друг с другом без всякой очевидной системы. Входы в некоторые из них располагались более-менее на уровне пола, прочие же размещались так высоко, что Вардани или Сунь приходилось включать гравитаторы и подниматься, чтобы заглянуть внутрь. Цзян и Депре выступали в авангарде, проверяя каждое новое помещение на предмет засады с обеих сторон – бесшумная, смертоносная симметрия.

Мы не обнаружили никаких признаков жизни.

Машины, которые попадались на пути, нас игнорировали, и никто не выказывал желания подойти поближе, чтобы добиться от них более энергичной реакции.

Чем дальше мы углублялись внутрь корабля, тем больше попадалось структур, которые с некоторой натяжкой можно было назвать коридорами, – длинные овальные пространства с входными и выходными отверстиями яйцеобразной формы. Они были построены тем же способом, что и стандартные залы-пузыри, только их чуть изменили, придав другую форму.

– Знаешь, на что это похоже? – сказал я Вардани, пока мы ждали, когда Сунь исследует очередное отверстие наверху. – На аэрогель. Будто они построили основной каркас, а потом просто… – я покачал головой; идея упрямо не желала облекаться в слова, – …не знаю, накачали поверх него несколько кубических километров суперпрочного аэрогеля и дали застыть.

Вардани слабо улыбнулась:

– Ну да, может быть. Что-нибудь вроде того. Это бы означало, что их знания о пластичности материалов слегка превышают наши, не так ли? При возможности-то спроектировать и смоделировать пену в таких масштабах.

– Может, и нет, – я ощупывал края раскрывшейся идеи, словно сгибы оригами. – Форма здесь вряд ли имела особенное значение. Сгодилась бы любая. А потом просто берешь и наполняешь пространство всем необходимым. Двигателями там, системами жизнеобеспечения, оружием…

– Оружием? – в выражении ее обращенного ко мне лица промелькнуло нечто, чего я не смог считать. – А что, это обязательно должен быть военный корабль?

– Нет, просто пример. Но…

– Здесь что-то есть, – послышался в коммуникаторе голос Сунь. – Какое-то дерево или…

То, что произошло следом, с трудом поддается описанию.

До моих ушей донесся звук.

Я понял, что услышу его, за доли секунды до того, как тихий звон действительно долетел до моих ушей из пузыря наверху, который осматривала Сунь. Это понимание было твердым знанием, я уловил звук, словно эхо-наоборот – эхо, летящее в направлении, обратном медленному течению времени. Это была интуиция посланника, сработавшая на таком уровне эффективности, которого раньше мне удавалось достичь только во сне.

– Поющая ветвь, – сказала Вардани.

Я слушал, как затихает эхо, возвращая меня из только что испытанного состояния предвидения, и неожиданно почувствовал острое желание оказаться по другую сторону портала, преодолевать обычные житейские трудности вроде атак нанобов или радиоактивных осадков с развалин уничтоженного Заубервиля.

Вишня и горчица. Необъяснимое смешение запахов, последовавшее за смолкшим звуком. Цзян поднял «санджет».

Обычно невозмутимое лицо Сутьяди исказилось:

– Это еще что такое?

– Поющая ветвь, – ответил я, пряча за небрежностью тона беспокойство. – Что-то вроде комнатного растения у марсиан.

Вживую я видел поющую ветвь лишь однажды, на Земле. Выкопанная из горной породы Марса, где она произрастала на протяжении нескольких тысячелетий, она превратилась в художественный объект. По-прежнему продолжая петь, отзываясь на любое прикосновение, даже прикосновение ветерка, по-прежнему источая вишнево-горчичный аромат. Не мертвая, не живая, не подпадающая ни под одну категорию человеческой науки.

– К чему она крепится? – полюбопытствовала Вардани.

– Растет из стены, – в голосе Сунь звучало ставшее уже привычным восхищение. – Как коралл…

Вардани сделала шаг назад, в свою очередь готовясь взлететь, и потянулась к гравитатору. Воздух ужалил вой включенного двигателя.

– Я поднимаюсь.

– Секундочку, госпожа Вардани, – Хэнд преградил ей дорогу. – Сунь, оттуда есть путь наверх?

– Нет. Этот пузырь вообще никуда не ведет.

– Тогда спускайтесь, – он поднял руку, не давая Вардани двинуться с места. – У нас нет для этого *времени*. Позже, когда Сунь займется починкой буя, можете вернуться, если захотите. Прежде всего мы должны найти безопасное место для передачи

сигнала.

По лицу Вардани промелькнула тень несогласия, но археолог слишком устала, чтобы возражать. Она снова выключила двигатели гравитатора – машина разочарованно взвыла – и отвернулась. До меня долетели обрывки ее бормотания, такие же еле различимые, как запах вишни и горчицы, тянущийся сверху. Она направилась прямиком к выходу. Цзян, стоявший у нее на пути, после секундного колебания уступил дорогу.

Я вздохнул.

– Ловко сработано, Хэнд. Она для нас самое близкое подобие гида-аборигена по этому… – я обвел рукой окружающее пространство, – …месту, а ты ее бесишь. Ты такому научился, пока готовил свою докторскую по инвестициям в условиях военного конфликта? Действовать на нервы эксперту при каждой удобной возможности?

– Нет, – сказал он ровным голосом. – Но я научился не терять времени.

– Ну ясно, – я последовал за Таней и нагнал ее в самом начале выходящего из зала коридора. – Эй, погоди. Вардани. Вардани, остынь, а. Ну засранец он, чего тут поделаешь?

– *Торгаш* сраный.

– Ну да. Это тоже. Но он причина, по которой мы вообще здесь находимся. Не стоит недооценивать энергию меркантильности.

– Это ты мне философию экономики собрался втирать?

– Я… – я остановился. – Послушай.

– Нет, с меня хватит этого…

– Нет, *послушай*, – я поднял руку и указал вперед. – Там. Слышишь?

– Ничего я не… – она не договорила, звук долетел и до ее ушей.

К тому моменту нейрохимия «Клина Карреры» усилила его, не оставив места для сомнений.

Откуда-то издалека доносилось пение.

* * *

Пройдя еще два зала, мы обнаружили их. Целый бонсай-лес поющих ветвей, покрывавший пол и низ стены коридора в месте, где он соединялся с большим пузырем. Ветви, похоже, проросли сквозь перекрытия в месте стыка, хотя никаких разломов или трещин я не заметил. Создавалось впечатление, что материал корпуса сомкнулся вокруг них, как рубец. Ближайшая машина

держалась поодаль, соблюдая почтительную десятиметровую дистанцию.

Звук, который издавали поющие ветви, напоминал пение скрипки, но только смычок скользил по струнам jxtym медленно, и уловить мотив мне так и не удалось. Звук едва превышал порог слышимости, но каждый раз, когда он становился громче, я чувствовал, как у меня начинает сосать под ложечкой.

– Воздух, – тихо произнесла Вардани.

Она опустилась на корточки перед поющими ветвями.

После нашей пробежки по овальным коридорам и круглым залам дыхание у нее сбилось, зато глаза сияли:

– Наверное, конвекционный поток с других уровней. Ветви поют только при поверхностном контакте.

Я постарался справиться с невольным ознобом.

– Как ты полагаешь, сколько им лет?

– Кто знает? – она поднялась. – Если бы мы находились в гравитационном поле планеты, я бы дала им пару тысяч лет максимум. Но мы не в гравитационном поле планеты.

Отступив на шаг, она покачала головой и прижала пальцы к губам, словно заграждая путь слишком поспешному предположению. Я ждал. Наконец рука оторвалась от лица и описала неуверенную дугу:

– Посмотри на паттерн переплетения. Они обычно не… Обычно они растут иначе. Без такого искривления.

Я посмотрел туда, куда указывал ее палец. Самая высокая из ветвей, разбросавшая во все стороны каменные тощие конечности, была мне по грудь. Мешанина красновато-коричневых отростков казалась роскошнее и запутаннее, чем у ветви на Земле. Высокое растение стояло в окружении товарок помельче, которые переплетались похожим образом, только вот…

В этот момент к нам присоединились остальные во главе с Депре и Хэндом.

– Что вы, к чертям… О!

От воздушных потоков, вызванных движением тел в зале, тихое пение ветвей стало чуть заметно громче. У меня внезапно пересохло в горле.

– Просто смотрю вот на них, если это не вызывает у вас возражений, Хэнд.

– Госпожа Вардани…

Я бросил на Хэнда предупреждающий взгляд.

Депре встал рядом с археологом:

– Они опасны?

– Не знаю. В обычных условиях нет, но…

Мысль, которая шевелилась на задворках моего сознания,

наконец вдруг оформилась:

– Они растут навстречу друг другу. Посмотрите на ветки тех, что помельче. Они тянутся вверх и расходятся вширь. У высоких они торчат во все стороны.

– Это предполагает определенный уровень коммуникации. Интегрированную систему внутренних связей, – Сунь обошла группу поющих ветвей, сверяясь с датчиком на руке. – Хотя, хм-м…

– Никакой радиации обнаружить не удастся, – голос Вардани стал почти мечтательным. – Они впитывают ее как губки. Полное поглощение всего, за исключением красной части светового спектра. В соответствии с их минеральным составом их поверхность вообще-то не должна быть красной. Она должна отражать весь видимый свет.

– Но не отражает, – сказал Хэнд таким тоном, будто собирался арестовать ветви за нарушение закона. – Почему, госпожа Вардани?

– Если бы у меня был ответ на этот вопрос, я была бы сейчас президентом Гильдии. Мы знаем о поющих ветвях меньше, чем о всех прочих аспектах марсианской биосферы. Вообще говоря, мы даже не знаем, можно ли их отнести к биосфере.

– Они же растут, не правда ли?

Вардани усмехнулась:

– Кристаллы тоже растут. Это не делает их живыми.

– Не знаю, как вам, – произнесла Амели Вонгсават, которая ходила вокруг ветвей, не спеша опустить «санджет». – Но мне кажется, что это смахивает на инфестацию.

– Или на искусство, – пробормотал Депре. – Поди разбери.

Вонгсават покачала головой:

– Это корабль, Люк. На корабле не выставляют объекты коридорного искусства в местах, где о них будешь спотыкаться каждый раз, когда проходишь мимо. Посмотри на них. Они же тут повсюду.

– А если уметь летать?

– Все равно будут мешать.

– Искусство столкновений, – предположил Шнайдер, хмыкнув.

– Так все, достаточно, – Хэнд помахал руками, отгоняя от ветвей новоявленных зрителей. Красные каменные ветви тихо отозвались на его движение, когда их коснулись воздушные потоки. Запах усилился.

– У нас нет на…

– …это времени, – пробубнила Вардани. – Мы должны найти безопасное место для передачи сигнала.

Шнайдер гоготнул. Я сдержал усмешку, стараясь не смотреть в сторону Депре. Похоже, Хэнд начинал терять контроль над группой, а я не хотел, чтобы мандрейковец сейчас сорвался. Я все еще не знал, чего можно ждать, если у него не выдержат нервы.

– Сунь, – голос Хэнда звучал достаточно ровно. – Проверьте верхние помещения.

Специалистка по системам кивнула и включила гравитатор. Двигатели взвыли, затем, когда подошвы ботинок Сунь оторвались от пола, басовито загудели. Цзян и Депре с поднятыми «санджетами» обеспечивали прикрытие.

– Здесь тупик, – крикнула Сунь из первого прохода.

Я услышал, как изменился звук, и вновь посмотрел на поющие ветви. На меня смотрела только Вардани, и только она увидела, как изменилось выражение моего лица. Незаметно для Хэнда она приоткрыла рот в немом вопросе. Я кивнул на ветви и приложил к уху руку.

Слушай.

Вардани придвинулась ближе, покачала головой.

Прошипела:

– Это невоз…

Но это было возможно.

Тихий скрипичный звук модулировался, реагируя на ровное фоновое гудение гравдвигателей. Или на само гравиполе. Менялся и становился еле заметно громче. Словно пробуждаясь.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Место для передачи сигнала мы нашли спустя час и четыре гнезда поющих ветвей. К тому времени мы уже начали двигаться обратно к причальному доку, ориентируясь по карте, которую набросали сканеры «Нухановича». Марсианская архитектура понравилась картографическому софту не больше, чем мне, что было ясно по длинным паузам, возникавшим каждый раз, когда Сунь загружала новую порцию данных. Но после двух часов блужданий по кораблю и кое-каких удачных решений со стороны специалистки по системам программа начала выдвигать собственные предположения о том, в каком направлении нам стоит продолжать поиски. Предположения эти – что, наверное, неудивительно – оказались абсолютно правильны.

Выбравшись из закручивающейся спиралью трубы, наклон которой был слишком крут с точки зрения человеческих представлений об удобстве, мы с Сунь оказались на краю пятидесятиметровой платформы, открытой со всех сторон. Над

головами раскинулось кристально-ясное звездное небо. Нас окружала абсолютная пустота, если не считать сухого скелета некой конструкции в центре, показавшейся мне похожей на миллспортский портовый кран. Впечатление открытого пространства было так велико, что я рефлекторно задержал дыхание. Легкие, еще саднящие после крутого подъема, слабо трепыхались в груди.

Я преодолел рефлекс.

– Это силовое поле? – спросил я Сунь, тяжело дыша.

– Нет, – сдвинув брови, она сверилась с прибором на руке. – Прозрачный композит, примерно метр толщиной. Весьма впечатляюще. Никакого искажения. Полный визуальный контроль. Смотри, вон наш портал.

Портал выделялся на фоне звездного неба – странно продолговатый спутник, медленно плывущее в темноте пятно серо-голубого света.

– Мы, наверное, в башне управления стыковкой, – решила Сунь, похлопав себя по руке и медленно поворачиваясь. – Ну что я говорила? «Умная» система «Нуханович». Лучше не быва…

Сунь осеклась. Взглянув на нее, я увидел, как расширились ее глаза, устремленные куда-то вперед. Я посмотрел туда же и увидел марсиан.

– Наверное, стоит позвать остальных, – сдержанно произнес я.

Широко раскрыв крылья, они зависли над платформой, как призраки замученных до смерти орлов, запутавшихся в некоем подобии стропов, которые зловеще раскачивались в воздушных потоках. Их было всего двое: один находился практически вровень с верхушкой центральной конструкции, второй – чуть выше человеческой головы. Осторожно приблизившись, я увидел, что стропы были металлическими, увешанными приспособлениями, назначение которых представляло для меня не меньшую загадку, чем функция машин в залах-пузырях.

Я прошел мимо еще одной группки поющих ветвей, большая часть которых была мне лишь по колено. Едва удостоил их взгляда. Сунь за моей спиной, нагнувшись к спиралевидной трубе, громко позвала остальных. Ее крик, казалось, что-то потревожил в воздухе. Вокруг купола зазвенели отголоски эха. Я подошел к марсианину, висевшему ниже, и остановился.

Разумеется, я видел их раньше. Все видели. Их образы сопровождают нас с пеленок. Марсиане. Они заменили собой мифологических существ нашего собственного местечкового, террацентричного наследия: богов и демонов, вокруг которых когда-то строились наши легенды.

«Невозможно переоценить, – писал Гретцки в пору, когда у него, судя по всему, еще был порох в пороховницах, – тот удар, который это открытие походя нанесло представлениям о месте человечества во Вселенной и убежденности, что Вселенная в каком-то смысле принадлежит нам».

* * *

Вот как изложила это Вардани одним прекрасным вечером на балконе склада Роспиноджи:

«Брэдбери, 2089 год по доколониальному летоисчислению. Герои античности развенчаны и низведены до статуса обычных невежественных задир – которыми они, по всей вероятности, всегда и были, – после того как первые декодированные марсианские системы данных известили мир о существовании цивилизации звездных странников, возраст которой как минимум равен возрасту человечества в целом. Тысячелетние знания Египта и Китая начинают казаться детским лепетом. Мудрость веков мгновенно оборачивается обычной болтовней обкуренных подзаборных пьянчужек. Лао-цзы, Конфуций, Иисус Христос, Магомет – да что эти ребята знали? Гуру местечкового розлива, ни разу не покидавшие планеты. Где были *они* в то время, когда марсиане бороздили межзвездные пространства?

Разумеется – Вардани еле заметно и неприятно усмехается, – ни одна из основных религий не собиралась сдаваться без боя. Обычные стратегии. Инкорпорировать марсиан в общий порядок вещей, подкорректировать священные тексты или сочинить новые, поменять интерпретации. Потерпев неудачу во всем этом из-за нехватки серого вещества, попросту начать отрицать факты, объявив все происками злых сил и разнося в пух и прах несогласных. Должно сработать.

Но не сработало.

Какое-то время казалось, что все складывается как надо. Нарастающая истерия вылилась в акты сектантской агрессии, и молодые кафедры ксенологии в университетах то и дело страдали от поджогов. Именитые археологи передвигались под охраной вооруженного эскорта, а в университетских городках постоянно вспыхивали стычки между фундаменталистами и полицией. Интересное время для студенчества…

В результате волнений начали формироваться новые верования. В общем они не сильно отличались от старых во всех отношениях, включая догматичность. Но в их глубине или,

возможно, наоборот, на самой поверхности быстро восходили ростки внерелигиозного убеждения в существовании чего-то, что не укладывалось в понятие „бог“.

Возможно, дело было в крыльях. Этот культурный архетип укоренился так глубоко – *ангелы, демоны, Икар и бесчисленные ему подобные идиоты, сигающие с башен и утесов до тех пор, пока мы наконец не научились делать это как надо*, – что человечество не могло с ним расстаться.

Возможно, дело было в том, что на кону стояло слишком много. Астронавигационные карты обещали новые миры, куда мы могли просто взять и отправиться, уверенные, что планеты земного типа находятся там, где указано, именно потому, что *там так указано*.

Как ни назови, это была именно вера. Не знание. Гильдия в ту пору не была так уж убеждена в правильности своего перевода, а для того чтобы отправить в глубины космоса сотни тысяч оцифрованных сознаний и клонированных эмбрионов, необходимо нечто существенно более весомое, чем просто теория.

Это была вера в практическую ценность Нового Знания. На место террацентричной привычки рассчитывать на мощь человеческой науки и ее способность когда-нибудь Решить Все Проблемы пришло спокойное желание положиться на всеобъемлющее величие Марсианского Знания, которое, словно добрый отец, возьмет с собой в море и даст постоять у штурвала. Мы улетали с Земли не как повзрослевшие дети, покидающие родительский дом, а как малолетние несмышлеными, доверчиво ухватившись пухлой ручонкой за коготь марсианской цивилизации. Предприятие внушало абсолютно иррациональное чувство безопасности, тепла и комфорта. Это чувство сделало для переселения не меньше, чем столь превозносимая Хэндом экономическая либерализация.

Три четверти миллиона смертей на Адорасьон всё изменили. Еще несколько геополитических просчетов привели к усилению Протектората. Из-за них на Земле снова набрали силу старые системы верований как политических, так и духовных, тома незыблемых данностей, на которые можно опереться. *Мы вели себя безрассудно, и за это придется заплатить. Во имя стабильности и безопасности нам теперь необходима твердая рука.*

От недолгого всплеска энтузиазма в отношении всего марсианского теперь мало что осталось. Минуло несколько столетий со времен Вычинского и его команды первопроходцев, которых изгнали из университетов и лишили финансирования, а некоторых и вовсе убили. Гильдия затаилась, ревниво оберегая ту

толику интеллектуальной свободы, которую ей отпустил Протекторат. Вместо хоть какого-то понимания марсиан, у нас есть лишь два слоя представлений, практически не соотносящихся друг с другом. На одной стороне – хрестоматийно-сухие тексты и изображения в тех объемах, которые Протекторат счел приемлемыми для людей. Каждый ребенок прилежно изучает их внешний облик, строение крыльев и скелета, динамику полета, скучные детали ритуалов спаривания и заботы о потомстве, виртуальную реконструкцию их оперения и цвета, созданную на базе тех немногих визуальных материалов, к которым мы получили доступ или создали на основании догадок Гильдии. Эмблематические изображения гнездовий, предположительная одежда. Яркие, легко усвояемые детали. Не слишком много социологии. Слишком непонятно, слишком неопределенно, слишком непоследовательно – и кроме того, ну разве хочется кому-то вообще всем этим заморачиваться?..»

– Мы отбросили знания, – сказала она, слегка ежась от холода. – Сознательно предпочли невежество перед лицом того, что можно понять, лишь приложив усилия.

«А другой полюс вобрал в себя эзотерику. Причудливые религиозные культы, легенды, слухи с раскопок. Здесь марсиане сохраняют свою прежнюю значимость – здесь о них можно говорить с придыханием. Здесь их можно называть так, как их когда-то назвал Вычинский: „Новые Древние, открывающие нам истинное значение этого слова. Таинственно исчезнувшие крылатые благодетели, что слетели вниз и кончиком крыла провели по затылку человеческой цивилизации, напомнив нам о том, что шесть или семь тысячелетий обрывочно записанной истории здесь древностью не считаются“».

* * *

Этот марсианин был мертв.

Мертв уже давно, по крайней мере, это было очевидно. Тело мумифицировалось, крылья истончились до пергамента, от усохшей головы остался один длинный, узкий череп с полураскрытым клювом. Раскосые глаза, наполовину спрятанные за мембраной век, почернели. Под кожей ниже клюва было заметно какое-то уплотнение – вероятно, горловая железа. Как и крылья, она была тонкой и полупрозрачной, как бумага.

Угловатые конечности были вытянуты вперед, тонкие когти лежали на приборах. Я почувствовал невольное восхищение. Это существо, чем бы оно ни было при жизни, встретило смерть за

пультом управления.

– Не трогай, – прикрикнула на меня сзади Вардани, и я осознал, что тянусь к нижнему краю рамы, к которой крепились стропы.

– Прости.

– Прощения будешь потом просить сам у себя, если его кожа лопнет. В подкожных слоях жира у них вырабатывается кислотный секрет, и после их смерти процесс выходит из-под контроля. При жизни баланс поддерживается, как мы полагаем, посредством окисления пищи, но кислота настолько сильная, что при достаточном объеме водяного пара может растворить большую часть трупа, – Таня шла вокруг рамы с профессиональной осторожностью члена Гильдии; ее лицо было предельно сосредоточенным, глаза ни на миг не отрывались от крылатой мумии. – Когда они умирают подобным образом, кислота разъедает жир и высыхает, превращаясь в порошок, который может причинить немало вреда, если попадет в носоглотку или глаза.

– Понял, – я сделал пару шагов назад. – Спасибо, что предупредила заранее.

Она передернула плечами:

– Я не ожидала их здесь обнаружить.

– К кораблю обычно прилагается экипаж.

– Ну да, Ковач, а к городам – население. Однако за четыре с лишним века археологических работ на трех десятках планет нам удалось обнаружить всего только пару сотен сохранившихся трупов марсиан.

– Что неудивительно, с таким-то дерьмищем в организме, – сказал подошедший Шнайдер, глазея на тело марсианина с другой стороны рамы. – А что с ними произойдет, если им придется какое-то время поголодать?

Вардани бросила на него раздраженный взгляд:

– Неизвестно. Вероятно, начнется процесс дезинтеграции.

– Больно, наверное, – сказал я.

– Да уж, наверное, – она явно не хотела разговаривать ни с кем из нас, зрелище поглощало ее целиком.

Шнайдер не воспринял намека. А может быть, за звуком голосов он хотел укрыться от мертвой тишины и устремленных на нас сверху взглядов крылатых существ.

– И как такое только получиться могло? В смысле, – он гоготнул, – это как-то не больно смахивает на естественный отбор. Организм, который сам себя убивает, когда проголодается.

Я посмотрел на иссохший труп с распростертыми крыльями и снова почувствовал уважение к погибшим на посту марсианам. В

сознании вызревало нечто неопределенное, какая-то мысль, которую чувства посланника расценили как проблеск интуиции, готовой перерасти в знание.

– Да нет, это отбор, – слова появились сами собой. – Мощный стимул развития. Благодаря которому круче этих сукиных сынов в небе никого не осталось.

Мне показалось, что по лицу Тани Вардани проскользнула тень улыбки:

– Тебе пора издаваться, Ковач. При такой-то глубине интеллектуального прозрения.

Шнайдер ухмыльнулся.

– На самом деле, – в голосе археолога, разглядывающей мумифицированного марсианина, послышались лекторские интонации, – в настоящее время эволюционным обоснованием этого механизма принято считать поддержание гигиены в плотнонаселенных гнездовьях. Васвик и Лай, пара лет назад. До этого Гильдия считала его способом борьбы с кожными паразитами и инфекцией. Васвик и Лай не стали оспаривать эту точку зрения, они просто хотели пробиться повыше. Ну и, конечно, есть еще и всеобъемлющая концепция «крутейших в небе сукиных детей», которой придерживаются некоторые члены Гильдии, хотя их формулировки и уступают в элегантности твоим, Ковач.

Я отвесил поклон.

– Как думаешь, сможем ее оттуда снять? – поинтересовалась вслух Вардани, отступая, чтобы получше осмотреть кабели, на которых была подвешена рама.

– Ее?

– Угу. Это охранница гнездовья. Видишь шпору на крыле? Вот этот костяной выступ на задней стенке черепа? Воинская каста. А они, насколько нам известно, все были женского пола, – археолог снова окинула взглядом кабели. – Как считаешь, сможем мы с этим агрегатом управиться?

– Да почему бы нет, – я заговорил громче, обращаясь к стоявшим на другом конце платформы. – Цзян, рядом с тобой нет ничего смахивающего на лебедку?

Цзян посмотрел вверх и покачал головой.

– А рядом с тобой, Люк?

– Кстати, о сукиных детях, – пробормотал Шнайдер.

К нашей группе, сгрудившейся вокруг крылатого трупа, приближался Матиас Хэнд.

– Госпожа Вардани, я надеюсь, в отношении этой особи вы планировали ограничиться исключительно осмотром.

– Вообще говоря, – ответила археолог, – мы ищем способ ее

снять. Вы имеете что-то против?

– Да, госпожа Вардани, имею. Этот корабль и все, что на нем находится, является собственностью «Мандрейк корпорейшн».

– До тех пор пока не запищал буй, не является. Так, во всяком случае, вы утверждали, чтобы затащить нас сюда.

Хэнд натянуто улыбнулся:

– Не стоит раздувать проблему на ровном месте, госпожа Вардани. Вам достаточно хорошо заплатили.

– Ах, *заплатили. Заплатили* мне, значит, – Вардани уставилась на него. – А не пошел бы ты *в жопу*, Хэнд.

Вспыхнув от гнева, она отошла к краю платформы и остановилась, глядя прямо перед собой.

Я смерил менеджера взглядом:

– Хэнд, да что с тобой такое? Я же тебе вроде говорил, полегче с ней. Архитектура на тебя так действует, что ли?

Оставив его рядом с трупом, я подошел к Вардани. Она стояла, обхватив себя руками и опустив голову.

– Прыгать вниз собралась?

Она сердито фыркнула:

– Вот ведь говна кусок. Он бы и на райские врата налепил корпоративную голометку, если бы их нашел.

– Не уверен. К вере у него довольно трепетное отношение.

– Да ну? Что-то вера совсем не мешает его коммерческой деятельности.

– Ну, это же организованная религия.

Она снова фыркнула, но на этот раз и от смеха, и тело ее слегка расслабилось.

– Не знаю, чего я так разошлась. Я все равно не могу исследовать останки – у меня и инструментов-то с собой нет. Пусть себе висит, где висит. Кого все это вообще колышет?

Я с улыбкой положил руку ей на плечо.

– Тебя, – произнес я мягко.

* * *

Купол над нашими головами был прозрачным как для радиосигналов, так и для видимого спектра. Сунь прогнала базовые тесты на тех приборах, что у нее были при себе, после чего мы все отправились обратно к «Нагини», откуда вернулись с буем и тремя ящиками инструментов, которые могли пригодиться Сунь. В каждом зале мы помечали маршрут янтарными «улитками» и, к вящему огорчению Тани Вардани, иллюминиевой краской.

– Она смывается, – голосом, исполненным равнодушия, заверила ее Сунь.

Даже при помощи двух гравподъемников буксировка буя оказалась делом долгим, сложным и к тому же предельно раздражающим из-за пузырьково-хаотической структуры корабля. После того как мы сгрузили оборудование на краю платформы, на почтительном расстоянии от мумифицированных останков прежних обитателей, я почувствовал себя совершенно разбитым. Лекарства уже ничего не могли поделать с разрушительным воздействием радиации, бушующим в клетках.

Прислонившись к центральной конструкции подальше от трупа, я уставился на небо, давая телу возможность хоть как-то стабилизировать пульс и унять подступающую тошноту. Открытый портал подмигнул мне, выплывая из-за горизонта. Мой взгляд притягивал ближайший марсианин справа. Я повернул голову и посмотрел в полуприкрытые глаза. Поднес палец к виску, отдавая салют:

– Ага. Скоро присоединюсь.

– Что?

Повернув голову, я увидел стоявшего в паре метров Люка Депре. В своей радиорезистентной маорийской оболочке он, похоже, не испытывал никакого особенного дискомфорта.

– Ничего. Общаюсь.

– Понятно, – по выражению его лица было очевидно, что ему непонятно. – Я тут подумал. Не хочешь пойти осмотреться?

Я покачал головой:

– Может, попозже. Но тебя не задерживаю.

Он нахмурился, но оставил меня в покое. Я увидел, как он удаляется в компании Амели Вонгсават. Остальные члены команды разбились по группкам и вели негромкие разговоры. Мне показалось, что кластер поющих ветвей звучит тихим контрапунктом к их беседам, но не нашел в себе сил задействовать нейрохимию, чтобы в этом убедиться. Казалось, от звездного неба исходит ощущение безмерной усталости. Платформа медленно уплывала из-под ног. Я закрыл глаза, погружаясь даже не в сон, а в какое-то состояние, обладавшее всеми его недостатками.

Ковач…

Сраный Могильер.

Скучаешь по своей расчлененной лаймонке?

Только не…

Хотел бы, чтобы она оказалась тут целехонькая? Или предпочел бы, чтобы о тебя терлись ее отдельные куски?

Мои губы дернулись там, где их коснулась, пролетая мимо,

нога Крукшенк, оторванная кабелем нанобов.

Соблазнительно, м-м? Сегментированная гурия в твоем распоряжении. Одну ручку сюда, другую туда. Пригоршни сочной плоти. Нарезочка, так сказать, под потребительский запрос. Мякенькое, доступненькое мясцо, Ковач. Податливое. Можно запустить в него ручонки. Сформовать под себя.

Могильер, у меня кончается терпение…

И никакой обременительной свободы воли. Отбрось ненужные части. Части, сочащиеся выделениями, части, которые думают о чем-то помимо чувственного удовольствия. Жизнь после смерти богата удовольствиями…

Оставь меня на хер в покое, Могильер.

С чего бы? Покой холоден, покой – это ледяная бездна, глубже, чем та, в которую ты заглядывал у «Мивцемди». Зачем же я оставлю там моего закадычного дружка. Отправившего мне столько душ…

Ну все. Держись, сука…

Я резко очнулся, весь в испарине. Таня Вардани сидела на корточках неподалеку, поглядывая на меня. За ее спиной неподвижно парил марсианин, слепо озирая пространство под собой, словно один из ангелов собора Андрича в Ньюпесте.

– Ты как, Ковач?

Я прижал пальцы к глазам так сильно, что поморщился от боли.

– Не так, наверное, плохо для покойника. А ты чего не исследуешь местность?

– Дерьмово себя чувствую. Может, попозже.

Я выпрямился и сел ровнее. На противоположном конце платформы методично трудилась Сунь, ковыряясь в электронных внутренностях буя. Цзян и Сутьяди стояли рядом с ней, негромко переговариваясь.

Я кашлянул:

– У нас довольно ограниченный объем этого «подольше». Думаю, Сунь управится быстрее чем за десять часов. А где Шнайдер?

– Ушел с Хэндом. А ты сам чего не осматриваешь Коралловый замок?

Я улыбнулся:

– Ты же ни разу в жизни не видела Коралловый замок, Таня. Чего ты такое болтаешь?

Она села рядом, подняв лицо к звездам.

– Практикуюсь в харланском арго. Что, проблемы?

– Хреновы туристы.

Она рассмеялась. Я наслаждался звуком ее смеха, пока он не

затих, после чего мы просто сидели в молчании, которое нарушало только позвякивание инструментов Сунь.

– Красивое небо, – произнесла наконец Вардани.

– Угу. Можно археологический вопрос?

– Задавай.

– Куда они ушли?

– Марсиане?

– Ага.

– Ну, космос большой. Кто…

– Нет, *эти* марсиане. Экипаж корабля. С какой стати бросать такую громадину? На ее постройку даже у них, наверное, ушел планетарный бюджет. Она, насколько мы можем судить, в рабочем состоянии. Поддерживается температура и атмосфера, функционирует причальный док. Почему они ее тут оставили?

– Кто знает? Возможно, торопились.

– Ой, да ладно те…

– Нет, я серьезно. Либо им пришлось срочно покинуть этот участок космоса, либо их кто-то уничтожил, либо они уничтожили друг друга. Они же бросили кучу вещей. Целые города вещей.

– Ну да. Город, Таня, с собой не унесешь. Естественно, его приходится оставлять. Но это ж гребаный звездолет. Что могло их вынудить его оставить?

– Оставили же они орбитальники вокруг Харлана.

– Орбитальники автоматизированы.

– Ну и? Здешние системы обслуживания тоже.

– Да, но устройство звездолета подразумевает наличие экипажа. Не надо быть археологом, чтобы это понять.

– Ковач, шел бы на «Нагини» и лег спать. Исследованием местности мы оба заниматься не в силах, а от твоих вопросов у меня голова болит.

– Думаю, причина скорее в радиации.

– Нет, я…

Наушник висевшей на моей груди гарнитуры ожил. Какое-то время я буравил его непонимающим взглядом, после чего наконец вдел в ухо.

– …просто ле… тут, – послышался возбужденный голос Вонгсават, обильно перемежаемый статическими помехами, – что бы ни… …чиной… непохоже, чт… умер от голо…

– Вонгсават, это Ковач. Погоди секунду. Давай помедленней и сначала.

– Я говорю, – произнесла пилот, тщательно артикулируя слова. – Чт… нашли… …ще одно тело. Чело… тело. Частичн… поврежд… причального до…..ции. И, похоже, чт… умер не сво…

…мертью.

– Понял, выдвигаемся, – я с трудом поднялся, заставляя себя говорить медленно, чтобы у Вонгсават был хоть какой-то шанс разобрать мои слова сквозь помехи. – Повторяю. Скоро будем на месте. Соблюдайте осторожность, поглядывайте по сторонам и оставайтесь на месте. И на любой шорох открывайте огонь.

– Что? – спросила Вардани.

– Проблема.

Я окинул взглядом платформу, и неожиданно в памяти снова всплыли слова Сутьяди:

«Нам здесь не место».

Сверху на нас смотрел пустым взглядом марсианин. Далекий, как ангел, и, как любой ангел, ничем не способный помочь.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Он лежал в одном из овальных туннелей еще где-то с километр в глубь корабля в вакуумном костюме, сохранился почти целиком… В голубом свете, исходящем от стен, было видно, что лицо под лицевой пластиной совсем ссохлось, но, похоже, не разложилось.

Я опустился на колени рядом с трупом:

– Не так плохо выглядит, учитывая обстоятельства.

– Стерильный воздух, – сказал Депре.

Он стоял с «санджетом» наготове, непрерывно осматривая пространство над нашими головами. В десяти метрах у входа в соседний зал-пузырь расхаживала взад и вперед Амели Вонгсават. По ее виду было понятно, что с оружием в руках она чувствует себя не так уверенно, как Депре.

– И антибактериальная защита, если это хоть сколько-нибудь приличный скафандр. Интересно. Баллон на треть полон. Не знаю, от чего этот человек умер, но явно не от удушья.

– В скафандре есть повреждения?

– Если и есть, я их не могу найти, – я опустился на пятки. – Бессмыслица какая-то. Здешний воздух пригоден для дыхания. Зачем мог понадобиться скафандр?

Депре пожал плечами:

– А зачем тем, что снаружи, понадобилось умирать в скафандрах за пределами нормальной атмосферы? Тут все одна сплошная бессмыслица. Я устал ломать голову.

– Наблюдаю движение, – бросила Амели Вонгсават.

Взяв в правую руку пистолет, я подошел к ней. Нижняя кромка входного отверстия отстояла от пола где-то на метр,

раздвигалась в стороны и вверх, точно широкая улыбка, после чего постепенно снова начинала сужаться, заканчиваясь наконец аккуратной круглой макушкой. С каждой стороны метра два пространства, где можно укрыться, не считая нижней кромки, за которой тоже мог кто-то сидеть. Мечта снайпера.

Депре с поднятым «санджетом» встал слева. Я присел на корточки рядом с Вонгсават.

– Похоже, что-то упало, – пробормотала пилот. – Не в этом зале, а, возможно, в соседнем.

– Ясно.

Холодок нейрохимии пронизал тело, убыстряя пульс. Отрадно, что, невзирая на весь разрушительный эффект радиации, системы все еще работали. После долгой погони за призраками, битв с безликой колонией нанобов, тенями умерших – людей и не только – перспектива реальной схватки представлялась почти заманчивой.

Да даже без всякого «почти». От мысли об убийстве я испытывал приятную щекотку внизу живота.

Оторвав руку от ствола «санджета», Депре сделал знак.

Слушай.

На этот раз я тоже услышал – из соседнего зала донеслось тихое шарканье. Я достал второй интерфейсник и укрылся за нижней кромкой. Подготовка посланника выжала последнее напряжение из мускулов и перевела его в сжатые пружиной рефлексы, скрытые под внешним спокойствием.

В соседнем зале шевельнулась чья-то бледная тень. Задержав дыхание, я навел на нее прицел.

Поехали.

– Амели, ты тут?

Голос Шнайдера.

Мы с Вонгсават в унисон выдохнули. Она поднялась.

– Шнайдер? Ты чего творишь? Я ж практически тебя пристрелила.

– Ну ни хера себе дружеский прием, – в проеме входа предстал Шнайдер с небрежно закинутым за плечо «санджетом». – Мы тут спешим на помощь, а вы в знак признательности нам мозги собираетесь размазать по стенке.

– Еще один археолог? – вслед за Шнайдером в зал вошел Хэнд. В правом кулаке он сжимал казавшийся неуместным бластер. Я осознал, что впервые за все время вижу Хэнда с оружием в руках. Ему не шло. Выбивалось из стиля. Выглядело неподобающим, как трещина на фасаде, резало глаз, как резали бы глаз кадры настоящего сражения в вербовочном ролике Лапине. Хэнд был не тем человеком, который берется за оружие.

Или, по крайней мере, не за такое прямолинейное и кондовое оружие, как протонный бластер.

Плюс парализатор в кармане.

Включившая только что боевой режим подготовка продолжала посылать тревожные сигналы.

– Проходи, сам увидишь, – предложил я, не выказывая своего беспокойства.

Новоприбывшие преодолели разделявшее нас открытое пространство с небрежной беспечностью, оскорбившей мои боевые инстинкты. Опершись о нижний край входного отверстия, Хэнд уставился на труп. Я неожиданно заметил, какое бледное и болезненное лицо у менеджера. Он облокотился на кромку так, будто не был уверен, что сможет долго простоять без дополнительной опоры. В углу рта появился нервный тик, которого не было, когда мы приземлились в причальном доке. Стоявший рядом Шнайдер по контрасту казался просто пышущим здоровьем.

Я тут же загасил вспыхнувшую искру сочувствия. *Добро пожаловать в наши ряды, Хэнд. Добро пожаловать на подвальный уровень Санкции IV.*

– Он в скафандре, – сказал Хэнд.

– Тонко подмечено.

– Отчего он умер?

– Мы не знаем, – по мне прокатилась новая волна усталости. – И, честно говоря, я не в настроении проводить вскрытие. Давайте-ка дочиним буй и свалим отсюда на хрен.

Хэнд как-то странно на меня посмотрел:

– Надо его взять с собой.

– Ну, тогда можешь мне в этом помочь, – я подошел к трупу и взялся за его ногу. – Берись за другую.

– Собираешься его волочь?

– *Мы* собираемся, Хэнд. *Мы* его собираемся волочь. Не думаю, что он станет возражать.

* * *

Потребовался час, чтобы протащить труп сквозь все извилистые коридоры и круглые залы марсианского корабля. В основном время ушло на поиск наших «улиток» и иллюминиевых стрелок, но радиационное отравление тоже внесло свою лепту. Нас с Хэндом то и дело одолевал приступ рвоты, и волочить труп приходилось Шнайдеру с Депре. Смерть нагоняла последних жертв заубервильского взрыва. Мне показалось, что когда мы со своей громоздкой ношей ввалились в проход, примыкавший к

причальной станции, даже у Депре в его радиорезистентной маорийской оболочке был больной вид. Всмотревшись в лицо Вонгсават, освещенное голубоватым светом, я увидел, что и ее кожа приобрела нездоровый серый оттенок, а под глазами проступили синяки.

Видишь? – прошептало нечто, что могло быть Могильером.

Меня не покидало сильное тошнотворное ощущение чьего-то присутствия – словно кто-то наблюдал за нами из-под самых сводов этого гигантского архитектурного сооружения, паря в высоте на пергаментно-тонких крыльях.

Когда мы закончили и все вышли, я остался стоять у контейнера для трупов, глядя вниз, в антисептическое фиолетовое сияние. Беспорядочно лежащие фигуры в вакуумных костюмах походили на крэшболистов в тяжелой защитной экипировке, образовавших кучу-малу после выключения невесомости в конце матча. Мешочков с останками Крукшенк, Хансена и Дхасанапонгсакула практически не было видно под телами.

Смерть…

Пока еще жив…

Подготовка продолжала посылать сигналы. Какой-то вопрос еще оставался неотвеченным, требовал разрешения.

«Земля – Это Для Покойников». Сверкающая иллюминиевая татуировка Шнайдера мерцала у меня перед глазами, точно маяк. Его лицо, до неузнаваемости искаженное болью.

Покойников?

– Ковач? – в дверном проеме за моей спиной возник Депре. – Хэнд хочет, чтобы мы вернулись на платформу. Еду берем с собой. Идешь?

– Иди, я догоню.

Он кивнул и исчез из виду. Послышались голоса, но я постарался от них абстрагироваться.

Смерть?

Земля…

Кружащиеся огоньки, словно спираль инфокатушки…

Портал…

Вид на портал из кабины пилота «Нагини»…

Кабина пилота…

Я раздраженно помотал головой. Интуиция посланника и в лучшие времена ненадежный инструмент, и прибегать к ней, когда стремительно идешь ко дну под грузом радиационного отравления, – не самая плодотворная идея.

Пока еще жив…

Я сдался и, оставив попытки нащупать нить, погрузился в

мутный поток образов в надежде, что он куда-нибудь меня да вынесет.

Зовущий фиолетовый свет контейнера…

Отработанные оболочки внутри…

Могильер…

* * *

К тому времени, как я появился на платформе, обед уже почти закончился. Вокруг разобранного буя на надувных лежаках сидела вся наша группа, без особенного энтузиазма ковыряясь в пайковых лотках с недоеденными остатками под надзором мумифицированных марсиан. Я мог их понять – я и сам был в таком состоянии, что от одного запаха еды у меня сжало судорогой горло. Я слегка поперхнулся и тут же торопливо вздернул руки, потому что едоки сразу схватились за оружие.

– Эй, это я.

Ворчанье в ответ, оружие убрано. Я двинулся вперед, высматривая свободный лежак. Их было примерно по числу присутствующих. Цзян Цзяньпин и Шнайдер сидели на полу: Цзян – по-турецки на свободном от вещей пространстве, Шнайдер – с видом собственника растянувшись перед лежаком Тани Вардани, от чего у меня дернулся угол рта. Отмахнувшись от предложенного пайка, я примостился на край лежака Вонгсават, осознавая, насколько моя кондиция далека от идеальной.

– Чего так долго? – поинтересовался Депре.

– Думал.

Шнайдер рассмеялся:

– Думать вредно, чувак. Не делай этого. Держи, – он катнул ко мне банку амфетаминовой колы; я остановил ее носком ботинка. – Помнишь, как ты в госпитале сказал: «А вот нехер думать, солдат, – контракт, что ли, свой не читал?»

Фраза вызвала пару вялых улыбок.

Я кивнул:

– Когда он здесь объявится, Ян?

– А?

– Я говорю… – ударом ноги я отправил банку обратно, и рука Шнайдера быстро вытянулась вперед, перехватив ее; *очень* быстро, – …когда он здесь объявится?

Разговоры оборвались так же резко, как первый и единственный воздушный налет Куэллкрист Фальконер на Миллспорт. Срезанные – словно протонным лучом – громыханием банки и внезапной тишиной, повисшей после того, как банка

замерла в руке Шнайдера.

Правой руке. Незанятая левая чуть замешкалась, потянувшись к оружию на доли секунды позже, чем на него нацелился мой «калашников». Увидев пистолет, Шнайдер застыл.

– Не надо, – сказал я. Вонгсават потянулась к карману за парализатором. Прикоснувшись к ее предплечью свободной рукой, я слегка покачал головой. Задействовал внушение посланника:

– В этом нет необходимости, Амели.

Ее рука опустилась. Периферийным зрением я уловил, что остальные пока не намерены вмешиваться. Даже Вардани. Я слегка расслабился.

– Когда он здесь объявится, Ян?

– Ковач, я понятия не имею, что за *херню*…

– Имеешь-имеешь. Когда он объявится? Или ты предпочитаешь остаться без руки?

– Да кто?

– Сучий Каррера. Когда он сюда пожалует? Последний шанс.

– Я не…

Голос Шнайдера перешел в пронзительный крик, когда пуля из интерфейсника прошила его ладонь, оставив от зажатой банки одни осколки. В воздухе разлетелись брызги крови и амфетаминовой колы, на удивление не отличимые по цвету. Несколько капель приземлились на лицо Тане Вардани, она резко отпрянула.

«Это не соревнование за зрительские симпатии».

– В чем проблема, Ян? – спросил я ласково. – Что, оболочка, которую тебе выделил Каррера, подтормаживает с выбросом эндорфина?

Вардани вскочила. Она так и не вытерла лицо.

– Ковач, он…

– Только не говори, что это та же самая оболочка, Таня. Ты с ним была в койке сейчас и была в койке два года назад. Ты должна знать.

Она покачала головой, словно пребывая в прострации.

– Татуировка… – прошептала она.

– Татуировка новая. Новехонькая и сияющая, как начищенный пятак, что чересчур даже для иллюминия. Он сделал ее заново, а заодно, пользуясь случаем, еще и парочку простеньких пластических операций. Правда же, Ян?

Единственным ответом было исполненное муки мычание. Держа руку на отлете, Шнайдер смотрел на нее так, словно не мог поверить в происходящее. На пол капала кровь.

Я чувствовал только усталость.

– Я так понимаю, ты продался Каррере, чтобы не отправляться на виртуальный допрос, – краем глаза я следил за реакцией окружающих. – Я тебя в общем-то не виню. Ну а если тебе предложили свежую оболочку военного образца с полным пакетом радиационной и химзащиты, с индивидуальным набором модификаций, – понимаю, такие сделки в наши дни на Санкции IV не валяются. А сколько еще «грязных бомб» будет сброшено обеими сторонами, наперед сказать трудно. Угу, я бы на такую сделку пошел.

– У тебя есть какие-то доказательства? – спросил Хэнд.

– Ты хочешь сказать, помимо его свеженького личика? Ты посмотри на него, Хэнд. Он выглядит лучше, чем маорийские оболочки, а ведь они спроектированы специально для таких случаев.

– Доказательством я бы это не назвал, – задумчиво произнес Депре. – Хотя это и странно.

– Он, сука, *врет*, – скрипя зубами, выдавил из себя Шнайдер. – Если кто здесь и работает на два фронта, так это как раз Ковач. Да он же *лейтенант «Клина»*, черт подери!

– Не испытывай судьбу, Ян.

Шнайдер уставился на меня, подвывая от боли. Мне показалось, что поющие ветви на другом конце платформы начали ему вторить.

– Дайте мне долбаный *бинт*, – сказал он умоляюще. – Кто-нибудь.

Сунь потянулась к пачке. Я покачал головой.

– Нет. Сначала пусть скажет, сколько у нас времени до того, как из портала выскочит Каррера. Нужно подготовиться.

Депре передернул плечами:

– Раз мы об этом знаем, значит, мы готовы, нет?

– В случае «Клина» не значит.

Вардани молча подошла к Сунь и выхватила медипак из липучего кармана на ее груди:

– Дай сюда. Если никто из вас, говна в униформах, не собирается этого делать, сделаю я.

Она опустилась на колени рядом со Шнайдером и распечатала пачку, рассыпав по полу содержимое в поисках бинта.

– Пачки с зелеными этикетками, – беспомощно сказала Сунь. – Вон те.

– Спасибо, – сквозь зубы ответила Вардани и впервые за долгое время бросила на меня взгляд. – Что, Ковач? И меня сейчас изувечишь?

– Он бы всех нас продал, Таня. Он уже нас продал.

– Ты этого не знаешь.

– Я знаю, что он без всяких документов каким-то образом смог продержаться две недели в госпитале ограниченного доступа. Знаю, что он без пропуска сумел пробраться в офицерскую палату.

Ее лицо исказилось:

– *Иди ты на хер*, Ковач. На раскопках в Дангреке он выбил для нас девятинедельный муниципальный грант на энергоснабжение от заубервильских властей. Исключительно на одном блефе. Без всяких сраных документов.

Хэнд кашлянул:

– Я бы предположил, что…

И тут вокруг нас вспыхнул свет.

* * *

Он пронизал собой пространство под куполом. Вокруг центральной конструкции его внезапно прорвавшиеся осколки закружились и превратились в прозрачные цветные блоки. В воздухе между блоками рассыпались искры; провода заходили ходуном, словно паруса, сорванные штормовым ветром с мачты. От растущей круговерти света лились струи искр. Расплескиваясь по полу, они пробуждали в его прозрачной глубине ответное сияние. Звезды наверху померкли. Мумифицированные тела марсиан в центре скрылись из виду, растворившись в ослепительном блеске. Все это сопровождалось звуком, не столько слышимым, сколько осязаемым кожей, насквозь пропитанной светом, – нарастающий гул и вибрации в воздухе. Это напоминало ощущение, которое испытываешь при выбросе адреналина перед началом боя.

К моей руке прикоснулась Вонгсават.

– Посмотри наружу, – воскликнула она торопливо; несмотря на то, что она стояла рядом, казалось, что ее голос доносится сквозь порывы ветра. – Взгляни на портал!

Задрав голову, я задействовал нейрохимию, пытаясь разглядеть сквозь водовороты света прозрачный купол. Я не сразу сообразил, что имеет в виду Вонгсават. Я не смог обнаружить портал и подумал, что он, должно быть, находится с другой стороны корабля, завершая очередной орбитальный виток. Потом вгляделся в мутное серое пятно, слишком тусклое для…

И тут понял.

Бушевавшая вокруг буря света не ограничивалась одним куполом. Пространство вокруг марсианского корабля тоже

начинало оживать. Потускневшие звезды лишь бледно мерцали сквозь дымчатую трепещущую пелену, которая простиралась на несколько километров за пределы орбиты портала.

– Это экран, – уверенно сказала Вонгсават. – Мы атакованы.

Буря наверху постепенно стихала. В потоке света появились темные пятна. Они шустро сновали на периферии, словно косяки перепуганной серебрянки, отображенные в негативе, и медленно кувыркались в центре, разрастаясь и стягиваясь вокруг вновь ставших видимыми трупов марсиан. По углам скоплений просверкивали регулярные сполохи, окрашивая эти размытые туманности в серые и перламутровые тона. Общий гул стал тише, и речь корабля стала более организованной. Над платформой витало эхо флейты, перемежаемое пульсом глубоких органных нот.

– Это… – память вернула меня в узкую каюту траулера с дремлющей спиралью инфокатушки и крупинками данных, сметенными в верхний угол. – Это *инфосистема*?

– Верно подмечено, – поднырнув под струи льющегося сверху сияния, Таня Вардани указала на мозаику из пятен тени и света вокруг двух тел; на ее лице застыло странно восторженное выражение. – Чуть побольше размером, чем средний голографический рабочий стол, да? Я так понимаю, эти двое сидели за основной консолью. Жаль, что они не в том состоянии, чтобы возобновить работу, но, с другой стороны, полагаю, корабль способен и сам за собой присмотреть.

– Зависит от того, что его ждет, – мрачно возразила Вонгсават. – Посмотрите на верхние экраны. Вон то серое пятно.

Я проследил направление ее руки. Высоко под куполом на десятиметровой перламутровой поверхности было выведено размытое изображение звездного неба, закрытого защитным экраном.

Среди звезд скользил какой-то акулий, угловатый, силуэт.

– Это еще что за срань? – спросил Депре.

– Не догадываешься? – Вардани, которую практически трясло от переполнявших ее эмоций, стояла в центре нашей группы, словно в центре сцены. – Посмотрите наверх. Прислушайтесь к кораблю. Он сообщает вам о том, что это такое.

Марсианская инфосистема продолжала говорить – на языке, который никто не был в состоянии понять, но ее настойчивость не нуждалась в переводе. Световые осколки – «техноглифические цифры» – озарило меня, – «это же обратный отсчет» – мерцали, как системы контроля, отслеживающие движение ракеты. Пронзительные вскрики флейты становились то выше, то ниже, карабкаясь по ступеням нечеловеческой музыкальной гаммы.

– Боевая тревога, – проговорила Вонгсават, завороженная зрелищем. – Мы собираемся вступить в бой. Это автоматизированные боевые системы.

«Нагини»…

Я стремительно развернулся.

– Шнайдер, – проревел я.

Но тот исчез.

– Депре! – на бегу крикнул я через плечо. – Цзян! Он собирается захватить «Нагини».

Ниндзя нагнал меня у ведущей вниз спиралевидной трубы, Депре отставал от него всего на пару шагов. В руках у обоих были «санджеты» со сложенными для удобства прикладами. Мне показалось, я услышал со дна трубы шум падения, крик боли. Волк во мне отозвался коротким рыком.

Добыча!

Мы бежали, оскальзываясь и спотыкаясь на крутом склоне, пока не оказались внизу, в пустом пространстве первого зала, подсвеченного нашими «улитками». На полу, где упал Шнайдер, виднелся отпечаток крови. Я опустился на колени, вглядываясь в пятно и чувствуя, как обнажаются в оскале зубы. Поднявшись, повернулся к напарникам.

– Теперь особенно не разбежится. Не убивайте его, если сможете этого избежать. Нам все еще нужна информация о Каррере.

– Ковач!!! – прогремел в трубе голос Хэнда, полный сдерживаемой ярости.

Депре натянуто усмехнулся. Я покачал головой и бросился к выходу.

Охота!

Трудно бежать, когда каждая клетка твоего тела пытается отключиться и умереть, но волчий ген вместе с еще бог знает какими ингредиентами, из которых составил этот коктейль биотех «Клина», одолели тошноту и заглушили своим рыком усталость. Подготовка посланника гнала меня вперед.

Думай о функциональности.

Спасибо, Вирджиния.

Вокруг нас вздрагивал, пробуждаясь от сна, корабль. Мы мчались по коридорам, на стенах которых ритмично пульсировали кольца пурпурного цвета, похожие на те, что испускал перед открытием портал. В одном из залов нас попыталась перехватить машина с колючками на спине. Она негромко застрекотала, на дисплее передней панели вспыхнули техноглифы. Я остановился, в ладонях тут же оказались интерфейсники. Депре и Цзян заняли позиции справа и слева от

меня. Повисла напряженная пауза, после чего машина, что-то тихо бормоча, отползла в сторону.

Мы обменялись взглядами. Несмотря на тяжелую одышку и стук в висках, я почувствовал, что мои губы растягиваются в невольной улыбке.

– Двигаем.

Миновав еще дюжину залов и коридоров, я обнаружил, что Шнайдер оказался умнее, чем я ожидал. Когда мы с Цзяном ворвались в очередной пузырь, оказавшись на открытом пространстве, от дальнего выхода послышался треск «санджета». Луч скользнул в миллиметрах от моей щеки, и в то же мгновение ниндзя выбросил вбок руку, толкнув меня на пол. Следующий выстрел пришелся на место, где я только что стоял. Цзян бросился вниз, перекатился и оказался рядом со мной. Лежа на спине, он с некоторым отвращением покосился на свой дымящийся рукав.

Депре укрылся в тени входного отверстия, через которое мы только что прошли. Его глаза не отрывались от прицела. Прикрывая нас, он обстреливал непрерывными очередями края позиции Шнайдера, при этом – я прищурился – на стене не оставалось и царапины. Уворачиваясь от луча «санджета», Цзян перекатился вбок, получив лучший угол обзора коридора. Он сделал выстрел, прищурился, вглядываясь во вспышку, и покачал головой.

– Ушел, – сказал он, поднимаясь и протягивая мне руку.

– Я… эм-м, я… спасибо, – я выпрямился. – Спасибо, что оттолкнул.

Он коротко кивнул и рысцой припустил по коридору. Хлопнув меня по плечу, Депре последовал за ним. Я тряхнул головой, приходя в себя, и двинулся за ними. У выхода я прикоснулся рукой к краю, который обстреливал Депре. Он даже не нагрелся.

Висевшая на шее гарнитура зашипела. Сквозь невнятицу статики пробился голос Хэнда. Идущий впереди Цзян застыл, наклонив голову.

– …вач, и… мне… …дленно…торяю…дленно… доложи…

– Повторите. Еще. Раз, – сказал Цзян, тщательно выговаривая слова.

– …азал…..немед…..жите обстано…

Цзян повернул голову ко мне. Я провел ладонью по горлу и отключил свою гарнитуру. Ткнул пальцем вперед. Ниндзя снова зашевелился и устремился вперед по коридору, грациозный, как танцор театра Всего Тела. Мы с Депре последовали за ним с чуть меньшим изяществом.

Разрыв между нами и Шнайдером увеличился. Мы были вынуждены снизить скорость и теперь входили в залы как положено, прижимаясь к стенам и осматривая обе стороны, зачищая местность. Дважды мы замечали движение впереди и добирались к цели ползком, только для того чтобы увидеть очередную машину, слонявшуюся туда-сюда и бормочущую себе под нос. Одна из них какое-то время тащилась за нами, как бездомная собачонка в поисках хозяина.

До причального дока оставалось всего два зала, когда до наших ушей донесся звук оживших двигателей «Нагини». Вся оперативная осторожность тут же пошла к чертям. Я побежал так быстро, как мог. Меня обошел Цзян, затем Депре. На середине комнаты в попытке их нагнать я удвоил усилия, стараясь не обращать внимания на тошноту и судороги. Депре и Цзян, оторвавшиеся от меня на двадцать метров, вбежали в док первыми. Я вытер струйку желчи, протянувшуюся из угла рта к подбородку, и распрямился.

Раздался пронзительный, гулкий, резкий визг, как будто вся безгранично расширяющаяся Вселенная вдруг нажала на тормоза.

Залп ультравиб-батареи «Нагини» в замкнутом пространстве.

Выронив «санджет», я потянулся было к ушам, но звук оборвался так же внезапно, как и возник. В проходе, спотыкаясь на каждом шагу, снова появился Депре, с головы до ног залитый кровью и без «санджета». Завывание двигателей «Нагини» за его спиной перешло в рев, что означало, что она пошла на взлет. Воздушная волна ударила в атмосферные заслонки и устремилась обратно в воронку причала, обдав мое лицо порывом теплого ветра. Потом наступила тишина. Мучительная тишина, еще более напряженная из-за гула в ушах, вызванного внезапным отсутствием звука.

В этой звенящей тишине я нашарил свой «санджет» и проковылял к осевшему у стены Депре. Он не отрывал оцепеневшего взгляда от рук и покрывавшей их крови. Кровь заливала и его лицо. Хамелеохромная ткань камуфляжа, приспосабливаясь, уже начинала менять оттенок на красно-черный.

Я издал какой-то звук, и Депре поднял голову.

– Цзян?

– Вот, – он вытянул руки, и его лицо на мгновение исказилось, как у ребенка, который еще не решил, заплакать ему или нет; слова выходили из его рта поодиночке, словно ему приходилось склеивать их друг с другом. – Это. Цзян. Вот это, – его кулаки сжались. – *Черт.*

Гарнитура у меня на шее бессильно затрещала. Машина в

другом конце зала пошевелилась и хихикнула, глумясь над нами.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

«Павший не значит погибший. Каждый стек будет найден; своих не бросаем».

Почти все виды спецподразделений любят крутить эту пластинку. Корпус чрезвычайных посланников уж точно любил. Но при нынешнем уровне развития вооружения становится все сложнее вкручивать подобное на голубом глазу. Ультравиб-пушка ровным слоем размазала Цзян Цзиньпина по палубе и стене причального дока, превратив его в пятно площадью десять квадратных метров. Все, что от него оставалось, представляло собой такую же жижу, как та, что капала с Депре. Мы какое-то время походили по ней, возя подошвами ботинок, то и дело опускаясь на корточки, чтобы всмотреться в черные сгустки, но ничего не обнаружили.

Спустя десять минут Депре высказал то, что было ясно обоим:

– Похоже, мы напрасно теряем время.

– Угу, – гулкий удар о корпус корабля где-то внизу заставил меня вздернуть голову. – Похоже, Вонгсават права. Нас атакуют.

– Возвращаемся?

Вспомнив о гарнитуре, я надел наушник. Тот, кто надрывался несколько минут назад, очевидно, сдался; на канале царила тишина, если не считать помех и странного рыдающего звука, которым мог быть несущий сигнал.

– На связи Ковач. Повторяю, на связи Ковач. Как обстановка?

– …чилось? …ы…..дели… взлет. Шнай…..йти?

– Плохо тебя слышу, Маркус. Как обстановка? Мы атакованы?

Какое-то время из-за помех ничего нельзя было разобрать. Одновременно с Сутьяди говорили еще двое или трое. Я ждал.

В конце концов сквозь помехи пробился голос Тани Вардани:

– … вач…щайтесь назад…..рядке…туация не…..асности… торяю…ставляет опас…

Корпус корабля снова загудел, точно храмовый гонг. Я с сомнением посмотрел себе под ноги.

– Ты сказала, мы в *безопасности*?

– Д… безопас… …щайтесь немед…..рядке…торяю, все в по…

Я перевел взгляд на Депре и пожал плечами.

– Может, у этого слова появился новый смысл.

– Так что, идем назад?

Я обвел глазами стены, змеевидные ярусы причального дока над головой, потом снова посмотрел в залитое кровью лицо Люка.

Решено.

– Похоже, что так, – я снова пожал плечами. – В этих делах Вардани видней. Она пока еще ни разу не ошиблась.

* * *

Вернувшись на платформу, мы обнаружили, что марсианские инфосистемы успели развернуться в целое ослепительное созвездие, а столпившиеся внизу люди смотрят на него, раскрыв рты, словно верующие перед лицом нежданного чуда.

Нетрудно было понять почему.

Пространство вокруг центральной конструкции было сплошь занято экранами. Некоторые из них были очевидными аналогами стандартных для дредноутов боевых систем; некоторые же я не мог сравнить вообще ни с чем. При современных методах ведения войны нельзя обойтись без комбинированной подачи информации и без способности быстро и почти бессознательно считывать данные одновременно с дюжины разных экранов. У посланников из-за подготовки этот навык развит еще сильнее, но, глядя на огромную светящуюся стену марсианских инфосистем, я чувствовал себя беспомощным. Кое-где взгляд натыкался на кусок, который был мне понятен, на изображение, которое я мог соотнести с происходящим снаружи, но даже тут сведения были отрывочными, поскольку некоторые параметры выводились на частотах, не воспринимаемых человеческим глазом. А в большинстве случаев я не мог даже определить, полна информация или нет, содержит ли она неточности, или вообще представляет собой полную абракадабру.

Нормально воспринимались только визуальная телеметрия в реальном времени, цветные спектрограммы, расчеты траекторий и аналитические модели динамики сражения, учет энергии взрывов и наглядная репрезентация количества боеприпасов на складе, а также, возможно, вывод градиента гравитационного поля…

И в центре каждого второго дисплея был атаковавший нас корабль.

Он скользил по гелиоцентрической орбите, залихватски подбоченившись. Его стройный силуэт из хирургически тонких линий и эллиптических округлостей так и кричал о том, что перед нами военное судно. Это предположение получило подтверждение быстрее, чем успело оформиться в моем мозгу. С одного из экранов из пустоты нам подмигнуло орудие. Щиты перед нашим кораблем вспыхнули. Корпус содрогнулся.

Что означало…

Я чувствовал, как расширяется мое сознание по мере того, как на меня нисходит понимание.

– Не знаю, что это такое, – доверительно сказала Сунь, когда я подошел к ней; она казалась абсолютно завороженной зрелищем. – Сверхсветовое оружие, так или иначе; оно находится от нас на расстоянии астрономической единицы, а попадание каждый раз происходит незамедлительно. Правда, особенного вреда оно, похоже, не причиняет.

Вонгсават кивнула:

– Создание предварительных помех, я так думаю. Чтобы сбить нашу защитную сеть. Возможно, это что-нибудь вроде гравипушки: я слышала, что «Митома» занимается исследованиями в… – она оборвала фразу. – О, еще один торпедный залп. И неслабый, однако.

Она была права. Перед носом атакующего корабля образовалось облако золотистых трасс – такое густое, что его можно было принять за рябь на экране. Всмотревшись в детализированное изображение на боковых экранах, я увидел, что торпеды, находящиеся за миллионы километров от нас, сообща выполняют замысловатый отвлекающий маневр.

– Тоже сверхсветовые, судя по всему, – Сунь покачала головой. – Экраны каким-то образом выходят из положения, создают репрезентацию. Думаю, все это уже произошло.

До моих ушей донесся отдаленный гул и эхо множественных вибраций сразу с нескольких сторон. Щиты снаружи замерцали снова, и в этих микросекундных вспышках мне смутно показалось, что из них выскользнула стайка каких-то темных теней.

– Встречный залп, – в голосе Вонгсават слышалось что-то похожее на удовлетворение. – Тем же самым.

Проследить их полет было невозможно. Все равно что пытаться провожать глазами лазерный выстрел. На экранах этот новый фиолетовый рой встретился с золотистым, и экраны заискрились вспыхивающими и сразу тающими кляксами взрывов. Каждая такая вспышка поглощала несколько золотых крупинок, и вскоре их не осталось совсем.

– Красиво, – выдохнула Вонгсават. – До чего же, мать его, красиво.

Я очнулся.

– Таня, мне казалось, звучало слово «безопасность», – я ткнул пальцем в разноцветную репрезентацию над нашими головами. – Ты вот *это* считаешь безопасным?

Археолог не ответила. Не могла отвести взгляд от

окровавленного лица и рук Люка Депре.

– Ковач, расслабься, – Вонгсават указала на расчет траектории. – Это кометарное явление, видишь? Вардани в глифах вычитала то же самое. Эта штука просто проходит мимо, обмениваясь с нашим кораблем ударами, и летит себе дальше.

– Кометарное?

Пилот развела руки в стороны:

– Брошенное судно, холостое кружение по орбите после боя, автоматизированные боевые системы. Замкнутый цикл. Похоже, длится уже тысячи лет.

– Что с Яном? – голос Вардани был напряжен до предела.

– Улетел без нас, – меня посетила внезапная догадка. – Он вошел в портал, так? Вы видели?

– Вошел-вошел, как елда в пилотку, – неожиданно желчно ответила Вонгсават. – Смог показать класс, когда приперло. На моем, сука, корабле.

– Он был напуган, – без всякого выражения сказала археолог.

Люк Депре в своей кровавой маске уставился на нее:

– Все были напуганы, госпожа Вардани. Это не оправдание.

– Тупица, – она обвела нас взглядом. – Все вы тупое… мудачье. Он не этого боялся. Не этого сраного… *светового шоу*. Он *его* вот боялся.

Она резко дернула головой в мою сторону и пронзила меня взглядом.

– А где Цзян? – внезапно спросила Сунь.

На фоне бурной схватки инопланетных технологий отсутствие немногословного ниндзя стало заметным только сейчас.

– Большей частью на Люке, – жестко сказал я. – Остальное стараниями ультравиба «Нагини» – на полу причального дока. Я так понимаю, Цзяна Ян тоже боялся, да, Таня?

Глаза Вардани метнулись в сторону.

– А стек? – лицо Сутьяди оставалось бесстрастным, но мне и не надо было ничего видеть. Волчий ген уже извелся, пытаясь включить ту же самую ноющую боль в пазухах за переносицей.

Член стаи мертв.

Техника замещения Корпуса помогла мне подавить рефлекс.

Я покачал головой:

– Ультравиб, Маркус. Он получил полный заряд.

– Шнайдер… – голос Вонгсават оборвался, и ей пришлось начать снова. – Я…

– Забудь о Шнайдере, – сказал я. – Он покойник.

– Занимай очередь.

– Нет, он умер, Амели. Настоящей смертью, – все взгляды

обратились на меня; глаза Тани Вардани были полны недоверия. – Я заминировал топливные элементы «Нагини». Детонация должна была произойти при ускорении в планетарном гравитационном поле. Он разлетелся на атомы, когда вошел в портал. После этого взрыва, думаю, даже мусора не осталось.

Над нашими головами сошлись в машинном танце две новые волны золотистых и фиолетовых ракет и, расцветив экран залпом вспышек, уничтожили друг друга.

– *Ты взорвал «Нагини»?* – голос Вонгсават звучал так глухо, что трудно было понять, какие чувства она испытывает. – *Взорвал мой корабль?*

– Раз обломков не найти, – задумчиво произнес Депре, – Каррера может предположить, что мы все погибли при взрыве.

– Если Каррера там и в самом деле ждет, – Хэнд посмотрел на меня так, как раньше смотрел на поющие ветви. – Если все это вообще не махинации посланников.

– О, а это что еще за поворот, Хэнд? Что, Шнайдер попытался с тобой о чем-то договориться, пока вы бродили по кораблю?

– Я понятия не имею, о чем ты, Ковач.

Ну, может, и впрямь не имел. На меня резко навалилась такая усталость, что мне стало все равно.

– Каррера появится при любом сценарии, – сказал я. – Он дотошный и, кроме того, захочет увидеть корабль. Найдет какой-то способ отключить систему нанобов. Но не прямо сейчас. Не когда на землю валятся мелкие обломки «Нагини», а приборы с их стороны портала показывают, что по эту сторону идет полномасштабное воздушное сражение. Это его немного притормозит. У нас есть время.

– Время на что? – поинтересовался Сутьяди.

Повисла пауза, и чрезвычайный посланник во мне решил ею воспользоваться. С помощью расширенного периферийного зрения я проанализировал лица и позы собравшихся, вероятность сохранения лояльности, вероятность предательств. Зафиксировал эмоции, выделил полезные нюансы, отбросил все остальное. Заглушил волчью верность, подавил все те трудно определяемые чувства, что связывали нас с Таней Вардани. Погрузился в холодную строгую глубину оперативной готовности посланника. Принял решение и разыграл свою последнюю карту.

– Перед тем как заминировать «Нагини», я снял костюмы с принесенных трупов и сложил в укромном углу в первом зале у причального дока. Не считая скафандра с простреленным шлемом, мы располагаем четырьмя. Комбинезоны стандартных моделей. Воздушные баллоны можно заправить прямо из атмосферы. Открываешь вентили и ждешь, когда заполнится.

Полетим двумя группами. Кто-нибудь из первой вернется обратно с костюмами.

– И все это, – насмешливо протянула Вардани, – под носом у Карреры, который ждет по ту сторону портала. Какой-то нереалистичный сценарий.

– Я не предлагаю делать это прямо сейчас, – заметил я негромко. – Я предлагаю просто сходить за скафандрами, пока есть время.

– А когда появится Каррера? Что предлагаешь делать тогда? – В последнее время я мало что видел уродливее ненависти, исказившей сейчас лицо Вардани. – *Спрятаться* от него?

– Да, – я обвел всех глазами, наблюдая за их реакцией. – Именно так. Я предлагаю спрятаться. Отступить в глубь корабля и ждать. У команды, которую приведет Каррера, будет при себе достаточно оборудования, чтобы обнаружить следы нашего присутствия в причальном доке и где бы то ни было. Но выяснить, что мы были здесь уже после того, как «Нагини» разлетелась на куски, они не смогут. Логично будет предположить, что мы все погибли. Каррера произведет осмотр местности, установит заявочный буй, так же как это собирались сделать мы, после чего уйдет. У него нет ни времени, ни личного состава, чтобы занимать корабль пятидесятикилометровой длины.

– Возможно, – сказал Сутьяди. – Но он оставит здесь взвод солдат.

Я нетерпеливо отмахнулся:

– Тогда мы их убьем.

– И можно не сомневаться, что с той стороны портала будет поджидать еще один отряд, – мрачно сказал Депре.

– И что? Господи, Люк. Это же раньше твоей работой было, нет?

– Было, Такеси, – виновато улыбнулся ассасин. – Но сейчас мы все еле ноги волочим. И как-никак речь идет о «Клине». То есть будет человек двадцать здесь и, возможно, еще двадцать – по ту сторону портала.

– Не думаю, что нам вообще… – палуба неожиданно задрожала с такой силой, что Хэнд и Таня Вардани на минуту потеряли равновесие. Остальные устояли – сказались годы боевой практики, – но тем не менее…

Корабль издал глубокий стон. Поющие ветви ответили сочувственным вздохом почти на пределе слышимости.

Во мне шевельнулась смутная тревога. Что-то было не так.

Взглянув на экраны, я увидел, как защитная сеть отразила очередную торпедную атаку. Мне показалось, что на этот раз волна подошла несколько ближе.

– Пока меня не было, вы же решили, что опасности нет?

– Мы сделали расчеты, Ковач, – Вонгсават кивнула на Сунь и Вардани; системная специалистка кивнула, Вардани просто молча пронзила меня взглядом. – Похоже, что наш приятель прилетает в гости примерно раз в тысячу двести лет. Исходя из датировки большей части руин на Санкции IV, можно заключить, что эта схватка происходила уже сотни раз и всякий раз оканчивалась ничем.

Но ощущение тревоги не проходило. Обостренные до предела чувства посланника сигнализировали: что-то *не так*, настолько не так, что я практически чувствовал запах паленого.

…вой несущего сигнала…

…поющие ветви…

…замедляющийся ход времени…

Я уставился на экраны.

Надо убираться отсюда.

– Ковач?

– Надо…

Слова уже сами собой – словно моей оболочкой управлял не я, а кто-то другой – начали слетать с пересохших губ, но прозвучать так и не успели.

Атакующий корабль наконец нанес настоящий удар.

С передней части судна словно сорвалось какое-то живое существо. Аморфная, бурлящая темная масса устремилась на нас, будто сгусток ненависти. На вспомогательных экранах было видно, как рвется вокруг нее ткань пространства, обнажая подкладку грубо попранной реальности. Догадаться о том, что это такое, не составило особенного труда.

Гиперпространственное оружие.

Клише из фентезийной эксперии. Извращенная мечта любого капитана протекторатского флота.

Корабль, марсианский корабль – а только теперь интуиция посланника помогла мне осознать, что другой корабль *не был* марсианским, вообще ничем не походил на этот, – завибрировал так, что у меня скрутило желудок и заныли зубы. Я зашатался и опустился на одно колено.

Из нашего корабля что-то вылетело навстречу темному сгустку. Оно вскипело, сжалось и распахнулось в подобии взрыва. Корпус корабля сотрясла отдача – и она, казалось, уходила куда глубже простой вибрации вещественного пространства.

Темное тело на экране распалось на мельчайшие, странно липкие на вид куски. Внешний щит вспыхнул, содрогнулся и потух, как пламя задутой свечи.

Корабль издал крик.

Никаким другим словом описать это было невозможно. Протяжный, усиливающийся крик, исходящий, казалось, из самого воздуха. Звук был так силен, что по сравнению с ним визг ультравиб-батареи «Нагини» показался почти терпимым. Но если грохот батареи бил по ушам, нынешний звук пронзал их с легкостью лазерного скальпеля. Непроизвольно вздергивая вверх руки, я осознавал, что зажимать их будет бесполезно.

Но все равно попытался.

Крик нарастал, достиг апогея, после чего стал затихать, сменяясь менее мучительной для слуха мешаниной флейтовых сигналов тревоги, исходящих от инфосистем, и тоненьким, как щепка, тающим эхом…

Я резко развернулся.

…пения ветвей.

На этот раз сомнения быть не могло. Воздух наполнили звуки, напоминающие тихий шелест ветра, стачивающего камень. Впитав крик корабля, ветви теперь воспроизводили его в чуть измененном виде, обмениваясь друг с другом ритмическими фразами, которые легко можно было принять за музыку.

Именно это я принял за несущий сигнал.

Сверху словно бы донесся ответный шепот. Я вскинул голову, и мне показалось, что под куполом промелькнула чья-то тень.

Снаружи снова активировались щиты.

– Черт, – произнес Хэнд, поднимаясь. – Это еще что за новое бл…

– Помолчи, – я напряг зрение, вглядываясь в место, где мне померещился промельк, но теперь, без фона звездного неба, все тени под куполом тонули в перламутровом сиянии. Из центра ослепительно сверкающей инфосистемы на меня смотрели мертвые глаза марсианина. Плач ветвей все не смолкал, заставляя тревожно сжиматься сердце.

Затем палуба под ногами снова низко загудела и тяжело завибрировала.

– Ответный огонь, – сказала Сунь.

На экране навстречу атакующему кораблю полетел еще один сгусток темной материи, выплюнутый какой-то установкой из брюха марсианского судна. На этот раз отдача продолжалась дольше.

– Поразительно, – сказал Хэнд. – Поверить не могу.

– Ты уж поверь, – мой голос был лишен всякого выражения.

После того как улеглось эхо последней атаки, ожидание неминуемой катастрофы никуда не делось. Напротив, оно даже усилилось. Я попытался задействовать интуицию посланника, погребенную под слоем усталости, головокружения и тошноты.

– Приготовиться, – крикнула Вонгсават. – Затыкайте уши.

На этот раз ракета атакующего корабля успела подойти гораздо ближе, прежде чем защитная сеть перехватила и уничтожила ее. Взрывная волна уложила нас всех на пол. Ощущение было таким, словно корабль вокруг нас скручивается, словно его выжимают, как тряпку. Сунь согнулась в приступе рвоты. Внешний щит отключился и не спешил включаться обратно.

Я приготовился снова услышать крик корабля, но вместо этого прозвучал низкий, долгий плач, перебравший своими когтями все мои сухожилия и ребра. Поющие ветви уловили напев и воспроизвели его в более высокой тональности, на этот раз уже не в виде слабого эха, а громко и отчетливо.

За моей спиной раздалось шипение. Повернувшись, я увидел, что Вардани на что-то смотрит – так, будто не может поверить своим глазам. Проследив направление ее взгляда, я увидел ту самую тень, что приметил раньше. Отчетливо различимая, она порхала вдоль верхнего края инфодисплея.

– Что… – голос Хэнда оборвался, когда слева появилась вторая тень, на несколько мгновений присоединившись к танцу первой.

К тому моменту я уже все понял, и, как ни странно, первой моей мыслью было, что уж Хэнду не пристало так удивляться, что он должен был догадаться раньше.

Первая тень нырнула вниз и описала круг возле трупа марсианина.

Я повернул голову к Вардани и поймал ее изумленный, неверящий взгляд.

– Нет, – практически одними губами прошептала она. – Этого не может быть.

Однако же могло.

Они появлялись со всех сторон, поначалу по одному-двум, поднимаясь по прозрачным стенам купола и неожиданно отслаиваясь от плоскости, обретая трехмерность с каждой новой конвульсией корабля, ведущего битву с врагом. Они ныряли вниз, затем снова воспаряли и начинали кружиться вокруг центральной конструкции. Казалось, нас они совсем не замечают, но все же ни разу никого не задели в полете. Инфосистема никак не реагировала на их присутствие, не считая мелкой ряби на дисплеях, когда они касались купола или даже пролетали насквозь, оказываясь в открытом космосе. Из трубы, через которую мы вошли на платформу, выпархивали все новые тени, поднимаясь. Наверху становилось тесновато.

Звук, который они издавали, был тем же самым плачем,

которым только что разразился корабль, тем же самым причитанием, что выпевали поющие ветви, тем же самым несущим сигналом, что я слышал в коммуникаторе. В воздухе витал легкий аромат горчицы и вишни, но теперь к нему примешивался запах гари и ветхости.

Гиперпространственные искажения рвали на части космос вокруг нас, щиты снова активировались, поменяв цвет на фиолетовый, корпус корабля беспрерывно сотрясался отдачей орудий. Все это меня уже не волновало. Я больше не испытывал физического дискомфорта, если не считать тяжести в груди и давящей боли в глазах. Платформа, казалось, раздалась вширь, и все стоящие на ней отодвинулись так далеко, что больше не имели никакого значения.

Неожиданно я понял, что и сам захожусь в рыданиях, что стенки моих носовых пазух сокращаются в конвульсиях бесслезного плача.

– *Ковач!*

Я повернулся, чувствуя себя при этом так, словно стою по пояс в ледяной воде, и увидел Хэнда. Карман куртки открыт, протянутая ко мне рука сжимала парализатор.

Расстояние между нами, как я припомнил позже, составляло меньше пяти метров, но на то, чтобы преодолеть его, казалось, ушла целая вечность. С трудом дошагав до Хэнда, я перехватил его руку с оружием и ударил локтем в лицо. Хэнд взвыл и повалился на пол. Парализатор покатился по платформе. Я прыгнул на Хэнда сверху, напрягая расфокусированное зрение, чтобы найти горло. Он слабо отбивался, что-то выкрикивая.

Моя правая рука напряглась, готовясь нанести смертельный удар. Перед глазами все расплывалось, но нейрохимия пыталась произвести коррекцию.

– …все погибли, поганый ты…

Я занес руку для удара. Хэнд разразился рыданиями.

Туман перед глазами.

Влага на ресницах.

Я вытер слезы, поморгал и увидел лицо Хэнда. Его щеки были мокрыми. Рыдания душили его так, что я почти не мог разобрать слов.

– Что? – расслабив ладонь, я с силой хлестнул его по лицу. – Что ты сказал?

Он сглотнул. Перевел дыхание.

– Выруби меня. Выруби нас всех. Возьми парализатор, *Ковач. Вот почему погибла предыдущая команда.*

И тогда я понял, что и по моему лицу бегут слезы, что и мои глаза полны ими. Рыдания сдавили распухшее горло, меня

пронзила боль – та же боль, которую изливали поющие ветви, – исходящая не от корабля, а от экипажа, покинувшего его тысячу лет назад. Острая, как кинжал, боль – горе марсиан, сохранившееся здесь каким-то невероятным образом, о котором можно услышать разве что в байках у костра где-нибудь на мысе Митчема; ледяная нечеловеческая боль в груди, которую ничем нельзя заглушить, и звук в ушах – одна чуть неверная нота, выворачивающая наизнанку мою душу.

Краем сознания я отметил новый близкий разрыв темного вещества. Тени, кружащиеся под куполом, с пронзительным криком взметнулись вверх.

– Давай же, Ковач!

Я неловко распрямился. Достал свой собственный парализатор и выстрелил в Хэнда. Затем поискал глазами других.

Депре сжимал виски, раскачивался, точно дерево на ветру. Сунь оседала на пол. Сутьяди стоял между ними, едва различимый за пеленой слез. Вардани, Вонгсават…

Так далеко от меня, слишком далеко – за стеной яркого света и пронзительного горя.

Подготовка посланника выправила перспективу и укротила бурю эмоций, вызванную рыданием вокруг. Дистанция сократилась. Восприятие действительности нормализовалось.

Я отключил защитные механизмы, с помощью которых психика пыталась приглушить поступающие извне сигналы, и причитания теней стали громче. Я вдыхал их горе, словно «Герлен-20», чувствуя, как оно разъедает какую-то систему сдерживания внутри меня – систему, неопределяемую в терминах аналитической физиологии. Ущерб становился все существеннее, угрожая перерасти в критический.

Я вскинул парализатор и начал стрелять.

Депре. Готов.

Сутьяди, повернувшийся к нему, когда тот повалился на пол, изумление во взгляде…

Готов.

За его спиной Сунь Липин встала на колени, плотно сомкнув веки и поднося к голове бластер. Системный анализ. Последнее средство. Она все поняла верно, только вот парализатора у нее не было. И она не знала, что он есть у кого-то еще.

Я двинулся вперед, что-то крича, но в бушевавшей вокруг буре горя мой крик остался неуслышанным. Бластер уперся в подбородок Сунь. Я вскинул парализатор, промазал. Подошел ближе.

Раздался выстрел бластера. Узкий луч прошел сквозь ее подбородок, а на макушке успел полыхнуть острый язык бледного

пламени, прежде чем сработал прерыватель. Сунь повалилась набок. От ее рта и глаз поднимался пар.

Что-то щелкнуло у меня в горле. Чувство потери стало еще на какую-то толику больше, пополняя океан горя, изливаемый поющими ветвями. Мой рот приоткрылся, возможно, в попытке выкричать хоть какую-то часть боли, но и малая частичка была слишком велика, чтобы ее выразить. Она осталась неизлитой, а я остался нем.

На меня натолкнулась не разбирающая дороги Вонгсават. Повернувшись, я схватил ее за плечи. Ее глаза были широко распахнуты от шока и мокры от слез. Я попытался оттолкнуть ее, чтобы иметь возможность выстрелить, но она продолжала льнуть ко мне, издавая низкие гортанные стоны.

Я нажал на спуск. Задергавшись в конвульсиях, Вонгсават упала поверх тела Сунь.

По другую сторону от них стояла Вардани, не отрывавшая от меня взгляда.

Снаружи разорвалось еще одно темное тело. Крылатые тени над нашими головами вскрикнули и зарыдали, и я почувствовал, как у меня внутри что-то надламывается.

– Нет, – произнесла Вардани.

– Кометарное явление, – громко сказал я, пытаясь перекрыть их причитания. – Он пройдет мимо, нам только…

И тут во мне что-то и в самом деле надломилось, и я повалился на пол, скорчившись от невыносимой боли, беззвучно разевая рот, как загарпуненный боттлбэк.

Сунь – оборвавшая свою жизнь *уже второй сучий раз подряд*.

Цзян – кровавая масса, размазанная по палубе причального дока. Утраченный стек.

Крукшенк, разорванная на части, утраченный стек. Хансен – аналогично. К списку добавлялись все новые и новые имена. Лица мелькали, словно в убыстренной обратной перемотке, – змея кинопленки, извивающаяся в смертельной агонии.

Лагерь, из которого я вытащил Вардани, – вонь; голодные дети под прицелом автопушек и под управлением потерявшего человеческий облик электронарка с выжженным мозгом.

Госпитальный корабль, еле успевающий перелетать с одной бойни на другую.

Взвод, члены стаи, развороченные на куски «умной» шрапнелью.

Два года резни на Санкции IV.

Корпус.

Инненин, Джимми де Сото и прочие, кого сожрал изнутри вирус Роулинга.

Другие миры. Другая боль, по большей части не моя. Смерть и

ложь, ставшие частью жизни.

Планета Харлан и постепенная утрата детства в ньюпестских трущобах. Спасительное бегство в морскую пехоту, в веселую и жестокую службу на Протекторат. Дни дисциплины и принуждения.

Растянутые жизни, прожитые в слякоти человеческого страдания. Подавленная боль; боль, отложенная на полку, *на хранение* в ожидании инвентаризации, которой так и не случилось.

Наверху кружили марсиане, изливая свое горе. Я чувствовал, как и в моей груди зреет крик, и знал, что он разорвет меня, когда вырвется наружу.

А потом разряд.

А потом темнота.

Я благодарно провалился в нее, надеясь укрыться во мраке от призраков неотмщенных мертвых.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

На берегу холодно, начинается буря. Ветер взметает грязный снег, в котором виднеются черные крупинки радиоактивной пыли, всплескивает фонтаны брызг над измятой поверхностью моря. Волны лениво хлопают по мутно-зеленому песку. Над головой хмурое небо. Я поднимаю плечи, прячу в карманах руки, от холода лицо сжимается, точно кулак.

Чуть дальше разведенный на берегу костер бросает на небо красно-оранжевые отсветы. У костра сидит одинокая фигура, закутанная в одеяло. Я иду к ней, хотя мне этого и не хочется. Что бы там ни было, у костра тепло, да и идти больше некуда.

Портал закрыт.

Это кажется неправильным. Почему-то я знаю, что это не так.

И тем не менее…

С каждым шагом беспокойство растет. Закутанная фигура не шевелится и никак не показывает, что видит меня. Сначала меня тревожило, что этот человек может оказаться врагом, но теперь это опасение сходит на нет, и на смену ему приходит страх, что он окажется кем-то знакомым, и этот кто-то мертв…

Как и все, кого я знаю.

За спиной фигуры у костра на песке высится конструкция – огромный тонкий крест. К кресту что-то привязано. Сильный ветер и летящие в лицо тонкие иглы мороси не позволяют мне разглядеть, что это.

Ветер начинает завывать, и этот вой напоминает мне какой-то другой звук, уже слышанный однажды и внушавший мне страх.

Я подхожу к костру, и мое лицо омывает волна тепла. Вынув из кармана руки, я подношу их к огню.

Фигура шевелится. Я стараюсь этого не замечать. Не хочу замечать.

– А… кающийся грешник.

Могильер. Его голос уже не полон издевки; возможно, он считает, что в ней больше нет нужды. Вместо этого в его тоне звучит нечто смахивающее на сострадание. Великодушное сочувствие победителя в игре, исход которой изначально не внушал ему особенного сомнения.

– Прошу прощения?

Он смеется:

– Очень смешно. Почему бы тебе не присесть к костру, так теплее.

– Я не до такой степени замерз, – отвечаю я, дрожа, и отваживаюсь взглянуть ему в лицо.

Его глаза блестят в свете костра. Он знает.

– Ты долго сюда добирался, Волк «Клина», – говорит он мягко. – Мы можем подождать еще немного.

Сквозь растопыренные пальцы я смотрю на пламя:

– Что тебе от меня нужно, Могильер?

– Да брось ты. Что мне нужно? Ты же знаешь что.

Он сбрасывает с плеч одеяло и легко поднимается на ноги. Он выше, чем я запомнил, а потрепанное черное пальто придает ему элегантно-угрожающий вид.

Он водружает на голову цилиндр, залихватски заломив его набекрень:

– Мне нужно то же, что и всем другим.

– А это что? – я киваю на то, что распято на кресте за его спиной.

– Это? – на его лице впервые проступает озадаченность, возможно, даже легкое смущение. – Ну… Скажем так, это альтернатива. Альтернатива для тебя, я имею в виду, но мне отнюдь не кажется, что ты захочешь…

Я поднимаю голову на высящуюся передо мной конструкцию и неожиданно отчетливо вижу ее сквозь ветер, морось и радиоактивную взвесь.

На кресте – я.

Я примотан к нему сетями, мертвая серая плоть выпирает сквозь ячейки, тело обмякло на перекладине, голова опущена. Чайки уже поработали над лицом. Глазницы пусты, щеки поклеваны. На лбу местами проглядывает кость.

Вот уж где, думаю я отстраненно, должно быть холодно.

– Я же тебя предупреждал, – отзвуки прежней насмешки снова слышатся в его голосе; он начинает проявлять нетерпение. – Это альтернатива, но я думаю, ты согласишься, что здесь, у костра, намного удобнее. Ну и еще кое-что.

Он раскрывает узловатую ладонь и демонстрирует стек памяти со следами свежей крови и плоти. Поспешно хлопнув себя по затылку, я обнаруживаю там зияющую дыру, в которую с пугающей легкостью проваливаются пальцы. На дне отверстия нащупываю скользкую пористую поверхность своей собственной церебральной ткани.

– Вот видишь, – его голос исполнен почти что сожаления.

Я опускаю руку:

– Где ты это взял, Могильер?

– А, их нетрудно раздобыть. Особенно на Санкции IV.

– А стек Крукшенк у тебя есть? – во мне внезапно вспыхивает искра надежды.

Секундная заминка:

– Ну разумеется. Они все попадают ко мне, рано или поздно, – он кивает, словно в подтверждение своих слов. – Рано или поздно.

Повтор звучит натужно. Кажется, меня хотят убедить. Искра надежды гаснет.

– Тогда уж лучше поздно, – говорю я, в последний раз протягивая руки к костру.

Ветер хлещет меня по спине.

– Что ты имеешь в виду?

Смешок, приделанный к концу фразы, тоже выглядит натужным. Я чуть заметно улыбаюсь. Улыбка будит застарелую боль, но эта боль несет странное успокоение.

– Я ухожу. Мне здесь нечего делать.

– Уходишь? – его голос внезапно превращается в отвратительный скрежет; на зажатом в пальцах стеке пляшут красные отсветы костра. – Никуда ты не уйдешь, волчоночек мой. Останешься тут со мной. Нам нужно закрыть кое-какие счета.

На этот раз моя очередь смеяться.

– Пошел на хер из моей головы, Могильер.

– Ты. Останешься, – его рука тянется ко мне поверх пламени костра. – Здесь.

«Калашников» оказывается в моей руке, и я ощущаю тяжесть полного магазина. Пуля в морду, как и было обещано.

– Мне пора, – говорю я. – Передам Хэнду от тебя привет.

Его глаза сверкают, руки тянутся ко мне.

Я поднимаю пистолет.

– Я же тебя предупреждал, Могильер.

И стреляю чуть ниже края цилиндра. Три отверстия, хорошая кучность.

Выстрелы отшвыривают его назад, и он падает на песок метрах в трех от костра. Я жду, не поднимется ли он снова, но он исчезает. С его уходом костер начинает затухать.

Я поднимаю голову и вижу, что распятие опустело, что бы это ни значило. В моей памяти всплывает мертвое лицо, которое глядело на меня оттуда, и я присаживаюсь на корточки у огня, стараясь согреться. Сижу до тех пор, пока от костра не остаются одни угли.

В тлеющем пепле замечаю стек памяти, уже очищенный пламенем, ярко поблескивающий из-под головешек. Я поднимаю его, зажав большим и указательным пальцем, как это делал Могильер.

Стек слегка обжигает кожу, но это пустяки.

Я убираю его, убираю «калашников», сую начинающие мерзнуть руки в карманы, выпрямляюсь и осматриваюсь.

Холодно, но я знаю, что где-то есть выход с этого сраного берега.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ
ВНУТРЕННИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

Признайте факты. И действуйте исходя из них. Это единственная известная мне мантра, единственная доктрина, которую я могу вам предложить; будет не так-то просто, как вы думаете, ведь у людей, я клянусь, мозги прошиты делать что угодно, кроме этого. Признайте факты. Не возносите молитв, не загадывайте желаний, не покупайтесь на устаревшие догмы и мертвую риторику. Не идите на поводу рефлексов, или видений, или извращенного чувства… чего бы то ни было. Признайте факты. И только потом действуйте.

Куэллкрист Фальконер.

Речь перед атакой на Миллспорт

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Пронзительно ясное ночное небо, полное звезд.

Какое-то время я тупо смотрел на него, наблюдая, как там, слева, то появляются, то исчезают странные красные полосы.

Тебе должно быть понятно, что это означает, Так. Ритм этого свечения, то, как оно сначала усиливалось, а потом постепенно ослабевало, словно заключал в себе какой-то код.

Как глифы. Как числа.

Мне вдруг и в самом деле стало все понятно, и, когда я осознал, где нахожусь, меня прошибло холодным потом.

Красное свечение было сигналом тревоги на дисплее, расположенном на лицевой пластине вакуумного костюма, в который я был закован.

Никакое это к хренам не ночное небо, Так.

Я находился в космосе.

И тут на меня навалились воспоминания о себе и о прошлом; они бомбардировали меня, точно микрометеориты, прошивающие насквозь тонкую прозрачную оболочку, которая сейчас сохраняла мне жизнь.

Я задергался и обнаружил, что могу двигать только кистями рук. Пальцы нащупали твердую поверхность, ощутили слабую вибрацию мотора. Завертев головой, я принялся шарить руками по сторонам.

– Эй, он приходит в себя.

Хотя рация скафандра фонила, голос говорившего мне казался знакомым. Послышалось жестяное дребезжание чьего-то смешка.

– Блин, тебя это удивляет, чувак?

Сенсор присутствия уловил движение справа. Надо мной склонилась чья-то голова в шлеме с непроницаемо темной лицевой пластиной.

– Эй, лейтенант, – еще один знакомый голос. – Благодаря вам я только что обогатился на пятьдесят ооновских баксов. Говорил я этим муделям в скафандрах, что вы оклемаетесь первым.

– Тони? – с трудом выговорил я.

– О, и мозговая деятельность не нарушена. Еще один балл в копилку 391-го… Мы, сука, реально бессмертные!

* * *

Доставка с марсианского дредноута напоминала похоронную процессию вакуум-коммандос. Семь тел на автоматических носилках, четыре штурмовых жука и двадцать пять человек почетного караула в полном боевом облачении, предназначенном для военных действий в дальнем космосе. Планируя операцию, Каррера определенно намеревался исключить все возможные риски.

Тони Ломанако провел нас через портал так безукоризненно, словно занимался этим всю свою профессиональную жизнь. В авангард он поставил два жука, за ними следовали носилки и пехота, сопровождаемые с флангов парами коммандос, а замыкали процессию еще два жука. В ту секунду, когда мы вошли в гравитационное поле Санкции IV, скафандры, носилки и жуки разом перешли на режим грав-парения, зависнув в воздухе, и через пару секунд совершили синхронную посадку по сигналу поднятой и затем сжатой в кулак руки Ломанако.

«Клин Карреры».

Приподнявшись, насколько позволяли ремни носилок, я

наблюдал за всем этим, пытаясь подавить чувство родственной гордости, которое заставлял испытывать волчий ген.

– Добро пожаловать в базовый лагерь, лейтенант, – сказал Ломанако, осторожно постучав кулаком по нагрудной пластине моего костюма. – Теперь вы будете в порядке. Все теперь будет в порядке.

Он громко произнес по общей связи:

– Ладно, ребята, двигаем дальше. Митчелл и Квок, оставайтесь в костюмах и не глушите двигатели жуков. Остальные марш в душ – мы на сегодня достаточно наплавались. Тан, Сабыров и Мунхарто, через пятнадцать минут назад, форма одежды вольная, но при оружии – составите компанию Квок и Митчеллу. Остальные – разойтись. И, «Чандра», можно к нам медиков прислать сегодня? Уж будьте так добры.

В наушниках раздался дружный смех. Стоявшие вокруг заметно расслабились, чего не могли скрыть даже громоздкая боевая вакуумная экипировка и светопоглощающие костюмы из полисплава. Все поубирали оружие – сложив, отсоединив или просто вложив в ножны. Водители жуков, точностью и экономностью движений напоминавшие заводных кукол, слезли и присоединились к общему потоку шагающих к лагерю фигур в скафандрах. У кромки воды их ждал линкор «Клина», «Доблесть Энгины Чандры», растопыривший посадочные клешни, точно какой-то доисторический гибрид крокодила и черепахи. Тяжелая броня хамелеохромного корпуса отливала бирюзой в цвет залитого бледным полуденным солнцем песка, на котором он стоял.

Было приятно снова видеть «Чандру».

Теперь, когда мое внимание наконец сосредоточилось на окружающем, я увидел, что пляж весь разворочен. В неглубоком кратере, образованном взрывом «Нагини», сверкал спекшийся песок, а вокруг, куда хватало глаз, все покрывали борозды и рытвины. От баббл-тентов после взрыва не осталось ничего, кроме следов гари и нескольких разрозненных металлических деталей, которые, как подсказывала мне профессиональная гордость, не могли быть частями самого корабля. «Нагини» взорвалась еще в воздухе, была уничтожена мгновенно, до единой молекулы. Если земля – для покойников, Шнайдеру определенно пришлось остаться в гордом одиночестве. Бóльшая его часть, вероятно, до сих пор потихоньку рассеивалась в стратосфере.

«В этом ты хорош, Так».

Взрыв к тому же потопил траулер. Повернув к нему голову, я увидел, что из воды торчат только корма и оплавленная надстройка. Перед глазами вспыхнуло воспоминание – Люк Депре

и бутылка дешевого виски, пустой треп о политике и запрещенные к ввозу сигары. Склоняющаяся надо мной Крукшенк в…

«Не надо, Так».

На месте нашего уничтоженного лагеря теперь обосновался «Клин». В нескольких метрах слева от кратера стояло шесть больших овальных баббл-тентов, а под вытянутым рылом линкора я различил полисплав-душевую – квадратную гермокабину и резервуары повышенного давления. Вакуум-коммандос оставляли оружие потяжелее в стоявших под навесами пирамидах и один за другим проходили в смывочный отсек.

Из «Чандры» вышла колонна клиновцев с белыми нашивками медицинского подразделения. Они подошли к носилкам, включили двигатели и повезли нас в направлении одного из баббл-тентов. Когда носилки оторвались от земли, Ломанако коснулся моей руки:

– Увидимся, лейтенант. Зайду попозже, когда вас вытащат из костюма. Пойду ополоснусь пока.

– Ага, спасибо, Тони.

– Рад вас снова видеть, сэр.

В баббл-тенте медики с профессиональной сноровкой отстегнули наши ремни и сняли костюмы. Я был в сознании, и моя распаковка доставила им чуть меньше хлопот, чем распаковка остальных, но именно что чуть. Я так давно не принимал антирадиационных препаратов, что, даже чтобы шевельнуть рукой или ногой, требовалось большое волевое усилие. После того как меня наконец вынули из костюма и перенесли на кровать, у меня почти не осталось сил, чтобы ответить на вопросы медика, проводившего стандартную послебоевую проверку моей оболочки. Пока он этим занимался, я даже умудрился не закрыть глаза и через его плечо наблюдал за тем, как прогоняют аналогичные тесты на остальных. Оболочку Сунь, которая по очевидным причинам не нуждалась в скорой медицинской помощи, бесцеремонно бросили в углу.

– Ну что, жить буду, доктор? – пробормотал я, выбрав момент.

– Не в этой оболочке, – ответил врач, заправляя кожный спрей антирадиационным коктейлем. – Но с моей помощью какое-то время еще протянете. Чтобы не пришлось беседовать со стариком в виртуале.

– А что он хочет, принять рапорт?

– Наверное, да.

– Ну, в таком случае вколите-ка мне чего-нибудь для бодрости, чтобы я не заснул на полуслове. Тетрамет найдется?

– Не уверен, что это хорошая идея, лейтенант.

Я даже усмехнулся, пусть и с немалым трудом:

– Ага, точно. Не иначе как он подорвет мне здоровье.

В конце концов мне пришлось просто приказать вколоть мне тетрамет на правах старшего по званию. Когда в тент вошел Каррера, я уже более-менее восстановил функциональность.

– Лейтенант Ковач.

– Айзек.

Улыбка осветила его покрытое шрамами лицо, словно восходящее солнце, озаряющее склоны гор:

– Говнюк ты, Ковач. Знаешь, сколько людей в этом полушарии мне пришлось задействовать, чтобы тебя отыскать?

– Думаю, не больше, чем можно было позволить, – я сел повыше. – А что, беспокоиться начал?

– Мне кажется, лейтенант, должностные обязанности оказались для тебя понятием более растяжимым, чем анальное отверстие взводного голубка. Двухмесячная самоволка после коротенькой отписки. «Отправился за одной фигней, которая стоит все этой сраной войны. Вернусь позже». Несколько туманно.

– Однако точно.

– Вот как? – он сел на край постели; хамелеохромный комбинезон окрасился под цвет одеяла; брови сдвинулись, натянув кожу на свежем шраме, проходящем через лоб и щеку. – Военный корабль?

– Военный корабль.

– Мы сможем его использовать?

Я поразмыслил:

– При поддержке подручного археолога, наверное, сможем.

– И как твоя археологическая поддержка?

Я перевел глаза на тело Тани Вардани, свернувшееся калачиком под тонким, как лист, термоодеялом. Как и прочие члены экипажа «Нагини», она находилась под действием легкого успокоительного. Медик, который делал ей инъекцию, сказал, что состояние пациентки стабильное, но проживет она едва ли дольше моего.

– Так себе, – я закашлялся и долго не мог остановиться.

Каррера переждал, когда приступ кашля пройдет. Вручил мне салфетку.

Утерев рот, я выразительно взмахнул рукой:

– Как и все мы. А у вас как?

– Сейчас археолога в команде нет, если не принимать в расчет Митчелла.

– Я бы не принимал. В его случае это хобби, а не профессия. И как же так вышло, что вы недоукомплектованы скребунами,

Айзек? – *Шнайдер же наверняка рассказал, что на кону*. После секундного размышления я решил пока попридержать эту информацию. Я не знал, много ли она стоит, но, когда у тебя остается всего одна гарпунная обойма, ты не станешь целить в плавники. – Ты же наверняка имеешь какое-то представление о том, что стоит на кону.

Он покачал головой:

– Работаем на корпорации, Такеси. На небоскребную шваль. Такие люди озвучивают ровно столько, сколько нужно, чтобы тебя подписать. Все, что я знал до сегодняшнего дня, – что Хэнд нацелился на что-то крупное и что, если «Клину» удастся отхватить кусок, нас неплохо вознаградят за труды.

– Да, но вам дали коды доступа к системе нанобов. Существует ли что-нибудь более ценное? На Санкции IV? Ладно тебе, Айзек, ты наверняка догадался, о чем речь.

Он пожал плечами:

– Мне назвали сумму, вот и все. Так работает «Клин», и ты это знаешь. Кстати, о работе. Это же Хэнд у двери, да? Вон тот худой.

Я кивнул. Каррера подошел и внимательно вгляделся в лицо спящего менеджера.

– Ну да. Слегка похудел по сравнению с теми фотографиями, что есть у меня в стеке, – он зашагал по импровизированной больничной палате, вертя головой и осматривая спящих и труп в углу (несмотря на усталость и тетраметовый приход, я тут же привычно насторожился). – Что, конечно, неудивительно, учитывая уровень полученной вами радиации. Удивительно то, что вы вообще в состоянии стоять на ногах и передвигаться.

– Вообще-то как раз не в состоянии, – заметил я.

– Действительно, – он вымученно улыбнулся. – Бог ты мой, Такеси. И чего бы тебе было не подождать пару дней? Получил бы вдвое меньшую дозу. Мои все на стандартных антирадпрепаратах, нам здесь грозит разве что головная боль.

– Не я принимал решение.

– Да понимаю, что не ты. Деактивированная в углу – это кто?

– Сунь Липин, – смотреть на нее оказалось даже тяжелее, чем я предполагал; волчья верность, похоже, штука необоримая. – Системщица.

Он кивнул.

– А остальные?

– Амели Вонгсават, пилот, – я показал пальцем. – Таня Вардани, археолог; Цзян Цзяньпин и Люк Депре, спецоперации.

– Ясно, – Каррера снова нахмурился и дернул подбородком в сторону Вонгсават. – Если она была вашим пилотом, кто сидел за

штурвалом взорвавшегося штурмовика?

– Мужик по имени Шнайдер. Через него-то я изначально и вышел на все это дело. Мудила из гражданской авиации. Когда началась пальба, у него нервишки сдали. Захватил корабль, замочил Хансена – парня, которого мы оставили на посту, – ультравибом и смотался, оставив нас у…

– На борту был только он?

– Угу, если не считать пассажиров в контейнере для трупов. Перед тем как мы вошли в портал, нанобы убили двоих наших. И еще шестерых мы обнаружили с другой стороны. А, да, еще двоих выловили в сетях траулера. Судя по всему, команда археологов, заявившаяся сюда еще до войны.

Он не слушал, просто ждал, когда я закончу.

– Иветта Крукшенк, Маркус Сутьяди. Это те двое, которых убила система нанобов?

– Да, – я попытался изобразить легкое удивление. – У вас есть список группы? Я смотрю, у ваших небоскребных обитателей со сбором информации дело обстоит неплохо.

Он покачал головой:

– Да не особенно. Просто мои небоскребыши обитают в той же самой башне, что вот этот твой дружок. Метят на тот же пост, на какой метит он. Как я и сказал, шваль, – его голосу определенно недоставало яда, а мое посланническое чутье к тому же уловило в рассеянном тоне легкий призвук облегчения. – Я так понимаю, нет оснований надеяться, что у вас остались стеки тех двоих, которых убили нанобы?

– Нет, стеков не осталось, а что?

– Да неважно. Я особенно на это и не рассчитывал. Клиенты сказали, что система не оставляет после себя ничего. У нее в ход идет все.

– Ну да, мы так и поняли, – я развел руками. – Айзек, даже если бы нам и удалось обнаружить стеки, они были бы уничтожены при взрыве «Нагини», как в общем-то и все остальное, что там находилось.

– Да, удивительно мощный взрыв. Ничего не хочешь о нем рассказать, Такеси?

Я натянул на лицо ухмылку:

– А ты как думаешь?

– Я думаю, что локмитовские штурмовики не взрываются в полете безо всякой на то причины. И думаю, ты как-то мало бесишься из-за того, что этот ваш Шнайдер вас кинул.

– Ну, он же покойник.

Каррера скрестил на груди руки и молча смотрел на меня.

Я вздохнул:

– Ладно, ладно. Я заминировал двигатели. Я все равно доверял Шнайдеру не больше, чем презику из лип-пленки.

– И, как оказалось, не доверял вполне обоснованно. И, учитывая, к чему привели его действия, вам повезло, что подоспели мы, – он поднялся, потирая руки; вид у него был такой, словно его только что избавили от неприятной перспективы. – Постарайся отдохнуть, Такеси. Завтра утром я хочу услышать твой рапорт.

– Договорились, – я пожал плечами. – Рассказывать в общем-то особенно больше не о чем.

Он вздернул бровь:

– Вот как? Мои сканеры говорят об обратном. Количество выделенной по ту сторону портала энергии, зарегистрированное за последние семь часов, превышает сумму всех сеансов гиперсвязи на Санкции IV со времени ее заселения. На мой взгляд, тебе еще есть чем поделиться.

– А, это, – отмахнулся я. – Сражение автоматизированных систем древнейших цивилизаций галактики. Ничего особенного.

– Ах вот как.

Он уже стоял на пороге, когда вдруг остановился, как будто озадаченный какой-то мыслью:

– Такеси.

Мои чувства обострились, словно перед началом боевой операции.

– Да? – стараясь придать голосу небрежность.

– Исключительно из любопытства. А как ты планировал выбираться? После взрыва штурмовика? Учитывая систему нанобов и радиоактивный фон. Без транспортного средства, если не считать того дерьмового траулера. Вы что собирались делать-то, пешком идти? Вам же до деактивации оставался буквально шаг. Что это, к чертям, за стратегия – взорвать свое единственное средство передвижения?

Я попытался вспомнить. Вся ситуация, головокружительная пустота коридоров и залов марсианского корабля, остекленелые взгляды трупов, залпы орудий невиданной мощи снаружи – все это словно уже отодвинулось глубоко в прошлое. Наверное, я мог бы использовать техники посланников, чтобы вызвать их обратно, но какая-то темная, холодная сила не советовала этого делать. Я покачал головой.

– Не знаю, Айзек. У меня были припрятаны скафандры. Возможно, я планировал дрейфовать у края портала в ожидании, когда до вас дойдет наш SOS.

– А если бы портал оказался непрозрачным для сигнала?

– Для звездного света он же был прозрачным. И для сканеров,

как я только что понял, тоже.

– Из этого вовсе не…

– Ну тогда бросил бы в портал дистанционный маяк и уповал бы, что он достаточно долго протянет среди сраных нанобов, чтобы дать вам установить наше местоположение. Твою мать, Айзек. Я посланник. Мы решения принимаем на ходу. На худой конец у нас оставался почти рабочий заявочный буй. Сунь могла его отремонтировать, оставить в режиме трансляции, а мы бы все вышибли себе мозги и ждали, когда кто-нибудь придет. Разницы-то особой не было – нашим оболочкам сроку оставалось не больше недели. А тому, кто пришел бы на сигнал заявочного буя, так или иначе пришлось бы нас переоблачить – мы же ценные эксперты, хоть бы и мертвые.

Последнее вызвало у него улыбку. У меня тоже.

– Тем не менее это едва ли можно считать образцовым примером стратегического планирования, Такеси.

– Айзек, ты не понимаешь, – мой голос стал чуть серьезней, улыбка исчезла. – Я посланник. Стратегическим планом было убить любого, кто попытается меня предать. Выжить после этого – ну если получится, то это дополнительный плюс, если же нет, – я пожал плечами. – Я же посланник.

Его улыбка тоже слегка поблекла.

– Постарайся отдохнуть, Такеси, – сказал он мягко.

Проводив его глазами, я перевел взгляд на неподвижную фигуру Сутьяди. Надеясь, что тетрамет не даст мне заснуть, прежде чем Сутьяди придет в себя и услышит, как себя вести, чтобы его не казнили палачи «Клина».

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Тетрамет – один из моих любимых наркотиков. Он не такой мощный, как некоторые военные стимуляторы, а значит, из твоей памяти не выскользнут полезные житейские знания вроде «Нет, без гравитатора летать у тебя не получится» или «Если врежешь по этой штуке, переломаешь в руке все кости». В то же время он позволяет получить доступ к внутренним резервам, залегающим где-то на клеточном уровне, о самом существовании которых не знает ни один неподготовленный человек. Приход долгий и чистый, единственные побочные эффекты – легкий блеск поверхностей, которые в принципе не должны бы отражать свет, и чуть дрожащие контуры предметов, которые имеют для тебя какую-то личную ценность. При желании можно добиться легких галлюцинаций, но это требует концентрации. Ну или,

естественно, передозировки.

Отходняк не сильно хуже, чем от большинства отрав.

Когда стали просыпаться остальные, мое состояние уже было несколько маниакальным, потому что организм уже начинал подавать тревожные сигналы, что химическое приключение подходит к концу. Возможно, я тряс Сутьяди слишком энергично, когда понял, что он пробуждается не так быстро, как мне бы хотелось.

– Цзян, эй, *Цзян*. Продирай глаза, блин. Угадай, где мы.

Он ошарашенно заморгал. Выражение его лица стало удивительно детским.

– Х-х-х-х…

– Снова на побережье, чувак. Явился «Клин» и вытащил нас с корабля. «Клин Карреры», моя прежняя команда.

Мой энтузиазм слегка не соответствовал тому образу, который сложился у бывших товарищей по оружию, но не настолько, чтобы его нельзя было списать на тетрамет, радиационное отравление и последствия произошедшей с нами инопланетной странности. Да и, кроме того, у меня не было стопроцентной уверенности, что баббл-тент прослушивают.

– *Спасли* нас, Цзян, прикинь. *«Клин»*.

– «Клин»? Это… – глядя в глаза маорийской оболочки, я увидел, как Сутьяди пытается собрать разрозненные кусочки в единую картину. – …Здорово. «Клин Карреры». Не знал, что они занимаются спасательными операциями.

Я снова сел на край постели и натянул на лицо ухмылку.

– Они искали меня, – несмотря на все актерство, у меня на самом деле стало тепло на душе; с точки зрения Ломанако и всего 391-го взвода, дело практически так и обстояло. – Можешь себе представить?

– Попробую, – Сутьяди приподнялся. – Кто еще смог выбраться?

– Все, кроме Сунь, – я указал на нее рукой. – Но и ее стек цел.

Его лицо дернулось. Воспоминания пробивались на поверхность его сознания, как застрявший кусок шрапнели.

– А там… ты… видел?

– Угу, видел.

– Это были призраки, – сказал он сквозь зубы.

– Цзян, для *боевого ниндзя* ты что-то слишком уж пуглив. Кто знает, что такое мы видели. Если уж на то пошло, это могла быть запись.

– Запись, как мне кажется, – довольно подходящее определение слова «призрак», – заметила Амели Вонгсават с кровати, стоящей напротив Сутьяди. – Ковач, я правильно

расслышала, что нас вытащил «Клин»?

Я кивнул, буравя ее взглядом:

– Да вот, рассказываю Цзяну. Похоже, за мной сохранился полный набор клубных привилегий.

Она поняла. Ее глаза чуть заметно блеснули, и она сразу подыграла мне.

– Рада за тебя, – она оглядела начинающие шевелиться фигуры на соседних койках. – Ну что, кого мне можно порадовать новостью о том, что мы живы?

– Выбирай на свое усмотрение.

После этого все пошло как по маслу. Вардани восприняла известие о перевоплощении Сутьяди, не изменившись в лице, – сказалась лагерная выучка, – словно приняла из рук в руки контрабандную записку. Хэнд – его спецподготовка была не такая травматичная, как у меня, зато куда дороже – тоже выслушал новость не моргнув глазом. Ну а для Люка Депре как военного ассасина, привыкшего работать глубоко под прикрытием, такие вещи и вовсе были естественны как дыхание.

На наше поведение, словно радиопомехи, накладывались воспоминания о последних моментах на марсианском корабле. Над всеми висело темное облако общей боли, которую никто из нас пока не был готов анализировать. Разговоры о тех последних минутах были полны неуверенности и недомолвок: в нервозных, исполненных бравады фразах сквозило беспокойство, точно тень того мрака, что царил по другую сторону портала. Оставалось надеяться, что обсуждение было достаточно эмоциональным и отвлекло внимание возможных наблюдателей от превращения Сутьяди в Цзяна.

– По крайней мере, – сказал я, – теперь понятно, почему они бросили свой гребаный корабль. В смысле, это куда хлеще радиации или биооружия. Там хоть последствия можно устранить. Можете себе представить, каково это – сидеть на боевом посту и пытаться управлять дредноутом, когда при каждом близком разрыве выскакивает, гремя костями, прежний экипаж.

– Я. Не верю. В призраков, – с нажимом произнес Депре.

– А им, похоже, это не мешало.

– Вы как думаете, – Вонгсават подыскивала слова медленно, словно пробираясь сквозь заросли шип-коралла при отливе, – все марсиане оставляют – оставляли – что-то такое после себя? Что-то типа вот этого?

Вардани покачала головой:

– Если это и так, мы раньше ничего подобного не видели. А мы за последние пятьсот лет откопали немало марсианских руин.

– Мне показалось, – Сутьяди сглотнул, – что они… кричали. Все разом. Оплакивали какую-то массовую смерть. Гибель всего экипажа, например. Может быть, мы раньше просто ни с чем таким не сталкивались. С горем такого масштаба. В Лэндфолле вы сказали, что марсианская цивилизация сильно превосходит нашу. Может быть, у них больше не было насильственных смертей, да еще в таких количествах. Может, для них это осталось в прошлом.

Я хмыкнул:

– Здорово – если, конечно, такое в принципе возможно.

– Для нас, по всей очевидности, невозможно, – сказала Вардани.

– Может, и стало бы возможным, если бы после каждого массового убийства оставался такой след.

– Ковач, это абсурд, – Хэнд выбрался из постели, злость придала ему сил. – Вы все. Наслушались претенциозных человеконенавистнических умствований этой вот особы. Ни в каком прошлом ничего для них не осталось. Знаете, что я там увидел? Я увидел два военных корабля стоимостью в пару миллиардов каждый, без конца повторяющих одно и то же сражение, которое не привело ни к чему ни сто тысяч лет назад, ни сегодня. Чем это лучше того, что мы имеем на Санкции IV? Они так же прекрасно убивали друг друга, как и мы.

– Браво, Хэнд, – Вонгсават наградила его речь неторопливыми сардоническими аплодисментами. – Вам бы в политофицеры податься. Единственная проблема с вашим мачистским гуманизмом: второй корабль не был марсианским. Верно, госпожа Вардани? Абсолютно другая конфигурация.

Глаза всех присутствующих обратились к Тане, которая сидела, опустив голову. Наконец она подняла глаза, встретилась со мной взглядом и неохотно кивнула.

– Ничего похожего на эту технологию я раньше не встречала. И ни о чем подобном не слышала, – она сделала глубокий вдох. – Исходя из того, что мы видели… похоже, марсиане вели войну с кем-то еще.

Над нами снова сгустилось облако тревоги. Его холод пробрал до мурашек и разом оборвал разговор. Тень грядущего и отрезвляющего открытия, на пороге которого стоит человечество.

Нам здесь не место.

Несколько столетий нам позволяли резвиться в трех десятках миров, оставленных марсианами. Но взрослые ушли с детской площадки, и неизвестно теперь, кто может на нее забраться и что он может с нами сделать. День клонится к вечеру, крыши домов темнеют, пустеют окрестные улицы, и неожиданно вокруг

становится холодно и мрачно.

– Ерунда, – отрезал Хэнд. – Марсианская цивилизация пала в результате восстания в колониях, это общее место. Гильдия же этому и *учит*, госпожа Вардани.

– Ну да, Хэнд, – голос Вардани был исполнен бесконечного презрения. – А как ты считаешь, почему они этому учат? Кто, зашоренный ты мудила, финансирует Гильдию? Кто определяет, во что должны верить наши дети?

– Существуют доказательства…

– Вот только не надо втирать мне про доказательства, – усталое лицо археолога вспыхнуло от ярости; на какую-то секунду мне показалось, что она ударит Хэнда. – Тупой ты засранец. Ты-то что знаешь о Гильдии? А я этим занимаюсь всю свою жизнь. Рассказать тебе, сколько находок утаили из-за того, что они не вписывались в картину мира, созданную Протекторатом? Сколько исследователей заклеймили предателями человечества, сколько проектов закрыли исключительно потому, что они не совпадали с официальной линией? Сколько дерьмища извергается из назначенных глав Гильдии всякий раз, когда Протекторат решает отдрочить им, подкинув деньжат?

Этот неожиданный приступ гнева со стороны изможденной, умирающей женщины, казалось, ошарашил Хэнда.

Он неуверенно пробормотал:

– С точки зрения статистики, вероятность того, что две цивилизации одновременно достигнут эволюционной стадии межзвездных путешествий…

Но это было все равно что пытаться обуздать бурю. Переполнявшие Вардани эмоции подействовали на нее не хуже тетрамета. Ее голос обжигал, как удар кнута.

– Ты *дефективный*, что ли? Или ослеп, когда стоял перед порталом? Это моментальная передача материи на межпланетные расстояния; технология, которую они, уходя, просто небрежно *бросили в углу*. Думаешь, такая цивилизация ограничится парой сотен кубических световых лет? Орудия, которые мы видели в действии, оперируют на *сверхсветовых скоростях*. Оба корабля могли прибыть с другого конца галактики. *Нам-то откуда знать?*

Пола баббл-тента откинулась, в помещение проник дневной свет. Отведя на мгновение взгляд от лица Вардани, я увидел в проеме Тони Ломанако в хамелеохроме с сержантскими нашивками. Он старательно пытался подавить ухмылку.

Я поднял руку:

– Здоро́во, Тони. Добро пожаловать на научные дебаты. Не стесняйся задавать вопросы, если смутят какие-нибудь

технические термины.

Ломанако перестал сдерживать усмешку:

– У меня на Латимере сын. Хочет стать археологом. Говорит, что профессия, связанная с насилием, как у папаши, ему не подходит.

– Временный период, Тони. Это у него пройдет.

– Надеюсь, – Ломанако неловко шевельнулся, и я увидел, что под хамелеохромом на нем надет экзокостюм. – Коммандер хочет вас видеть.

– Одного?

– Нет, он сказал, привести всех, кто не спит. Похоже, это что-то важное.

* * *

Снаружи день клонился к вечеру. На западе небо окрасилось в светло-серый, на востоке уже сгущалась тьма. В свете установленных на треножниках ламп Ангьера лагерь Карреры представлял из себя образец организованной активности.

Сознание посланника привычно анализировало диспозицию, холодно перебирая детали, одновременно испытывая приятно щекочущее теплое чувство, которое возникает всегда, когда понимаешь, что надвигающаяся ночь не застанет тебя в холоде и в одиночестве.

У портала на жуках сидели часовые, оживленно покачиваясь и жестикулируя. Ветер донес обрывок смеха. Я узнал голос Квок, но слов на таком расстоянии разобрать не сумел. Лицевые пластины часовых были подняты, но они по-прежнему оставались в вакуумной экипировке и при полном вооружении. Остальные солдаты, которых Ломанако определил в сопровождение, стояли вокруг передвижной ультравиб-пушки, и их вид говорил о такой же непринужденной боевой готовности. Чуть дальше еще одна группа клиновцев возилась с деталями, по всей очевидности, генератора противовзрывного силового поля. Прочие курсировали между «Доблестью Энгины Чандры», полисплав-блоком и баббл-тентами с ящиками, в которых могло быть что угодно. Сзади и сверху сцену заливали огни с мостика и грузового отсека «Чандры», откуда бортовые погрузчики доставали все новые порции оборудования и ставили на ярко освещенный песок.

– Ты чего в экзокостюме? – спросил я Ломанако, ведущего нас к разгрузочной площадке.

Он пожал плечами:

– Кабельные батареи под Районгом. Наши хлопушки сработали не вовремя. Мне зацепило левую ногу, бедренную кость, ребра. Часть левой руки.

– Блин. Везучий же ты мужик, Тони.

– Да все не так плохо. Просто теперь до хера лечиться надо. Док сказал, кабели были покрыты чем-то канцерогенным, потому ускоренная регенерация идет так себе, – он состроил гримасу. – Три недели уже в нем хожу. Так себе удовольствие.

– Ну, спасибо за то, что пришел за нами. Тем более в таком состоянии.

– Без проблем. В вакууме по-любому легче двигаться, чем здесь. Если уж на тебе экзокостюм, слой полисплава сверху погоды не сделает.

– Пожалуй.

Каррера ждал под грузовым люком «Чандры». На нем была все та же полевая форма, что и раньше; и так же были одеты офицеры, с которыми он разговаривал. В проеме люка пара сержантов возилась с оборудованием. Где-то на полпути между «Чандрой» и группой, работавшей над генератором поля, на выключенном погрузчике сидел какой-то расхристанный человек в перепачканной форме, не отрывавший от нас мутных глаз. Когда я встретился с ним взглядом, он захохотал и судорожно задергал головой. Одна его рука принялась яростно растирать шею, рот широко распахнулся, словно кто-то вылил на парня ведро холодной воды. Лицо подергивалось от мелких спазмов, которые мне уже приходилось видеть раньше. Тремор электронарка.

Судя по всему, я невольно поморщился.

– Ага, корчи рожу, корчи, – прорычал он. – Не больно-ты ты умен, не умен ты ни хера. Ты у меня на карандаше за антигуманизм, все у меня к делу подшито, каждое твое слово слышал, все твои выпады против Картеля; посмотрим, как тебе понравится…

– Заткнись, Ламонт, – голос Ломанако был негромкий, но электронарк дернулся, будто его подключили. Его глаза встревоженно крутанулись в орбитах, и он съежился. Ломанако осклабился.

– Политофицер, – произнес он, шваркнув ногой по песку в направлении этой дрожащей пародии на человека. – Все они одинаковые. Трепачи.

– Я смотрю, этого вы, похоже, приструнили.

– Ну, что я могу сказать, – усмехнулся Ломанако. – Ты удивишься, как быстро эти политические теряют интерес к работе после того, как вставят себе разъем и пару раз подключатся к

сети. У нас уже с месяц как не было лекции о Правильном Мышлении, ну а личные дела – читал я их и могу сказать, что даже родные матери нам лучших характеристик не напишут. Обалдеть, как легко может слететь с человека вся эта политическая догма. Правда, Ламонт?

Политофицер боязливо отпрянул. Его глаза налились слезами.

– Работает лучше, чем в былые времена порка, – сказал один из сержантов, безучастно глядя на Ламонта. – Помнишь, с Пибуном и с этим, как его там, говнюком с помойным ртом?

– Портильо, – рассеянно подсказал я.

– Ага, точно. Штука в том, что непонятно было, в самом деле мы его приструнили или он зализет раны и отыграется на тебе за все. Ну вот больше этой проблемы у нас нет. Дело, я так думаю, в позоре. Поставишь им разъем, покажешь, как подключаться, они по собственной воле и подсаживаются. А потом ломаешь им малину… Работает как часы. Я однажды видел, как старина Ламонт обломал все ногти, пытаясь открыть замок на ящике, где лежали кабели.

– Оставьте вы его в покое, – сказала Таня Вардани срывающимся голосом. – Вы же видите, что он уже сломлен.

Ломанако взглянул на нее с любопытством.

– Гражданская? – поинтересовался он у меня.

Я кивнул:

– В общем, да. Она, э-э, к нам прикомандирована.

– Ну да, иногда это полезно.

Когда мы подошли, Каррера, похоже, уже закончил брифинг, и офицеры начали расходиться.

Каррера кивнул Ломанако:

– Спасибо, сержант. Что там, Ламонт пытался действовать вам на нервы?

Тони хищно усмехнулся:

– И тут же пожалел об этом. Впрочем, похоже, пора ему устроить очередную ломку.

– Я подумаю об этом, сержант.

– Так точно, сэр.

– А пока, – Каррера сосредоточился на мне, – лейтенант Ковач, у меня к вам есть ряд…

– Одну минуту, коммандер, – голос Хэнда был, учитывая его состояние, удивительно ровным и невозмутимым.

Каррера выдержал секундную паузу:

– Да?

– Коммандер, вы, я полагаю, знаете, кто я такой. А я знаю об интригах в Лэндфолле, которые привели к вашему появлению

здесь. Чего вы можете не знать, так это насколько сильно вас обманывают.

Каррера встретился со мной взглядом и вздернул бровь. Я пожал плечами.

– Нет, вы ошибаетесь, – вежливо сказал командир «Клина». – Я довольно хорошо представляю, насколько экономны в отношении правды были ваши коллеги из «Мандрейк». Признаться, другого я и не ожидал.

Профессиональная выдержка Хэнда подвела его, и он озадаченно замолчал. Это почти стоило усмешки.

– В любом случае, – продолжил Каррера, – проблема объективной истины меня не очень волнует. Мне заплатили.

– Меньше, чем могли бы, – тут же оправился Хэнд. – Мои действия одобрены Картелем.

– Уже нет. Ваши нечистоплотные дружки вас продали, Хэнд.

– Значит, это было с их стороны ошибкой, коммандер. Вам совсем не обязательно ее повторять. Поверьте, я не хочу, чтобы расплачиваться за нее пришлось тем, кто этого не заслуживает.

Каррера чуть заметно улыбнулся:

– Вы мне угрожаете?

– Совсем не обязательно ставить вопрос…

– Я спросил, угрожаете ли вы мне, – дружелюбно произнес Каррера. – Был бы очень признателен услышать простое «да» или «нет».

Хэнд вздохнул:

– Скажем так, я могу прибегнуть к помощи определенных сил, о которых мои коллеги не подумали. Или же недооценили их.

– Ах, да. Я забыл, что вы верующий, – Каррера, казалось, посмотрел на стоящего перед ним человека с неподдельным интересом. – Хунган. Вы верите, что… духовные силы… можно нанять, как солдат.

Сбоку хихикнул Ломанако. Хэнд снова вздохнул:

– Коммандер, я верю, что мы оба цивилизованные люди, и…

Его прошил насквозь луч бластера.

Каррера, должно быть, выставил луч на расфокус – мелкие бластеры обычно оставляют отверстия поскромнее, а у командира «Клина» был ультракомпактник. Он был едва заметен в сжатом кулаке; между суставами фаланг пальцев виднелся треугольный хвостик излучателя, от которого шла еще видимая волна остаточного тепла, отметил мой внутренний посланник.

Ни отдачи, ни вспышки, ни толчка. Только треск выстрела – и Хэнд уже стоял, удивленно моргая, с дымящимся отверстием в животе. Затем, очевидно, уловив запах собственных опаленных

кишок, он взглянул вниз и пронзительно вскрикнул – одновременно от паники и боли.

Ультракомпактники перезаряжаются довольно долго, но я и без помощи периферийного зрения понимал, что бросаться на Карреру было бы ошибкой. Сержанты на погрузочной палубе, Ломанако сбоку от меня, да и группа офицеров, оказывается, вовсе не собиралась расходиться – они просто рассредоточились, давая нам возможность зайти в ловушку.

Ловко. Весьма ловко.

Продолжая поскуливать, Хэнд пошатнулся и резко осел на песок. Некая жестокая часть меня нашла зрелище комичным. Руки Хэнда загребали воздух над разверстой раной.

«Я знаю, каково это, – вспомнила другая часть меня, неожиданно испытав прилив сострадания. – Чувствуешь боль, но боишься прикоснуться».

– Вы снова ошиблись, – сообщил Каррера скорчившемуся у его ног менеджеру; голос командира «Клина» был таким же ровным, как и до выстрела. – Я не цивилизованный человек, Хэнд, я солдат. Профессиональный дикарь, работающий по найму на вам подобных. Не хотелось бы мне говорить, кем при таком раскладе являетесь вы. Скажу только, что в Башне «Мандрейк» вы вышли из моды.

Поскуливание Хэнда все больше начинало походить на обычный крик.

Каррера обернулся ко мне:

– А, можешь расслабиться, Ковач. Только не говори мне, что сам не хотел сделать то же самое.

Я пожал плечами, изображая равнодушие:

– Пару раз хотел. И сделал бы, рано или поздно.

– Ну вот теперь не придется.

Хэнд изогнулся и попытался сесть ровно. Из глубины его агонии на поверхность всплыли какие-то слова. Боковым зрением я отметил две двинувшиеся к нему фигуры: периферийное сканирование, почти болезненное из-за прилива адреналина, узнало в одной из фигур Сутьяди, в другой – *ну-ка, ну-ка* – Таню Вардани.

Каррера махнул рукой, отгоняя их:

– Нет, в этом нет необходимости.

Хэнд действительно что-то говорил – какие-то шипящие рваные звуки, слова языка, который мне приходилось слышать лишь однажды. Левая рука менеджера со странно растопыренными пальцами тянулась к Каррере. Я присел на корточки рядом с Хэндом, неожиданно тронутый его искаженным лицом и той силой, которая в нем вдруг проявилась.

– Что там? – наклонился к нам командир «Клина». – Что он говорит?

Я отодвинулся:

– Думаю, он вас проклинает.

– А… Ну, учитывая обстоятельства, это понятно. И все-таки, – Каррера сильно, со всего размаху пнул Хэнда под ребра; тот вскрикнул и свернулся на песке в позе эмбриона; заклятие оборвалось, – непонятно, зачем нам это слушать. Сержант.

Ломанако шагнул вперед:

– Сэр.

– Ваш нож, будьте добры.

– Есть, сэр.

Надо отдать Каррере должное – он никогда не приказывал своим людям сделать то, чего предпочел бы не делать сам. Взяв у Ломанако вибронож, он включил его и снова пнул Хэнда, перевернув его на живот. Крики Хэнда перешли в кашель, хрип и сипение. Прижав его коленом к песку, Каррера начал резать.

Приглушенный крик Хэнда перешел в визг, когда лезвие вошло в мякоть, и резко оборвался, когда Каррера перерезал позвоночный столб.

– Так-то лучше, – пробормотал командир «Клина».

Он сделал второй надрез в основании черепа – куда ловчее, чем я в офисе промоутера в Лэндфолле, – и выдернул кусок позвоночника. После чего выключил нож, тщательно вытер его об одежду Хэнда и поднялся. Кивнув, вручил Ломанако нож и вырезанный сегмент.

– Спасибо, сержант. Отнесите Хаммаду, передайте, чтобы не потерял. Мы только что заработали премию.

– Есть, сэр, – Ломанако оглядел лица стоявших вокруг. – А… эм-м?

– Ах, да, – Каррера поднял руку. На его лице вдруг проступила усталость. – Это.

Он уронил руку, словно та была ненужным мусором.

Сверху, с погрузочной палубы, раздался хлопок выстрела – приглушенное «бух» и хитиновое шуршание. Подняв голову, я увидел, как на нас летит что-то вроде роя искалеченных нанокоптеров.

Интуиция мгновенно подсказала, что нас ждет, и я принял это со странной отрешенностью. Боевые рефлексы не сработали, наверное, из-за радиационного отравления и тетраметового отходняка. Я успел только посмотреть на Сутьяди. Наши глаза встретились, и его рот дернулся. Он все понял, как и я. Словно на экранах нашего зрения мерцала одна и та же алая надпись.

Игра…

А потом на нас обрушились пауки.

На самом деле никакие это были не пауки, но так казалось со стороны. Выстрел миномета был сделан почти под прямым углом на малой мощности для более компактного рассеяния. Серые ингибиторы размером с кулак упали на песок, покрыв собой окружность примерно в двадцать метров. Ближайшие к нам ударялись о корпус боевой машины, скользили и пытались удержаться, прежде чем свалиться вниз. Они делали это с упорной сосредоточенностью, о которой я позже вспоминал с усмешкой. Остальные плюхались прямо на землю, вздымая фонтанчики бирюзового песка, и тут же спешили выбраться из крохотных кратеров, напомнив мне крохотных самоцветных крабиков из виртуального тропического рая Тани Вардани.

Их были тысячи.

Игра…

Мягкие, как плюшевые игрушки, они падали на наши головы и плечи и прилипали, точно приклеенные.

Они бежали к нам по песку и карабкались по ногам.

Мы стряхивали и сбивали их, но они упорно лезли снова и снова.

Те, кого удавалось сорвать и отбросить, приземлялись, отчаянно болтая конечностями, и тут же спешили обратно, целые и невредимые.

Метко выцелив нервные окончания, они протыкали одежду и кожу тонкими, как нитка, усиками-клыками.

Игра…

Вгрызались.

…окончена.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

У меня было столько же причин испытывать прилив адреналина, как и у всех остальных, но радиация, медленно подтачивавшая функциональность моей оболочки, нарушила выработку боевых стимуляторов. Ингибиторы отреагировали соответственно. По нервам прошел разряд, но настолько легкий, что я почувствовал лишь щекотку и легкое онемение, от которого припал на одно колено.

Маорийские оболочки были в лучшем состоянии, поэтому на них ингибиторы подействовали сильнее. Депре и Сутьяди повалились на песок, будто от выстрела парализатора. Вонгсават сумела сгруппироваться при падении и перекатилась на бок с раскрытыми глазами.

Ошеломленная Таня Вардани осталась стоять.

– Благодарю вас, господа, – крикнул Каррера сидевшим за минометом сержантам. – Отличная кучность.

Дистанционно управляемые нейроингибиторы. Новейшая разработка, предназначенная для поддержания общественного порядка. Всего пару лет назад преодолела барьер колониального эмбарго. В качестве военного советника я видел ее в действии при разгоне толпы в Индиго-сити. А вот испытать на себе довелось впервые.

«Расслабиться, – с ухмылкой сообщил мне жизнерадостный капрал из службы общественного порядка. – Все, что нужно сделать, это расслабиться. Что, само собой, не так-то просто в самый разгар заварухи. А когда на тебя валится эта херня, адреналина выделяется еще больше, а значит, они будут кусать и кусать, могут в конце концов довести до остановки сердца. Чтобы разорвать этот круг, надо, сука, сохранять абсолютный дзен, но знаешь, в чем тут закавыка? Какая-то у активистов в этом сезоне наблюдается нехватка дзен-мастеров».

С кристально-чистым спокойствием посланника я стер все мысли и встал. Облепившие меня паучки слегка зашевелились, но кусаться перестали.

– Охренеть, лейтенант, да они вас с головы до ног покрыли. Нравитесь им, наверно.

Ухмылявшийся Ломанако стоял посредине круга чистого песка, а ингибиторы ползали вдоль внешней кромки поля его жетона. Чуть справа в таком же кольце неприкосновенности подошел Каррера. Оглядевшись, я увидел остальных офицеров «Клина», которые стояли и наблюдали за нами, тоже не привлекая к себе внимания ингибиторов.

Ловко. Охеренно ловко.

За их спинами кривлялся, издеваясь, политофицер Ламонт, тыча в нас пальцем и лопоча.

Ну что ж. Он был в своем праве.

– Да, думаю, вас пора очистить, – сказал Каррера. – Прошу прощения за неожиданный поворот событий, лейтенант Ковач, но это было самым удобным способом арестовать преступника.

Он указал на Сутьяди.

«Вообще-то, Каррера, ты мог всех накачать транквилизаторами в медтенте. Но это недостаточно зрелищно, а когда дело касается преступлений против „Клина“, без драматизма не обойтись, правда же?»

От этой мысли по спине пробежал холодок.

Я тут же справился с собой, прежде чем успел почувствовать страх или ярость, из-за которых оживились бы сидящие на мне

паучки.

Я ограничился устало-лаконичным:

– Что за херь ты несешь, Айзек?

– Этот человек, – Каррера заговорил громче, чтобы его могли слышать все, – похоже, ввел вас в заблуждение, представившись Цзян Цзяньпином. Настоящее его имя – Маркус Сутьяди, и он находится в розыске за преступления против личного состава «Клина».

– Ага, – ухмылка исчезла с лица Ломанако. – Этот говнюк грохнул лейтенанта Вётэна и сержанта из его взвода.

– Вётэна? – я перевел взгляд на Карреру. – Я думал, он где-то под Буткинари.

– Был, – командир «Клина» посмотрел на съежившегося у его ног Сутьяди; на мгновение мне показалось, что он прямо сейчас разрядит в него свой бластер. – Пока этот кусок дерьма сначала не нарушил субординацию, а под конец попросту не уложил Вётэна из его же собственного «санджета». Очень и очень по-настоящему. Не оставив стека. Сержант Брэдуэлл повторила судьбу Вётэна, когда попыталась воспрепятствовать происходящему. А еще этот сукин сын искромсал оболочки двух моих людей, прежде чем его удалось схватить.

– Такое никому не сходит с рук, – угрюмо сказал Ломанако. – Верно я говорю, лейтенант? Ни одному лошку из местных не удастся завалить офицера «Клина» и уйти безнаказанным. Этот гад отправится в анатомайзер.

– Все в самом деле так и было? – для правдоподобности поинтересовался я у Карреры. Встретившись со мной глазами, он кивнул:

– Свидетелей хватало. Расследование было коротким.

Тело Сутьяди у ног Карреры задергалось, словно его втаптывали в песок.

* * *

С помощью метелки-дезактиватора с меня счистили паучков и ссыпали их в контейнер. Каррера снабдил меня жетоном, и, стоило его нацепить, как приближающая волна незанятых ингибиторов тут же отхлынула.

– Теперь, что касается рапорта, – сказал Каррера, жестом приглашая меня подняться на борт «Чандры».

Позади уже вели в баббл-тент моих коллег, спотыкавшихся на ходу при очередном приливе адреналина, который вызывал новые укусы их новых нейротюремщиков. По опустевшей сцене ходили

сержанты – те самые, что стреляли из миномета, – и собирали ползающих по песку паучков, не нашедших себе пристанища.

Уходя, Сутьяди встретился со мной глазами и еле заметно покачал головой.

Он волновался напрасно. Я был в таком состоянии, что еле-еле смог подняться по пандусу линкора, что уж говорить о рукопашной с Каррерой. На остатках тетраметового прихода я двинулся за командиром «Клина» по тесным, заставленным оборудованием коридорам, перебирая руками скобы, поднялся по грав-колодцу и наконец оказался, судя по всему, в личной каюте Карреры.

– Присаживайтесь, лейтенант. Если найдете куда.

В комнате было не повернуться, но при этом царила идеальная чистота. В одном углу под опущенным откидным столом лежала выключенная гравикойка. На столе находились компактная инфокатушка, аккуратная стопка книжных чипов и пузатая статуэтка, как будто в стиле Дома Хань. В другом конце узкого пространства был еще один стол, занятый проекторами. У потолка, под углом, так, чтобы их было видно с кровати, плавали две голограммы. Одна – роскошный вид на Адорасьон с высокой орбиты в свете восходящего солнца, едва показавшегося над оранжево-зеленой кромкой. Вторая – семейный портрет: Каррера и миловидная женщина с оливковой кожей, с властным видом обнимавшая за плечи трех детей разного возраста. Командир «Клина» выглядел достаточно жизнерадостно, но оболочка на голограмме была старше той, которую он носил сейчас.

Я сел рядом с проекторами на металлический стул спартанского вида. Каррера, скрестив на груди руки, оперся о стол.

– Давно не были дома? – поинтересовался я, кивая на голографию, снятую с орбиты.

Его глаза остались прикованными к моему лицу:

– Давненько. Ковач, ты же был в курсе, что Сутьяди числится в розыске у «Клина», так ведь?

– Я до сих пор не в курсе, что это вообще Сутьяди. Хэнд мне его выдал за Цзяна. Почему ты так уверен в обратном?

На его лице чуть было не проступила улыбка:

– Хорошая попытка. Мои небоскребыши снабдили нас генетическими кодами боевых оболочек. Плюс информацией о распределении оболочек из базы данных «Мандрейк». Им прямо-таки не терпелось сообщить мне о том, что на Хэнда работает военный преступник. Полагаю, считали это дополнительным стимулом. Лишним способом заинтересовать меня в сделке.

– Военный преступник, – я с преувеличенным вниманием

оглядел каюту. – Интересный выбор термина. Ну, в смысле, со стороны человека, руководившего Декатурским урегулированием.

– Сутьяди убил моего офицера. Офицера, приказы которого он обязан был исполнять. В соответствии с любой известной мне военной конвенцией это преступление.

– Офицера? Это Вётэна-то? – я сам толком не мог понять, почему спорю, – должно быть, по инерции. – Да ладно. Ты бы сам-то стал исполнять приказы Пса Вётэна?

– К счастью, мне не приходится. Но его взводу приходилось, и каждый из его людей был ему фанатично предан. Вётэн был хорошим солдатом.

– Его не просто так прозвали Псом, Айзек.

– У нас тут не приз…

– …зрительских симпатий, – я сам изобразил улыбку. – Эта фраза начинает устаревать. Вётэн был гнилым ублюдком, и ты это знаешь. Если этот Сутьяди его грохнул, значит, наверное, имел на то весомые основания.

– Наличие оснований не означает правоты, лейтенант Ковач, – в голосе Карреры послышались бархатные ноты, говорившие о том, что я зашел слишком далеко. – Каждый аугментированный сутенер на Пласа-де-лос-Каидос имеет основания изрезать физиономию своим шлюхам, но это не делает их правыми. Джошуа Кемп имеет основания для того, что делает, и, с его точки зрения, они даже могут быть весомыми. Но это не делает его правым.

– Ты поосторожней с такими высказываниями, Айзек. За релятивизм можно и загреметь.

– Сомневаюсь. Ты же видел Ламонта.

– Да видел, видел.

Повисла тишина.

– Итак, – произнес я наконец. – Вы собираетесь отправить Сутьяди в анатомайзер.

– А что, у меня есть выбор?

Я ответил ему взглядом.

– Мы – «Клин», лейтенант. Ты знаешь, что это значит, – он говорил с напором; непонятно только, кого же он старался убедить. – Ты принимал присягу наряду со всеми. Ты знаешь устав. Мы символизируем единство, противостоящее хаосу, и все должны знать об этом. Те, с кем мы имеем дело, должны понимать, что с нами шутки плохи. Нам нужен страх, чтобы оставаться эффективными. А мои солдаты должны понимать, что этот страх – величина абсолютная. Что это не пустые слова. Без этого все развалится.

Я закрыл глаза:

– Как скажешь.

– Я не прошу тебя при этом присутствовать.

– Думаю, там будет такой аншлаг, что мне не найдется места.

Я услышал шорох и открыл глаза. Надо мной, опершись на край стола, склонился Каррера с искаженным от гнева лицом.

– А ну-ка закрой рот, Ковач. И прекрати эти штучки, – если он ожидал столкнуться с сопротивлением, то не увидел его в моем лице; он отступил на полметра и выпрямился. – Я не позволю тебе спустить в сортир карьеру. Ты хороший офицер, лейтенант. Твои люди тебе преданы, и ты отличный командир.

– Спасибо.

– Смейся сколько угодно, но я тебя знаю. Это факт.

– Это *биотех*, Айзек. Стайное поведение, продиктованное волчьим геном, блокировка серотониновых рецепторов и психоз посланника, чтобы рулить всей этой кашей. Мое место в «Клине» может с тем же успехом занимать *пес*. Пес, мать его, Вётэн, например.

– Да, – пожав плечами, он снова сел на край стола. – Вы с Вётэном имеете – имели – сходный психотип. Вот в этом файле у меня анализ психохирурга, если не веришь. Одинаковый градиент по Кеммериху, одинаковый IQ, одинаковая узость обобщенного эмпатического спектра. Неспециалист не смог бы отличить вас друг от друга.

– Ага, только один из нас мертв. Даже неспециалисту это отличие бросится в глаза.

– Ну ладно, значит, дефицит эмпатии у тебя чуть поменьше. Благодаря дипломатической выучке Корпуса, ты бы не стал недооценировать Сутьяди. Ты бы нашел к нему подход.

– То есть преступление Сутьяди в том, что его недооценили? Что ж, веская причина запытать человека до смерти.

Помолчав, Каррера смерил меня взглядом:

– Лейтенант Ковач, похоже, я недостаточно ясно выражаюсь. Казнь Сутьяди – не тема для дискуссии. Он убил моих солдат и завтра на рассвете понесет наказание. Мне может это не нравиться…

– Отрадно видеть такое проявление гуманизма.

Он пропустил мои слова мимо ушей:

– …но это необходимо сделать, и *я это сделаю*. А ты, если сам себе не враг, формально поддержишь мое решение.

– А то что? – это прозвучало не так вызывающе, как мне хотелось, к тому же эффект испортил приступ кашля, из-за которого пришлось скрючиться на узком сиденье стула, давясь кровавой мокротой. Каррера вручил мне салфетку.

– Прости, не расслышал.

– Я спросил, что будет со мной, если я откажусь участвовать в этом шоу вурдалаков?

– Тогда я поставлю личный состав в известность, что ты умышленно пытался укрыть Сутьяди от правосудия «Клина».

Я поискал, куда бы выкинуть использованную салфетку:

– Это обвинение?

– Под столом. Нет, вон там. Рядом с твоей ногой. Ковач, нет никакой разницы, укрывал ты его или нет. Думаю, что, скорее всего, укрывал, но мне в общем-то все равно. Порядок и правосудие – вот что для меня важно. Не спорь – и получишь обратно звание плюс новых людей в командование. Выкинешь какой-нибудь фокус – отправишься следом за Сутьяди.

– Ломанако и Квок это не понравится.

– Не понравится. Но они солдаты «Клина» и в интересах «Клина» сделают так, как им прикажут.

– Вот тебе и преданность.

– Преданность – такая же валюта, как и всякая другая. Сколько заработал, столько и можешь потратить. А сознательное укрывательство убийцы личного состава «Клина» – это больше, чем ты можешь себе позволить. Больше, чем может себе позволить любой из нас.

Он встал. Его вид говорил о том, что игра переходит в эндшпиль. Так он всегда выглядел в финальных раундах спаррингов, исход которых определялся последними минутами. Таким я видел его в Шалайском ущелье, когда ряды правительственных войск дрогнули и отступили, а со штормового неба, точно град, посыпались десантники Кемпа. Момент, после которого уже ничего нельзя переиграть.

– Я не хочу тебя терять, Ковач, и не хочу возмущения солдат, которые были под твоим командованием. Но, как ни крути, «Клин» больше любой боевой единицы «Клина». Мы не можем себе позволить междоусобиц.

Брошенный в Шалае, без огневой поддержки и подкрепления, Каррера два часа удерживал позицию посреди разбомбленных улиц и зданий, после чего началась буря. Используя ее как прикрытие, он перешел в контрнаступление, отслеживая и убивая врагов по одному под покровом опустившихся почти до самой мостовой облаков и под завывания бешеного ветра – до тех пор, пока командиры десантных отрядов не заполонили радиоэфир паническими приказами об отступлении. Когда буря утихла, Шалайское ущелье было усеяно трупами кемпистов, а потери «Клина» составили менее двух дюжин единиц личного состава.

Он снова наклонился вперед. На его лице уже не было гнева. Глаза ощупали мое лицо.

– Достаточно ясно я наконец выражаюсь, лейтенант? Нужна жертва. Нам с тобой это может не нравиться, но такова цена за членство в «Клине».

Я кивнул.

– То есть ты готов закрыть эту тему?

– Я умираю, Айзек. Все, на что я сейчас готов, так это пойти поспать.

– Понимаю. Я тебя надолго не задержу. Итак, – он провел рукой над инфокатушкой, и та ожила; я со вздохом попытался сфокусироваться на изображении. – Группа проникновения провела экстраполяцию траектории «Нагини» по углу ее входа в атмосферу и, проследовав по ней, оказалась чертовски близко к причальному доку, которым воспользовались вы. Ломанако говорит, что никакой очевидной панели управления системой затворов обнаружить не удалось. Каким же образом вы попали внутрь?

– Док был уже открыт, – я не стал врать, он в любом случае допросит в ближайшем будущем остальных. – Вполне может быть, что там и нет никакой системы затворов.

– На военном-то корабле? – он сощурил глаза. – Верится с трудом.

– Айзек, весь корабль окружен пространственным щитом толщиной километра в два. На хер им нужно запирать причальный док?

– Ты это видел?

– Угу. В самом что ни на есть действии.

– Хм-м, – он прикоснулся к инфокатушке, внося какие-то изменения. – Ищейки обнаружили следы человеческого присутствия на корабле километрах в трех-четырех от дока. Но вас нашли в пузыре наблюдения не больше чем в полутора километрах от точки входа.

– Вряд ли это было уж очень сложно. Мы как-никак свой путь пометили иллюминиевыми стрелками нехерового размера.

Он смерил меня тяжелым взглядом:

– Вы делали обход корабля?

– Я не делал, – я покачал головой и тут же пожалел об этом: каюта начала неприятно расплываться перед глазами; пришлось подождать, когда это прекратится. – Кое-кто делал. Я не успел узнать, как далеко им удалось зайти.

– Не похоже, чтобы ваши действия отличались организованностью.

– Они и не отличались, – буркнул я раздраженно. – Я не знаю, Айзек. Попробуй отрастить себе способность удивляться. На звездолете она может пригодиться.

– И, судя по всему, э-э… – он поколебался, и я даже не сразу понял, что он в замешательстве. – Вы там видели… э-э… призраков?

Я пожал плечами, стараясь справиться с безотчетным желанием захихикать:

– Мы увидели нечто. Я до сих пор не знаю, что это было. А что, подслушиваешь разговоры своих гостей, Айзек?

Он улыбнулся и виновато развел руками:

– Перенимаю привычки Ламонта. А поскольку он потерял интерес к слежке, зачем оборудованию простаивать зря, – он опять прикоснулся к инфокатушке. – В медицинском рапорте говорится, что каждый из вас, за исключением тебя и, очевидно, Сунь, получил мощный разряд парализатора.

– Да, Сунь застрелилась. Мы…

Я неожиданно почувствовал, что не смогу ничего объяснить. Все равно что пытаться без посторонней помощи взвалить на спину тяжелый груз. Последние мгновения на марсианском корабле, пронизанные ослепительной болью и ярким сиянием. Уверенность, что инопланетное горе разорвет нас на части. Как пересказать это человеку, который под огнем противника вел тебя к победе в Шалайском ущелье и в десятке других заварух? Как передать обжигающе-ледяную, бриллиантово-ясную реальность тех минут?

Реальность? Внезапно на меня навалилось сомнение.

Так ли? Если уж на то пошло, перенесенные в суровую кровавую реальность Айзека Карреры, *оставались ли* реальными те несколько минут? А были они реальными изначально? Какую часть из того, что я помнил, можно было считать фактами?

Нет, погодите. Фотографическая память посланника…

Правда ли, все было так плохо? Я уставился на инфокатушку, пытаясь мыслить рационально. Я услышал об этом от Хэнда и поверил ему на слово, пребывая в состоянии, близком к паническому. Хэнду-хунгану. Хэнду – религиозному маньяку. С каких пор я стал ему верить?

Почему я поверил ему в тот момент?

Сунь, ухватился я за факт. *Сунь знала. Она поняла, что ее ждет, и предпочла вышибить себе мозги.*

Каррера смотрел на меня странным взглядом.

– Да?

Тебя и Сунь…

– Секундочку, – вдруг понял я. – Ты сказал, за исключением Сунь и *меня*?

– Да. У всех остальных – стандартные признаки электрической нейротравмы. Мощный разряд, как я и сказал.

– Но не у меня.

– Ну да, не у тебя, – его лицо приняло озадаченное выражение. – В тебя не стреляли. А ты считаешь, что стреляли?

* * *

Когда мы закончили, он придавил мозолистой ладонью инфогранулы на дисплее инфокатушки и провел меня обратно по пустым коридорам линкора и лагерю, живущему своей ночной жизнью. Почти всю дорогу мы молчали. Увидев мое замешательство, он дал обратный ход и прекратил доклад. Наверное, не мог поверить, что видит одного из своих ручных посланников в подобном состоянии.

Я и сам с трудом этому верил.

Она в тебя выстрелила. Ты уронил парализатор, она его подняла и выстрелила в тебя, потом в себя. Должна была выстрелить.

Иначе…

Я содрогнулся.

На пустом участке позади «Доблести Энгины Чандры» сооружали эшафот для казни Сутьяди. Передние опоры были уже установлены и глубоко уходили в песок, готовясь принять покатую разделочную платформу с канавками кровостоков. В свете трех ламп Ангьера и внешних прожекторов заднего люка линкора конструкция напоминала торчащий из-под земли выбеленный коготь. Неподалеку лежали части разобранного анатомайзера, похожие на разрубленную на куски осу.

– Фронт смещается, – бытовым тоном сообщил Каррера. – Кемпа потихоньку вытесняют с континента. Воздушных налетов не было уже несколько недель. Он эвакуирует войска через Вакаринские проливы посредством северного флота.

– А он не может закрепиться там на береговой линии? – поинтересовался я на автомате – бледные тени воспоминаний о сотнях былых брифингов перед сотнями былых высадок.

Каррера покачал головой:

– Без вариантов. Пойма реки простирается на сто километров в восточном и южном направлении. Окапываться негде, а оборудования, чтобы строить бункеры на воде, у него нет. А значит, никаких установок долгосрочных помех, никаких орудийных систем с сетевым управлением. Дайте мне полгода, и я выбью его с побережья при помощи амфибий. Еще год, и «Чандра» причалит к Индиго-сити.

– А потом что?

– Не понял.

– Что потом? Когда захватите Индиго-сити, когда Кемп разбомбит, заминирует и разнесет из протонных пушек все мало-мальски ценное и уйдет в горы с компанией отборных бойцов, *что потом*?

– Ну, – Каррера надул щеки. Вопрос, казалось, его искренне удивил. – Как обычно. Стратегия сдерживания на обоих континентах, умеренные полицейские меры и поиск козлов отпущения до тех пор, пока все не уляжется. Но к тому времени…

– К тому времени нас здесь уже не будет, да? – я засунул руки в карманы. – Мы умотаем с этого куска говна куда-нибудь, где люди в состоянии понимать, когда их дело пахнет керосином. Порадуй меня хоть этим.

Он обернулся и подмигнул:

– Дом Хань выглядит перспективно. Внутренняя борьба за власть, сочные дворцовые интриги. Все как тебе нравится.

– Спасибо.

Из баббл-тента доносились тихие голоса. Каррера наклонил голову и прислушался.

– Входи и располагайся, – угрюмо пригласил я, проходя вперед. – Не надо будет бежать обратно к ламонтовым игрушкам.

Три оставшихся члена экспедиции «Мандрейк» сидели вокруг низкого стола у дальней стены медчасти. Охрана Карреры уже вымела с пола большую часть ингибиторов, в соответствии со стандартной практикой оставив на шее каждого заключенного одиночный юнит, сидевший на затылке, будто опухоль. Из-за этого все присутствовавшие выглядели сгорбленными, как заговорщики, застигнутые врасплох во время тайного совещания.

Когда мы вошли, они обернулись, продемонстрировав весь спектр возможных реакций. Депре проявил наибольшую сдержанность; его лицо почти не дрогнуло. Вонгсават встретилась с мной взглядом и вздернула бровь. Вардани, не обращая внимания на меня, уставилась на Карреру и сплюнула на подметенный на скорую руку пол.

– Это, я так полагаю, в мой адрес, – беспечно прокомментировал Каррера.

– Можете разделить на двоих, – предложила археолог. – Вы же, кажется, одна шайка.

Каррера улыбнулся:

– Не советую накручивать себя, госпожа Вардани. Малыш на вашей шее вообще-то кусается.

Она молча качнула головой. Одна ее рука рефлекторно дернулась к ингибитору, затем снова опустилась. Возможно, она уже пыталась его снять. Эту ошибку обычно не повторяют.

Склонившись над плевком, Каррера обмакнул в него палец. Внимательно осмотрев слюну, он поднес ее к носу, затем скорчил гримасу.

– Вам недолго осталось, госпожа Вардани. На вашем месте я был бы полюбезнее с человеком, от которого в некоторой степени зависит, будете ли вы переоблачены или нет.

– Сомневаюсь, что это будете решать вы.

– Ну, – командир «Клина» вытер палец о ближайшую простыню. – Я сказал «в некоторой степени». С другой стороны, это предполагает, что когда вы вернетесь в Лэндфолл, то будете в состоянии, пригодном для переоблачения. Что совсем необязательно.

Вардани повернулась ко мне, встав к Каррере спиной. Изящная демонстрация пренебрежения, вызвавшая мысленные аплодисменты у дипломатической части моей подготовки.

– Это что же, твой катамит пытается мне угрожать?

– Полагаю, пытается донести определенную мысль, – покачал головой я.

– Слишком тонко для меня, – она бросила презрительный взгляд на командира «Клина». – А вы лучше разрядите мне бластер в живот. Вроде бы неплохо работает. Как я понимаю, это ваш излюбленный метод усмирения гражданских лиц.

– Ах, да. Хэнд, – взяв один из расставленных вокруг стола стульев, Каррера перевернул его спинкой вперед и сел. – Что, он был вам другом?

Вардани не ответила.

– Едва ли. Совсем не ваш тип.

– Это не имеет никакого…

– А вы знаете, что именно он несет ответственность за бомбардировку Заубервиля?

Опять повисла пауза. Лицо археолога от неожиданности обмякло, и я вдруг увидел, как сильно подействовала на нее радиация.

Каррера тоже это заметил.

– Да, госпожа Вардани. Кто-то же должен был расчистить дорогу, чтобы ваш поход мог состояться, и Матиас Хэнд поручил это нашему общему другу Джошуа Кемпу. Не напрямую, конечно же. Аккуратно смоделированную дезинформацию не менее аккуратно слили в нужные инфоканалы. Достаточно для того, чтобы убедить нашего героя-революционера в Индиго-сити, что Заубервиль будет лучше смотреться в виде грязного пятна. И что тридцати семи моим ребятам больше не понадобится зрение, – он бросил на меня беглый взгляд. – Ты же, наверное, догадался, да?

Я пожал плечами:

– Казалось наиболее вероятным. Любой другой вариант был бы слишком удобным совпадением.

Глаза Вардани, полные неверия, встретились с моими.

– Вот видите, госпожа Вардани, – Каррера поднялся с таким видом, словно у него болело все тело. – Не сомневаюсь, что вам бы хотелось считать меня чудовищем, но это не так. Я просто выполняю свою работу. Люди, подобные Матиасу Хэнду, *устраивают* войны, сражаться в которых мне приходится в силу своей профессии. Вспомните об этом, когда в следующий раз испытаете потребность меня оскорбить.

Археолог промолчала, но я чувствовал, как ее взгляд обжигает мою щеку. Каррера двинулся к двери, но потом остановился.

– Ах, да, госпожа Вардани, чуть не забыл. Что касается *катамита*, – он опустил глаза к полу, словно раздумывая над словом. – Мои сексуальные предпочтения многие могут счесть довольно ограниченными, и анальное проникновение в число этих предпочтений не входит. Чего, судя по сделанным в лагере записям, нельзя сказать о вас.

Из груди Вардани вырвался звук. В этом звуке я практически различил скрип и треск, который издал выстроенный мной в ее психике реабилитационный каркас. Это был звук надлома. Я рефлекторно вскочил.

– Айзек, ты…

– Ты? – его ухмылка напоминала оскал черепа. – Ты, *щенок*. Ну-ка сидеть.

Это было почти что приказом, и я почти что замер на месте. Подготовка тут же яростно встала на дыбы, прервав оцепенение.

– Ковач… – голос Вардани оборвался, точно лопнувший трос.

Мы с Каррерой метнулись навстречу друг другу. Согнутой рукой я потянулся к его горлу, одновременно пытаясь провести удар ногой, с трудом заставляя ослабленное болезнью тело держать стойку. Крепкое клиновское тело качнулось мне навстречу, и обе атаки были заблокированы с брутальной простотой. Моя нога скользнула по его левому боку, из-за чего я потерял равновесие, руку же он взял в замок у локтя, после чего нанес удар.

Рука издала хруст, отдавшийся у меня в голове, – словно пустой стакан из-под виски, на который кто-то наступил в темном баре. Боль вытеснила из головы все мысли, заставила меня коротко вскрикнуть, после чего отступила, подавленная нейрохимией. Боевая оболочка клиновской модификации – похоже, кое на что она еще была способна. Каррера не ослабил хватки, и я повис на своем предплечье, как выключенная кукла. Я

попытался задействовать неповрежденную руку, чем вызвал у Карреры смех. Он резко выкрутил раздробленный сустав, и боль снова заволокла сознание черным облаком. Он бросил меня на пол и небрежно пнул в живот, после чего я скрючился и замер, утратив интерес ко всему выше уровня его лодыжек.

– Пришлю медиков, – донесся сверху его голос. – А вам, госпожа Вардани, советую держать рот на замке, иначе я отряжу своих людей – из тех, что не страдают от избытка чувствительности, – этот ваш рот кое-чем занять. А заодно живо напомнить значение слова «катамит». Не надо испытывать мое терпение, женщина.

Послышался шорох ткани, и он оказался на корточках рядом со мной. Взяв за нижнюю челюсть, повернул мое лицо вверх.

– Тебе придется очистить организм от всей этой сентиментальщины, если собираешься работать на меня, Ковач. Ну а на тот случай, если не собираешься, – он поднял руку со свернувшимся в клубок ингибитором, – исключительно временная мера. Пока не закончим с Сутьяди. В интересах общей безопасности.

Он перевернул ладонь, и ингибитор упал на пол. Моим органам чувств, притупленным эндорфином, показалось, что падал он долго. Испытывая нечто близкое к восхищению, я смотрел, как паук расправляет в воздухе лапки и приземляется меньше чем в метре от моей головы. Сгруппировывается, пару раз крутится на месте и бежит ко мне. Карабкается по лицу, затем спускается на затылок. Кость словно бы уколол крохотный осколок льда, и я ощутил, как на шее сжимаются лапки-проволочки.

Ну что ж.

– Увидимся, Ковач. Поразмысли на досуге над моими словами.

Каррера поднялся и, судя по всему, вышел. Какое-то время я лежал неподвижно, проверяя на прочность ремни, стягивающие покрывало онемения, в которое меня закутала моя оболочка. Потом ко мне прикоснулись чьи-то руки, помогая занять не очень-то желанное сидячее положение.

– Ковач, – Депре вгляделся в мое лицо. – Ты как, чувак?

Я слабо кашлянул:

– Лучше не бывает.

Он прислонил меня к краю стола. Из-за его спины показалась Вардани:

– Ковач?

– У-у-у-ух, мне очень жаль, Таня, – я осторожно взглянул на нее, проверяя, насколько ей удается сохранять самообладание. –

Надо было тебя предупредить не провоцировать его. Он не Хэнд. Он такое дерьмо терпеть не станет.

– Ковач, – по ее лицу пробегали судороги, возможно, первые трещины в сооруженном на скорую руку реабилитационном каркасе; а может, и нет. – Что они собираются делать с Сутьяди?

Вопрос растаял в воздухе, оставив после себя небольшую лужицу тишины.

– Ритуальная казнь, – сказала Вонгсават. – Так?

Я кивнул.

– Что это значит? – голос Вардани был пугающе спокойным; я подумал, что, возможно, ошибался в своей оценке ее психологического состояния. – Ритуальная казнь. Как это будет?

Я закрыл глаза, воскрешая в памяти кое-что из увиденного за последние два года. Воспоминание как будто вызывало тупую ноющую боль в разбитом локтевом суставе. Когда я почувствовал, что с меня хватит, я снова посмотрел Тане в лицо.

– Это как автохирург, – произнес я медленно. – Перепрограммированный. Он сканирует тело, составляет карту нервной системы. Измеряет стоимость. Потом начинает рендеринг.

Глаза Вардани слегка расширились:

– Рендеринг?

– Разделку. С человека снимают кожу, срезают плоть, дробят кости, – я напряг память. – Освежевывают, выжигают глаза, разбивают зубы и протыкают нервные узлы.

Она слабо взмахнула рукой, словно защищаясь от моих слов.

– Все это время машина поддерживает в нем жизнь. Если он теряет сознание, процесс прекращается. В нужные моменты машина вкалывает стимуляторы. Обеспечивает всем необходимым, за исключением, разумеется, болеутоляющего.

Казалось, к нам присоединился кто-то пятый. Он сидел рядом со мной, ухмылялся и давил на осколки кости в руке. Я сидел в облаке боли, приглушенной биотехом, вспоминая, что происходило с предшественниками Сутьяди, лежавшими на анатомайзере в окружении солдат «Клина», столпившихся вокруг, словно верующие у алтаря богу войны.

– Сколько это продолжается? – спросил Депре.

– По-разному. Бóльшую часть дня, – слова дались мне с трудом. – Все должно закончиться к ночи. Это часть ритуала. Если никто не прекратит процесс раньше, с последними лучами солнца машина рассекает и разнимает на части череп. Этим обычно все завершается, – мне хотелось остановиться, но никто, похоже, не собирался меня останавливать. – Офицеры и сержанты могут поставить на голосование «удар милосердия», но только

ближе к вечеру – даже те, кто хочет, чтобы это закончилось. Они не могут себе позволить выглядеть более мягкотелыми, чем рядовой состав. И даже когда голосование происходит вечером, оно не всегда оканчивается в пользу приговоренного к казни.

– Сутьяди убил командира взвода «Клина», – сказала Вонгсават. – Думаю, голосования не будет.

– Он ослабел, – с надеждой в голосе произнесла Вардани. – Радиационное отравление…

– Нет, – я согнул правую руку, и плечо пронзила стрела боли, пробившись сквозь защиту нейрохимии. – Маорийские оболочки разработаны в расчете на боевые условия и пребывание в токсичной среде. Очень высокая устойчивость.

– Но нейрох…

Я покачал головой:

– Можешь на это не рассчитывать. Машина сразу делает на это поправку, вырубает системы контроля боли первыми, просто выдирает их.

– Тогда он умрет.

– Нет, *не умрет*, – проорал я. – Об этом позаботятся.

Мой выкрик практически положил конец разговору.

Прибыла пара медиков: один из них – тот, кто занимался мной в прошлый раз, вторая – суроволицая женщина, которую я видел впервые. Они осмотрели мою руку с подчеркнуто бесстрастным профессионализмом. Наличие на моей шее ингибитора и то, что это говорило о моем статусе, не вызвало с их стороны комментариев. Разбив осколки кости вокруг поврежденного локтевого сустава с помощью микроультравиба, они ввели био для регенерации в виде длинных, уходящих далеко вглубь мононитей с зелеными ярлычками на концах, выходящих на поверхность кожи, и чипом, который информировал мои костные клетки о том, что им следует делать и, что еще важнее, чтобы, сука, быстро. *Не филонить тут у меня. Плевать, к чему ты там привык в нормальном мире, теперь ты участвуешь в особой военной операции, солдат.*

– Пара дней, – сказал тот, которого я знал, отклеивая эндорфинный дермальник со сгиба моей руки. – Мы зачистили края, так что, если придется пошевелить рукой, окружающие ткани не повредятся. Но боль будет зашибись, и регенерации это мешает, так что постарайтесь этого не делать. Я зафиксирую вам руку, чтобы вы не забывали.

Пара дней. Мне очень повезет, если через пару дней моя оболочка еще не протянет ноги. В памяти всплыло воспоминание о докторше из орбитального госпиталя. «Ох, да к такой-то матери». Вся абсурдность ситуации разом вскипела в моем

сознании и прорвалась наружу ввиду внезапной и неожиданной ухмылки.

– Вот спасибо. Мы же не хотим мешать оздоровительному процессу, правильно?

Он слабо улыбнулся в ответ и сразу же поспешно перевел глаза обратно на руку. Фиксатор плотно сжал ее от бицепса до нижнего предплечья в теплом, успокаивающем и тугом объятии.

– Вы входите в бригаду при анатомайзере? – спросил я.

Он бросил на меня испуганный взгляд:

– Нет. Это в основном сканирование, я этим не занимаюсь.

– Мы уже закончили, Мартин, – резко сказала женщина. – Нам пора.

– Угу.

Но собирался он медленно и неохотно. Я смотрел, как исчезают в его полевой сумке перемотанные клейкой лентой хирургические инструменты и яркие полоски запечатанного дермальника.

– Эй, Мартин, – кивнул я на сумку. – А оставь-ка мне этих розовеньких. Я думал поспать подольше.

– Э-э…

Медичка кашлянула:

– Мартин, нам не…

– Ой, да заткнулась бы ты уже на хрен, – внезапно вспылил он; инстинкт посланника тут же заставил меня протянуть руку к сумке за его спиной. – Ты мне не командир, Зейнеб. Я ему дам, что сочту нужным, и ты, к чертям…

– Все нормально, – негромко сказал я. – Я уже взял.

Оба медика уставились на меня.

Я поднял левой рукой длинную полоску эндорфинных дермальников и натянуто улыбнулся:

– Не волнуйтесь, все сразу не использую.

– Может быть, и стоит, – сказала медичка. – Сэр.

– Зейнеб, сказал же, заткнись, – Мартин торопливо подхватил сумку, прижав ее к груди, будто ребенка. – Вы… э-э… они быстродействующие. Не больше трех за один раз. Этого хватит, чтобы отключиться и не слы… – он сглотнул. – Того, что будет с вами происходить.

– Спасибо.

Они собрали оставшиеся инструменты и ушли. У выхода Зейнеб обернулась, и ее рот искривился. Говорила она слишком тихо, чтобы я мог расслышать. Мартин занес руку, словно хотел отвесить ей подзатыльник, и оба выскользнули наружу. Проводив их взглядом, я перевел глаза на пачку дермальников, зажатую в кулаке.

– Так ты собираешься решить проблему? – холодно вполголоса произнесла Вардани. – Закинуться и забыться?

– Есть идея получше?

Она отвернулась.

– Ну тогда снимай белое пальто и засунь свою праведность куда подальше.

– Мы могли бы…

– Могли бы *что*? На нас ингибиторы, не говоря уже о том, что практически все мы через два дня умрем в результате критического клеточного распада, и, не знаю, как насчет тебя, но у меня болит рука. А, да, еще вся эта каморка напичкана жучками и камерами политофицера, в каюту которого, как я полагаю, Каррера имеет свободный доступ, – я почувствовал легкий укол на шее и, осознав, что гнев начинает брать верх над осторожностью, подавил его. – Я отвоевался, Таня. Завтрашний день мы проведем, слушая, как умирает Сутьяди. Ты можешь в этот день делать, что тебе угодно. Я же собираюсь его проспать.

То, как я бросал ей в лицо эти слова, доставляло мне глубочайшее удовлетворение, похожее на выковыривание шрапнели из своей же собственной раны. Но передо мной все стоял комендант лагеря, подключенный к сети и обмякший на кресле, и зрачок его единственного человеческого глаза, безвольно бьющийся о кромку верхнего века.

«Если лягу, вряд ли уже встану». В ушах снова зазвучал его шепот, похожий на дыхание умирающего. «Так что остаюсь в этом… кресле… Дискомфорт меня будит… время от времени…»

И я задался вопросом, какой дискомфорт смог бы пробудить на данном этапе меня. К какому такому креслу мне бы пристегнуться.

«Я знаю, что где-то есть выход с этого сраного берега».

И я задался вопросом, почему же ладонь моей раненой руки все еще не опустела.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Сутьяди начал кричать вскоре после рассвета.

В первые несколько секунд это были крики бешенства, такие человеческие по своей сути, что это звучало почти обнадеживающе. Но не прошло и минуты, как ничего человеческого в его голосе уже не осталось – лишь неприкрытая животная боль. Поднимаясь над разделочной плитой, звук разносился над берегом, один пронзительный вопль за другим, заполняя собой воздух, словно что-то ощутимое, преследуя

каждого невольного слушателя. Мы ждали этого с ночи, но все равно крик накрыл нас как ударная волна, заставив всех содрогнуться в постелях, где мы лежали свернувшись, даже не пытаясь заснуть. Он не пощадил никого из нас, стиснув в отвратительно-интимном объятии. Он прижал липкие ладони к моему лицу, сдавил грудь, затруднил дыхание, поставил дыбом все волоски на теле и заставил задергаться глаз. Ингибитор на шее проверил на вкус мою нервную систему и заинтересованно пошевелился.

Возьми себя в руки.

Помимо крика, слышался еще один знакомый мне звук. Негромкий рык возбужденных зрителей. «Клин» наблюдает за тем, как вершится правосудие.

Я сел на постели, скрестив ноги, и раскрыл сжатые кулаки. Полоски дермальника упали на одеяло.

В голове словно вспыхнула искра.

Мертвое лицо марсианина встало перед глазами с такой ясностью, словно было изображением на ретинальном дисплее.

…в этом кресле…

…меня будит.

…кружение пятен света и тени…

…погребальная песнь, исполненная инопланетного горя…

Я ощутил…

…лицо марсианина в водовороте ослепительной боли, не мертвое…

…большие нечеловеческие глаза, встретившиеся с моими, в которых застыло выражение чего-то…

Вздрогнув, я очнулся.

Человеческий крик все длился, скручивая в комок нервы, въедаясь в костный мозг. Вардани закрыла лицо руками.

Мне не должно быть так плохо, запротестовала какая-то часть моего сознания. *Мне же не впервой…*

Нечеловеческие глаза. Нечеловеческие крики.

Вонгсават зарыдала.

Я почувствовал, как во мне что-то поднимается, собирается воедино, закручиваясь спиралью, подобно марсианам на корабле… Ингибитор напрягся.

Нет, еще рано.

Самообладание посланника начало бесстрастно и методично гасить человеческие реакции – в точности, когда это было нужно. Я обрадовался этому вмешательству, как любовник, дождавшийся свидания на солнечном пляже в виртуальности Вардани, – кажется, я даже расплылся в приветственной улыбке.

Снаружи на разделочном столе закричал Сутьяди, отрицая

обвинение. Слова с трудом выходили из его рта, точно их тянули клещами.

Взявшись за фиксатор на руке, я медленно сдвинул его к запястью, задев за биометки, на что кость отозвалась резкой болью.

Вопль Сутьяди, словно осколок стекла, резанул по хрящам и сухожилиям. Ингибитор…

Ледяное спокойствие. Лед.

Фиксатор повис на запястье. Я взялся за язычок первой бионити.

Вполне возможно, кто-то наблюдал за мной из каюты Ламонта, но вряд ли. В этот момент у всех хватало дел. И кроме того, зачем вести наблюдение за задержанными с ингибиторами на позвоночниках? Какой смысл? Доверься машине и займись чем-нибудь поинтереснее.

Вопль Сутьяди.

Я ухватился за ярлычок и потянул, сначала слабо, потом все сильнее.

Ты этого не делаешь, напомнил я себе. *Ты просто сидишь себе, слушаешь, как умирает человек, и за прошедшие пару лет это происходило с тобой так часто, что уже не способно волновать. Ничего особенного*. Системы посланников наводили морок на эндокринные железы, оборачивали в пленку холодной отстраненности. Я верил в то, что говорил себе, на уровне, глубже рассудочного. Ингибитор на шее дернулся и опять успокоился.

Бионить оторвалась, и я вытянул ее из руки.

Слишком короткая.

Еб…

Лед.

Вопль Сутьяди.

Я взялся за следующий ярлычок и подвигал его туда-сюда. Почувствовал, как нить рассекает ткань под кожей по прямой, доходя до кости, и понял, что и эта слишком короткая.

Подняв голову, я наткнулся на взгляд Депре. Его рот вопросительно округлился. Я рассеянно улыбнулся в ответ и взялся за следующий ярлычок.

Вопль Сутьяди.

Четвертая нить оказалась тем, что надо, – я почувствовал, как она режет мясо по длинной кривой, идущей через локоть и вокруг. Единственный эндорфинный дермальник, который я использовал чуть раньше, сократил боль до легкого неудобства, но напряжение все равно пробегало по телу электрическими разрядами. Я заново схватился за ложь посланника о том, что *не происходит абсолютно ничего особенного*, и с силой потянул.

Нить вышла с усилием, как стебель бурой водоросли из мокрого песка, оставив борозду в предплечье. На лицо брызнула кровь.

Вопль Сутьяди. Он становился то пронзительнее, то глуше, проигрывая всю гамму отчаяния и неверия из-за того, что с ним делала машина, из-за того, что происходило с его жилистым, мускулистым телом.

– Ковач, что за херню ты…

Я метнул на Вардани взгляд и ткнул пальцем назад, указывая на шею. Археолог умолкла. Я аккуратно намотал нить на левую ладонь и завязал узлом вокруг ярлычка. Затем, не давая себе времени задуматься, растопырил пальцы, ловко и быстро затянув петлю.

Ничего особенного не происходит.

Нить прорезала ладонь, прошла сквозь мясо, как сквозь воду, и уперлась в интерфейсную пластину. Слабая боль. Из невидимого разреза выступила узкая полоска крови и растеклась по всей ладони. Я услышал, как у Вардани перехватило дыхание, и она тут же коротко взвизгнула от укуса ингибитора.

А здесь ничего, сообщили нервы ингибитору на моей собственной шее. *Тут ничего не происходит.*

Вопль Сутьяди.

Я развязал узел и вытащил нить, затем широко раскрыл рассеченную ладонь. Края раны разошлись. Я вставил в разрез большой палец и…

НИЧЕГО не происходит. Абсолютно ничего.

…провернул его, разрывая ткани.

Тут уж не мог помочь никакой эндорфин. Боль я испытал, но добился чего хотел. Из-под развороченного слоя мышц и жировой ткани показалась яркая белая поверхность интерфейсной пластины, покрытая каплями крови и мелкими шрамами микросхем. Я еще шире развел края раны, чтобы обнажить пластину целиком. После чего завел руку за голову – так, чтобы это движение было столь же непроизвольным, как смачный зевок, – и накрыл ингибитор разодранной ладонью.

И сжал кулак.

На какое-то мгновение мне показалось, что удача оставила меня. Удача, которая позволила удалить бионить, не повредив крупных сосудов, и добраться до интерфейсной пластины, не перерезав какой-нибудь важной связки. Удача, благодаря которой за экранами в каюте Ламонта не сидел наблюдатель. Удача, которая рано или поздно должна была закончиться, и, когда под скользкой от крови ладонью ингибитор шевельнулся, я почувствовал, как начал рушиться шаткий каркас самообладания

посланника.

Сука.

Интерфейсная пластина – *привязанная к пользователю, враждебная по отношению к любым находящимся в прямом контакте микросхемам, не имеющим нужного кода*, – дернулась в разодранной руке, и что-то за моей головой коротнуло.

Издав короткий электронный писк, ингибитор сдох.

Я крякнул, затем раненой рукой начал разжимать паучий захват, позволив стону боли прорваться сквозь стиснутые зубы. Начиналась реакция. В конечностях возникла легкая дрожь, раны стали онемевать.

– Вонгсават, – произнес я, отдирая ингибитор. – Могу я тебя попросить выйти наружу и разыскать Тони Ломанако?

– Кого?

– Сержанта, который приходил за нами прошлым вечером, – необходимости подавлять эмоции больше не было, но системы посланника тем не менее продолжали это делать; даже когда невыносимая боль Сутьяди начинала скручивать и терзать нервы, обретенное нечеловечески безграничное терпение помогало сохранять душевное равновесие. – Его имя Ломанако. Скорее всего, он у разделочной плиты. Скажи ему, что мне нужно с ним поговорить. Нет, погоди. Лучше просто скажи, что он мне нужен. Буквально эти слова. Не говори зачем. Просто скажи, что он срочно мне нужен. Это заставит его прийти.

Вонгсават посмотрела на сомкнутые полы баббл-тента. Они почти не заглушали душераздирающих воплей Сутьяди.

– Наружу, – повторила она.

– Да. Прости, – мне наконец удалось отцепить ингибитор. – Я бы пошел сам, но это будет менее убедительно. И на тебе еще сидит эта штука.

Я осмотрел корпус ингибитора. Извне никаких признаков внутренних повреждений, нанесенных защитными системами пластин, видно не было, но сам юнит неподвижно застыл, судорожно сжав щупальца.

Пилот с трудом поднялась:

– Хорошо. Иду.

– И, Вонгсават…

– Да?

– Поосторожней там, – я поднял руку с дохлым ингибитором. – Постарайся не нервничать.

Похоже, на моем лице снова появилась улыбка. Какое-то время Вонгсават молча смотрела на меня, затем вышла. В помещение ворвались крики Сутьяди, после чего пола баббл-тента снова опустилась.

Я сосредоточился на разложенных передо мной медикаментах.

* * *

Ломанако не заставил себя ждать. Он нырнул в баббл-тент, опередив Вонгсават, – крик Сутьяди снова на мгновение стал громче, – и подошел к центральному ряду кроватей, на одной из которых лежал, содрогаясь от озноба, я.

– Извиняюсь за шум, – сказал он, наклоняясь и осторожно прикасаясь к моему плечу. – Лейтенант, как…

Я нанес удар снизу вверх по его незащищенному горлу.

Пять дермальников с тетраметом из тех, что я украл прошлым вечером, располагались непосредственно над моими основными кровеносными сосудами. Если бы я был в неподготовленной оболочке, то уже бился бы в предсмертных судорогах. Если бы моя собственная подготовка была чуть слабее, я бы уже бился в предсмертных судорогах.

Я не решился ввести себе дозу меньше.

Удар перешиб трахею, разорвав ее пополам. На руку мне хлынула теплая кровь. Ломанако попятился. Желваки ходили, взгляд казался детским из-за удивления и обиды. Вскочив с койки, я прыгнул на него…

…мой внутренний волк горестно завыл от такого предательства…

…и закончил начатое.

Он упал на спину и остался лежать без движения.

Я переступил через труп, чувствуя, как пульсирует в висках тетрамет. Ноги подгибались. Одна сторона лица задергалась в нервном тике.

Крики Сутьяди снаружи достигли новой зловеще-пронзительной высоты.

– Снимите с него экзокостюм, – сказал я резко.

Ответа не последовало. Оглядевшись, я обнаружил, что разговариваю сам с собой. Парализованные Депре и Вардани бессильно лежали на койках. Вонгсават пыталась подняться, но ноги ее не слушались. Слишком сильные чувства – ингибиторы распробовали их в крови и отреагировали соответствующим образом.

– Твою ж мать.

Я обошел их всех, сжимая пауков искалеченной рукой и отдирая, когда их замыкало. Из-за тетраметовой бури, бушевавшей в организме, деликатное обращение было практически невозможным. Депре и Вардани охнули от боли, когда их ингибиторы приказали долго жить. С Вонгсават все

прошло сложнее. Под моей раскрытой ладонью вспыхнули искры, опалившие кожу. Пилота вырвало желчью, она забилась в конвульсиях. Присев на корточки, я вложил в ее рот пальцы, прижав язык, и подождал, когда пройдет спазм.

– Ты в…

Я запнулся из-за вопля Сутьяди.

– …порядке?

Она слабо кивнула.

– Тогда помоги мне снять его экзокостюм. У нас не так много времени, Ломанако скоро хватятся.

На Ломанако был свой интерфейсный пистолет, бластер стандартного образца и вибронож, который он одалживал вчера Каррере. Я срезал с тела Тони одежду и занялся экзокостюмом. Костюм был армейской модификации – он должен был выключаться и сниматься в полевых условиях. Мне хватило пятнадцати секунд и помощи плохо стоящей на ногах Вонгсават, чтобы вырубить спинной, ручной и ножной приводы и отстегнуть каркас. Труп лежал, зияя раной на горле, раскинув руки и ноги, в окружении торчащих вверх экзоребер из гибкосплавного волокна, вызвав у меня ассоциации с тушами боттлбэков на пляже Хирата, разделанными и наполовину искромсанными на заготовки для барбекю.

– Помоги мне его перека…

За спиной кого-то вырвало. Глянув через плечо, я увидел поднимающегося на ноги Депре. Поморгав, он наконец смог сфокусировать взгляд на мне.

– Ковач. Ты… – его глаза остановились на Ломанако. – Вот и отлично. Не хочешь для разнообразия поделиться планами?

Я еще раз толкнул труп Ломанако и выкатил его из раскрытого экзокостюма.

– Планы несложные, Люк. Я иду убивать Сутьяди и всех остальных, кто там находится. Пока я буду этим заниматься, тебе надо будет пробраться на борт «Чандры» и отыскать членов экипажа и тех, кто не захотел присутствовать на казни по идеологическим соображениям. Там наверняка найдутся и те и другие. На вот, возьми, – я ногой отправил в его сторону бластер. – Еще что-нибудь нужно?

Он обалдело помотал головой:

– Нож дашь? И фармы бы. Где там у тебя этот сучий тетрамет?

– На моей койке. Под одеялом.

Разложив костюм и не утруждая себя раздеванием, я начал скреплять детали каркаса на груди и животе. Не идеальный вариант, но времени в обрез. Должно прокатить – оболочка

Ломанако была крупнее моей, и, кроме того, проводящие прокладки сервоусилителей могут худо-бедно функционировать через слой одежды.

– Пойдем вместе – думаю, прежде чем начинать, нам стоит рискнуть и забежать в полисплав-блок.

– Я иду с вами, – угрюмо сказала Вонгсават.

– Ни хера подобного, – я закончил с торсом и занялся руками. – Ты мне нужна целая и невредимая; из нас только ты умеешь управлять линкором. Не спорь, это для нас единственный способ выбраться отсюда. Твоя задача – оставаться здесь и оставаться в живых. Помоги-ка мне с ногами.

Крики Сутьяди перешли в полубессознательные стоны. По моей спине пробежали тревожные мурашки. Если машина сочтет, что пора прерваться и дать жертве время восстановить силы, зрители в задних рядах могут воспользоваться этим, чтобы устроить перекур. Я врубил двигатели, не дожидаясь, пока Вонгсават закончит застегивать последнюю соединительную планку на лодыжке, и скорее почувствовал, чем услышал, как зарокотали сервоприводы. Я согнул руки – необдуманно потревоженный сломанный локоть отозвался болью, запульсировала изрезанная ладонь – и ощутил мощь.

Госпитальные экзокостюмы разработаны и запрограммированы на имитацию нормальной человеческой силы и амплитуды движений и одновременно на защиту поврежденных участков и снятие лишней нагрузки со всех участков тела, которые проходят реабилитационный процесс. В большинстве случаев эти параметры жестко прошиты, чтобы разное мудачье не пыталось снять ограничения, выставленные для их же собственного блага.

Армейские модификации устроены иначе.

Я напряг корпус, и костюм поставил меня на ноги. Я мысленно представил удар ногой в область паха, и костюм исполнил его со скоростью и мощью, которых хватило бы, чтобы оставить вмятину на стальной пластине. Длинный обратный удар кулаком левой руки. Костюм провел его не хуже нейрохимии. Я поприседал и подвигал конечностями, понял, что сервоприводы по первому требованию поднимут меня на пять метров. С машинной точностью подобрал левой рукой интерфейсник Ломанако. Пистолет распознал коды «Клина» в моей неповрежденной ладони, и на дисплее замерцали цифры. Красный огонек загрузки и характерное покалывание в ладони подсказали тип боекомплекта. Боезапас вакуум-коммандо. Оболочечные пули, плазменные сердечники, взрыватели с малым замедлением. Фугасные патроны.

Машина снаружи каким-то образом заставила Сутьяди возобновить крики. Его голос стал хриплым и начинал срываться. К крикам присоединился низкий гул. Аудитория выражала восторг.

– Бери нож, – сказал я Депре.

ГЛАВА СОРОКОВАЯ

Денек выдался чудесный.

Было тепло. Корпус линкора сверкал на солнце. С моря задувал легкий бриз, встрепывая водную поверхность барашками. Безмятежно синее небо равнодушно внимало крикам Сутьяди.

Повернув голову в сторону берега, я увидел, что вокруг анатомайзера расставлены металлические скамейки. Над головами зрителей виднелась лишь самая верхушка машины. Нейрохимия увеличила изображение – напряженные шеи и плечи зачарованных зрелищем людей, а затем неожиданно промелькнувший в воздухе тонкий, как пленка, окровавленный лоскут, сорванный клещами с тела Сутьяди и подхваченный ветром. Тут же раздался новый пронзительный вопль. Я отвернулся.

Джимми де Сото надрывался от крика и пытался выцарапать себе глаза, но ты перевязал его и вынес из-под огня. Давай, ты можешь.

Функциональность!

– Полисплав-блок, – пробормотал я Депре, и мы зашагали к дальнему концу «Доблести Энгины Чандры» настолько быстро, насколько это было возможно без того, чтобы обратить на себя внимание, оказавшись в поле улучшенного зрения какого-нибудь опытного бойца. Это целое искусство, которому учат в спецвойсках, – неглубокое дыхание, плавность движений. Минимизировать все признаки, которые делают тебя заметным. Всего полминуты на открытом пространстве – и мы исчезли из виду за выпуклым боком «Чандры».

У полисплав-блока мы натолкнулись на опершегося о стену молодого бойца «Клина», который выблевывал все кишки. Когда мы вышли из-за угла, он поднял голову. Его покрывали капли испарины, а лицо страдальчески исказилось.

Депре убил его ножом.

Я толкнул ногой дверь со всей силой, которую давал костюм, и ввалился внутрь, напрягая зрение и пытаясь рассмотреть помещение, в котором царил неожиданный полумрак.

У одной из стен стоял аккуратный ряд шкафчиков. На

угловом столе лежал целый ассортимент шлемовых рам. На полках красовались обувные пластины и дыхательные аппараты. Дверь, ведущая в душевой отсек, была открыта. Сержант с сердитым осунувшимся лицом, сидящая за другим столом за инфокатушкой, обернулась, когда мы вошли.

– Е-мое, ну я же уже сказала Артоле, что не… – она увидела экзокостюм и поднялась с места, вглядываясь. – Ломанако? А ты что тут…

Нож рассек воздух, словно вылетевшая из-за моего плеча темная птица. Он вонзился сержанту в шею чуть выше ключицы. Девушка содрогнулась, сделала неуверенный шаг в моем направлении, все еще продолжая вглядываться, затем обрушилась на пол.

Обогнув меня, Депре опустился на колени рядом с телом, проверяя результат своей работы, после чего убрал нож. По отточенным движениям Люка невозможно было догадаться, в каком на самом деле состоянии находятся клетки его истерзанного радиацией тела.

Он встал и заметил, что я на него смотрю.

– Что не так?

Я кивнул на свежий труп:

– Для умирающего человека ты неплохо выступаешь, Люк.

Он пожал плечами:

– Тетрамет. Маорийская оболочка. Бывали у меня условия и похуже.

Я бросил интерфейсник на стол, взял пару шлемовых рам и перебросил одну Депре:

– Доводилось это делать раньше?

– Нет. Я не по части космоса.

– Ладно. Надевай. Держи за края, чтобы не заляпать визор, – с тетраметовой скоростью я сдернул с полки обувные пластины и дыхательные аппараты. – Воздуховод продень вот сюда. Стропы баллона через грудь.

– Нам не ну…

– Я знаю, но так быстрее. И потом, ты сможешь закрыть лицо визором. Что может спасти тебе жизнь. Теперь наступи на обувные пластины, они закрепятся сами. Так, теперь осталось только ее включить.

Душевые системы были вмонтированы в стену рядом с дверью. Я включил одну, кивнул Депре, приглашая следовать за мной, и шагнул в кабину. Дверь затворилась за нами, и в нос мне ударил густой едкий запах начавшего поступать полисплава. В скудно освещенной кабине замигали огни индикаторов. Оранжевые отблески заплясали на дюжинах извилистых струй

полисплава, льющегося из душевых леек и растекающегося по наклонному полу, словно нефть.

Я шагнул в лужу этой нефти.

Когда делаешь это впервые, не можешь избавиться от жутковатого чувства, будто тебя заживо хоронят в грязи. Тонкий слой полисплава быстро нарастает, превращаясь в скользкую жижу. Сначала она скапливается на решетке шлемовой рамы, затем стекает вниз, облепляя голову и обжигая горло и ноздри, несмотря на все усилия задержать дыхание. Молекулярное отталкивание защищает от полисплава визор, но остальные части шлема он полностью покрывает за двадцать секунд. На то, чтобы покрыть тело от шеи до обувных пластин, уходит вдвое меньше. Хорошо бы уберечь от него открытые раны и участки с содранной кожей – пока он не застынет, будет жечь.

Ох ё-ё-ё…

Полисплав воздухо– и водонепроницаем, абсолютно герметичен и остановит высокоскоростную пулю не хуже, чем броня линкора. А на дальней дистанции отразит даже огонь «санджета».

Я вышел из-под душа и сквозь слой полисплава нащупал панель управления дыхательным аппаратом. Ткнул пальцем в кнопку подачи воздуха. Воздух зашипел под подбородком, заполняя и надувая костюм. Я выключил подачу и нажал подбородком на кнопку подъема лицевой пластины. Она бесшумно открылась.

– Теперь ты. Не забудь задержать дыхание.

Где-то снаружи продолжал надрываться Сутьяди. Тетрамет щекотнул мои нервы. Я практически вытащил Депре из-под душа, ткнул в кнопку воздухоподачи и подождал, пока его костюм наполнится.

– Так, это все, – я прикрутил подачу до стандартной. – Лицевой пластины не поднимай. Если кто-нибудь спросит, подай такой знак. Нет, загни большой палец. Это значит, что костюм вышел из строя. Даст тебе время подобраться поближе. После моего ухода выжди три минуты, потом выдвигайся. И держись подальше от кормы.

Голова в шлеме тяжело кивнула. Лицо Депре было скрыто затемненной лицевой пластиной. После секундного колебания я хлопнул его по плечу:

– Постарайся выжить, Люк.

Я опустил щиток. После чего я отдался на волю тетрамета, подхватил по пути через раздевалку интерфейсник, а потом наркотик вынес меня наружу, навстречу крикам.

Одна из моих трех минут ушла на то, чтобы обойти по

широкой дуге полисплав-блок, а затем медчасть. Занятая позиция открывала вид на портал и скромный караул, выставленный возле него Каррерой. Тот же состав, что и вчера: пятеро часовых, двое из них в костюмах, и один жук со включенным двигателем. Одна фигура в костюме, сидевшая скрестив ноги и слегка ссутулившись, показалась мне похожей на Квок. Что ж, она никогда не была большой любительницей сеансов анатомайзера. Другую фигуру я опознать не смог.

Техника. Мобильная ультравиб-пушка и еще парочка автоматических орудий, но все это было нацелено в другую сторону, на черный зев портала. Я выдохнул и двинулся вперед.

Они заметили меня, когда между нами оставалось двадцать метров, – я не прятался. Бодро взмахнув над головой интерфейсником, я жестом показал, что костюм неисправен. Рваная рана на правой ладони заныла.

Когда дистанция сократилась до пятнадцати метров, они уже поняли, что что-то не так. Я увидел, как напряглась Квок, и разыграл последнюю оставшуюся карту. Когда между нами оставалось двенадцать метров, я нажал кнопку, и лицевая пластина откинулась вверх. При виде меня лицо Квок сперва застыло от изумления, затем на нем проступило выражение одновременно радости, смятения и озабоченности. Она расплела ноги и поднялась.

– Лейтенант?

Ее я застрелил первой. Выстрелил на бегу в лицо под открытой пластиной. Плазменный взрыв разнес шлем на куски.

…волчья верность, сдавившая горло, острие, резанувшее по живому…

Вторая фигура уже двигалась мне навстречу. Один прыжок, усиленный экзокостюмом, удар ногой на лету – и караульный впечатался в корпус жука. Его отбросило обратно. Я схватил руку, которой он пытался захлопнуть лицевую пластину, сдавил запястье и выстрелил в распяленный криком рот.

Что-то врезалось мне в грудь, опрокинув на спину. Один из тех, кто был без костюма, приближался, наставив на меня пистолет. Интерфейсник вздернул мою руку чуть вверх, и я отстрелил нападавшему ноги. Наконец-то вопль, способный посоперничать с криками Сутьяди. Время истекало. Я опустил лицевую пластину и поджал ноги. Экзокостюм рывком перевел меня обратно в вертикальное положение. Выстрел «санджета» взметнул песок в месте, где я только что лежал. Я нашел взглядом стрелявшего и выстрелил в ответ. Обладателя «санджета» развернуло вокруг собственной оси. Сдетонировала пуля, разлетелись красные от крови фрагменты позвоночника.

Последний попытался схватиться со мной врукопашную. Заблокировав мою руку с оружием, ногой он нанес удар по коленному суставу. Это бы сработало, если бы на мне не было брони, но он проявил невнимательность. Его нога отскочила от экзокостюма, и он потерял равновесие. Я изогнулся и ударил ногой с разворота, вложив всю силу, которую давал костюм.

Удар переломил его спину.

Что-то звякнуло о бок жука. Я поднял голову и увидел, что из импровизированного амфитеатра выливается поток бойцов с оружием на изготовку. Я рефлекторно стрельнул в ответ, после чего напряг затуманенные тетраметом умственные способности и взгромоздился на жук.

Хлопнул по приборной панели, пробуждая системы. Под козырьком бронированного торпедо вспыхнули огни и побежали столбцы данных. Я включил двигатель, поднялся в воздух, развернув машину лицом к наступавшим клиновцам, выбрал тип орудия и…

…уоуу, уоуу, УОУУУ…

…одновременно с залпом пусковых установок на моем лице появилась полуулыбка-полуоскал.

Взрывчатка мало на что годится в вакуумных сражениях. Взрывная волна слабая, а выделяемая энергия быстро рассеивается. Против бойцов в костюмах использовать обычную взрывчатку практически бессмысленно, что же касается ядерной – ну, оно как бы не очень подходит для ближнего боя. Тут определенно требуется оружие поумнее.

Над головами солдат зарыскала пара кассет «умной» шрапнели. Локатор с микросекундной точностью вносил коррекции в траекторию движения, готовясь сбросить заряды так, чтобы органические повреждения были максимальными. Сквозь еле различимую дымку реактивной струи, которую УЗ моей лицевой пластины окрасило в бледно-розовый цвет, я видел, как разрывались заряды, проливаясь вниз градом мономолекулярных осколков, перемешанных с более крупными, размером с человеческий зуб, острыми как бритва фрагментами, которые собирались вонзиться в органическую материю и разорваться внутри.

Это было то самое оружие, которое уничтожило на моих глазах 391-й взвод два месяца назад. Оставило Квок без глаз, Эдди Мунхарто без рук и ног, а меня без плеча.

Два месяца? Почему мне кажется, что прошла целая жизнь?

Солдаты, находившиеся в непосредственной близости от взрывов, буквально растворились в урагане металлических осколков. Нейрохимия позволила увидеть все – как мужчины и

женщины превращаются в изрешеченные трупы, залитые кровью, бьющей из тысячи входных и выходных отверстий, а потом – в мелкую взвесь перемолотой плоти. Тех, что стояли дальше, просто покромсало на куски произвольного размера.

Кассеты весело запрыгали над толпой, приземлились на ряды скамеек, расставленных вокруг анатомайзера, и сдетонировали. Вся конструкция на какое-то мгновение взлетела вверх, после чего ее поглотило пламя. Отблеск взрыва окрасил оранжевым корпус «Доблести Энгины Чандры», а на прибрежный песок и водную поверхность обрушился дождь обломков. Взрывная волна прокатилась по берегу, потревожив гравитационное поле жука, так что тот закачался из стороны в сторону.

Тут я понял, что на мои глаза навернулись слезы.

Я повел жук над залитым кровью песком, привстав на сиденье и выискивая уцелевших. В тишине, пришедшей на смену взрывам, рокот гравитационного двигателя казался до нелепого негромким и щекотал слух, как перышко. Тетрамет переливался на краю зрения и дрожал в связках.

На полпути к эпицентру взрыва я заметил пару раненых клиновцев, прятавшихся между двумя баббл-тентами. Я подлетел к ним. Одна из них была уже мало на что способна, заходилась в кровавом кашле, но ее товарищ при моем приближении сел. Шрапнель сорвала ему лицо и ослепила. Ближайшая ко мне рука превратилась в обрубок, из плеча торчали обломки кости.

– Что… – жалобно начал он.

Оболочечная пуля из пистолета опрокинула его на спину. Девушка, что лежала сбоку, адресовала мне замысловатое проклятие, которого мне еще ни разу не приходилось слышать, после чего умерла, захлебнувшись собственной кровью. Какое-то время я удерживал жук над ее телом, не опуская пистолета. Со стороны линкора раздался глухой стук. Я развернул жук и стал изучать участок берега рядом с импровизированным погребальным костром Сутьяди. У кромки воды я заметил движение. Еще один солдат, почти невредимый – должно быть, забрался под линкор и пересидел взрыв. Ветровое стекло жука закрывало мою руку с интерфейсником. Все, что видел солдат, – это костюм из полисплава и клиновское транспортное средство. Он поднялся, ошалело мотая головой. Из его ушей сочилась кровь.

– Кто? – повторял он снова и снова. – Кто?

Он зашагал по мелководью, потрясенно озираясь по сторонам, затем снова взглянул на меня. Я поднял лицевую пластину.

– Лейтенант Ковач? – из-за глухоты, которой наградила его

контузия, он почти кричал. – Кто это сделал?

– Мы, – ответил я, зная, что он меня не услышит.

Его непонимающий взгляд был прикован к моим губам.

Я поднял интерфейсник. Выстрел на мгновение впечатал его в бок «Чандры», потом сдетонировавшая пуля отбросила его обратно. Он упал в воду. Тело окутали густые клубы крови.

Движение со стороны «Чандры».

Крутанувшись на сиденье, я увидел, как по переднему трапу, спотыкаясь, сходит фигура в костюме из полисплава. Сделав несколько шагов, она упала. Экзокостюм прыжком перенес меня через ветровое стекло, и я оказался в воде. Гироскопы не дали упасть. Дюжина шагов – и я склонился над распростертым на земле человеком. На его животе виднелось обугленное отверстие от выстрела «санджета». Рана была обширной.

Лицевая пластина открылась, под ней оказалось лицо Депре. Он с трудом хватал ртом воздух.

– Каррера, – с усилием прохрипел он. – Передний люк.

Я рванулся с места, едва дослушав, но в глубине души знал: я опоздал.

Передний люк был сорван по сигналу экстренной эвакуации. Он лежал в кратере, наполовину засыпанный песком, куда его отбросил взрыв пироболтов. Сбоку виднелись отпечатки подошв. Цепочка следов вела к полисплав-блоку.

«Чтоб тебя, Айзек, сраный ты упертый сукин сын».

Я ворвался в душевую, держа наготове «калашников». Пусто. Ни единой гребаной живой души. Раздевалка в том же состоянии, что я ее оставил. Труп женщины-сержанта, разбросанное оборудование, тусклый свет. За открытой дверью душевого отсека все еще слышался шум льющегося полисплава. В нос ударил резкий запах.

Я нырнул внутрь, проверил углы. Пусто.

Твою мать.

Да, в общем, неудивительно. Я рассеянно закрутил вентиль душа. *А ты думал, его будет легко убить?*

Я вышел наружу и отправился искать остальных, чтобы сообщить им радостную новость.

* * *

За время моего отсутствия умер Депре.

Когда я вернулся, он уже перестал дышать и лежал, скучливо глядя на небо. Крови не было – на близкой дистанции «санджет» идеально прижигает рану, а в этом случае было похоже, что

Каррера выстрелил в упор.

Вонгсават и Вардани обнаружили труп раньше меня. Они стояли на коленях по обе стороны от тела. Вонгсават сжимала в руке подобранный где-то бластер, но было видно, что ей сейчас не до стрельбы. Она едва подняла голову, когда на нее упала моя тень. Я бегло коснулся рукой ее плеча и опустился на корточки перед археологом.

– Таня.

По моему голосу она сразу поняла, что дело неладно.

– Что на этот раз?

– Закрыть портал гораздо проще, чем открыть, верно?

– Верно, – она помолчала и подняла голову, всматриваясь мне в лицо. – Запуск процедуры не требует кодирования, да. Откуда ты знаешь?

Я пожал плечами, внутренне и сам удивляясь своему вопросу. Обычно интуиция посланников действует иначе.

– По общей логике, наверное. Вскрыть замок всегда сложнее, чем потом захлопнуть дверь.

Ее голос стал тише:

– Да.

– Эта процедура. Сколько на нее уйдет?

– Я… блин, Ковач. Не знаю. Пара часов. А что?

– Каррера жив.

Она издала короткий смешок:

– Что?

– Видишь эту дырув теле Люка? – тетрамет тек по венам, будто электроток, подпитывая нарастающий в груди гнев. – Это сделал Каррера. Потом выпрыгнул из двери переднего аварийного выхода, облил себя полисплавом и теперь находится по другую сторону портала. Я ясно излагаю?

– Ну и почему бы его там не оставить?

– Потому что если его там оставить, – я заставил себя слегка понизить голос и постарался обуздать тетраметовую волну, – то он подплывет к порталу, когда ты будешь его закрывать, и убьет тебя. И всех нас. И мы не знаем, какое оружие оставил Ломанако на борту корабля, так что Каррера может вернуться с тактической ядерной боеголовкой. Причем *очень* скоро.

– Тогда бы почему нам не свалить к хренам, и немедленно? – спросила Вонгсават, ткнув рукой в сторону «Доблести Энгины Чандры». – На этой штуке я за пару минут доставлю нас в другое полушарие. Да черт, за пару месяцев я, наверное, за пределы системы нас смогу вывезти.

Я повернул голову к Тане Вардани, ожидая, что та скажет. Ответила она не сразу, но наконец покачала головой.

– Нет. Надо закрыть портал.

Вонгсават вскинула руки:

– Да какого хера? Кого волнует…

– Хватит, Амели, – я поднялся. – Сомневаюсь, что ты пробилась бы через охранные блоки «Клина» меньше чем за день. Даже с моей помощью. Боюсь, нам не стоит искать легких путей.

А кроме того, у меня будет шанс убить человека, от чьей руки умер Депре.

Не знаю, говорил ли во мне тетрамет или память о распитой на двоих бутылке виски на палубе траулера, который теперь лежал на морском дне, разнесенный на куски взрывом. Никакой особенной разницы не было.

Вонгсават вздохнула и с трудом поднялась на ноги.

– Полетишь на жуке? – спросила она. – Или возьмешь раму с импеллерами?

– Нам понадобятся оба.

– Да? – неожиданно заинтересовалась она. – Это как? Хочешь, чтобы я…

– На жуках установлена ядерная гаубица. Снаряды двадцатикилотонной мощности. Я хочу засандалить одну такую дуру на ту сторону и посмотреть, не поджарит ли она Карреру. Скорее всего, не поджарит. Думаю, он это предусмотрел и куда-нибудь заныкался. Но это отгонит его от портала на какое-то время, и мы проведем внутрь жук. Жук примет на себя весь дальний огонь, а я в это время войду следом с ранцем. После этого, – я пожал плечами, – бой на равных.

– А я, как понимаю…

– Угадала с первой попытки. Тяжело быть незаменимой, да?

– Здесь-то? – она обвела взглядом усыпанный трупами берег. – Скорее, неуместно.

ГЛАВА СОРОК ПЕРВАЯ

– Ты не можешь, – тихо сказала Вардани.

Я нацелил нос жука на центр портала и повернулся к ней. Гравдвигатели что-то тихонько бормотали себе под нос.

– Таня, эта штука на наших глазах выдерживала удары такого оружия, которое… – я замялся, стараясь подобрать адекватное описание, – …я даже не понимаю. Ты правда считаешь, что легкая щекотка тактической боеголовки хоть сколько-нибудь ей повредит?

– Я не об этом. Я имею в виду, *ты* не можешь. Посмотри на себя в зеркало.

Я перевел взгляд на панель управления огнем:

– Пару дней еще протяну.

– Ага, протянешь – в госпитальной койке. Ты что, всерьез считаешь, что при твоем нынешнем состоянии у тебя есть шанс против Карреры? Единственное, что тебя сейчас держит на ногах, это костюм.

– Неправда. Ты забыла про тетрамет.

– Ага, смертельная доза, судя по тому, что я успела увидеть. Сколько ты еще продержишься?

– Достаточно, – избегая ее взгляда, я принялся рассматривать берег за ее спиной. – Чего там Вонгсават так долго возится?

– Ковач, – она подождала, когда я переведу на нее глаза. – Запусти бомбу. И остановись на этом. Я закрою портал.

– Таня, почему ты не выстрелила в меня из парализатора?

Молчание.

– Таня?

– Да ради бога, – яростно выпалила она. – Просирай свою жизнь. Мне-то что.

– Я тебя спросил о другом.

– Я… – она опустила глаза. – Я запаниковала.

– А вот это, Таня, фигня собачья. Я тебя за эти два месяца перевидал в разных состояниях, но ни разу не видел паники. Думаю, тебе и смысл этого слова неизвестен.

– Да что ты говоришь. Думаешь, так хорошо меня знаешь?

– Достаточно неплохо.

Она фыркнула:

– Какие же вы все, солдатня, мудаки. Покажите мне солдата, я тут же покажу вам долбанутого на всю голову романтика. Ничего ты обо мне не знаешь, Ковач. Ты мне один раз присунул, да и то в виртуальности. Считаешь, что теперь меня постиг? Считаешь, что это дает тебе право *судить* людей?

– Людей вроде Шнайдера, имеешь в виду? – я пожал плечами. – Он бы всех нас продал Каррере, Таня. Ты же знаешь, что это так, правда? Он бы спокойно наблюдал за тем, что делают с Сутьяди, и пальцем бы не пошевелил.

– А, так ты собой гордишься, правильно я понимаю? – она ткнула рукой в сторону кратера, где умер Сутьяди, и залитого свежей кровью песка. – Думаешь, это вот какое-то твое достижение, что ли?

– Ты что, собиралась дать мне умереть? Отомстить за Шнайдера?

– Нет!

– Да это не проблема, Таня, – я снова пожал плечами. – Единственное, чего я не могу уяснить, это почему я *не* умер. У

тебя случайно нет соображений на этот счет? В смысле, как у местного эксперта по марсианам.

– Не знаю. Я… я запаниковала. Как уже и сказала. Я подняла парализатор сразу, как только ты его уронил. И вырубила себя.

– Ну да, я знаю. Каррера сказал, что ты была в нейрошоке. Он как раз хотел узнать, почему в нем не был я. И почему так быстро очнулся.

– Может, – сказал она, не глядя на меня, – у тебя внутри нет того, что есть во всех нас.

– Эй, Ковач.

Мы оба обернулись.

– Ковач, глянь, чего я нашла.

Это была Вонгсават. Ее жук тащился с черепашьей скоростью. Перед ним ковыляла одинокая человеческая фигура. Я сощурился и увеличил кратность.

– Глазам своим не верю.

– Кто это?

С моих губ слетел сухой смешок:

– Кое-кто непотопляемый. Смотри.

Ламонт выглядел мрачным, но в целом его состояние не сильно изменилось в худшую сторону со времени нашей последней встречи. Рваный китель был забрызган кровью, но, похоже, не его собственной. Глаза превратились в щелки, а дрожь несколько унялась. Он узнал меня, и его лицо осветилось. Он скакнул вперед, потом остановился и оглянулся на эскортировавший его жук. Вонгсават что-то рявкнула, и Ламонт снова двинулся вперед. Наконец он остановился в нескольких метрах от меня, странно приплясывая на месте.

– Так и знал! – каркнул он. – Так и знал, что ты такое выкинешь. У меня ж на тебя дело заведено, я все про тебя знал наперед. Я тебя *слышал. Слышал*, но никому не сказал.

– Нашла его в подполе оружейки, – пояснила Вонгсават, останавливаясь и слезая с жука. – Пардон, что задержалась. На то, чтобы выкурить оттуда этого субчика, ушло какое-то время.

– *Видел, слышал*, – бормотал Ламонт себе под нос, яростно потирая хребет. – *Дело* на тебя завел. Ко-ко-ко-ко-ковач. Знал, что ты такое выкинешь.

– Знал, значит? – спросил я угрюмо.

– *Слышал, видел*, но не сказал.

– Ну, тут-то ты и просчитался. Хороший политофицер всегда докладывает о своих подозрениях высшему руководству. Это написано в директивах.

Я подобрал с консоли жука интерфейсник и выстрелил Ламонту в грудь. Это был неаккуратный выстрел, и он вошел в

тело слишком высоко, чтобы прикончить сразу. Заряд разорвался на песке в пяти метрах за спиной Ламонта. Он шлепнулся на землю; из отверстия, оставленного пулей, хлынула кровь. Неожиданно политофицер нашел в себе силы встать на колени и усмехнулся мне в лицо.

– Знал, что ты это устроишь, – сказал он хрипло и начал медленно заваливаться на бок.

Кровь еще какое-то время текла, пропитывая песок.

– Импеллер нашла? – спросил я Вонгсават.

* * *

Вардани с Вонгсават я велел пересидеть запуск бомбы за ближайшим утесом. На них не было брони, и терять время, упаковывая их в полисплав, мне не хотелось. А разорвавшись даже и на большом расстоянии, даже и в ледяном вакууме по другую сторону портала, ядерные заряды, которые нес жук, дадут такую дозу жесткого излучения, что любое незащищенное живое существо тут же станет в высшей степени неживым.

Конечно, исходя из предыдущего опыта, можно было предположить, что портал поведет себя по отношению к непосредственной угрозе радиации примерно так же, как к непосредственной угрозе нанобов, а именно – устранит ее. Но предположение же могло быть и ошибочным. Да и в любом случае трудно предугадать, какая доза считалась у марсиан допустимой.

А чего *ты тогда тут расселся, Так?*

Костюм все впитает.

Но дело было не только в этом. Сидя на жуке с «санджетом» на коленях и интерфейсником за поясом, подняв лицо к куску звездного неба, который, как окно в другой мир, открывал передо мной портал, я ощущал, как во мне медленно, преодолевая внутреннее сопротивление, вызревает решимость. Чувство фатализма было сильнее действия тетрамета – убежденность, что поделать больше в общем-то ничего нельзя и какой бы итог ни ждал меня в этой холодной пустоте впереди, придется им и удовольствоваться.

Наверное, это все смерть, Так. От нее никуда не деться. Даже с тетраметом любая оболочка на клеточном уровне…

А может, ты просто боишься нырнуть туда и снова оказаться на «Мивцемди».

Может, начнем уже?

Гаубичный снаряд выскочил из-под панциря жука достаточно медленно, чтобы можно было отследить глазами его движение, со

слабым чмокающим звуком вошел в портал и скрылся меж звездами. Через несколько секунд пространство по ту сторону портала осветила белая вспышка взрыва. Линзы моей лицевой пластины автоматически потемнели. По-прежнему не вставая с сиденья, я ждал, пока световое пятно не поблекло. Если что-либо за пределами видимого спектра излучения и смогло просочиться назад, индикатор контаминационной тревоги на шлеме костюма не счел это достойным упоминания.

Приятно, когда ты прав, м-м?

Только какая сейчас разница…

Я поднял лицевую пластину и свистнул. Вылетев из-за утеса, второй жук пропахал короткую борозду в песке. Вонгсават непринужденно совершила идеальную посадку, припарковав машину в параллель с моей. Из-за ее спины с медлительностью, говорящей о боли, с сиденья слезла Таня Вардани.

– Ты говорила «два часа», Таня.

Она не обратила на меня внимания. С тех пор, как я застрелил Ламонта, она не сказала мне ни слова.

– Ну ладно, – я в очередной раз проверил трос, которым пристегнул к себе «санджет». – Не знаю точно, что тебе сейчас предстоит делать, но пора начинать.

– А что, если ты не вернешься к сроку? – запротестовала Вонгсават.

Я усмехнулся:

– Не глупи. Если я за два часа не прищучу Карреру и не вернусь обратно, значит, я уже вообще не вернусь. Ты прекрасно это понимаешь.

После чего захлопнул лицевую пластину и врубил двигатель.

Нырок в портал. Гляньте-ка – проще простого, как будто падаешь.

Наступила невесомость, и мой желудок поднялся к горлу. Вдобавок закружилась голова.

Снова, е-мое, здорово.

В этот момент Каррера сделал свой ход.

В моих глазах мелькнул розовый проблеск – где-то над головой ожил двигатель. Рефлекс посланника мгновенно уловил это движение, и руки тут же развернули жук навстречу атаке. Замигали орудийные системы. С держателей сорвалась пара дронов-перехватчиков. Сделав петлю, чтобы уйти от систем прямой защиты приближавшейся ракеты, они набросились на нее с противоположных сторон и сдетонировали. Мне показалось, один из них перед взрывом чуть отклонился от курса, сбитый помехами. Полыхнула беззвучная белая вспышка, и лицевая пластина потемнела, ухудшая видимость.

Но к тому времени наблюдать мне уже было некогда.

Я оттолкнулся от сиденья жука и, преодолев минутный приступ ужаса, упал спиной в темноту. Левая рука потянулась к рукоятке ранца. Я подавил импульс.

Еще рано.

Жук, все еще со включенным двигателем, кувыркаясь, поплыл прочь. Вытеснив из головы мысли об окружавшей меня бесконечной пустоте, я сосредоточился на смутно ощущаемой громаде корабля над головой. В бледном свете звезд костюм из полисплава и ранец на спине будут практически невидимы. Из-за отсутствия реактивной струи определить мое местонахождение смогут разве что самые чувствительные из детекторов массы, а я готов был поспорить, что у Карреры под рукой такого нет. До тех пор пока импеллеры оставались выключенными, единственной видимой целью был двигатель жука. Съежившись посреди невесомой тишины, я за трос подтянул к себе «санджет» и прижал к плечу приклад. Сделал несколько глубоких вдохов и выдохов. Попытался не ждать следующего хода Карреры слишком нетерпеливо.

Давай, давай уже, сукин ты сын.

Не-не. Это ожидание, Так.

Мы научим тебя не ожидать ничего. Тогда ты будешь готов ко всему.

Спасибо, Вирджиния.

Нормально экипированному вакуумному коммандос такой херней особо страдать не приходится. Целый арсенал датчиков грузит данные в системы шлема под руководством шустрого персонального боевого компьютера, который отнюдь не страдает от того парализующего благоговейного ужаса, который вечно норовит обуять в глубоком космосе человека. К машине прилагается боец, но, как в большей части современных войн, львиную часть работы делает все-таки машина.

У меня не было времени найти и установить воентех «Клина», но я был более-менее уверен, что и у Карреры его не было. А значит, все, чем он располагал, – это оборудование, которое оставила команда Ломанако на борту корабля, и, возможно, «санджетом». А для клиновского коммандос необходимость оставить оборудование без присмотра все равно что нож острый; так что осталось там немного.

Надейся.

Остальное в общем-то сводилось к поединку один на один на уровне технологического примитивизма времен Армстронга, Гагарина и прочих героев эпохи орбитальных полетов. А это, как убеждал меня тетрамет, должно было играть на руку мне.

Призвав на помощь чувства посланника, я подождал, пока они заглушат беспокойство и перекроют тетраметовый амок, и перестал ожидать чего бы то ни было.

Вон там.

Розовая искра соскользнула с темного края нависающей над головой громады.

Я повернулся вокруг своей оси так плавно, как только позволял экзокостюм, принял нужное положение, готовясь к старту, и врубил импеллеры на полную мощность. Внизу полыхнула белая вспышка, на мгновение отпечатавшись на нижней половине моей сетчатки. Выпущенная Каррерой ракета настигла жук.

Я заглушил импеллеры и начал медленно плыть вверх по направлению к кораблю. Мои губы, закрытые лицевой пластиной, искривились в удовлетворенной усмешке. Взрыв жука должен был скрыть след импеллеров, и Каррера снова остался ни с чем. Возможно, чего-то подобного он ожидал, но увидеть меня не успел, а к тому времени, как увидит…

На корабле полыхнуло пламя «санджета». Рассеянный луч. Я на мгновение съежился, но затем усмешка снова вернулась на мое лицо. Каррера простреливал широкий сектор, слишком далеко от того места, где я сейчас находился. Мои пальцы, сжимавшие приклад «санджета», напряглись.

Рано. Еще не…

Луч показался снова, все так же далеко. Я смотрел, как он вспыхивает и гаснет, вспыхивает и гаснет, готовясь в свою очередь сделать выстрел. Между нами оставалось, судя по всему, уже не более километра. Еще несколько секунд, и луч, выставленный на минимальное рассеивание, прошьет облекающий Карреру слой полисплава и любую органику, оказавшуюся на пути. Удачный выстрел снесет Каррере голову, прожжет сердце или легкие. Менее удачный оставит с ранением, а, пока оно его отвлечет, я подберусь поближе.

От этой мысли верхняя губа поднялась сама собой, обнажая зубы в оскале.

Пространство вокруг меня вдруг взорвалось светом.

На какое-то мгновение, настолько краткое, что его мог заметить только посланник, я подумал, что это снова явился экипаж корабля, разгневанный ядерным взрывом так близко от их похоронной ладьи и раздражающими булавочными уколами последовавшей затем перестрелки.

Осветительная ракета. Мудила ты тупорылый, он тебя высветил.

Я врубил импеллеры и рванул вбок. Из-за укрепления на

корпусе корабля за мной устремился луч «санджета». На одном из витков спирали я исхитрился открыть ответный огонь. Три секунды беспорядочной пальбы, но луч Карреры оборвался. Использовав в качестве укрытия какую-то архитектурную деталь корабля, я включил реверс и, притормозив, медленно поплыл вперед. В висках стучала кровь.

Попал я или нет?

Близость корпуса повлекла за собой изменение восприятия. Неземная архитектура судна над моей головой вдруг показалась поверхностью планетоида, над которым я висел вверх тормашками на высоте пяти метров. В ста метрах от меня горела осветительная ракета, отбрасывая причудливые тени от выступа корпуса, за которым я прятался. Окружавшие поверхности были исчерчены причудливыми завитками и каракулями, напоминающими барельефную резьбу, глифы огромного размера.

Попал я или…

– Хорошо увернулся, Ковач, – раздался в моем ухе голос Карреры, как будто он сидел в шлеме рядом со мной. – Неплохо для непловца.

Я бросил взгляд на дисплеи. Рация костюма работала в режиме приема. Я дернул головой вбок – вспыхнул символ передачи. Осторожным движением я переместил тело в параллель корпусу корабля. Между тем…

Не давай ему молчать.

– Кто тебе сказал, что я не пловец?

– А, да, все забываю. Это фиаско с Рэндаллом. Но пара таких вылазок еще не делает из тебя бывалого вак-кома, – он пытался говорить с шутливыми интонациями доброго дядюшки, но за ними отчетливо слышалась ярость. – Потому мне и будет так просто тебя убить. Ведь я именно это собираюсь сделать, Ковач. Разобью твою лицевую пластину и буду смотреть, как выкипает из-под нее твое лицо.

– Ну тогда стоит поторопиться, – я ощупывал взглядом застывшие пузыри на поверхности корпуса, подыскивая снайперскую позицию. – А то я здесь долго не задержусь.

– Что, вернулся просто полюбоваться видом, да? Или оставил в причальном доке какое-то дорогое сердцу голопорно?

– Да нет, просто забочусь, чтобы ты не путался под ногами, пока Вардани закрывает портал, только и всего.

Короткая пауза. Единственным звуком было его дыхание. Я дернул за трос, подтянув «санджет» поближе к правой руке, затем коснулся панели управления и рискнул на полсекунды включить импеллер. Ремни врезались в тело, и двигатели осторожно переместили меня вперед и вверх.

– Чего молчишь, Айзек? Дуешься?

Он издал горловой звук:

– Говна ты кусок, Ковач. Продал своих товарищей, как какой-то небоскребыш. Убил за деньги.

– Я думал, именно этим мы и занимаемся, Айзек. Убийством за деньги.

– Не надо мне этих твоих куэллизмов, Ковач. После того, как ты уложил сотню человек «Клина». После того, как испачкал руки в крови Тони Ломанако и Квок Юэнь Йи. *Ты* – убийца. А они солдаты.

При звуке их имен у меня слегка защипало в глазах и горле.

Подавить.

– Были бы солдатами, не подписались бы с такой легкостью на резню.

– Иди на хер, Ковач.

– Как скажешь, – я протянул руку к приближавшейся поверхности корпуса, к маленькому пузырю, торчащему из него, точно шпора. Внезапно я замер, и меня обожгла паническая мысль: а что, если корпус каким-то образом заминирован…

Ну что ж тут поделать. Всего не предусмотришь.

…и в этот момент мои руки в перчатках коснулись поверхности корпуса, и я остановился. «Санджет» мягко съехал с плеча. Я отважился бросить быстрый взгляд в проем, образованный пересечением двух пузырей. И тут же пригнулся. Фотопамять воссоздала увиденное и загрузила картинку в сознание.

Это был причальный док – все та же впадина трехсот метров в диаметре, окруженная холмами-пузырями, на которые, в свою очередь, напирали с флангов беспорядочно раскиданные выпуклости помельче. Взвод Ломанако, наверное, оставил локационный буй, иначе Каррера не смог бы так быстро отыскать нужное место на корабле почти тридцатикилометровой ширины и шестидесятикилометровой длины. Я снова взглянул на дисплей приема, но единственным каналом, который я там увидел, по-прежнему оставался тот, где слышалось чуть хриплое дыхание Карреры. Ничего удивительного: разумеется, он обрубил бы сигнал, как только достиг нужного места. Зачем ему выдавать, где его засада?

Так где же ты зашухарился, Айзек? Я слышу, как ты дышишь, осталось только увидеть тебя, чтобы ты больше не дышал.

Я снова осторожно занял наблюдательную позицию и начал осматривать располагавшуюся подо мной местность сантиметр за сантиметром. Всего одна небрежность с его стороны, это все, что мне нужно. Всего одна.

Со стороны Айзека Карреры, орденоносного командира вак-коммандос, который прошел через тысячу вакуумных схваток и победил в большинстве из них. Небрежность. Конечно, Так. Как только, так сразу.

– Кстати, любопытно, Ковач, – его голос снова был спокоен, он овладел собой – наименее выгодный для меня расклад в нынешних обстоятельствах. – Что за сделку тебе предложил Хэнд?

Смотри, ищи. Не давай ему молчать.

– Больше, чем платишь мне ты, Айзек.

– Мне кажется, ты забываешь про нашу первоклассную медицинскую страховку.

– Не, не забываю. Просто стараюсь сделать так, чтобы больше не приходилось ею пользоваться.

Смотри, ищи.

– Неужели воевать за «Клин» так уж невыносимо? Переоблачение гарантировано при любых условиях, а настоящей смерти профессионалу твоего уровня можно не опасаться.

– Трое из моих людей могли бы с тобой поспорить, Айзек. В смысле, конечно, если бы не были по-настоящему мертвы.

Секундная заминка:

– Твоих людей?

Я поморщился:

– Ультравиб-батарея сделала из Цзян Цзяньпина кашу-размазню, нанобы уничтожили Хансена и Крукш…

– *Твоих* лю…

– Я тебя и в первый сучий раз расслышал, Айзек.

– Да? Ну извини. Я просто удиви…

– Профессионализм ни на что не влияет, и ты об этом прекрасно знаешь. Ты эту песенку можешь идти продать для роликов Лапине. Машины и везение – вот и все, что определяет на Санкции IV, жить тебе или умереть.

Смотри, ищи, найди *этого говнюка.*

И сохраняй спокойствие.

– На Санкции IV и в любых других войнах, – негромко сказал Каррера. – Тебе должно быть об этом известно лучше, чем кому-либо. Такова суть игры. Если не хотел играть, не надо было садиться за стол. В «Клин» идут не по призыву.

– Айзек, да вся долбаная планета была призвана. Ни у кого больше нет выбора. «Раз в стороне не остаться, уж лучше стрелять из большого калибра». Это, если тебе интересно, как раз был куэллизм.

Он хмыкнул:

– Просто здравый смысл, как по мне. Эта сука, похоже, сроду ничего оригинального не сказала.

Вот оно. Мои обостренные тетраметом нервы напряглись. *Вот тут*.

Узкий край какого-то творения человеческих технологий, выхваченный из темноты осветительной ракетой, – острые углы посреди сплошных закруглений. Бок рамы импеллера. Я поднял к плечу «санджет» и прицелился. Медленно процедил ответ:

– Она же была не философом, Айзек. Она была солдатом.

– Террористкой она была.

– Это вопрос терминологии.

Я нажал на спусковой крючок. Пламя пронеслось над впадиной центральной площадки и отразилось от кромки. На корпусе что-то взорвалось, вниз посыпались осколки. Угол моего рта тронула улыбка.

Дыхание.

Только оно меня и предупредило. Бумажный шелест дыхания, еле различимый в наушнике. Затрудненное от физического усилия, сдерживаемое дыхание.

Ё…

Что-то невидимое разбилось над головой, залив меня светом. Еще что-то невидимое со звоном ударилось о лицевую пластину, оставив крошечную светящуюся зазубрину. Такими же ударами осыпало и корпус экзокостюма.

Граната!

Инстинкт тут же заставил меня повернуться вправо. Позже я понял почему. Это был кратчайший путь от позиции Карреры до моей, ведущий вдоль выступа, окольцовывавшего причальный док. Разговаривая со мной, Каррера преодолел треть этой окружности. Бросив запутавший меня импеллер, который в любом случае выдал бы его, он все это время полз ко мне. Когда он двигался, то разыгрывал гнев, чтобы замаскировать физическое напряжение, а когда останавливался, сдерживал дыхание. Решив, что подобрался достаточно близко, залег и стал ждать, когда я выдам себя выстрелом из «санджета». Многолетний опыт вакуумных боев продиктовал ему выбор оружия – единственного, которое невозможно засечь.

Практически безупречно.

Он возник в пятидесяти метрах от меня, точно летающая версия Могильера, каким я видел его на морском берегу. Из правого кулака торчало узнаваемое дуло «санджета», в левом был зажат электромагнитный гранатомет «Филипс». Хотя засечь ее я и не мог, я понимал, что вторая граната уже летит в моем направлении.

Я врубил импеллеры и сделал кувырок назад. Корпус корабля исчез из вида, затем снова вплыл в поле зрения. Отброшенная

струей движка граната взорвалась, пролившись дождем шрапнели. Я почувствовал, как осколки вонзились в ногу и ступню – внезапное онемение, сменившееся болью, словно мою плоть снова резали бионити. Давление в костюме упало, в ушах заломило. Полисплав покрылся дюжинами выбоин, но устоял.

Кувыркаясь над скоплениями пузырей, в свете сигнальной ракеты я представлял из себя одну большую мишень. Перед глазами мелькали корпус и элементы конструкции. Полисплав затянул пробоину, и боль в ушах ослабла. Времени искать Карреру не было. Я поправил выхлоп импеллера, после чего снова нырнул вниз, к скоплению пузырей. Вокруг меня засверкали вспышки выстрелов «санджета».

Ударившись о корпус по касательной, я использовал импульс, чтобы изменить траекторию, и в то же мгновение луч «санджета» скользнул по поверхности слева от меня. Я мельком заметил Карреру, прильнувшего к круглой стенке одной из впадин. Я сразу понял, каким будет его следующий ход. Сейчас он оттолкнется от стенки одним хорошо рассчитанным движением и устремится по прямой на меня, стреляя на лету. Рано или поздно окажется достаточно близко, чтобы прожечь костюм так, что полисплав уже не сможет затянуть отверстия.

Я оттолкнулся от следующего пузыря. Еще несколько дурацких кувырков. Еще несколько выстрелов в непосредственной близости от меня. Я снова стабилизировал импеллеры и попытался скрыться в тени пузырей и вырубить двигатели. Мои руки зашарили по стене в поисках опоры и наконец ухватились за одну из барельефных спиралей, которые приметил раньше. Я прекратил движение и развернулся, высматривая Карреру.

Его не было видно. Я находился вне поля зрения.

Я повернулся обратно и, облегченно выдохнув, стал пробираться дальше. Под руку подвернулся новый барельеф, и я ухватился за…

Ох ты черт.

Я держался за крыло марсианина.

От шока я на мгновение остолбенел. Этого мгновения хватило, чтобы сначала предположить, что это просто резьба на поверхности корпуса, а затем каким-то внутренним чувством понять, что это не так.

Рот марсианина застыл в немом крике. Откинутые назад крылья почти целиком ушли в стену, на поверхности остались только кончики и места соединения с мышцами выгнутой спины. Голова была повернута набок, клюв раскрыт, глаза походили на хвостатые кометы из бледного агата. Из стены торчали когти одной из конечностей. Труп был заключен в материал, из

которого был сделан корпус. Похоже, марсианин бился в предсмертной агонии, погружаясь в стену все глубже.

Я отвел глаза и окинул взглядом всю поверхность перед собой, все беспорядочное нагромождение выступающих частей, и наконец осознал, на что смотрю. Стены вокруг впадины причального дока – все они, все эти многочисленные пузыри – были одной большой могилой, паутиной, в которую угодили тысячи и тысячи марсиан. Все они погибли, заживо погребенные в субстанции, которая здесь кипела, пенилась и лопалась, когда…

Когда *что*?

Катастрофа была за пределами моего воображения. Я не мог представить ни оружия, с помощью которого можно устроить такое, ни обстоятельств конфликта между двумя цивилизациями, настолько превосходящими маленькую империйку человечества, построенную из крошек с чужого стола, насколько мы превосходим чаек, чьи трупы качались на волнах возле Заубервиля. Я не мог понять, как такое могло случиться. Я видел лишь результаты. Я видел лишь мертвых.

Ничто никогда не меняется. Сто пятьдесят световых лет от дома, а вокруг то же самое говно.

Видимо, это какая-то универсальная, мать ее за ногу, константа.

Граната отскочила от тела еще одного вросшего в стену марсианина в десяти метрах от меня, подпрыгнула вверх и взорвалась. Я откатился в сторону. По спине застучали осколки, а один пробил костюм чуть ниже плеча. Резкая боль в ушах от перепада давления. Я вскрикнул.

Да пошло оно все нахер.

Врубив импеллеры, я выскочил из укрытия, не отдавая себе отчета в том, что собираюсь делать. Каррера был меньше чем в пятидесяти метрах от меня. Я увидел огонь «санджета», перевернулся на спину и нырнул в колодец причального дока. Вслед мне донесся голос Карреры, почти что смеющийся:

– Куда это ты собрался, Ковач?

За спиной что-то взорвалось, и двигатель заглох. Спину ожгло жаром. Долбаный Каррера с его вак-комовскими навыками. Но с хорошей остаточной скоростью и, не знаю, возможно, с частичкой удачи, переправленной из мира духов мстительной тенью Хэнда – *он же тебя как-никак пристрелил, Мэтт, а ты как-никак его проклял*, – просто чтобы подмаслить судьбу…

Я под косым углом прошел сквозь атмосферные барьеры причального дока, ощутил тяжесть гравитации и впечатался в змеиные кольца стены. Стена отбросила меня назад, и мой собственный резко обретенный в гравитационном поле вес увлек

меня вниз. Я рухнул на палубу, оставив за собой шлейф дыма и пламени от разбитой рамы импеллера.

Какое-то мгновение, длившееся вечность, я неподвижно лежал в гулкой тишине дока.

Потом до моих ушей неожиданно донесся странный булькающий звук. Лишь через несколько секунд я понял, что это мой собственный смех.

Вставай, Такеси.

Ой, да прекрати…

Он точно так же может прикончить тебя и здесь, Так. ВСТАВАЙ.

Я оперся на руку, попытался подняться. Не та рука – сломанный локоть влажно согнулся внутри экзокостюма. Натруженные мышцы и связки отозвались болью. Я перекатился на другой бок, хватая ртом воздух, и попробовал другую руку. Лучше. Экзокостюм слегка засипел, с механизмом явно было что-то не в порядке, но на ноги меня он поднять смог. Теперь избавиться от обломков, болтающихся на спине. Аварийный сброс еще работал более-менее. Я высвободился. «Санджет» запутался в раме, и, сколько я не тянул, вытащить его не смог. Какое-то время я продолжал отупело дергать за трос, наконец сообразил отстегнуть его и нагнулся, чтобы достать «санджет» с другой стороны.

– Ну лад… …вач, – внешние стены экранировали сигнал, и голос Карреры то и дело прерывался. – Пусть бу… по-тво…

Он спускался за мной.

«Санджет» не поддавался.

Брось его!

И стрелять из пистолета? В полисплав?

Оружие – только приспособление, раздраженно воскликнула в моей голове Вирджиния Видаура. *На самом деле убиваешь и уничтожаешь ты сам. Оно не часть тебя. Брось!*

Ну ладно, Вирджиния, слегка усмехнулся я. *Как скажешь.*

Шатаясь, я направился к выходу, вытягивая на ходу интерфейсник. По всему доку стояли ящики с оборудованием «Клина». Локационный буй все еще в режиме ожидания, видимо, бесцеремонно брошенный Каррерой. Рядом открытый ящик, из которого торчали детали разобранного гранатомета «Филипс». На всей сцене лежал отпечаток спешки, но спешки солдатской. Контролируемая скорость. Сноровка военного человека, знающего свое дело. Каррера был в своей стихии.

Уноси отсюда ноги на хрен, Так.

Следующий зал. Марсианские машины зашевелились, ощетинились и, мрачно бормоча себе под нос, покатились от

меня прочь. Я прохромал мимо них, следуя нарисованным стрелкам. *Да не иди же ты по стрелкам, мудило*. При первой возможности я свернул налево и нырнул в коридор, который наша экспедиция не успела исследовать. Одна из машин какое-то время ползла за мной, потом покатилась назад.

Мне показалось, наверху за моей спиной кто-то пошевелился. Вздернув голову, я всмотрелся в тень. Смех да и только.

Возьми себя в руки, Так. Это все мет. Слишком много принял и теперь пошли глюки.

Новые и новые залы, пузыри, переливающиеся один в другой, и постоянное ощущение пустого пространства над головой. Я категорически запретил себе смотреть вверх. Боль от осколков гранаты в ноге и плече начала пробиваться сквозь химический барьер тетрамета, эхом отзываясь в развороченной левой руке и разбитом локтевом суставе. Бешеная энергия, переполнявшая меня недавно, пошла на спад, оставив после себя нервически обостренную реакцию и периодически прокатывающиеся по телу вибрации необъяснимого веселья, во время которых я едва удерживался, чтобы не начать хихикать.

В таком состоянии я попятился в какой-то тесный изолированный отсек, повернулся и оказался лицом к лицу с последним из виденных за сегодня марсиан.

На этот раз мумифицированные мембраны крыльев были обернуты вокруг скелета, а сам марсианин сидел на низком насесте. Удлиненный череп склонялся на грудь, закрывая световую железу. Глаза были закрыты.

Он поднял клюв и посмотрел на меня.

Нет. Ни хера подобного он не делал.

Я потряс головой, подполз поближе к трупу и уставился на него, испытав вдруг внезапное желание погладить длинный костный выступ на затылке.

– Я здесь просто посижу чуть-чуть, – пообещал я, подавив очередной приступ смеха. – Тихонечко. Всего пару часов, не больше.

Я сел, опершись о пол здоровой рукой, и прислонился к стене, прижимая к груди интерфейсник, словно талисман. Мое тело болталось в клетке костюма, словно теплый веревочный клубок, слабо подрагивающий комок мягких тканей, у которого больше не было воли управлять экзоскелетом. Мой взгляд устремился к потолку, и на какое-то мгновение почудилось, что я вижу, как бьются в сумраке бледные крылья, стиснутые со всех сторон тесным кольцом закругленных стен. В конце концов я понял, что трепетание крыльев на самом деле происходит у меня в голове, чувствовал, как их бумажно-тонкая мембрана щекочет

внутреннюю поверхность моего черепа, несильно, но болезненно царапая зрачки и все больше затрудняя зрение – от светлого к темному, от светлого к темному, от светлого к темному, к темному, к темному…

И высокий, все более громкий стон, точно голос само́й печали.

* * *

– Проснись, Ковач.

Голос был ласковым. Что-то щекотало мою руку. Веки, казалось, слиплись. Я поднял руку, и ладонь натолкнулась на гладкую поверхность лицевой пластины.

– Просыпайся, – уже не так ласково.

От этой смены тона по нервам прошла легкая щекотка адреналина. Я энергично поморгал и сфокусировал зрение. Марсианин по-прежнему был здесь – *че, правда, что ли, Так?* – но перед ним, на безопасном расстоянии в трех-четырех метрах от меня, стояла фигура в костюме из полисплава с «санджетом» в руках.

До моей руки снова кто-то дотронулся. Я склонил шлем и посмотрел вниз. Перчатку ощупывали тоненькие рецепторы одной из марсианских машин. Я отпихнул ее в сторону. Она запищала и слегка попятилась, затем опять, как ни в чем не бывало, покатилась ко мне.

Каррера рассмеялся. Его смех показался мне слишком громким. Как будто трепетавшие в моей голове крылья оставили ее пустой и такой же хрупкой, как мумифицированные останки, с которыми я делил комнату.

– Вот-вот. Эта херовина меня к тебе и привела, можешь себе представить? Полезная оказалась зверушка.

Тут уж рассмеялся и я. Это показалось мне на тот момент самой подходящей реакцией. Командир «Клина» присоединился к веселью. Подняв левую руку с интерфейсником, он захохотал еще громче:

– Ты меня вот этим надеялся уложить?

– Да не особенно надеялся.

Наш смех оборвался. Его лицевая пластина поднялась, и передо мной возникло его лицо. Под глазами залегли тени. Похоже, даже за то недолгое время, что он провел, выслеживая меня в лабиринте марсианского корабля, он порядком вымотался.

Я напряг ладонь, всего один раз, в слабой надежде, что пистолет Ломанако не залочен персонально на него, а способен

взаимодействовать с любой ладонной пластиной «Клина». Каррера заметил мой жест и, отрицательно качнув головой, бросил интерфейсник мне на колени.

– Все равно разряжен. Держи, если хочешь, – некоторым помогает иметь при себе оружие. Чувствуют с ним себя лучше. Наверное, оно им что-то заменяет. Руку матери. Или собственный член. Не хочешь принять смерть стоя?

– Нет, – мягко ответил я.

– Может, откроешь шлем?

– Зачем?

– Просто предоставляю тебе такую возможность.

– Айзек… – я кашлянул.

В горле словно засел комок ржавой проволоки. Слова с трудом процарапывались наружу. Произнести их вдруг показалось чрезвычайно важным.

– Айзек, прости.

Прощения просить будешь потом.

Эти слова всплыли в голове, как подступившие к глазам слезы. Как волчье рыдание, вырвавшееся из груди, когда погибли Ломанако и Квок.

– Хорошо, – сказал он просто. – Но немного поздно.

– Видел, что находится за твоей спиной, Айзек?

– Видел-видел. Впечатляющий, но очень мертвый. И никаких призраков, – он сделал паузу. – Еще что-нибудь хочешь сказать?

Я покачал головой. Он поднял «санджет».

– Это тебе за моих убитых людей, – сказал он.

– Да взгляни же ты на него, твою мать! – воскликнул я, вложив в крик всю силу убеждения посланника, и на какую-то долю секунды его голова дернулась. Я вскочил, распрямляясь в экзокостюме, как пружина, метнул интерфейсник под открытую лицевую пластину, пригнулся и бросился на него.

Скудные крупицы удачи, тетраметовый передоз и остатки боевой готовности посланника. Это все, чем я располагал, и это все я вложил в свой бросок. Послышался треск «санджета», но выстрел пришелся на место, где меня уже не было. Может быть, Карреру сбил мой выкрик, может, брошенный в лицо пистолет, а может, дело было в том же общем усталом осознании, что все кончено.

От удара он попятился, и я зажал «санджет» между нашими телами. Он выставил блок по технике боевого дзюдо, с помощью которого перекинул бы небронированного противника через бедро. Но сила, которой ссудил меня костюм Ломанако, помогла устоять. Еще несколько шагов назад – и мы оба влетели в мумию марсианина. Насест опрокинулся и разбился на части. Мы

шлепнулись поверх обломков, как два клоуна, пытаясь подняться и оскальзываясь. Труп рассыпался. Нас окружило облако бледно-оранжевой пыли.

Прости.

Прощения просить будешь потом сам у себя, если его кожа лопнет.

Лицевая пластина Карреры была поднята, он тяжело дышал. И наверняка набрал полные легкие этой пыли. Еще какая-то часть осела на его глазах и открытых участках лица.

Первый вопль он издал, когда почувствовал, как она начинает въедаться в кожу.

Затем последовало еще несколько криков.

Он, шатаясь, попятился от меня. «Санджет» с грохотом упал на пол. Каррера принялся тереть лицо, по всей вероятности только сильнее размазывая по тканям растворяющую их субстанцию. Из груди вырвался низкий горловой звук, а между пальцами показалась бледная красная пена. Затем пыль, похоже, разъела часть голосовых связок, крики стали похожи на бульканье воды в забитой водопроводной трубе.

Продолжая издавать эти звуки, он обрушился на пол, хватаясь за лицо, словно пытаясь удержать его на месте. Изо рта вытекали крупные сгустки крови и куски ткани из поврежденных легких. Когда я поднял «санджет» и нацелил его на Карреру, тот уже захлебывался в собственной крови. Облаченное в полисплав тело содрогалось в конвульсиях.

Прости.

Я приставил дуло к его рукам, закрывавшим плавящееся лицо, и нажал на спусковой крючок.

ГЛАВА СОРОК ВТОРАЯ

Когда мой рассказ подошел к концу, Роспиноджи хлопнул в ладоши, сразу став похожим на ребенка, которым не являлся.

– Просто отлично, – выдохнул он. – Готовый героический эпос.

– Прекрати, – сказал я.

– Нет, я серьезно. Ведь наша планетарная культура так молода. Меньше века истории. Нам такие истории нужны.

– Ну, – я пожал плечами и потянулся к стоявшей на столе бутылке; разбитый локоть отозвался на движение уколом боли. – Могу уступить авторские права. Продай историю «Лапине Групп». Глядишь, сделают из этой херотени конструкт-оперу.

– Вот ты смеешься, – в глазах Роспиноджи вспыхнул

предпринимательский огонек. – А ведь на такой домашний продукт есть спрос. Мы практически все импортируем с Латимера, а сколько можно жить чужими мечтами?

Я налил себе очередные полстакана виски:

– Кемп как-то справляется.

– Ой, Такеси, то ж *политика*. Совсем другое дело. Компот из неокуэллистских сантиментов и старомодного коммин… комму… – он пощелкал пальцами. – Подскажи, ты же с Харлана. Как эта фигня называется?

– Коммунитарианизм.

– Во, точно, – он яростно тряхнул головой. – Такое не выдержит испытания временем, не то что старая добрая героическая сага. Плановое производство, социальное равенство – точно какой-то чертов образовательный конструкт для начальной школы. Кто ж на такое купится, господи Самеди? В чем тут смак? Где кровь и адреналин?

Я отхлебнул виски и, скользнув взглядом по крышам складов Участка 27, принялся рассматривать угловатый скелет основной постройки раскопа, залитый закатным светом. Свежие слухи, поступавшие по запрещенным каналам, а потому наполовину утонувшие в помехах и глушилках, утверждали, что война набирает обороты на экваториальном западе. Контрнаступление Кемпа, не предусмотренное Картелем.

Жаль, что Каррера больше не может ничего предусматривать за них.

Напиток скользнул в желудок, заставив меня слегка поежиться. Виски пробирало довольно сильно, но делало это деликатно и интеллигентно. Это был не тот заубервильский сорт, который мы пили с Люком Депре на прошлой неделе, а по субъективным ощущениям – целую вечность назад. Я почему-то не мог представить, чтобы его можно было найти у Роспиноджи.

– Уж чего-чего, а крови пока хватает, – заметил я.

– Да, пока хватает. Но это на время революции. Ты подумай, что будет после. Предположим, Кемп выиграет эту смехотворную войну и учредит свой ненаглядный институт голосования. Как считаешь, что он сделает потом? А я тебе скажу что.

– Даже не сомневался, что скажешь.

– Меньше чем через год он подпишет те же самые контракты с Картелем, чтобы сохранить прежнюю динамику денежных потоков. А не подпишет – его, э-э, *выголосуют* вон из Индиго-сити его же собственные люди и подпишут все сами.

– Мне он не кажется человеком, который уйдет мирно.

– Да, в том-то и проблема с голосованиями, – рассудительно произнес Роспиноджи. – Судя по всему. А тебе с ним вообще

доводилось пересекаться?

– С Кемпом? Да, несколько раз.

– Ну и какой он?

Такой же, каким был Айзек. Каким был Хэнд. Какие все они. Та же внутренняя сила, та же треклятая уверенность в собственной правоте. Просто он считал правым другое дело.

– Высокий, – ответил я. – В смысле роста.

– А. Ну это да.

Я повернулся к сидящему рядом со мной мальчику:

– А тебя это не беспокоит, Джоко? Расклад, при котором кемписты преуспеют до такой степени?

Он усмехнулся:

– Сомневаюсь, что их политинспекторы как-то отличаются от картельских. У всех есть аппетиты. Да и помимо прочего. С тем, что я получил от тебя, мне хватит денег, чтобы пойти против Старика в цилиндре и выкупить свою заложенную-перезаложенную душу, – он остро взглянул на меня. – При условии, конечно, что мы отключили *все* твои страховочные передатчики с отложенным запуском.

– Расслабься. Я же сказал, их было всего пять. Достаточно для того, чтобы «Мандрейк» мог какие-то найти, если будет искать, и убедиться, что они и в самом деле существуют. На большее у нас не было времени.

– Хм-м, – Роспиноджи поболтал стаканом; странно было слышать эти рассудительные интонации в таком детском голосе. – Лично мне кажется, что ты безумно рисковал. Что, если «Мандрейк» обнаружила бы все пять?

Я дернул плечом:

– Ну а что если? Хэнд никогда бы не рискнул предположить, что нашел их все: слишком многое стояло на кону. Расстаться с деньгами было безопаснее. На этом основан любой хороший блеф.

– Да. Ну, это же ты у нас чрезвычайный посланник, – он ткнул пальцем в лежавшую на столе тонкую коробочку размером с ладонь, доставшуюся мне от «Клина». – И ты абсолютно уверен, что «Мандрейк» не сможет расшифровать сигнал?

– Можешь мне поверить, – сама эта фраза заставила меня улыбнуться. – Новейшая разработка в области военной маскировки. Без этой коробочки сигнал неотличим от обычной звездной статики. И для «Мандрейк», и для всех остальных. Ты – гордый и единственный обладатель марсианского звездолета. В высшей степени лимитированного издания.

Роспиноджи убрал прибор в карман и поднял руки:

– Хорошо. Довольно. Мы же уже пришли к соглашению.

Можно больше не крутить эту пластинку. Хороший продавец знает, когда остановиться.

– Главное, не пытайся меня кинуть, – сказал я дружелюбно.

– Я человек слова, Такеси. Послезавтра – крайний срок. Лучшее, что можно купить за деньги, – он посопел. – В Лэндфолле, по крайней мере.

– И спеца, чтобы нормально все настроить. Настоящего спеца, не какого-то недоучку с виртуальным образованием.

– Странное заявление для человека, который собирается провести в виртуальности следующее десятилетие. У меня самого, к твоему сведению, виртуальное образование. Бизнес-администрирование. Три десятка виртуальных кейсов за плечами. Гораздо лучше, чем переживать их в реальности.

– Просто фигура речи. Хорошего спеца. Не пытайся срезать угол.

– Ну, если ты мне не доверяешь, – буркнул он раздраженно. – Почему бы тебе не поручить это вашему юному пилоту?

– Она будет наблюдать. И она достаточно разбирается в предмете, чтобы отличить профессионала от халтурщика.

– Не сомневаюсь. Она производит впечатление весьма компетентного специалиста.

Это явное преуменьшение вызвало у меня усмешку. Закодированная защита «Клина», которая норовила заблокировать систему при каждом новом маневре, плюс смертельное радиационное отравление. Амели Вонгсават перенесла все это, всего один раз замысловато выругавшись сквозь стиснутые зубы, и долетела от Дангрека до Участка 27 меньше чем за пятнадцать минут.

– Да. Так оно и есть.

– Знаешь, – Роспиноджи хмыкнул, – прошлой ночью, когда я увидел опознавательные знаки «Клина» на этом монстре, то решил, что на этот раз мое время и в самом деле истекло. Мне и в голову не могло прийти, что линкор «Клина» можно угнать.

– Угу. Это было непросто, – снова поежился я.

Какое-то время мы сидели за столиком, наблюдая, как закатный свет соскальзывает все ниже по опорам конструкций. На улице, где находился склад Роспиноджи, дети играли в какую-то игру, где нужно было много бегать и кричать. Их смех плыл вверх, точно дым от барбекю, достигая площадки, где сидели мы.

– Вы дали ему имя? – наконец нарушил молчание Роспиноджи. – Этому звездолету?

– Нет, как-то не было на это времени.

– Так я и думал. Ну вот зато сейчас есть. Какие-нибудь идеи?

Я пожал плечами:

– «Вардани»?

– А, – он пристально посмотрел на меня. – А ей это понравится?

Я поднял стакан и осушил его одним глотком:

– А я, на хрен, знаю?

* * *

С тех пор как я выполз из портала, она со мной почти не разговаривала. Убийство Ламонта, похоже, в каком-то смысле стало последней каплей. Либо это, либо как я в экзокостюме, как автомат, прочесывал берег, уничтожая стеки сотни с лишним мертвых солдат «Клина», по-прежнему лежащих на песке. Ее лицо, когда она закрывала портал, было лишено всякого выражения, как у дешевой синтетовской оболочки. Как андроид, она проследовала за мной и Вонгсават в трюм «Доблести Энгины Чандры», а когда мы прибыли к Роспиноджи, заперлась в своей комнате и уже не выходила оттуда.

Я не испытывал желания ни в чем ее убеждать. Слишком устал для разговора, который нам был нужен, не очень верил, что он вообще нужен – и в любом случае, сказал я себе, пока не договорюсь с Роспиноджи, мне есть о чем волноваться.

С Роспиноджи я договорился.

На следующее утро меня разбудил шум неловко заходящего на посадку катера, в котором сидела бригада спецов из Лэндфолла. Испытывая легкое похмелье после виски и мощного коктейля из антирадиационных препаратов напополам с болеутоляющими, которые Роспиноджи закупает на черном рынке, я спустился их встретить. Молодые, лощеные и наверняка отлично знающие свое дело, они оба с первого взгляда вызвали у меня раздражение. Для затравки мы с ними немного попрепирались при молчаливом попустительстве Роспиноджи, но я явно терял способность внушать страх. Их реакция ни разу не вышла за пределы «что это за чудной полутруп в экзокостюме». В конце концов я сдался и провел их к линкору, где у входа, скрестив на груди руки, уже ждала Вонгсават с мрачным видом собственницы. Разглядев ее, спецы резко поумерили гонор.

– Все нормально, – сказала она мне, когда я попытался пройти за ними внутрь. – Пойди лучше к Тане. Мне кажется, она хочет поговорить.

– Со мной?

Пилот нетерпеливо дернула плечом:

– С кем-нибудь, и, видимо, эта участь досталась тебе. Мне она

ничего не говорит.

– Она все еще в своей комнате?

– Вышла, – Вонгсават неопределенно махнула рукой в сторону кучки зданий, представлявших собой центральный квартал Участка 27. – Иди. За этими типами я присмотрю.

Я нашел Вардани через полчаса на одной из улиц верхних уровней города. Она стояла и смотрела на фасад здания, куда был вмурован небольшой кусок марсианского строения – идеально сохранившиеся, выкрашенные в синий фрагменты, зацементированные с обеих сторон и ставшие частью стены и арки. Поверх техноглифов иллюминиевой краской была выведена жирная надпись: «ФИЛЬТРАЦИОННАЯ СВАЛКА». В проеме арки виднелись лежавшие на пересохшей земле детали оборудования. Уложенные относительно ровными рядами, они походили на всходы каких-то странных посевов. Вдоль рядов бесцельно расхаживали две фигуры в комбинезонах, что-то там высматривая.

При моем приближении она обернулась. Лицо ее выглядело изможденным и выдавало гнев, по-прежнему снедавший ее изнутри.

– Выслеживаешь меня?

– Нет, случайно наткнулся, – солгал я. – Удалось поспать?

Она покачала головой:

– В ушах до сих пор крики Сутьяди.

– Это да.

Пауза затягивалась. Я кивнул на арку:

– Ты туда?

– Ты что, обал… Нет. Я остановилась взглянуть на… – она беспомощно взмахнула рукой, указывая на покрытую краской марсианскую стену.

Я вгляделся в глифы:

– Инструкции по сборке сверхсветового двигателя, правильно я понимаю?

Она чуть было не улыбнулась.

– Нет, – ее пальцы пробежались вдоль контура одного из техноглифов. – Это учебный материал. Что-то среднее между стихотворением и правилами безопасности для молодежи. Какая-то часть – уравнения, скорее всего, для расчета аэродинамического качества. Это еще и своего рода граффити. Тут написано… – она запнулась и снова покачала головой, – … невозможно пересказать, что тут написано. Но тут содержится, м-м, обещание. Обещание просветления, постижения вечности, которые дает мечта о полете прежде самого полета. А еще рекомендация предварительно хорошенько опорожнить кишечник

перед тем, как пролетать над населенной местностью.

– Ты меня дразнишь. Не написано там этого.

– Написано. Да еще и в связке с уравнениями, – она отвернулась. – Они были мастерами интеграции. Насколько мы можем судить, их психике не была свойственна фрагментация.

Этот исторический экскурс, похоже, лишил Вардани сил. Голова ее поникла.

– Я шла к раскопу, – сказала она. – В то кафе, что нам в прошлый раз показывал Роспиноджи. Думаю, у меня в желудке мало что удержится, но…

– Да, конечно. Я тебя провожу.

Она покосилась на экзокостюм, который теперь, под одеждой, которую мне ссудил главный предприниматель Участка 27, бросался в глаза.

– Может, и мне таким надо разжиться?

– Вряд ли стоит утруждаться, учитывая, сколько времени нам осталось.

Мы побрели вверх по склону.

– Ты уверен, что дело выгорит? – спросила она.

– Какое? Обменять самое революционное археологическое открытие последних пятисот лет на генератор виртуальности и стартовое окно по ценам черного рынка? А ты как думаешь?

– Я думаю, что Роспиноджи – сраный торгаш, и доверять ему можно не больше, чем Хэнду.

– Таня, – сказал я мягко. – Это же не Хэнд продал нас «Клину». У Роспиноджи на руках лучшая сделка тысячелетия, и он это знает. В этом вопросе на него спокойно можно положиться, поверь мне.

– Ну… Это же ты у нас посланник, а не я.

Кафе не сильно изменилось с прошлого раза – унылое скопление пластиковых столов и стульев в тени огромных столбов и стоек основной конструкции раскопа. Над головой бледно светилось голоменю, а из динамиков сочилось приглушенное мурлыканье Лапине. Повсюду без всякой видимой системы были расставлены марсианские артефакты. Мы были единственными клиентами.

Из какого-то закутка вышагнул смертельно скучающий официант и с недовольным видом встал у нашего столика. Я бросил взгляд на меню, потом на Вардани. Она отрицательно покачала головой.

– Мне только воды, – сказала она. – И сигареты, если есть.

– «Седьмой раскоп» или «Волю к победе»?

Она поморщилась:

– «Седьмой раскоп».

Официант посмотрел на меня в явной надежде, что я не испорчу его день и не закажу какое-нибудь блюдо.

– Кофе есть?

Он кивнул.

– Давайте. Черный. С виски.

Он поплелся прочь. За его спиной я саркастически поднял бровь.

– Не докапывайся ты до него. Думаю, работать здесь – то еще удовольствие.

– Могло быть и хуже. Мобилизация, например. Ну и потом, – я обвел рукой окружавшие нас артефакты, – ты посмотри на декор. Разве не предел мечтаний?

Слабая улыбка.

– Такеси, – она склонилась над столом. – Когда вы настроите оборудование, я… я к вам не присоединюсь.

Я кивнул. *Ожидаемый поворот.*

– Прости.

– Да за что тут извиняться?

– Ты… Ты много сделал для меня за два последних месяца. Вытащил из лагеря…

– Мы тебя вытащили из лагеря, потому что ты нам была нужна. Забыла, что ли?

– Я это сказала, потому что злилась. Не на тебя, но…

– Да на меня, на меня. На меня, на Шнайдера, на каждого человека в форме, – я пожал плечами. – Я тебя не виню. И ты была права. Мы тебя вытащили, потому что ты была нам нужна. Ты мне ничем не обязана.

Она не отрывала взгляда от своих сложенных на коленях рук.

– Ты помог мне восстановиться, Такеси. Тогда я не хотела признаваться в этом даже самой себе, но эта реабилитационная хрень посланников действительно работает. Мне становится все лучше. Медленно, но становится.

– Ну и славно, – поколебавшись, я заставил себя продолжить. – Факт остается фактом. Я это сделал, потому что ты была мне нужна. Входило в пакет услуг: какой смысл спасать тебя из лагеря, оставив там при этом половину твоей души?

Ее рот дернулся:

– Души?

– Извини, просто фигура речи. Слишком много времени провел в компании Хэнда. Послушай, у меня нет проблем с твоим отказом. Мне любопытна причина, по которой ты отказываешься, только и всего.

В эту минуту приплелся официант с нашим заказом, и мы замолчали. Таня Вардани распечатала пачку сигарет и протянула

одну мне. Я покачал головой:

– Я бросил. Эта дрянь опасна для здоровья.

Она почти беззвучно рассмеялась и прикурила. Вверх потянулась извилистая струйка дыма. Официант удалился. Я отхлебнул кофе с виски и был приятно удивлен. Дым от сигареты Вардани плыл между балками конструкции.

– Почему я остаюсь?

– Почему ты остаешься?

Ее взгляд опустился к поверхности стола:

– Я не могу сейчас уйти, Такеси. Рано или поздно наша находка станет достоянием гласности. Они снова откроют портал. Или отправят туда межпланетный крейсер. Или и то и другое.

– Ну да, рано или поздно. Но пока этому мешает война.

– Я подожду.

– Почему бы не подождать на Латимере? Там намного безопаснее.

– Не могу. Как ты и сказал, перелет на «Чандре» займет минимум одиннадцать лет. Это при полном ускорении и без учета коррекции курса, которую, возможно, придется делать Амели. Кто знает, что может здесь случиться за следующие одиннадцать лет?

– Например, может закончиться война.

– Война может закончиться в следующем году, Такеси. Тогда Роспиноджи захочет что-нибудь предпринять в отношении своей инвестиции, и я хочу быть здесь, когда дело дойдет до этого.

– Десять минут назад ты ему доверяла не больше, чем Хэнду. Теперь же собираешься работать на него?

– Мы, э-э… – она снова принялась рассматривать свои руки. – У нас был разговор об этом сегодня утром. Он готов укрывать меня до тех пор, пока ситуация не утрясется, – на ее губах появилась чуть смущенная улыбка. – С началом войны в отношении мастеров Гильдии ощущается некоторый дефицит. Наверное, я тоже часть его инвестиции.

– Наверное, – я продолжал возражать, сам толком не понимая, почему так упорно пытаюсь ее отговорить. – Ты же понимаешь, что это вряд ли поможет, если за тобой придет «Клин»?

– А что, это вероятно?

– Вполне ве… – я вздохнул. – Да нет, не очень. У Карреры, скорее всего, имеется резервная копия где-нибудь в укромном хранилище, но, что он мертв, поймут не сразу. И еще больше времени уйдет, чтобы получить разрешение на переоблачение. И даже если он доберется до Дангрека, там не осталось никого, кто мог бы рассказать ему о происшедшем.

Она вздрогнула и отвернулась.

– Я должен был это сделать, Таня. Мы должны были замести следы. Уж ты-то должна это понимать.

– Что? – ее взгляд снова обратился ко мне.

– Я говорю… Уж ты-то должна понимать, – я выдержал ее взгляд. – Ведь именно это пришлось сделать в прошлый раз тебе. Так ведь?

Она снова непроизвольно отвела глаза. С ее сигареты сорвалась струйка дыма, которую тут же подхватил ветер.

Я наклонился вперед, в повисшую между нами тишину:

– Теперь это уже почти не имеет значения. У тебя нет нужных навыков, чтобы взорвать нас где-нибудь на полпути к Латимеру, а после того, как мы туда доберемся, ты меня больше уже никогда не увидишь. Не увидела бы. А вот теперь, оказывается, ты с нами и не летишь. Как я и сказал, мне любопытно.

Ее рука шевельнулась, словно сама собой. Таня затянулась, механически выдохнула дым. Ее глаза были устремлены на что-то невидимое с того места, где сидел я.

– Как давно ты об этом знаешь?

– Как давно? – я задумался. – Честно говоря, мне кажется, я знал с того самого дня, как мы вытянули тебя из лагеря. Не мог определить, что именно, но понимал, что что-то не так. Кто-то уже пытался вытащить тебя до нас. Комендант лагеря случайно обмолвился об этом перед тем, как снова уйти в отключку.

– Какая нетипичная для него разговорчивость, – снова затянувшись, она с шумом выпустила дым сквозь стиснутые зубы.

– Ну что ж поделаешь. Потом еще, разумеется, эти твои приятели на рекреационном уровне «Мандрейк». Вот тут мне, конечно, надо было все сразу просечь. Это ж старый как мир проститутский трюк. Взять лоха за член, завести в темный переулок и сдать на руки сутенеру.

Она дернулась. Я выдавил усмешку:

– Извини. Фигура речи. Просто чувствую себя дураком. Скажи-ка, а ствол, приставленный к твоей голове, – это было как, для отвода глаз или всерьез?

– Не знаю, – она покачала головой. – Это были бойцы революционной гвардии. Боевики Кемпа. Они прикончили Дэна, когда он напал на их след. Убили, сожгли стек и продали тело на запчасти. Рассказали мне об этом, пока мы ждали тебя. Может, чтобы напугать, не знаю. Думаю, они скорее пристрелили бы меня, чем отпустили.

– Да уж, они были зашибись как убедительны. Но ты все равно их вызвала, да?

– Да, – сказала она самой себе, будто впервые осознавая

истину. – Вызвала.

– Не хочешь объяснить почему?

Она еле заметно шевельнулась, то ли слегка качнув головой, то ли просто поежившись.

– Ладно. Не хочешь хотя бы объяснить *как*?

Она взяла себя в руки и посмотрела на меня:

– Кодированный сигнал. Договорилась с ними, когда вы с Яном ходили примериваться к «Мандрейк». Сказала ждать отмашки и позже позвонила из своей комнаты в Башне, когда уже была уверена, что мы точно отправляемся в Дангрек, – по ее лицу скользнула улыбка, но голос оставался бесстрастным, как у машины. – Оформила заказ на нижнее белье. По каталогу. Под видом номера – локационный код. Элементарщина.

Я кивнул:

– Ты всегда была кемписткой?

Она нетерпеливо поерзала.

– Я не местная, Ковач. У меня нет никаких политических… У меня здесь нет никаких *прав* на политические пристрастия, – она метнула на меня сердитый взгляд. – Но бога ради, Ковач. Это же все-таки их долбаная планета, так ведь?

– Смахивает на политические пристрастия, как по мне.

– Ну да, здорово, наверное, не иметь никаких убеждений, – она сделала еще несколько затяжек, и я заметил, что ее рука слегка дрожит. – Хотела бы я быть таким же высокомерным безразличным морализатором, как ты.

– Ну это легко нарабатывается, Таня, – я почувствовал, что невольно начинаю оправдываться. – Поработай военным советником у Джошуа Кемпа, когда Индиго-сити разрывают на части массовые беспорядки. Не забыла еще милашек ингибиторов, которых на нас напустил тогда Каррера? Первый раз я увидел их в действии на Санкции IV, когда гвардейцы Кемпа применили их во время протестов торговцев артефактами в Индиго-сити за год до начала войны. Максимальная мощность, непрерывный разряд. Никакой пощады эксплуататорским классам. Поучаствуешь несколько раз в разгоне беспорядков и сразу станешь довольно-таки безразличной.

– И ты, значит, решил переметнуться, – в ее голосе звучало такое же презрение, что я слышал тем вечером в баре, когда она спровадила Шнайдера.

– Ну не сразу. Какое-то время я раздумывал, не убить ли Кемпа, но это того не стоило. Его место бы занял какой-нибудь родственник или другая сука из верхушки. А на ту пору уже стало более-менее очевидно, что война неизбежна. Как говорит Куэлл, эти вещи должны идти своим гормональным путем.

– И это и есть твой способ выжить? – прошептала она.

– Таня. Я с тех пор только и делал, что пытался выбраться.

– Я… – она содрогнулась. – Я же видела все своими глазами, Ковач. В Лэндфолле, во время перестрелки в офисе того промоутера, в Башне «Мандрейк», на побережье в Дангреке, где ты расправился со своими же собственными товарищами. Я… я завидовала тебе. Тому, как ты можешь уживаться сам с собой.

Не найдясь с ответом, я схватился за свой кофе с виски. Вардани, похоже, не заметила моего замешательства.

– А я вот не могу, – беспомощный, обороняющийся жест. – Я не могу выкинуть их всех из головы. Дхасанапонгсакула, Арибово, остальных. Я даже, по большей части, не видела, как они умирали, но они… все продолжают… – она с усилием сглотнула подступивший к горлу ком. – Как ты понял?

– А вот сейчас не отказался бы от сигареты.

Она безмолвно вручила мне пачку. Я прикурил и затянулся, но никакого облегчения не почувствовал. Организм был так измотан радиацией и препаратами Роспиноджи, что было бы удивительно, если бы облегчение вдруг наступило. Привычное действие слегка успокаивало нервы, только и всего.

– Интуиция посланников работает иначе, – сказал я медленно. – Как я уже говорил, было понятно, что что-то не так. Просто не хотелось в это верить. Ты, кхм, ты производишь хорошее впечатление, Таня Вардани. Какая-то часть меня отказывалась верить, что это ты. Даже после того, как ты устроила саботаж в грузовом отсеке.

– Вонгсават сказала… – начала она.

– Да, я знаю. Она до сих пор считает, что это дело рук Шнайдера. Я ее не разубеждал. Я и сам практически не сомневался, что это Шнайдер, после того как он дал деру. Как я уже сказал, *не хотелось* думать, что это могла сделать ты. Когда подозрение пало на Шнайдера, я нацелился на него, как самонаводящаяся ракета. Тот момент, когда я его вычислил в причальном доке. Знаешь, что я почувствовал? Облегчение. Загадка решена, и не надо думать, кто еще может быть причастен. Как тебе такое безразличие, а?

Она не ответила.

– Но оставалась куча ниточек, которые не позволяли объяснить все одним Шнайдером. И подготовка посланника фиксировала странности до тех пор, когда их уже стало невозможно игнорировать.

– Например?

– Например, вот это, – я вытряхнул из кармана портативный стек данных. Мембрана легла на стол, и в проекторе

инфокатушки закружились гранулы света. – Очисти экран, будь добра.

Она с любопытством взглянула на меня, затем наклонилась и сгребла инфогранулы в верхний левый угол катушки. Этот жест воскресил в памяти часы, которые я провел за экранами ее мониторов, наблюдая, как она работает. Я кивнул и улыбнулся:

– Интересная манера. Остальные, как правило, сметают их вниз. Наверное, такой жест представляется более окончательным, дает большее удовлетворение. А ты нет. Ты смахиваешь их вверх.

– Вычинский. Это его привычка.

– Ты у него подхватила?

– Не знаю, – она пожала плечами. – Возможно.

– А ты, случайно, не Вычинский?

Она даже усмехнулась:

– Нет, не он. Я работала с ним в Брэдбери и на Земле Нкрумы, но я вдвое его моложе. С чего тебе такое пришло в голову?

– Да ни с чего. Мелькнула такая мысль. Просто в киберсекс-виртуальности… В том, как ты изменила внешность, прослеживался мужской вкус. Ну вот и подумалось. Кто лучше мужчины знает, как воплотить мужскую фантазию?

Она улыбнулась:

– Неверно, Такеси. Наоборот. Кто лучше женщины знает, как воплотить мужскую фантазию?

На долю мгновения между нами промелькнула искра какого-то тепла – и тут же угасла, едва успев появиться. Улыбка Вардани стерлась:

– Так о чем ты говорил?

Я указал на катушку:

– В таком виде ты ее оставляешь, когда выключаешь. В таком виде ты ее оставила в каюте траулера. Наверное, после того как закрыла портал перед носом Дхасанапонгсакула и его коллег, и после того как прикончила и сбросила в сетях за борт тех двоих, что ждали на траулере. Я ее увидел утром после вечеринки. Тогда не обратил внимания, но, как я и сказал, именно так и работает подсознание посланника. Подбирает деталь за деталью, пока из них не начнет складываться единая картина.

Она пристально смотрела на инфокатушку, но я все равно заметил, как по ее телу прошла дрожь, когда я упомянул имя Дхасанапонгсакула.

– Стоило начать искать в этом направлении, сразу стали попадаться и другие детали. Коррозионные гранаты в грузовом отсеке. Да, естественно, это Шнайдер отключил бортовые мониторы на «Нагини», но ты же с ним спала. Старая любовь не

ржавеет. Думаю, тебе было не сложнее подбить его на это, чем заманить меня на рекреационный уровень в «Мандрейк». Сначала я никак не мог увязать одно с другим, ведь ты так хотела доставить по назначению заявочный буй. Зачем сначала выводить буи из строя, а потом так стараться установить уцелевший?

Она судорожно кивнула. Ее мысли все еще были в основном заняты Дхасанапонгсакулом. Я говорил в пустоту.

– Это казалось бессмысленным, пока я не вспомнил, что еще было уничтожено. Не буи. Аппаратура УЛПиО. Ты не оставила ни одного комплекта. Ведь в этом случае никто бы не смог загрузить Дхасанапонгсакула и остальных в виртуал и выяснить, что с ними произошло. Конечно, в конце концов мы бы доставили их в Лэндфолл и все узнали. Но. Ты же не планировала, что мы вернемся?

Это заставило ее очнуться. Усталые глаза взглянули на меня сквозь завитки дыма.

– Знаешь, когда все более-менее встало на свои места? – я глубоко вдохнул порцию собственного дыма. – На обратном пути к порталу. Штука в том, что я был почти уверен, что, когда до него доберусь, он окажется закрыт. Я не сразу понял, почему так считаю, но мне так казалось. Они вошли в портал – и он закрылся за ними. Как это могло случиться и почему бедняга Дхасанапонгсакул оказался снаружи в одной футболке? И тут я вспомнил водопад.

Она ошарашенно поморгала:

– Водопад?

– Ага. Любой нормальный человек после секса столкнул бы меня в водопад и рассмеялся. На пару со мной. А ты вместо этого заплакала, – я стал изучать кончик сигареты, словно он меня заинтересовал. – Ты стояла у портала вместе с Дхасанапонгсакулом и толкнула его внутрь. И закрыла портал. Ведь чтобы его закрыть, двух часов не надо, правильно, Таня?

– Не надо, – прошептала она.

– Ты уже тогда думала, что и со мной придется проделать то же самое? Тогда, у водопада?

– Я… – ее голова качнулась. – Не знаю.

– Как ты убила тех двоих с траулера?

– Парализатор. Потом сети. Они утонули прежде чем пришли в сознание, – она прочистила горло. – Потом я вытащила их – собиралась, не знаю, похоронить где-нибудь. Может, даже выждать несколько дней и подтащить к порталу, попытаться его открыть, чтобы сбросить их к остальным. Я запаниковала. Не могла там оставаться, гадая, а вдруг Арибово и Вэн найдут способ снова открыть портал, прежде чем у них закончится воздух.

Она взглянула на меня с вызовом.

– Не то чтобы я на самом деле в это верила. Я же археолог, я знаю, как… – она помолчала. – Я бы и сама не успела его открыть, чтобы их спасти. Просто… Портал… То, что он значил. Сидеть там, на траулере, зная, что они находятся буквально по другую сторону. Задыхаются. За миллионы километров от меня и одновременно прямо в той пещере. Так близко. Словно там меня поджидало нечто огромное.

Я кивнул. На берегу в Дангреке я рассказал Вардани и Вонгсават о вмурованных в стены марсианского корабля трупах, которые обнаружил, пока мы с Каррерой охотились друг за другом. Но не рассказал ни одной из них о последних тридцати минутах пребывания на борту, о том, что я там видел и слышал, шагая обратно в гулкой пустоте причального дока с импеллер-байком Карреры на плечах, о тенях, кружившихся вокруг меня до самого входа в портал. Какое-то время спустя мое поле зрения сузилось до размытого светового пятна, видневшегося во мраке впереди, и я не решался смотреть по сторонам, боясь того, что могу там увидеть, что может таиться там, протягивая ко мне свою когтистую руку. Я просто плыл на свет, почти не веря, что все еще вижу его, с ужасом ожидая, что в любую секунду он исчезнет, оставив меня в темноте.

Тетраметовые галлюцинации, сказал я себе позже, и на таком объяснении и предпочел остановиться.

– Ну а почему ты не ушла на траулере?

Она снова покачала головой и затушила сигарету.

– Запаниковала. Я вырезала стеки у тех двоих в сетях, и тут просто… – Она содрогнулась. – Как будто на меня кто-то смотрел. Я снова сбросила их за борт, зашвырнула стеки подальше в море. А потом просто сбежала. Даже не попытавшись взорвать пещеру или замести следы. Шла пешком до самого Заубервиля, – ее голос неуловимо изменился. – Последние пару километров меня подвез на наземной машине один парень. Молодой парень с двумя детьми, возвращался домой после гравиглайдинга. Наверное, они все теперь мертвы.

– Да.

– Я… Заубервиль находился слишком близко. Я отправилась на юг. Когда Протекторат подписал соглашение, я находилась в окрестностях Буткинари. Шла с колонной беженцев, когда меня взяли солдаты Картеля. Бросили нас всех в лагерь. Тогда мне это показалось воздаянием.

Она нашарила новую сигарету и сунула в рот. Покосилась на меня:

– Что, не смешно?

– Нет, – я залпом выпил кофе. – Удивляет выбор места. Что ты делала возле Буткинари? Почему не отправилась обратно в Индиго-сити? Ты же кемпистка, и всякое такое.

Она состроила гримасу:

– Не думаю, что кемписты бы мне обрадовались, Такеси. Я убила всех членов их экспедиции. Такое нелегко было бы объяснить.

– Кемписты?

– Ну да, – в ее тоне невольно проскочила нота веселого удивления. – А кто, ты думаешь, финансировал это предприятие? Вакуумные костюмы, буровые установки, строительное оборудование, аналоговые модули, системы обработки данных для портала. Сам посуди, Такеси. Мы же стояли на пороге войны. Откуда, ты думаешь, мы все это взяли? Кто, по-твоему, стер сведения о портале из лэндфолльского архива?

– Как я и сказал, – пробормотал я, – думать об этом как раз не хотелось. Значит, это была кемпистская затея. Так почему ты их убила?

– Я не знаю, – она дернула рукой. – Показалось, что так надо. Я не знаю, Ковач.

– Объяснение не хуже прочих, – я раздавил окурок, подавил искушение взять еще одну сигарету, после чего все-таки взял. Смотрел на Вардани и ждал.

– Это… – она запнулась, покачала головой, начала снова, раздраженно и тщательно выговаривая слова. – Мне казалось, я на их стороне. Все было логично. Мы понимали друг друга. В руках Кемпа корабль станет козырем, с которым Картелю придется считаться. Это могло принести нам победу в войне. Бескровную победу.

– Угу.

– Потом выяснилось, что перед нами военный корабль. Арибово нашла в носовой части орудийную батарею. Ошибиться с идентификацией было практически невозможно. Потом еще одну. Я, кхм… – она замолчала и выпила воды; затем снова прочистила горло. – Они изменились. Практически на глазах, все. Даже Арибово. Раньше она была не такая… Они как будто стали одержимыми. Словно их поработило чье-то чужое сознание, как в хоррор-эксперии. Точно что-то вышло из портала и… – еще одна гримаса. – Наверное, я никогда их толком не понимала. Двое на траулере – они были из партийного руководства, их я вообще не знала. Но теперь все заговорили как под копирку. О том, что можно сделать. О неизбежности. О революционной *необходимости*. Уничтожить Лэндфолл с орбиты. Включить двигатели – они уже думали о сверхсветовых скоростях, – и

перенести войну на Латимер. Устроить там бомбардировки планетарного масштаба: Латимер-сити, Портосент, Суфриер… Разрушить все, как Заубервиль, пока Протекторат не капитулирует.

– И что, они могли это сделать?

– Возможно. Системы, найденные на Земле Нкрумы, оказались довольно просты в обращении, достаточно усвоить азы. Если этот корабль был хоть в чем-то похож… – она дернула плечом. – Но он не был. Тогда мы этого не знали. Они полагали, что могли. В этом и дело. Козыри их не интересовали. Они хотели получить боевую машину. И я дала им ее. Они радовались убийству миллионов людей, как хорошей шутке. Обсуждали это вечерами под выпивку. Распевали сраные революционные песни. Прятались за риторикой. Все то говно, что льется с правительственных каналов, только развернутое на сто восемьдесят градусов. Громкие лозунги, политическая теория – все для того, чтобы оправдать применение машины убийства планетарного калибра. И все это дала им я. Не думаю, что без меня они смогли бы снова открыть портал. Они же были всего-навсего скребунами. Я была им нужна. Никого другого они найти не смогли, все мастера Гильдии уже давно лежали в криокапсулах лайнеров и держали курс на Латимер, или же затаились где-нибудь в Лэндфолле, ожидая оплаченной Гильдией гиперпереброски. Вэн и Арибово разыскали меня в Индиго-сити. Умоляли о помощи. И я помогла, – в ее лице, обращенном ко мне, я видел что-то вроде мольбы. – Я дала им ее.

– Но ты же забрала ее обратно, – сказал я мягко.

Ее пальцы нервно бегали по столу. Я накрыл ее руку своей.

– Ты и с нами собиралась поступить так же? – спросил я, дождавшись, пока она немного успокоится.

Она попыталась отнять руку, но я не отпустил.

– Это теперь не имеет значения, – сказал я с нажимом. – Все уже произошло, теперь с этим придется жить. Так это делается, Таня. Просто признайся, что это правда. Если не мне, то хотя бы себе.

Ее лицо осталось неподвижным, но в уголке глаза набухла слеза.

– Не знаю, – прошептала она. – Я просто пыталась выжить.

– Сойдет, – ответил я.

Мы сидели, молча держась за руки, пока официант под действием какого-то извращенного импульса вдруг не пришел узнать, не нужно ли нам что-нибудь еще.

* * *

Позже, на обратном пути, мы снова прошли мимо свалки железа и вмурованного в цементную стену марсианского артефакта. Перед глазами вновь возникли застывшие в агонии марсиане, поглощенные пузырящимися стенами собственного корабля. Тысячи марсиан повсюду, куда хватает глаз, до самого темного горизонта астероидной громады судна; тонущая раса ангелов, бьющих крыльями в последней безумной надежде избежать той неведомой катастрофы, которая постигла корабль в разгаре боя.

Покосившись на Таню Вардани, я вдруг понял с ясностью эмпатинового прихода, что и перед ее глазами стоит та же самая картина.

– Надеюсь, он сюда не прилетит, – пробормотала она.

– Кто?

– Вычинский. Когда новости дойдут до него, он захочет приехать, посмотреть на нашу находку. Думаю, то, что он увидит, может его уничтожить.

– А что, ему дадут приехать?

Она пожала плечами.

– Трудно будет помешать, если он по-настоящему захочет сюда добраться. Его списали на пенсию, и все последнее столетие у него какая-то синекура в Брэдбери, но у него по-прежнему есть тайные сторонники в Гильдии. Ореола его славы еще вполне хватает. Плюс чувства вины за то, как с ним обошлись. Кто-нибудь сделает одолжение и устроит гиперпереброску как минимум до Латимера. Ну а там… его личных средств еще вполне хватит на то, чтобы продолжить путь самостоятельно, – она покачала головой. – Но это его убьет. Его ненаглядные марсиане, сражающиеся и гибнущие целыми когортами, совсем как люди. Массовые убийства; бюджеты целых планет, вбуханные в военные машины. Это ломает все его представления.

– Ну, они все-таки племя хищников.

– Да *я знаю*. Хищники получают интеллектуальное преимущество, хищники занимают доминирующее положение, хищники двигают эволюционный процесс, создают цивилизацию и покоряют космос. Все та же старая задолбавшая песня.

– Все та же старая задолбавшая Вселенная, – мягко возразил я.

– Да просто…

– По крайней мере они воевали не друг с другом. Ты сама говорила, что второй корабль был не марсианским.

– Да, но не знаю. На марсианский он, конечно, не похож. Ну а чем это лучше? Сплотить свою расу для того, чтобы пойти и надрать задницу какой-то другой? Неужели они не могли

преодолеть этот этап развития?

– Похоже, не могли.

Она не слушала, невидящим взглядом уставившись на вмурованный артефакт:

– Они, наверное, осознавали, что на них надвигается смерть. Это явно что-то инстинктивное, попытка улететь. Как попытка убежать от падающей бомбы. Или загородиться руками от летящей пули.

– И тогда корпус, что, начал таять?

Она опять медленно покачала головой.

– Не знаю, не похоже. Я об этом думала. У орудий, которые мы видели, было какое-то более фундаментальное действие. Они меняли… – она покрутила руками, – не знаю, *длину волны* материи? Что-нибудь гиперпространственное? Что-то за пределами трехмерности? Такое создавалось ощущение. Я думаю, корпус исчез. Думаю, они оказались в открытом космосе – все еще живые, потому что корабль в каком-то смысле оставался там же, где и был, но они понимали, что он вот-вот исчезнет окончательно. И думаю, тогда и попытались улететь.

Я слегка поежился, вспоминая увиденное.

– Наверное, самую серьезную атаку мы не застали, – продолжала Таня. – То, что видели мы, и близко на нее не похоже.

Я хмыкнул:

– Ну да, у автоматики же были в распоряжении сотни тысяч лет, чтобы поработать над битвой. Понятно, что сейчас она довела свои действия до уровня искусства. Слышала, что сказал Хэнд перед тем, как все пошло вразнос?

– Нет.

– Он сказал: «Вот что убило остальных». Того, что мы нашли в коридоре, но и прочих тоже. Вэна, Арибово, других членов команды. Вот поэтому они оставались снаружи до тех пор, пока не кончился воздух. С ними случилось то же самое, так ведь?

Она остановилась и посмотрела мне в лицо:

– Послушай, но если это так…

Я кивнул:

– Вот-вот. Я тоже так подумал.

– Мы же рассчитали кометарную траекторию. По счетчикам с глифами, а потом, для верности, с помощью наших инструментов. Период вращения составил двенадцать тысяч стандартных лет, плюс-минус. Если с командой Арибово произошло то же самое, значит…

– Значит, было еще одно пересечение, с другим военным кораблем. Год-полтора назад. И кто знает, какая орбита у этого

судна.

– Статистически… – выдохнула она.

– Именно. Вот и тебе это пришло в голову. Какова статистическая вероятность того, что двум экспедициям с интервалом в полтора года одинаково не повезет пересечься с двумя разными кораблями?

– Астрономически малая.

– Это еще скромная оценка. Такое совпадение практически невозможно.

– Если только…

Я опять кивнул, улыбнувшись при виде того, как по мере своих рассуждений она на глазах начинает заряжаться энергией.

– Точно. Если только там вокруг не летает столько всего, что подобная встреча – событие очень частое. То есть, иными словами, если мы не имеем дело с циклически повторяющимися фрагментами сражения в масштабе целой планетной системы.

– Такое мы бы заметили, – возразила она неуверенно. – Кто-нибудь уже обнаружил бы их.

– Вряд ли. Расстояния немаленькие, и даже пятидесятикилометровый корабль – штука довольно скромная по астероидным стандартам. Да и помимо всего прочего – мы же не искали. Как только мы сюда прилетели, то зарылись носом в землю, хватая все, что неглубоко лежит, и все, что можно побыстрее продать. Окупаемость инвестиций. Вот девиз Лэндфолла. Мы и думать забыли, что можно искать в каком-то другом направлении.

Она рассмеялась – по крайней мере, было на это похоже:

– А ты *сам-то*, часом, не Вычинский, а, Ковач? А то временами буквально повторяешь его слова.

Я изобразил еще одну улыбку:

– Нет, и я тоже не Вычинский.

В кармане загудел телефон, который дал мне Роспиноджи. Я потянулся за ним, морщась от боли в локте.

– Да?

– Это Вонгсават. Ребята закончили. Можем улететь сегодня вечером, если хочешь.

Я бросил взгляд на Вардани и вздохнул:

– Да. Хочу. Через пару минут буду.

Убрав телефон, я снова зашагал вперед. Вардани двинулась следом.

– Эй, – окликнула она.

– М-м-м?

– Вот это про поиск в другом направлении? Вместо того чтобы копаться в земле? Это откуда вдруг взялось, мистер «я не

Вычинский»?

– Не знаю, – пожал плечами я. – Может быть, с Харлана. Это единственное место во всем Протекторате, где, думая о марсианах, приходится смотреть вверх, а не вниз. Разумеется, у нас тоже есть раскопки и археологические находки. Но единственное, что напоминает о марсианах постоянно, это орбитальники. Они кружат над головой каждый день твоей жизни, словно ангелы, сжимающие в нервных пальцах меч. Часть ночного неба. Все, что мы обнаружили здесь, вообще-то совсем меня не удивляет. Давно пора.

– Да.

Энергия, которая снова возвратилась к ней, слышалась теперь и в ее голосе, и я понял, что с ней все будет в порядке. В какой-то момент мне казалось, что она отказалась лететь с нами по другой причине; что осесть здесь и ждать конца войны было каким-то непонятным наказанием, к которому она сама себя приговорила. Но энтузиазм, который сейчас прозвучал в ее голосе, говорил об обратном.

С ней все будет в порядке.

Возникло чувство, что подходит к концу долгое путешествие. Совместное приключение, которое началось с близкого контакта с применением техник психического восстановления – в украденном шаттле, на другой стороне планеты.

Словно сходила корка с зажившей ссадины.

– Один вопрос, – сказал я, когда мы оказались на запыленной извилистой улице, ведущей вниз, к захудалой посадочной площадке Участка 27. Там мерцало маскировочное поле цвета песка, накрывшее клиновский линкор. Мы посмотрели на него.

– Да?

– Что мне делать с твоей долей?

Она коротко рассмеялась, на этот раз уже по-настоящему.

– Перебрось по гиперсвязи. Одиннадцать лет, так? Будет что предвкушать.

– Ну-ну.

На посадочной площадке из-под камуфляжа вдруг вынырнула Амели Вонгсават и, приложив ладонь козырьком к глазам, посмотрела на нас. Я поднял руку и помахал ей, после чего начал спускаться – навстречу линкору и предстоящему долгому пути.

ЭПИЛОГ

«Доблесть Энгины Чандры» срывается с плоскости эклиптики и направляется в глубокий космос. Корабль уже летит быстрее, чем может представить человек, но даже это слишком медленно, по межзвездным стандартам. На полной мощности он достигает лишь доли околосветовой скорости, с которой сюда направлялись баржи колонистов сто лет назад. «Чандра» не предназначен для полетов в глубоком космосе; его строили не для этого. Но у него навигационные системы «Нуханович», и рано или поздно он доберется до своей цели.

Здесь, в виртуальности, связь с внешним миром исчезает. Подрядчики Роспиноджи потрудились на совесть. У нас тут побережье – исхлестанный ветрами и волнами известняк, сползающий к самой кромке воды и похожий на наслоения оплавленного воска у основания свечи. Террасы залиты до того ослепительным солнечным светом, что на них невозможно смотреть без темных очков, а блики на поверхности моря сливаются в одно сплошное сияние. Прямо с берега можно шагнуть в пятиметровую глубину кристально-чистой воды, в прохладу, которая смывает с кожи пот, точно старую одежду сбрасываешь. Разноцветные рыбешки снуют среди кораллов, что причудливыми крепостями возвышаются над бледным песком.

У нас тут дом – просторный и старый, спрятавшийся между холмами и похожий на за́мок, с которого кто-то срезал верхушку. Эту плоскую крышу, окруженную с трех сторон балюстрадой, украшают выложенные мозаикой патио. Задняя дверь дома ведет прямо к холмам. Внутри достаточно места, чтобы каждый из нас мог уединиться, а вместе провести время можно в кухне и столовой. В доме часто слышится музыка – ненавязчивая классическая гитара с Адорасьона или поп из Латимер-сити. Большая часть стен занята книжными полками.

Днем температура поднимается настолько, чтобы возникло желание залезть после завтрака на пару часов в море. По вечерам становится прохладно, надо надевать легкий свитер или куртку, чтобы посидеть на крыше, глядя на звезды, как мы все любим. Ночное небо отличается от того, что в тот же момент видно из кабины пилота на «Доблести Энгины Чандры» – один из техников рассказал мне, что формат сконструирован на основе оригинала из земных архивов. Никому из нас до этого нет особенного дела.

Не худшая жизнь после смерти. Может, не дотягивает до стандартов, какого-нибудь Хэнда, например, доступ недостаточно ограничен, – но так ведь и разрабатывали его простые смертные. И

она всяко лучше той жизни после смерти, где заперт сейчас мертвый экипаж «Тани Вардани». Если, как утверждает Амели Вонгсават, «Чандра» из-за опустевших палуб и коридоров похож на корабль-призрак, он все равно куда безобиднее того, что оставили нам марсиане по ту сторону портала. Если я и призрак, обитающий в стенах линкора и со скоростью электрона ползающий по его электроцепям, то у меня жалоб нет.

Но время от времени по вечерам, окидывая взглядом деревянный стол, уставленный опустевшими бутылками и трубками, я жалею о том, что здесь сидят не все. Особенно я скучаю по Крукшенк. Депре, Сунь и Вонгсават – отличная компания, но у них нет той грубоватой жизнерадостности лаймонки, которой она орудовала в разговорах, как дубиной. И, разумеется, в отличие от нее никто из них не хочет заняться со мной сексом.

Сутьяди тоже нет с нами. Только его стек я не уничтожил в Дангреке. Перед вылетом с Участка 27 мы попробовали его загрузить, и перед нами предстал безумец. Мы стояли вокруг него в прохладном, отделанном мрамором дворике виртуала, а он не узнавал никого. Он кричал, что-то неразборчиво лепетал, пускал слюни и испуганно сжимался, когда кто-нибудь пытался до него дотронуться. В конце концов мы его отключили, после чего удалили и тот вирт, теперь он вызывал у всех самые безрадостные ассоциации.

Сунь что-то пробормотала насчет психохирургии. В моей голове живо воспоминание о клиновском сержанте-подрывнике, которого слишком часто переоблачали, так что я настроен не слишком оптимистично. Но к услугам Сутьяди будет вся психохирургия Латимера. Я плачу.

Сутьяди.

Крукшенк.

Хансен.

Цзян.

Кому-то может показаться, что мы легко отделались.

Иногда, сидя под ночным небом в компании Люка Депре и бутылки виски, я почти что согласен с этим.

* * *

Время от времени Вонгсават исчезает. За ней в антикварном аэроджипе с мягкой крышей приезжает конструкт в строгом костюме, стилизованный под бюрократа периода первопоселенцев Дома Хань. К вящему веселью всех присутствующих, он

тщательно пристегивает ее ремнями безопасности, после чего они отправляются к холмам, расположенным за домом. Как правило, она отсутствует не больше получаса.

Разумеется, в пересчете на реальное время это пара дней. Спецы Роспиноджи замедлили для нас бортовой вирт, насколько могли. Наверное, такой заказ у них был впервые: обычно клиенты хотят разогнать виртуальное время в десятки или сотни раз по отношению к реальному. Но им не нужно пересидеть одиннадцать лет в полной праздности. Мы проживем перелет в сто раз быстрее, чем в реальности. Недели на мостике «Чандры» для нас проходят за часы. Мы окажемся в системе Латимера к концу месяца.

Проще на самом деле было бы провести все это время во сне, но Каррера знал человеческую природу не хуже прочих стервятников, слетевшихся к парализованноой туше Санкции IV. Как и все суда, на которых потенциально можно сбежать из зоны военных действий, линкор оснащен одной-единственной аварийной криокапсулой для пилота. Притом и капсула-то не из лучших: когда Вонгсават выходит в реальность, то дольше всего возится с разморозкой и повторной заморозкой из-за переусложненных криосистем. Бюрократ Дома Хань – это изощренная шутка, придуманная Сунь Липин и записанная в формат после одного вечера, когда Вонгсават, вернувшись в очередной раз, кляла на чем свет стоит тупость криокапсульного процессора.

Вонгсават, конечно, преувеличивает – человеку, жизнь которого в основных аспектах настолько близка к идеальной, свойственно раздражаться из-за мелких пустяков. Как правило, она успевает вернуться прежде, чем остынет ее кофе, а все системные проверки пока что оказывались чистой перестраховкой. Навигационные системы «Нуханович». Как однажды сказала Сунь на борту марсианского корабля, – лучше не бывает.

Я напомнил ей об этих словах пару дней назад, когда мы качались на волнах аквамаринового моря неподалеку от мыса, щурясь от солнца. Она почти забыла, что когда-то их произнесла. Все, что произошло на Санкции IV, уже начинает казаться бесконечно далеким. В жизни после смерти, похоже, теряется чувство времени, а может быть, пропадает желание его чувствовать. Любой из нас может заглянуть в базу данных формата и узнать, сколько мы уже в нем провели и когда прибудем в место назначения, но, судя по всему, никому не хочется. Предпочитаем неопределенность. Мы знаем, что на Санкции IV успели пройти годы, но сколько именно – кажется неважным, да и, наверное, не только кажется. Возможно, война уже подошла к концу, началась борьба за мир. А может, и нет. Трудно заставить

себя проявить хоть какой-то интерес. События мира живущих нас не касаются.

По большей части.

Иногда я думаю о том, что сейчас делает Таня Вардани. Гадаю, не на марсианском ли она дредноуте, не склоняет ли над глифами усталое и сосредоточенное лицо новой оболочки? Гадаю, сколько еще таких дредноутов кружит там, периодически пересекаясь со своими древними врагами и уплывая обратно в ночь, предоставляя машинам залечить раны и подготовить корабль к следующей атаке. Гадаю, с чем еще нам доведется столкнуться в этих густонаселенных небесах, когда мы перенесем свои поиски туда. А изредка думаю о том, что марсина вообще там делали. За что сражались возле ничем не примечательной мелкой звезды, и стоило ли оно того в итоге, по их мнению.

А еще реже я думаю о том, что буду делать, когда мы доберемся до Латимера, но все детали кажутся нереальными. Куэллисты будут ждать рапорта. Они захотят узнать, почему я не смог использовать Кемпа в соответствии с их стратегическими планами на сектор Латимера, почему перешел на другую сторону в критический момент и – хуже всего – почему все бросил, а ситуация не улучшилась по сравнению с тем, какой была до того, как меня отправили в Санкцию пробоем. Наверное, они рассчитывали на другое, когда нанимали меня.

Что-нибудь придумаю.

Оболочки у меня сейчас нет, но это мелочи. Зато есть десять миллионов ооновских долларов в банках Латимера; есть небольшая команда закаленных в боях солдат спецподразделений, а один из них может похвастаться кровными связями с выдающейся военной династией Латимера. Найти психохирурга для Сутьяди. Слетать на Лаймонское нагорье и сообщить семье Иветты Крукшенк о ее смерти, пусть это и будет трудно. А еще наведаться к поросшим серебристой травой руинам Инненина и попытаться услышать отголоски того, что я нашел на борту «Тани Вардани».

Вот чем я собираюсь заняться в первую очередь, когда вернусь из мертвых. Если у кого-то с этим проблемы, пусть встают в очередь.

В какой-то мере мне уже не терпится, чтобы этот месяц побыстрее закончился.

Ну ее к чертям, эту вашу жизнь после смерти.